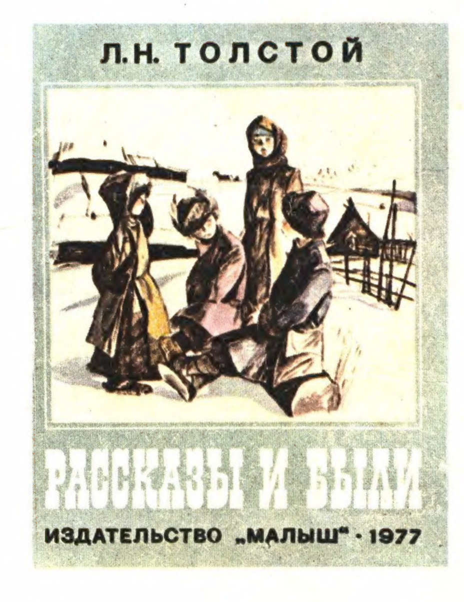
ХРЕСТОМАТИЯ ПО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

ДЕТЯМ О ЛЕНИНЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ"·1977

В. МАЯКОВСКИЙ
ДЕТЯМ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

А·С·ПУШКИН
СКАЗКИ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МАЛЫШ»
1977

Л.Н. ТОЛСТОЙ
РАССКАЗЫ И БЫЛИ
ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ" · 1977

АГНИЯ БАРТО
ДЕТЯМ

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ
БЫЛЬ ДЛЯ ДЕТЕЙ
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

Корней Чуковский
ЧУДО-ДЕРЕВО

С. МАРШАК
РАЗНОЦВЕТНАЯ
КНИГА
РИСУНКИ
В. ЛЕБЕДЕВА

ХРЕСТОМАТИЯ ПО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Составители:
М. К. БОГОЛЮБСКАЯ,
А. Л. ТАБЕНКИНА

Издание восьмое,
переработанное и дополненное

Под редакцией **Е. Е. ЗУБАРЕВОЙ**

Рекомендовано
Министерством просвещения СССР
в качестве учебного пособия для дошкольных
педагогических училищ

МОСКВА «ПРОСВЕЩЕНИЕ» 1979

ББК 83.98
Б 74

Данное издание хрестоматии переработано и дополнено с учетом новой программы по детской литературе для дошкольных педагогических училищ и учебного пособия «Детская литература» (М., 1976).

Раздел «Устное народное творчество» обогащен текстами малых фольклорных жанров (русскими считалками и скороговорками, пестушками и потешками, пословицами и загадками, а также песенками народов СССР и народов зарубежных стран). Расширены разделы сказок народов СССР и народов мира. Раздел «Русская литература XIX и начала XX века» дополнен произведениями В. Ф. Одоевского и А. П. Чехова. Значительно обновлен и расширен материал в разделе «Советская литература», как в той части, которую составляют произведения русских писателей и поэтов, так и в той, которая включает литературу союзных республик. Сюда вошли новые произведения, посвященные общественно-политическим, нравственным и эстетическим проблемам: стихотворения, рассказы о Родине, о В. И. Ленине, о подвигах советских людей на фронтах Великой Отечественной войны, о героическом труде в мирные дни. Переработан раздел «Зарубежная литература»,— он обновлен и расширен прежде всего за счет включения значительного числа произведений современных писателей и поэтов. В хрестоматии обновлен иллюстративный материал (рисунками Ю. Коровина, В. Сутеева, М. Митурича, Н. Устинова, Ю. Молоканова и др.).

Боголюбская М. К., Табенкина А. Л.

Б74 Хрестоматия по детской литературе: Учеб. пособие для дошкол. пед. училищ / Под ред. Е. Е. Зубаревой.— 8-е изд., перераб. и доп.— М.: Просвещение, 1979.— 479 с., ил., 8 л. ил.

Хрестоматия является пособием для учащихся дошкольных педагогических училищ. Составлено пособие в соответствии с новой программой по детской литературе.

Х 60602-509 / 103(03)-79 6-79 4308020300 ББК 83.98+С61 8Ю+С61

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

РУССКОЕ УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

ПЕСЕНКИ, ПЕСТУШКИ, ПОТЕШКИ

Баю-баю, баиньки,
Купим сыну валенки,
Наденем на ноженьки,
Пустим по дороженьке.
Будет наш сынок ходить,
Новы валенки носить.

○

Баю, баю, баю-бай...
Ты, собаченька, не лай,
Белолапа, не скули,
Мою Таню не буди.
Тёмна ноченька — не спится,
Моя Танечка боится...
Ты, собаченька, не лай,
Мою Таню не пугай!

○

Уж ты, котенька-коток,
Котик — серенький лобок,
Ты приди к нам ночевать,
Нашу деточку качать.
Уж как я тебе, коту,
За работу заплачу:
Дам кувшин молока
И кусок пирога.

○

Ой, люли, мое дитятко,
Спи, усни, дитя малое!
Все ласточки спят
И касаточки спят.
Нашему Ванюше
Спать велят.

Рисунок Ю. Васнецова и К. Кузнецова.

○

Потягунушки, потягунушки!
Поперёк толстунушки,
А в ножки ходунушки,
А в ручки хватунушки,
А в роток говорок,
А в голову разумок.

○

— Ладушки, ладушки,
Где были?
— У бабушки.
— Что ели?
— Кашку.
— Что пили?
— Бражку.
Кашка масленька,
Бражка сладенька,
Бабушка добренька.
Попили, поели,
Шу, полетели!
На головку сели!
Сели, посидели,
Прочь улетели!

○

Сорока-ворона
Кашу варила,
На порог скакала,
Гостей созывала.
Гости не бывали,
Каши не едали.
Всю свою кашу
Сорока-ворона
Деткам отдала.
Этому дала,
Этому дала,
Этому дала,
А этому не дала:
— Зачем дров не пилил,
Зачем воду не носил!

○

Идёт коза рогатая,
Идёт коза бодатая,
Ножками топ-топ,
Глазками хлоп-хлоп.
Кто каши не ест,
Молока не пьёт —
Забодает, забодает, забодает.

○

— Пальчик-мальчик,
Где ты был?
— С этим братцем
В лес ходил.
С этим братцем
Щи варил,
С этим братцем
Кашу ел.
С этим братцем
Песни пел,
Песни пел!

○

Катя, Катя маленька,
Катенька удаленька,
Пройди по дороженьке,
Топни, Катя, ноженькой!

○

Водичка, водичка,
Умой моё личико,
Чтобы глазоньки блестели,
Чтобы щёчки краснели,
Чтоб смеялся роток,
Чтоб кусался зубок.

○

Расти, коса, до пояса,
Не вырони ни волоса.
Расти, косонька, до пят —
Все волосоньки в ряд.
Расти, коса, не путайся —
Маму, дочка, слушайся.

○

Тили-тили-тили-бом!
Загорелся кошкин дом.
Кошка выскочила,
Глаза выпучила.
Бежит курица с ведром,
Заливает кошкин дом.

Чики-чики-чикалочки,
Едет Ваня на палочке,
А Дуня в тележке
Щёлкает орешки.

○

Стучит, бренчит по улице:
Фома едет на курице,
Тимошка — на кошке
По кривой дорожке.

— Куда, Фома, едешь?
Куда погоняешь?

— Еду сено косить.
— На что тебе сено?
— Коровок кормить.
— На что тебе коровы?
— Молоко доить.
— А зачем молоко?
— Ребяток кормить.

○

Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Маслена головушка,
Шёлкова бородушка!
Что ты рано встаёшь,
Голосисто поёшь,
Деткам спать не даёшь?

○

— Кисонька-мурысенька,
Ты где была?
— На мельнице.
— Кисонька-мурысенька,
Что там делала?
— Муку молола.
— Кисонька-мурысенька,
Что из муки пекла?
— Прянички.
— Кисонька-мурысенька,
С кем прянички ела?
— Одна.
— Не ешь одна, не ешь одна!

○

Привяжу я козлика
К белой берёзке,

Рисунок Т. Шеварёвой.

Привяжу рогатого
К белой берёзке.
— Стой, мой козлик,
Стой, не бодайся!
Белая берёзка,
— Стой, не качайся!

○

Вдоль по реченьке лебёдушка плывёт,
Выше бережка головушку несёт.
Белым крылышком помахивает,
На цветы водицу стряхивает.

○

Полно, беленький снежочек,
На талой земле лежать.
Время, беленький снежочек,
Время таять, пропадать,
Во долинушку стекать
И сыру землю питать.

○

Солнышко-вёдрышко,
Выгляни в окошечко!
Солнышко, нарядись,
Красное, покажись!

○

Дождик-дождик,
Полно лить,
Малых детушек
Мочить!

○

Радуга-дуга,
Не давай дождя!
Давай солнышка —
Колоколнышка!

○

Ты, рябинушка
Раскудрявая,
Ты когда взошла,
Когда выросла?
Я весной взошла,
Летом выросла,
По зорям цвела,
Солнцем вызрела.

○

Жаворонки, жавороночки,
Прилетите к нам.
Принесите нам лето тёплое,
Унесите от нас зиму холодную.
Нам холодная зима наскучила,
Руки, ноги отморозила.

САД

Зеленейся, зеленейся,
Мой зеленый сад,
Расцветайте, расцветайте,
Мои алые цветочки!
Поспевайте, поспевайте,
Вкусны ягоды, скорей!

○

Во поле берёзонька стояла;
Во поле кудрявая стояла;
Некому берёзу заломати;
Некому кудряву заломати.
Я пойду во поле погуляю,

Рисунок Ю. Васнецова и К. Кузнецова

Белую берёзу заломаю,
Срежу я с берёзы три пруточка,
Сделаю из них я три гудочка.

○

Гори, гори ясно,
Чтобы не погасло,
Глянь на небо —
Птички летят,
Колокольчики звенят!
Раз, два, не воронь,
Разбежимся, как огонь!

○

Как на тоненький ледок
Выпал беленький снежок.
Выпал беленький снежок.
Ехал Ванюшка-дружок.
Ваня ехал, поспешал,
Со добра коня упал.
Он упал, упал, лежит —
Никто к Ване не бежит.
Две девушки увидали,
Прямо к Ване подбежали,
Прямо к Ване подбежали,
На коня Ваню сажали.
На коня Ваню сажали,
Путь-дорогу показали.
Путь-дорогу показали

Да наказывали:
«Как поедешь ты, Иван,
Не зевай по сторонам!»

○

Уж как я ль мою коровушку
люблю!
Уж как я ль то ей крапивушки
нажну!
Кушай вволюшку, коровушка
моя!
Ешь ты досыта, бурёнушка моя!
Уж как я ль мою коровушку
люблю!
Сытна пойла я коровушке
налью,
Чтоб сыта была коровушка моя,
Чтобы сливочек бурёнушка
дала.

○

— Тит, поди молотить!
— Брюхо болит.
— Тит, поди кисель есть!
— Где моя большая ложка?

○

— Собака, что лаешь?
— Волков пугаю.
— Собака, что хвост поджала?
— Волков боюсь.

○

— Федул, что губы надул?
— Кафтан прожёг.

Рисунок К. Кузнецова.

— Можно зашить.
— Да иглы нет.
— А велика дыра?
— Один ворот остался.

○

— Я медведя поймал!
— Так веди сюда!
— Не идёт.
— Так сам иди!
— Да он меня не пускает!

○

Федя-бредя
Съел медведя,
Упал в яму,
Крикнул маму:
«Ма-а-ма!»

СЧИТАЛКИ

Бегал заяц по болоту,
Он искал себе работу,
Да работы не нашёл,
Сам заплакал и пошёл.

○

Зайчишка-трусишка
По полю бежал.
В огород забежал,
Морковку нашёл,
Капустку нашёл.
Сидит, грызёт.
Иди прочь —
Хозяин идёт!

Катилось яблоко
Мимо сада,
Мимо сада,
Мимо града.
Кто поднимет,
Тот и выйдет.

○

За морями,
За горами,
За железными столбами,
На пригорке теремок,
На дверях висит замок.
Ты за ключиком иди
И замочек отомкни.

○

Шёл баран
По крутым горам,
Вырвал травку,
Положил на лавку,
Кто ее возьмёт —
Тот и вон пойдёт.

СКОРОГОВОРКИ

Дали Клаше каши с простоквашей,
Ела Клаша кашу с простоквашей.

Ткачи ткали ткани
На платье Тане.

На дворе трава,
На траве дрова.

Маленькая болтунья
Молоко болтала, болтала
Да не выболтала.

ЗАГАДКИ

Зимой в поле лежал,
А весной в реку побежал.
(Снег.)

Пушистая вата
Плывёт куда-то.
Чем вата ниже —
Тем дождик ближе.
(Туча.)

Без рук, без ног,
А ворота отворяет.
(Ветер.)

Крашеное коромысло
Через реку повисло.
(Радуга.)

Маленький, удаленький,
Сквозь землю прошёл,
Красную шапочку нашёл.
(Гриб.)

Летом вырастают,
А осенью отпадают.
(Листья.)

Зимой и летом
Одним цветом.
(Ель, сосна.)

В шубе летом,
А зимой раздетый.
(Лес.)

С хозяином дружит,
Дом сторожит,
Живёт под крылечком,
А хвост колечком.
(Собака.)

Скатерть бела
Всю землю одела.
(Снег.)

Зимой беленький,
Летом серенький.
(Заяц.)

Быстрый маленький зверёк
По деревьям скок-поскок.
(Белка.)

Зимой спит,
Летом ульи воротит.
(Медведь.)

Течёт, течёт — не вытечет,
Бежит, бежит — не выбежит.
(Речка.)

На шесте дворец,
Во дворце певец.
(Скворец.)

Без рук, без топорёнка
Построена избёнка.
(Гнездо.)

Кто зимой холодной
В лесу ходит злой, голодный?
(Волк.)

Сидит красная девица в темнице,
А коса на улице.

(Морковь.)

Сам алый, сахарный,
Кафтан зелёный, бархатный.

(Арбуз.)

Четыре братца
Под одной крышей стоят.

(Стол.)

Два кольца, два конца,
Посередине гвоздик.

(Ножницы.)

Не куст, а с листочками,
Не рубашка, а сшита,
Не человек, а рассказывает.

(Книга.)

Клохчет, квохчет,
Детей созывает,
Всех под крылья подбирает.

(Курица.)

Глазищи, усищи, хвостище, когтищи,
А моется всех чище.

(Кот.)

Хвост с узорами,
Сапоги со шпорами.

(Петух.)

Ползун ползёт,
Иголки везёт.

(Ёж.)

Кто на себе свой дом носит?

(Улитка.)

Чёрный, проворный,
Кричит «крак»,
Червякам — враг.

(Грач.)

Сижу меж травы,
Нагнись и сорви.

(Ягода.)

Не огонь, а жжётся.

(Крапива.)

По горам, по долам
Ходит шуба да кафтан.

(Баран.)

В воде купался,
Сух остался.

(Гусь.)

Семьдесят одёжек,
Все без застёжек.

(Капуста.)

Сидит дед,
В шубы одет,
Кто его раздевает,
Тот слезы проливает.

(Лук.)

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Декабрь год кончает, зиму начинает.
Много снега — много хлеба.
Береги нос в большой мороз.
Вода с гор потекла — весну принесла.
Апрель с водой, май с травой.
Май, май, да шубу не снимай.
Жаворонки, прилетите — красно лето принесите.
Чище мойся, воды не бойся.
Трусливому зайке и пенёк — волк.
Маленький, да удаленький.
Долог день до вечера, если делать нечего.
Поспешишь — людей насмешишь.
Грамоте учиться — всегда пригодится.
Любишь кататься, люби и саночки возить.

Труд человека кормит, а лень портит.
Кончил дело — гуляй смело.
Нет такого дружка, как родная матушка.
При солнышке тепло, при матушке добро.
Сам себя губит, кто других не любит.
Дружба в делах помощница.
Была бы охота — будет ладиться работа.
Умелые руки не знают скуки.
Без труда не вытащишь и рыбку из пруда.

СКАЗКИ

РЕПКА

Посадил дед репку. Выросла репка большая-пребольшая.

Пошёл дед репку рвать. Тянет-потянет, вытянуть не может.

Позвал дед бабку.

Бабка за дедку, дедка за репку, тянут-потянут, вытянуть не могут!

Позвала бабка внучку.

Внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку, тянут-потянут, вытянуть не могут!

Рисунок Ю. Васнецова и К. Кузнецова.

Позвала внучка Жучку.

Жучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку, тянут-потянут, вытянуть не могут!

Позвала Жучка кошку.

Кошка за Жучку, Жучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку, тянут-потянут, вытянуть не могут!

Позвала кошка мышку.

Мышка за кошку, кошка за Жучку, Жучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку, тянут-потянут — вытянули репку!

ТЕРЕМОК

Стоит в поле теремок.

Бежит мимо мышка-норушка. Увидела теремок, остановилась и спрашивает:

— Терем-теремок! Кто в тереме живёт?

Никто не отзывается.

Вошла мышка в теремок и стала в нём жить.

Прискакала к терему лягушка-квакушка и спрашивает:

— Терем-теремок! Кто в тереме живёт?

— Я, мышка-норушка! А ты кто?

— А я лягушка-квакушка!

— Иди ко мне жить!

Лягушка прыгнула в теремок. Стали они вдвоём жить.

Бежит мимо зайчик-побегайчик. Остановился и спрашивает:

— Терем-теремок! Кто в тереме живёт?

— Я, мышка-норушка.

— Я, лягушка-квакушка. А ты кто?

— А я зайчик-побегайчик.

— Иди к нам жить!

Заяц скок в теремок! Стали они втроём жить.

Идёт лисичка-сестричка. Постучала в окошко и спрашивает:

— Терем-теремок! Кто в тереме живёт?

— Я, мышка-норушка.

— Я, лягушка-квакушка.

— Я, зайчик-побегайчик. А ты кто?

— А я лисичка-сестричка.

— Иди к нам жить!

Забралась лисичка в теремок. Стали они вчетвером жить.

Прибежал волчок — серый бочок, заглянул в дверь и спрашивает:

— Терем-теремок! Кто в тереме живёт?

— Я, мышка-норушка.

— Я, лягушка-квакушка.

— Я, зайчик-побегайчик.

— Я, лисичка-сестричка. А ты кто?

— А я волчок — серый бочок.
— Иди к нам жить!
Волк влез в теремок. Стали они впятером жить.
Вот они все в теремке живут, песни поют.
Вдруг идёт мимо медведь косолапый. Увидел медведь теремок, услыхал песни, остановился и заревел во всю мочь:
— Терем-теремок! Кто в тереме живёт?
— Я, мышка-норушка.
— Я, лягушка-квакушка.
— Я, зайчик-побегайчик.
— Я, лисичка-сестричка.
— Я, волчок — серый бочок. А ты кто?
— А я медведь косолапый.
— Иди к нам жить!
Медведь и полез в теремок.
Лез-лез, лез-лез — никак не мог влезть и говорит:
— Я лучше у вас на крыше буду жить.
— Да ты нас раздавишь!
— Нет, не раздавлю.
— Ну так полезай!
Влез медведь на крышу и только уселся — трах! — раздавил теремок. Затрещал теремок, упал набок и весь развалился. Еле-еле успели из него выскочить:

мышка-норушка,
лягушка-квакушка,
зайчик-побегайчик,
лисичка-сестричка,
волчок — серый бочок,

все целы и невредимы.
Принялись они брёвна носить, доски пилить — новый теремок строить. Лучше прежнего выстроили!

ПЕТУШОК И БОБОВОЕ ЗЁРНЫШКО

Жили-были петушок и курочка. Петушок всё торопился, всё торопился, а курочка знай себе приговаривает:
— Петя, не торопись. Петя, не торопись.
Клевал как-то петушок бобовые зёрнышки да второпях и подавился. Подавился, не дышит, не слышит, словно мёртвый лежит.
Перепугалась курочка, бросилась к хозяйке, кричит:
— Ох, хозяюшка, дай скорей маслица, петушку горлышко смазать: подавился петушок бобовым зёрнышком.
— Беги скорей к коровушке, проси у неё молока, а я ужо собью маслица.
Бросилась курочка к корове:
— Коровушка, голубушка, дай скорей молока, из молока хо-

зяюшка собьёт маслица, маслицем смажу петушку горлышко: подавился петушок бобовым зёрнышком.

— Ступай скорей к хозяину. Пусть он принесёт мне свежей травы.

Бежит курочка к хозяину:

— Хозяин, хозяин! Дай скорей коровушке свежей травы, коровушка даст молочка, из молочка хозяюшка собьёт маслица, маслицем я смажу петушку горлышко: подавился петушок бобовым зёрнышком.

— Беги скорей к кузнецу за косой.

Со всех ног бросилась курочка к кузнецу:

— Кузнец, кузнец, дай скорей хозяину хорошую косу. Хозяин даст коровушке травы, коровушка даст молока, хозяюшка даст мне маслица, я смажу петушку горлышко: подавился петушок бобовым зёрнышком.

Кузнец дал хозяину новую косу, хозяин дал коровушке свежей травы, коровушка дала молока, хозяюшка сбила масло, дала маслица.

Смазала курочка петушку горлышко. Бобовое зёрнышко проскочило.

Петушок вскочил и во всё горло закричал:

— Ку-ка-ре-ку!

КОЛОБОК

Жил-был старик со старухой. Вот и просит старик:

— Испеки мне, старая, колобок.

— Да из чего испечь-то? Муки нет.

— Эх, старуха, по амбару помети, по сусечкам поскреби,— вот и наберётся. Старушка так и сделала: намела, наскребла горсти две муки, замесила тесто на сметане, скатала колобок, изжарила его в масле и положила на окно простынуть.

Надоело колобку лежать: он и покатился с окна на завалинку, с завалинки на травку, с травки на дорожку,— и покатился по дорожке. Катится колобок по дороге, а навстречу ему заяц:

— Колобок, колобок! Я тебя съем!

— Нет, не ешь меня, косой, а лучше послушай, какую я тебе песенку спою.

Заяц уши поднял, а колобок запел:

Я колобок, колобок!
По амбару метён,
По сусечкам скребён,
На сметане мешён,
В печку сажён,
На окошке стужён.
Я от дедушки ушёл,
Я от бабушки ушёл,
От тебя, зайца, не хитро уйти.

И покатился колобок дальше: только его заяц и видел.

Катится колобок по тропинке в лесу; а навстречу ему серый волк:

— Колобок, колобок! Я тебя съем.

— Не ешь меня, серый волк: я тебе песню спою.
И колобок запел:

Я колобок, колобок!
По амбару метён,
По сусечкам скребён,
На сметане мешён,
В печку сажён,
На окошке стужён.
Я от дедушки ушёл,
Я от бабушки ушёл,
Я от зайца ушёл,
От тебя, волка, не хитро уйти.

Покатился колобок дальше: только его волк и видел.

Катится колобок по лесу; а навстречу ему медведь идёт, хворост ломает, кусты к земле гнёт:

— Колобок, колобок! Я тебя съем.

— Ну, где тебе, косолапому, съесть меня! Послушай лучше мою песенку.— Колобок запел, а Миша и уши развесил:

Я колобок, колобок!
По амбару метён,
По сусечкам скребён,
На сметане мешён,
В печку сажён,
На окошке стужён.
Я от дедушки ушёл,
Я от бабушки ушёл,
Я от зайца ушёл,
Я от волка ушёл:
От тебя, медведь, полгоря уйти.

И покатился колобок: медведь только вслед ему посмотрел.

Катится колобок, а навстречу ему лиса:

Рисунок Ю. Васнецова и К. Кузнецова.

— Здравствуй, колобок! Какой же ты пригоженький, румяненький!

Колобок рад, что его похвалили, и запел свою песенку; а лиса слушает да всё ближе подкрадывается.

Я колобок, колобок!
По амбару метён,
По сусечкам скребён,
На сметане мешён,
В печку сажён,
На окошке стужён.
Я от дедушки ушёл,
Я от бабушки ушёл,
Я от зайца ушёл,
Я от волка ушёл,
От медведя ушёл:
От тебя, лиса, не хитро уйти.

— Славная песенка!— сказала лиса.— Да то беда, голубчик, что я стара стала,— плохо слышу. Сядь ко мне на мордочку да пропой ещё разочек.

Колобок обрадовался, что его песенку похвалили; прыгнул лисе на морду да и запел:

— Я колобок, колобок!..

А лиса его — гам! — и съела.

ЗАЮШКИНА ИЗБУШКА

Жили-были лиса да заяц. У лисы избушка ледяная, а у зайца — лубяная. Вот лиса и дразнит зайца:

— У меня избушка светлая, а у тебя тёмная! У меня светлая, а у тебя тёмная!

Пришло лето, у лисы избушка растаяла. Лиса и просится к зайцу:

— Пусти меня, заюшка, хоть на дворик к себе!

— Нет, лиска, не пущу: зачем дразнилась?

Стала лиса пуще упрашивать. Заяц и пустил её к себе на двор.

На другой день лиса опять просится:

— Пусти меня, заюшка, на крылечко.

— Нет, не пущу: зачем дразнилась?

Упрашивала, упрашивала лиса. Согласился заяц и пустил лису на крылечко.

На третий день лиса опять просит:

— Пусти меня, заюшка, в избушку.

— Нет, не пущу: зачем дразнилась?

Просилась, просилась, заяц пустил её и в избушку. Сидит лиса на лавке, а зайчик — на печи.

На четвёртый день опять лиса просит:

— Заинька, заинька, пусти меня на печку к себе!

— Нет, не пущу: зачем дразнилась?

Просила, просила лиса да и выпросила — пустил её заяц и на печку.

Прошёл день, другой — стала лиса зайца из избушки гнать:

— Ступай вон, косой! Не хочу с тобой жить!

Так и выгнала.

Сидит заяц и плачет, горюет, лапками слезы обтирает. Бегут мимо собаки:

— Тяф-тяф-тяф! О чём, заинька, плачешь?

— Как мне не плакать? Была у меня избушка лубяная, а у лисы — ледяная. Пришла весна, избушка у лисы растаяла. Попросилась лиса ко мне, да меня же и выгнала.

— Не плачь, зайчик,— говорят собаки.— Мы её выгоним.

— Нет, не выгоните!

— Нет, выгоним!

Подошли к избушке:

— Тяф-тяф-тяф! Пойди, лиса, вон!

А она им с печи:

— Как выскочу,
Как выпрыгну —
Пойдут клочки
По заулочкам!

Испугались собаки и убежали.

Опять сидит зайчик и плачет. Идёт мимо волк:

— О чём, заинька, плачешь?

— Как же мне, серый волк, не плакать? Была у меня избушка лубяная, а у лисы — ледяная. Пришла весна, избушка у лисы растаяла. Попросилась лиса ко мне, да меня же и выгнала.

— Не плачь, зайчик,— говорит волк,— вот я её выгоню.

— Нет, не выгонишь. Собаки гнали — не выгнали, и ты не выгонишь.

— Нет, выгоню.

Пришёл волк к избе и завыл страшным голосом:

— Уыы... уыы... Ступай, лиса, вон!

А она с печи:

— Как выскочу,
Как выпрыгну —
Пойдут клочки
По заулочкам!

Испугался волк и убежал.

Вот заяц опять сидит и плачет.

Идёт старый медведь:

— О чём ты, заинька, плачешь?

— Как же мне, медведушко, не плакать? Была у меня избушка лубяная, а у лисы — ледяная. Пришла весна, избушка у лисы растаяла. Попросилась лиса ко мне, да меня же и выгнала.

— Не плачь, зайчик,— говорит медведь,— я её выгоню.

— Нет, не выгонишь. Собаки гнали, гнали — не выгнали, серый волк гнал, гнал — не выгнал. И ты не выгонишь.

— Нет, выгоню.

Пошёл медведь к избушке и зарычал:

— Рррр... ррр. Ступай, лиса, вон!

А она с печи:

— Как выскочу,
Как выпрыгну —
Пойдут клочки
По заулочкам!

Испугался медведь и ушёл.

Опять сидит заяц и плачет. Идёт петух, несёт косу.

— Ку-ка-реку! Заинька, о чём ты плачешь?

— Как же мне, Петенька, не плакать? Была у меня избушка лубяная, а у лисы — ледяная. Пришла весна, избушка у лисы растаяла. Попросилась лиса ко мне, да меня же и выгнала.

— Не горюй, заинька, я тебе лису выгоню.

— Нет, не выгонишь. Собаки гнали, гнали — не выгнали, серый волк гнал, гнал — не выгнал, старый медведь гнал, гнал — не выгнал. А ты и подавно не выгонишь.

— Нет, выгоню.

Пошёл петух к избушке:

Ку-ка-реку!
Иду на ногах,
В красных сапогах,
Несу косу на плечах:
Хочу лису посечи.
Пошла, лиса, с печи!

Услыхала лиса, испугалась и говорит:

— Одеваюсь...

Петух опять:

Ку-ка-реку!
Иду на ногах,
В красных сапогах,
Несу косу на плечах:
Хочу лису посечи.
Пошла, лиса, с печи!

А лиса говорит:

— Шубу надеваю...

Петух в третий раз:

Ку-ка-реку!
Иду на ногах,
В красных сапогах,
Несу косу на плечах:
Хочу лису посечи.
Пошла, лиса, с печи!

Испугалась лиса, соскочила с печи — да бежать. А заюшка с петухом стали жить да поживать.

ВОЛК И КОЗЛЯТА

Жила-была коза с козлятами. Уходила коза в лес есть траву шелковую, пить воду студёную. Как только уйдёт — козлятки запрут избушку и сами никуда не выходят.

Воротится коза, постучится в дверь и запоёт:

Козлятушки, ребятушки!
Отопритеся, отворитеся!
Ваша мать пришла — молока принесла;
Бежит молоко по вымечку,
Из вымечка по копытечку,
Из копытечка во сыру землю!

Козлятки отопрут дверь и впустят мать. Она их покормит, напоит и опять уйдёт в лес, а козлята запрутся крепко-накрепко.

Волк подслушал, как поёт коза. Вот раз коза ушла, волк побежал к избушке и закричал толстым голосом:

Вы, детушки!
Вы, козлятушки!
Отопритеся,
Отворитеся,
Ваша мать пришла,
Молока принесла;
Полны копытца водицы!

Козлята ему отвечают:

— Слышим, слышим — да не матушкин это голосок! Наша матушка поёт тонюсеньким голосом и не так причитает.

Волку делать нечего. Пошёл он в кузницу и велел себе горло перековать, чтоб петь тонюсеньким голосом. Кузнец ему горло перековал. Волк опять побежал к избушке и спрятался за куст.

Вот приходит коза и стучится:

Козлятушки, ребятушки!
Отопритеся, отворитеся!
Ваша мать пришла — молока принесла;
Бежит молоко по вымечку,
Из вымечка по копытечку,
Из копытечка во сыру землю!

Козлята впустили мать и давай рассказывать, как приходил волк, хотел их съесть.

Коза накормила, напоила козлят и строго-настрого наказала:

— Кто придёт к избушечке, станет проситься толстым голосом да не переберёт всего, что я вам причитываю, дверь не отворяйте, никого не впускайте.

Только ушла коза, волк опять шасть к избушке, постучался и начал причитать тонюсеньким голосом:

Козлятушки, ребятушки!
Отопритеся, отворитеся!
Ваша мать пришла — молока принесла;
Бежит молоко по вымечку,

Из вымечка по копытечку,
Из копытечка во сыру землю!

Козлята отворили дверь, волк кинулся в избу и всех козлят съел. Только один козлёночек схоронился в печке.

Приходит коза; сколько ни звала, ни причитывала — никто ей не отвечает. Видит — дверь отворена, вбежала в избушку — там нет никого. Заглянула в печь и нашла одного козлёночка.

Как узнала коза о своей беде, как села она на лавку — начала горевать, горько плакать:

Ох вы, детушки мои, козлятушки!
На что отпиралися-отворялися,
Злому волку доставалися?

Услыхал это волк, входит в избушку и говорит козе:

— Что ты на меня грешишь, кума? Не я твоих козлят съел. Полно горевать, пойдём лучше в лес, погуляем.

Пошли они в лес, а в лесу была яма, а в яме костёр горел. Коза и говорит волку:

— Давай, волк, попробуем, кто перепрыгнет через яму?

Стали они прыгать. Коза перепрыгнула, а волк прыгнул, да и ввалился в горячую яму.

Брюхо у него от огня лопнуло, козлята оттуда выскочили, все живые, да — прыг к матери! Стали они жить-поживать по-прежнему.

МЕНА

Купался богатый купец в реке, попал на глубокое место и стал тонуть. Шёл мимо старик, мужик-серячок, услыхал крик, кинулся — и купца из воды вытащил. Купец не знает, как старика благодарить: позвал к себе в город, угостил хорошенько и подарил ему кусок золота величиною с конскую голову.

Взял золото мужичок и идёт домой, а навстречу ему барышник — целый табун лошадей гонит:

— Здравствуй, старик! Откуда бог несёт?

— Из города, от богатого купца.

— Что же тебе купец дал?

— Кусок золота с конскую голову.

— Отдай мне золото, возьми лучшего коня.

Взял старик лучшего коня, поблагодарил и пошёл дальше. Идёт старик, а навстречу ему пастух волов гонит:

— Здравствуй, старик! Откуда бог несёт?

— Из города, от купца.

— Что ж тебе купец дал?

— Золота с конскую голову.

— А где ж оно?

— Променял на коня.

— Променяй мне коня на любого вола.

Старик выбрал вола, поблагодарил и пошёл.

Идёт старичок, а навстречу овчар — гонит овечье стадо:

— Здравствуй, старичок! Откуда бог несёт?

— От богатого купца, из города.

— Что же тебе купец дал?

— Золота с конскую голову.

— Где же оно?

— Променял на коня.

— А конь где?

— Променял на вола.

— Променяй мне вола на любого барана.

Взял старик лучшего барана, поблагодарил и пошёл дальше.

Идёт старик, а навстречу свинопас — поросят гонит:

— Здравствуй, старик! Где был?

— В городе, у богатого купца.

— Что же тебе купец дал?

— Кусок золота с конскую голову.

— Где же оно?

— Променял на коня.

— А конь где?

— Променял на вола.

— А вол где?

— Променял на барана.

— Давай мне барана, бери себе лучшего поросёнка.

Выбрал старик поросёнка, поблагодарил пастуха и пошёл.

Идёт старик, а навстречу ему коробейник с коробом за спиной:

— Здравствуй, старик! Откуда идёшь?

— От купца, из города.

— А что тебе купец дал?

— Золота с конскую голову.

— Где же оно?

— Променял на коня.

— А конь где?

— Променял на вола.

— А вол где?

— Променял на барана.

— А баран где?

— Променял на пороси.

— Променяй мне поросёнка на любую иглу.

Выбрал старик славную иголку, поблагодарил и пошёл домой.

Пришёл старик домой, стал через плетень перелезать и иглу потерял.

Выбежала старику навстречу старушка:

— Ах, голубчик мой! Я без тебя здесь совсем было пропала. Ну, рассказывай: был ты у купца?

— Был.

— Что тебе купец дал?
— Кусок золота с конскую голову.
— Где же оно?
— Променял на коня.
— А конь где?
— Променял на вола.
— А вол где?
— Променял на барана.
— А баран где?
— Променял на поросёнка.
— А поросёнок где?
— Променял на иглу: хотел тебе, старая, подарочек принести, стал через плетень перелезать и потерял.
— Ну, слава же богу, мой голубчик, что ты сам вернулся. Пойдём в избу ужинать.
И теперь живут старичок со старушкой, счастливы и без золота.

КАША ИЗ ТОПОРА

Шёл солдат на побывку. Притомился в пути, есть хочется. Дошёл до деревни, постучал в крайнюю избу:
— Пустите отдохнуть дорожного человека!
Дверь отперла старуха:
— Заходи, служивый.
— А нет ли у тебя, хозяюшка, перекусить чего?
У старухи всего вдоволь, а солдата поскупилась накормить, прикинулась сиротой.
— Ох, добрый человек, и сама сегодня ещё ничего не ела: нечего.
— Ну, нет так нет,— солдат говорит.
Тут он приметил под лавкой топор без топорища.
— Коли нет ничего иного, можно и из топора кашу сварить.
Хозяйка руками всплеснула:
— Как так из топора кашу?
— А вот так. Дай-ка котёл.
Принесла старуха котёл.
Солдат топор вымыл, опустил в котёл, налил воды и поставил на огонь.
Старуха на солдата глядит, глаз не сводит.
Достал солдат ложку, помешивает варево. Попробовал.
— Ну как?— спрашивает старуха.
— Скоро будет готова,— солдат отвечает.— Жаль, что вот соли нет.
— Соль-то у меня есть, посоли.
Солдат посолил, снова попробовал:
— Коли сюда бы да горсточку крупы!
Старуха принесла из чулана мешочек крупы:

— На, заправь как надо.
Варил, варил солдат, помешивал, потом попробовал.
Глядит старуха, оторваться не может.
— Ох, и каша хороша!— хвалит солдат.— Как бы сюда да чуточку масла — было бы и вовсе объедение!
Нашлось у старухи и масло. Сдобрили кашу.
— Бери ложку, хозяюшка.
Стали кашу есть да похваливать.
— Вот уж не думала, что из топора этакую добрую кашу можно сварить!— дивится старуха.
А солдат ест да посмеивается.

ГУСИ

Жил старичок со старушкой. Были у них дочка да сынок маленький.
Собрались старики в город и приказывают дочке:
— Мы пойдём, дочка, в город: принесём тебе булочку, купим платочек, а ты будь умна, братца береги, со двора не ходи.
Ушли старики, девочка посадила братца на травку под окном, а сама побежала на улицу и заигралась. Налетели гуси, подхватили мальчика и унесли на крылышках.
Прибежала девочка, глядь,— нет братца! Кинулась туда-сюда,— нету! Кликала девочка, кликала братца, не откликается. Выбежала в чистое поле: вдали метнулось гусиное стадо и пропало за тёмным лесом.
«Верно, гуси унесли братца!» — подумала девочка и пустилась гусей догонять.
Бежала девочка, бежала, видит — стоит печка.
— Печка, печка, скажи, куда гуси полетели?
— Съешь моего ржаного пирожка, скажу.
А девочка говорит:
— У моего батюшки и пшеничные не едятся!
И побежала дальше.
Бежит девочка дальше и видит — стоит яблоня.
— Яблоня, яблоня! Куда гуси полетели?
— Съешь моего лесного яблочка, тогда скажу.
— У моего батюшки и садовые не едятся!— сказала девочка и побежала дальше.
Бежит девочка дальше и видит: льётся молочная речка — кисельные берега.
— Молочная речка — кисельные берега! Скажи, куда гуси полетели?
— Съешь моего простого киселька с молочком, тогда скажу.
— У моего батюшки и сливочки не едятся!
И побежала девочка дальше.
Долго бы пришлось бегать девочке, да попался ей навстречу

Рисунок В. Конашевича.

ёж. Хотела девочка ежа толкнуть, побоялась наколоться и спрашивает:

— Ёжик, ёжик, куда гуси полетели?

Ёжик и показал дорогу девочке. Побежала девочка по дороге и видит — стоит избушка на курьих ножках, вокруг себя поворачивается. В избушке сидит Баба Яга, костяная нога, морда глиняная; сидит и братец на лавочке у окошка, золотыми яблочками играет. Подкралась девочка к окну, схватила братца и побежала домой; а Баба Яга кликнула гусей и послала их за девочкой в погоню.

Бежит девочка, а гуси совсем её нагоняют. Куда деваться? Прибежала девочка к молочной речке с кисельными берегами:

— Реченька, голубушка, укрой меня!

— Съешь моего простого киселька с молочком?

Похлебала девочка киселька с молочком; тогда речка спрятала девочку под крутой бережок, а гуси мимо и пролетели.

Выбежала девочка из-под бережка и побежала дальше, а гуси её увидали и опять пустились в погоню. Что делать девочке? Прибежала она к яблоньке:

— Яблонька, голубушка, спрячь меня!

— Съешь моего лесного яблочка, тогда спрячу.

Нечего девочке делать — съела она лесного яблочка. Яблонька закрыла девочку ветками: гуси и пролетели мимо.

Вышла девочка из-под яблони и пустилась бежать домой. Бежит, гуси опять её увидали и ну за ней! Совсем налетают, крыльями над головой машут. Чуть-чуть добежала девочка до печки:

— Печечка, матушка, спрячь меня!

— Съешь моего ржаного пирожка, тогда спрячу.

Поскорей съела девочка ржаного пирожка и залезла в печь: гуси пролетели мимо.

Вылезла девочка из печки и пустилась домой во весь дух. Гуси опять девочку увидали и опять погнались за нею. Вот-вот налетают, крыльями по лицу бьют, того и гляди братца из рук вырвут, да изба-то была уж недалеко. Вбежала девочка в избу, проворно двери захлопнула и окошки закрыла.

Покружились гуси над избой, покричали, да так ни с чем и полетели к Бабе Яге.

Пришли домой старичок и старушка, видят — мальчик дома, жив и здоров: подарили девочке булочку и платочек.

КАК МУЖИК ГУСЕЙ ДЕЛИЛ

У одного бедного мужика не стало хлеба. Вот он и задумал попросить хлеба у барина. Чтобы было с чем идти к барину, он поймал гуся, изжарил его и понёс.

Барин принял гуся и говорит мужику:

— Спасибо, мужик, тебе за гуся, только не знаю, как мы твоего гуся делить будем. Вот у меня жена, два сына да две дочери. Как бы нам разделить гуся без обиды?

Мужик говорит:

— Я разделю.

Взял ножик, отрезал голову и говорит барину:

— Ты всему дому голова, тебе голову.

Потом отрезал задок, подаёт барыне:

— Тебе,— говорит,— дома сидеть, за домом смотреть, тебе задок.

Потом отрезал лапки и подаёт сыновьям:

— Вам,— говорит,— ножки — топтать отцовские дорожки.

А дочерям дал крылья:

— Вы,— говорит,— скоро из дома улетите, вот вам по крылышку. А остаточки себе возьму!— и взял себе всего гуся.

Барин посмеялся, дал мужику хлеба и денег.

Услыхал богатый мужик, что барин за гуся наградил бедного мужика хлебом и деньгами, зажарил пять гусей и понёс к барину.

Барин говорит:

— Спасибо тебе за гусей. Да вот у меня жена, два сына, две дочки, всех шестеро, как бы нам поровну разделить твоих гусей?

Стал богатый мужик думать и ничего не придумал.

Послал барин за бедным мужиком и велел делить. Бедный мужик взял одного гуся — дал барину с барыней и говорит:

— Вот вас трое с гусем.

Одного дал сыновьям:

— И вас,— говорит,— трое.

Одного дал дочерям:

— И вас трое.

А себе взял двух гусей:

— Вот,— говорит,— и нас трое с гусями,— всё поровну.

Барин посмеялся и дал бедному мужику ещё денег и хлеба, а богатого прогнал.

ХАВРОШЕЧКА

Есть на свете люди хорошие, есть и похуже, есть и такие, которые своего брата не стыдятся.

К таким-то и попала Крошечка-Хаврошечка. Осталась она сиротой, взяли её эти люди, выкормили и работой заморили: она и ткёт, она и прядёт, она и прибирает, она и за всё отвечает.

А были у её хозяйки три дочери. Старшая звалась Одноглазка, средняя — Двуглазка, а меньшая — Триглазка.

Дочери только и знали, что у ворот сидеть, на улицу глядеть, а Крошечка-Хаврошечка на них работала: их и обшивала, для них пряла и ткала — и слова доброго никогда не слыхала.

Выйдет, бывало, Крошечка-Хаврошечка в поле, обнимет свою рябую коровку, ляжет к ней на шейку и рассказывает, как ей тяжело жить-поживать:

— Коровушка-матушка! Меня бьют — журят, хлеба не дают, плакать не велят. К завтрашнему дню мне велено пять пудов напрясть, наткать, побелить и в трубы покатать.

А коровушка ей в ответ:

— Красная девица, влезь ко мне в одно ушко, а в другое вылезь — всё будет сработано.

Так и сбывалось. Влезет Хаврошечка коровушке в одно ушко, вылезет из другого — всё готово: и наткано, и побелено, и в трубы покатано.

Отнесёт она холсты к хозяйке. Та поглядит, покряхтит, спрячет в сундук, а Крошечке-Хаврошечке ещё больше работы задаст.

Рисунок Ю. Васнецова и К. Кузнецова.

Хаврошечка опять придёт к коровушке, обнимет её, погладит, в одно ушко влезет, в другое вылезет и готовенькое возьмёт, принесёт хозяйке.

Вот хозяйка позвала свою дочь Одноглазку и говорит ей:

— Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая, поди догляди, кто сироте помогает: и ткёт, и прядёт, и в трубы катает?

Пошла Одноглазка с Хаврошечкой в лес, пошла с нею в поле, да забыла матушкино приказание, распеклась на солнышке, разлеглась на травушке. А Хаврошечка приговаривает:

— Спи, глазок, спи, глазок!

Глазок у Одноглазки и заснул. Пока Одноглазка спала, коровушка всё наткала, и побелила, и в трубы скатала.

Так ничего хозяйка и не дозналась и послала вторую дочь — Двуглазку:

— Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая, поди догляди, кто сироте помогает.

Двуглазка пошла с Хаврошечкой, забыла матушкино приказание, на солнышке распеклась, на травушке разлеглась. А Хаврошечка баюкает:

— Спи, глазок, спи, другой!

Двуглазка глаза и смежила! Коровушка наткала, побелила, в трубы накатала, а Двуглазка всё спала.

Старуха рассердилась и на третий день послала третью дочь — Триглазку, а сироте ещё больше работы задала.

Триглазка попрыгала, попрыгала, на солнышке разморилась и на травушку упала.

Хаврошечка поёт:

— Спи, глазок, спи, другой!

А о третьем глазке и забыла.

Два глаза у Триглазки заснули, а третий глядит и всё видит: как Хаврошечка корове в одно ушко влезла, в другое вылезла и готовые холсты подобрала.

Триглазка вернулась домой и матери всё рассказала.

Старуха обрадовалась, на другой же день пришла к мужу:

— Режь рябую корову!

Старик и так и сяк:

— Что ты, старуха, в уме ли? Корова молодая, хорошая!

— Режь, да и только!

Делать нечего. Стал точить старик ножик. Хаврошечка про это спознала, в поле побежала, обняла рябую коровушку и говорит:

— Коровушка-матушка! Тебя резать хотят.

А коровушка ей отвечает:

— А ты, красная девица, моего мяса не ешь, а косточки мои собери, в платочек завяжи, в саду их схорони и никогда меня не забывай: каждое утро косточки водою поливай.

Старик зарезал коровушку. Хаврошечка всё сделала, что коровушка ей завещала: голодом голодала, мяса её в рот не брала, косточки её зарыла и каждый день в саду поливала.

И выросла из них яблонька, да какая!— яблочки на ней висят наливные, листья шумят золотые, веточки гнутся серебряные. Кто ни едет мимо — останавливается, кто проходит близко — заглядывается.

Много ли времени прошло, мало ли,— Одноглазка, Двуглазка и Триглазка гуляли раз по саду. На ту пору ехал мимо сильный человек — богатый, кудреватый, молодой. Увидел в саду наливные яблочки, стал затрагивать девушек:

— Девицы-красавицы, которая из вас мне яблочко поднесёт, та за меня замуж пойдёт.

Три сестры и бросились одна перед другой к яблоне.

А яблочки-то висели низко, под руками были, а тут поднялись высоко, далеко над головами.

Сёстры хотели их сбить — листья глаза засыпают, хотели сорвать — сучки косы расплетают. Как ни бились, ни метались — руки изодрали, а достать не могли.

Подошла Хаврошечка — веточки к ней приклонились, и яблочки к ней опустились. Угостила она того сильного человека, и он на ней женился. И стала она в добре поживать, лиха не знать.

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА

В некотором царстве, в некотором государстве жил да был царь с царицей; у него было три сына — все молодые, холостые, удальцы такие, что ни в сказке сказать, ни пером описать; младшего звали Иван-царевич.

Говорит однажды царь такое слово:

— Дети мои милые! Возьмите себе по стреле, натяните тугие луки и пустите стрелы в разные стороны; на чей двор стрела упадёт, там и сватайтесь.

Пустил стрелу старший брат — упала она на боярский двор, прямо против девичьего терема. Пустил средний брат — полетела к купцу на двор и остановилась у красного крыльца, а на том крыльце стояла душа-девица, дочь купеческая. Пустил младший брат — попала стрела в грязное болото, и подхватила её лягуша-квакуша.

Говорит Иван-царевич:

— Как мне за себя квакушу взять? Квакуша — неровня мне!

— Бери,— отвечает ему царь, — знать, судьба твоя такова.

Вот поженились царевичи: старший — на боярышне, средний — на купеческой дочери, а Иван-царевич — на лягуше-квакуше.

Призывает их царь и приказывает:

— Чтобы жёны ваши испекли мне к завтрему по мягкому белому хлебу!

Воротился Иван-царевич в свои палаты невесел, ниже плеч буйну голову повесил.

— Ква-ква, Иван-царевич! Почто так закручинился?— спрашивает его лягушка.— Аль услышал от отца своего слово неприятное?

— Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка приказал тебе к завтрему изготовить мягкий белый хлеб!

— Не тужи, царевич! Ложись-ка спать-почивать: утро вечера мудренее!

Уложила лягуша царевича спать да сбросила с себя лягушечью кожу и обернулась душой-девицей, Василисою Премудрою, вышла на красно крыльцо и закричала громким голосом:

— Мамки-няньки! Собирайтесь, снаряжайтесь, приготовьте мягкий белый хлеб, каков ела я, кушала у родного моего батюшки.

Наутро проснулся Иван-царевич — у квакуши хлеб давно готов, и такой славный, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать!

Изукрашен каравай разными хитростями, по бокам видны города царские и с заставами.

Благодарствовал царь на том хлебе Ивану-царевичу и тут же отдал приказ трём своим сыновьям:

— Чтобы жёны ваши соткали мне за одну ночь по ковру.

Рисунок И. Билибина.

Воротился Иван-царевич невесел, ниже плеч буйну голову повесил.

— Ква-ква, Иван-царевич! Почто закручинился? Аль услышал от отца своего слово неприятное?

— Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка приказал за единую ночь соткать ему шёлковый ковёр.

— Не тужи, царевич! Ложись-ка спать-почивать: утро вечера мудренее.

Уложила его спать да сама сбросила лягушечью кожу и обернулась душой-девицей, Василисою Премудрою. Вышла она на красное крыльцо и закричала громким голосом:

— Мамки-няньки! Собирайтесь, снаряжайтесь, шёлковый ковёр ткать, чтобы таков был, на каком я сиживала у родного моего батюшки!

Как сказано, так и сделано.

Наутро проснулся Иван-царевич — у квакуши ковёр давно готов, и такой чудный, что ни вздумать, ни взгадать, разве в сказке сказать.

Изукрашен ковёр златом-серебром, хитрыми узорами.

Благодарствовал царь на том ковре Ивану-царевичу и тут же отдал новый приказ: чтобы все три царевича явились к нему на смотр вместе с жёнами. Опять воротился Иван-царевич невесел, ниже плеч буйну голову повесил.

— Ква-ква, Иван-царевич! Почто кручинишься? Аль от отца услыхал слово неприветливое?

— Как же мне не кручиниться? Государь мой батюшка велел, чтобы я с тобой на смотр приходил; как я тебя в люди покажу?

— Не тужи, царевич! Ступай один к царю в гости, а я вслед за тобой буду; как услышишь стук да гром, скажи: это моя лягушонка в коробчонке едет.

Вот старшие братья явились на смотр со своими жёнами, разодетыми, разубранными; стоят да над Иваном-царевичем смеются:

— Что же ты, брат, без жены пришёл? Хоть бы в платочке принёс! И где ты эдакую красавицу выискал? Чай, всё болото исходил!

Вдруг поднялся великий стук да гром — весь дворец затрясся.

Гости крепко напугались, повскакали со своих мест и не знают, что и делать, а Иван-царевич говорит:

— Не бойтесь, гости дорогие! Это моя лягушонка в коробчонке приехала!

Подлетела к царскому крыльцу золочёная коляска, в шесть лошадей запряжена, и вышла оттуда Василиса Премудрая — такая красавица, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать! Взяла Ивана-царевича за руку и повела за столы дубовые, за скатерти браные.

Стали гости есть-пить, веселиться. Василиса Премудрая испила из стакана да последки себе за левый рукав вылила; закусила лебедем да косточки за правый рукав спрятала.

Жёны старших царевичей увидали её хитрости, давай и себе то же делать. Пошла Василиса Премудрая танцевать с Иваном-царевичем, махнула левой рукой — сделалось озеро, махнула правой — и поплыли по воде белые лебеди. Царь и гости диву дались!

А старшие невестки пошли танцевать, махнули левыми руками — гостей забрызгали, махнули правыми — костью царю прямо в глаз попали! Царь рассердился и прогнал их с глаз долой.

Тем временем Иван-царевич улучил минуту, побежал домой, нашёл лягушечью кожу и спалил её на большом огне. Приезжает Василиса Премудрая, хватилась — нет лягушечьей кожи; приуныла, запечалилась и говорит царевичу:

— Ох, Иван-царевич! Что же ты наделал? Если бы немножко ты подождал, я бы вечно была твоей; а теперь прощай! Ищи меня за тридевять земель, в тридесятом царстве — у Кощея Бессмертного.

Обернулась белой лебедью и улетела в окно.

Иван-царевич горько заплакал и пошёл куда глаза глядят.

Шёл он близко ли, далёко ли, долго ли, коротко ли — попадается ему навстречу старый старичок.

— Здравствуй,— говорит,— добрый молодец! Чего ищешь, куда путь держишь?

Царевич рассказал ему своё несчастье.

— Эх, Иван-царевич! Зачем ты лягушечью кожу спалил? Не ты её надел, не тебе и снимать было! Василиса Премудрая хитрей, мудрёней своего отца уродилась; он за то осерчал на неё и велел ей три года квакушею быть. Вот тебе клубок: куда он покатится — ступай за ним смело.

Иван-царевич поблагодарил старика и пошёл за клубочком.

Идёт чистым полем, попадается ему медведь.

«Дай убью зверя»,— думает Иван-царевич.

А медведь говорит ему:

— Не бей меня, Иван-царевич! Когда-нибудь пригожусь тебе.

Не тронул Иван-царевич медведя, пошёл дальше.

Идёт он дальше, глядь — а над ним летит селезень; царевич прицелился из лука, хотел было застрелить птицу, как вдруг говорит она человечьим голосом:

— Не бей меня, Иван-царевич! Я тебе сама пригожусь.

Он пожалел и пошёл дальше.

Бежит косой заяц; царевич опять за лук, стал целиться, а заяц ему человечьим голосом:

— Не бей меня, Иван-царевич! Я тебе сам пригожусь.

Иван-царевич пожалел зайца и пошёл дальше — к синему морю.

Видит — на песке лежит-издыхает щука-рыба.

— Ах, Иван-царевич,— сказала щука,— сжалься надо мною, пусти меня в море!

Он бросил её в море и пошёл берегом.

Долго ли, коротко ли — прикатился клубочек к избушке; стоит избушка на куриных лапках, кругом повёртывается.

Говорит Иван-царевич:

— Избушка, избушка! Стань по-старому, как мать поставила,— ко мне передом, а к морю задом!

Избушка повернулась к морю задом, к нему передом. Царевич вошёл в неё и видит: на печи, на девятом кирпиче, лежит Баба Яга, костяная нога, нос в потолок врос, сама зубы точит.

— Гой еси, добрый молодец! Зачем ко мне пожаловал?— спрашивает Баба Яга Ивана-царевича.

— Ах ты, Баба Яга, костяная нога,— говорит Иван-царевич,— ты бы прежде меня, доброго молодца, накормила, напоила, в бане выпарила, да тогда б и спрашивала.

Баба Яга накормила его, напоила, в бане выпарила, а царевич рассказал ей, что ищет свою жену Василису Премудрую.

— А, знаю!— сказала Баба Яга.— Она теперь у Кощея Бессмертного; трудно её достать, нелегко с Кощеем сладить; смерть его на конце иглы, та игла — в яйце, то яйцо — в утке, та утка — в зайце, тот заяц — в сундуке, а сундук стоит на высоком дубу, и то дерево Кощей как свой глаз бережёт.

Указала Баба Яга, в каком месте растёт этот дуб.

Иван-царевич пришёл туда и не знает, что ему делать, как сундук достать. Вдруг — откуда ни взялся — прибежал медведь и выворотил дерево с корнем; сундук упал и разбился вдребезги.

Выбежал из сундука заяц и во всю прыть наутёк пустился; глядь — а за ним уж другой заяц гонится: нагнал, ухватил и в клочки разорвал.

Вылетела из зайца утка и поднялась высоко, летит, а за ней селезень бросился, как ударит её — утка тотчас яйцо выронила, и упало то яйцо в море.

Иван-царевич, видя беду неминучую, залился слезами. Вдруг подплывает к берегу щука и держит в зубах яйцо; он взял то яйцо, разбил его, достал иглу и отломил кончик. Сколько ни бился Кощей, сколько ни метался во все стороны, а пришлось ему помереть.

Иван-царевич вошёл в дом Кощея, взял Василису Премудрую и воротился домой. После того они жили вместе и долго и счастливо.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ИДОЛИЩЕ ПОГАНОЕ

(былина)

Уехал как-то раз Илья Муромец далеко от Киева в чистое поле, в широкое раздолье. Настрелял там гусей, лебедей да се-

рых уточек. Повстречался ему в пути старчище Иванище — калика перехожий. Спрашивает Илья:

— Давно ли ты из Киева?

— Недавно я был в Киеве. Там беду бедует князь Владимир со Апраксией. Богатырей в городе не случилось, и приехал Идолище поганое. Ростом, как сенная копна, глазищи, как чашищи, в плечах косая сажень. Развалясь сидит в княжеских палатах, угощается, на князя с княгиней покрикивает: «То подай да это принеси!» И оборонить их некому.

— Ох ты, старчище Иванище,— говорит Илья Муромец,— ведь ты дороднее да сильнее меня, только смелости да ухватки нет у тебя! Ты снимай своё платье каличье. Поменяемся на время мы одёжею.

Наряжался Илья в платье каличье, пришёл в Киев на княжий двор и вскричал громким голосом:

— Подай, князь, милостинку калике перехожему!

— Чего горлопанишь, нищехлибина?! Зайди в столовую горницу. Мне охота с тобой перемолвиться!— закричал в окно Идолище поганое.

Вошёл богатырь в горницу, стал у притолоки. Князь и княгиня не узнали его. А Идолище, развалясь, за столом сидит, усмехается.

— Видал ли ты, калика, богатыря Илюшку Муромца? Он ростом, дородством каков? Помногу ли есть и пьёт?

— Ростом, дородством Илья Муромец совсем как я. Хлеба ест он по калачику в день. Зелена вина, пива стоялого выпивает по чарочке в день, тем и сыт бывает.

— Какой же он богатырь?— засмеялся Идолище, ощерился.— Вот я богатырь — зараз съедаю жареного быка-трёхлетка, по бочке зелена вина выпиваю. Встречу Илейку, русского богатыря, на ладонь его положу, другой прихлопну, и останется от него грязь да вода!

На ту похвальбу отвечает калика перехожий:

— У нашего попа тоже была свинья обжористая. Много ела, пила, покуда ее не разорвало.

Не слюбились те речи Идолищу. Метнул он в него аршинный булатный нож, а Илья Муромец увёртлив был, уклонился от ножа.

Воткнулся нож в ободверину, ободверина[1] с треском в сени вылетела.

Тут Илья Муромец в лапоточках да в платье каличьем ухватил Идолища поганого, подымал его выше головы и бросил хвастуна-насильника о кирпичный пол. Столько Идолище и жив бывал, а могучему русскому богатырю славу поют веки-повеки.

---

[1] Ободвéрина — косяк, дверная колода.

ПЕСЕНКИ И СКАЗКИ НАРОДОВ СССР

ПЕСЕНКИ

УКРАИНСКИЕ

ВЕСНЯНКА

А уж ясно солнышко
Припекло, припекло
И повсюду золото
Разлило, разлило.

Ручейки на улице
Все журчат, все журчат.
Журавли курлыкают
И летят, и летят,..

Расцвели подснежники
Да в леске, да в леске.
Скоро всей землюшке
Быть в венке, быть в венке.

Ой, солнышко-батюшка,
Угоди, угоди.
А землица-матушка
Уроди, уроди.

Рисунок В. Конашевича.

ВИШНИ, ЧЕРЕШНИ РАСПУСКАЮТСЯ

Вишни, черешни
Распускаются,
А синь-озеро
Разливается.
Ясно солнышко
Улыбается,
Жито силушкой
Наливается.

У ТРОПИНКИ, У ТРОПЫ

У тропинки,
У тропы
За ночь выросли грибы:
Подосиновик — с осинку,
Подберезовик — с березку,
А опенок — как бочонок,
А маслята — как ребята.

БЕЛОРУССКИЕ

ПЕРЕПЁЛКА

— Эй, перепёлушка,
Пёстрое пёрышко,
Где ты зиму зимовала?
— У криницы.
— Где ты лето летовала?
— У пшеницы.
Зимовала —
Воду попивала.
Летовала —
Зёрнышки клевала.

ВОРОБЕЙ

Скачет, скачет воробей,
Кличет маленьких детей:
— Киньте крошек воробью —
Я вам песенку спою,
Чик-чирик!
Киньте просо и ячмень —
Буду петь вам целый день,
Чик-чирик!

ГРУЗИНСКИЕ

ЯСТРЕБ

Ястреб, ястреб! Кыш, злодей!
Все кричите посильней,
Ну-ка выпусти цыплёнка,
Злой разбойник, из когтей!

ЗИМОЙ

Лето милое, где ты?
Буду ходить раздетым.
Постель во дворе постелим.
Где ты, милое лето?

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЕ

Всех морей и речек,
Коней и овечек
Мне сынок дороже,
Родной человечек.

СЧИТАЛКА

Шерсть чесать — рука болит,
Письмо писать — рука болит,
Воду носить — рука болит,
Кашу варить — рука болит,
А каша готова — и рука
здорова.

ЛИТОВСКАЯ

ЛЮЛИ, ЛЮЛИ, МОЯ КРОШКА

Люли, люли, моя крошка,
Люли, люли, тонконожка.

Ты б скорее засыпала,
Поскорее подрастала.

Подрастала сильной, сильной,
Как берёзка, стройной,
стройной.

Как дубочек, крепкой, крепкой,
Словно лебедь белой, белой.

Зайки серого резвее,
Птички певчей веселее.

МОЛДАВСКАЯ

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Баю, баю, надо спать,
Все придут сынка качать.
Приди, конь,
Успокой.
Приди, щука,
Убаюкай.
Дай нам, сом,
Сладкий сон.
Дай, несушка,
Нам подушку.
Все к сыночку придут,
По подарку дадут.
А как станет дремать,
Будем дверь запирать.

ЛАТЫШСКАЯ

Солнышко да матушка
Именами разные,
Именами разные,
А делами равные:
Красно солнышко греет,
Матушка жалеет.

ТАДЖИКСКАЯ

ПРИХОДИ, ВЕСНА!

Что ты ждёшь? Не жди, весна,
Приходи, ты нам нужна!
Дружно мы возьмём бадью,
Понесём её к ручью,
Зачерпнём бадьёю воду
И подарим огороду.
Нам в подарок за уход
Даст морковку огород.

АРМЯНСКАЯ

МАЛЬЧИК И ВОДА

— С какой горы ты бежишь
сюда,
Водичка моя прохладная?
— С той высокой горы,—
отвечала вода,—
Где снежная шапка громадная.

— Ответь мне скорей:
побежишь ты куда,
Водичка моя прохладная?
— На луг побегу,— отвечала
вода,—
Туда, где цветы нарядные.

— Ты лучше осталась бы
здесь навсегда,
Водичка моя прохладная!
— Я в садик спешу,—
отвечала вода,—
Где гроздья висят виноградные.

— А солнышко сядет, что
будет тогда,
Водичка моя прохладная?
— В канавку стеку,— отвечала
вода,—
Пусть козлик попьёт, я не
жадная!

ТУРКМЕНСКАЯ

Аллай, аллай, спи-усни,
сыночек,
На гранате розовый цветочек!
Покачала б я тебя с охотой,
Жалко, руки заняты работой.

ЭСТОНСКАЯ

Сон, войди скорее в двери,
Дрёма, встань у колыбели,
Тихо песенку пропойте,
Глазки мальчику закройте.
Пусть растёт он тоненький,
Выше соломинки,
Хлебной крошки тяжелей,
Клёна-ясеня прямей,
Толще ивушки зелёной,
Ясной звёздочки светлей.

ДАГЕСТАНСКАЯ СЧИТАЛКА

КАЖДОМУ СВОЁ

Печке — полено,
Корове — сено,
Трава — телёнку,
Вода — ягнёнку,
А тебе, сыночек,
Сахару кусочек.

Рисунок И. Кузнецова.

ЧУВАШСКАЯ

ЗАСЫПАЙ, СЫНОК

Чуччи, чуччи,
Чуландай,
Глазки крепко
Закрывай.

Старый вяз
Кору припас
Тебе на колыбельку.

Мягкий лён,
Белый лён
Подарил постельку.

Гибкая рябина
Качалку подарила,
Липа — верёвочку,
Яблоня — крючок.

Чуччи, чуччи,
Паинька,
Засыпай, сынок.

МОРДОВСКАЯ

ЛЕСНЫЕ УТКИ

Какую мы песню споём?
Какую мы сказку расскажем?
Красивую песню споём,
Хорошую сказку расскажем.

Высоко, высоко над нами
Утки лесные летят.
Выше, чем утки лесные,
Серые гуси летят.

Куда им спуститься? —
На луг зелёный.
Откуда попить им
Холодной водицы? —
Попьют из лесного ключа.

А где ж отдохнуть им? —
На белом песочке,
У маленькой речки
Они отдохнут.

КОМИ-ПЕРМЯЦКАЯ

ВСТАВАЙ, МИТЕНЬКА!

— Митя, Митенька, проснись,
Да с полатцев-то спустись!
Слышишь: крикнул петушок,
За селом поёт рожок,
На крылечке дверь скрипит,
У колодца гусь трубит,
Журавли в бору курлычут,
А с реки утята кличут:
«Митя, Митенька, вставай,
Светлый день не прозевай!»

СКАЗКИ

КОЛОСОК

Украинская сказка

Жили-были два мышонка, Круть и Верть, да петушок Голосистое горлышко. Мышата только и знали, что пели да плясали, крутились да вертелись. А петушок чуть свет поднимался, сперва всех песней будил, а потом принимался за работу.

Вот однажды подметал петушок двор и видит на земле пшеничный колосок.

— Круть, Верть,— позвал петушок,— глядите, что я нашёл!

Прибежали мышата и говорят:

— Нужно его обмолотить.

— А кто будет молотить?— спросил петушок.

— Только не я!— закричал один.

— Только не я! — закричал другой.

— Ладно,— сказал петушок,— я обмолочу.

И принялся за работу.

А мышата стали играть в лапту.

Кончил петушок молотить и крикнул:

— Эй, Круть, эй, Верть, глядите, сколько я зерна намолотил!

Прибежали мышата и запищали в один голос:

— Теперь нужно зерно на мельницу нести, муки намолоть.

— А кто понесёт?— спросил петушок.

— Только не я!— закричал Круть.

— Только не я!— закричал Верть.

— Ладно,— сказал петушок,— я снесу зерно на мельницу.

Взвалил себе на плечи мешок и пошёл.

А мышата тем временем затеяли чехарду. Друг через друга прыгают, веселятся.

Вернулся петушок с мельницы, опять зовёт мышат:

— Сюда, Круть, сюда, Верть. Я муку принёс.

Прибежали мышата, смотрят, не нахвалятся:

— Ай да петушок! Ай да молодец! Теперь нужно тесто замесить да пироги печь.

— Кто будет месить?— спросил петушок.

А мышата опять своё.
— Только не я!— запищал Круть.
— Только не я!— запищал Верть.
Подумал, подумал петушок и говорит:
— Видно, мне придётся.
Замесил он тесто, натаскал дров, затопил печь. А как печь истопилась, посадил в неё пироги.
Мышата тоже времени не теряют: песни поют, пляшут.
Испеклись пироги, петушок их вынул, выложил на стол, а мышата тут как тут. И звать их не пришлось.
— Ох, и проголодался я!— пищит Круть.
— Ох, и есть мне хочется!— пищит Верть.
Скорее сели за стол.
А петушок им говорит:
— Подождите, подождите! Вы мне сперва скажите: кто нашёл колосок?
— Ты нашёл!— громко закричали мышата.
— А кто колосок обмолотил?— снова спросил петушок.
— Ты обмолотил!— потише сказали оба.
— А кто зерно на мельницу носил?
— Тоже ты,— совсем тихо ответили Круть и Верть.
— А тесто кто месил? Дрова носил? Печь топил? Пироги кто пёк?
— Всё ты. Всё ты,— чуть слышно пропищали мышата.
— А вы что делали?
Что сказать в ответ? И сказать нечего.
Стали Круть и Верть вылезать из-за стола, а петушок их не удерживает.
Не за что таких лодырей и лентяев пирогами угощать!

ЛЁГКИЙ ХЛЕБ

Белорусская сказка

Косил мужик траву на лугу. Уморился и сел под кустом отдохнуть. Достал узелок, развязал и принялся за еду.
Выходит из лесу голодный волк. Видит — мужик под кустом сидит и что-то ест.
Подошёл к нему волк, спрашивает:
— Ты что ешь?
— Хлеб,— отвечает мужик.
— А вкусный он?
— Страсть какой вкусный!
— Дай мне попробовать.
— Милости прошу!
Отломил мужик кусок хлеба и дал волку. Понравился волку хлеб. Он и говорит:
— Хотел бы я каждый день есть хлеб, только где его доставать? Посоветуй!

— Ладно,— говорит мужик,— научу тебя, где и как хлеб доставать.

И начал он учить волка:

— Перво-наперво надо землю вспахать...

— Тогда и хлеб будет?

— Нет, брат, погоди. Потом надо землю забороновать...

— И можно хлеб есть?— обрадовался волк и хвостом замахал.

— Ишь ты какой скорый! Сначала надо рожь посеять.

— Тогда будет хлеб?— облизнулся волк.

— Нет ещё! Дождись, покуда рожь взойдёт, холодную зиму перезимует, весной вырастет, потом заколосится, потом начнёт зерно наливаться, потом зреть...

— Ох,— вздохнул волк,— уж больно долго ждать надо! Ну, а когда созреет зерно, тогда-то я наемся хлеба вволю?

— Где там наешься! — говорит мужик.— Раненько ещё! Сначала спелую рожь надо сжать, потом в снопы связать, а уж снопы в крестцы поставить. Ветер их провеет, солнышко просушит, вот тогда вези на ток.

— И есть хлеб буду?

— Какой нетерпеливый! Первым делом надо снопы обмолотить, зерно в мешки собрать, на мельницу отвезти да муки намолоть...

— И всё?

— Нет, не всё. Из муки надо тесто замесить и ждать, покуда тесто взойдёт. Тогда в горячую печь сажать.

— И спечётся хлеб?

— Ага, спечётся. Вот тогда и наешься вволю,— закончил мужик.

Задумался волк, почесал затылок и говорит:

— Нет! Эта работа не по мне — и долго, и хлопотно, и трудно. Ты лучше посоветуй, как лёгкий хлеб добывать.

— Ну что ж,— говорит мужик,— если не хочешь трудный хлеб есть, ешь лёгкий. Иди на выгон, там конь пасётся.

Пошёл волк на выгон. Увидел коня:

— Конь, конь, я тебя съем!

— Что ж,— говорит конь,— ешь. Но сначала сдери с моих ног подковы, чтоб не поломать об них зубы.

— И то правда,— согласился волк.

Пригнулся он подковы сдирать, а конь как лягнёт его копытом!

Перекувыркнулся волк — да ходу.

Прибежал к реке. Видит — гуси пасутся. «Не съесть ли мне их?» — думает волк. Потом говорит:

— Гуси, гуси, я вас съем!

— Что ж,— отвечают гуси,— ешь. Только сначала окажи нам услугу.

— Какую?— спрашивает волк.

— Спой нам песню, а мы послушаем.

— Это можно! Песни петь я мастер.

Сел волк на кочку, задрал голову и начал выть. А гуси порх-порх крыльями — с места снялись и улетели.

Слез волк с кочки, поглядел им вслед и пошёл дальше ни с чем.

Идёт, ругает себя: «Ну не дурень ли я, а? И зачем только я взялся петь гусям! Ну уж теперь кого ни встречу — съем!»

Только он так подумал, смотрит — бредёт по дороге старый дед. Волк — к нему:

— Дед, дед, я тебя съем!

— Куда торопиться?— говорит дед.— Давай сначала табачку понюхаем.

— А вкусный он?

— Попробуй, так будешь знать.

— Давай!

Вынул дед из кармана табакерку, сам понюхал и волку дал.

Потянул волк носом изо всех сил да весь табак и вдохнул в себя. А потом давай чихать на весь лес... Ничего от слёз не видит, всё чихает. Больше часу чихал, покуда прочихался. Оглянулся, а уж деда и след простыл.

Пошёл волк дальше.

Шёл он, шёл, смотрит — овцы на лугу пасутся, а пастух спит. Высмотрел волк самого крупного барашка, схватил его и говорит:

— Баран, баран, я тебя съем!

— Что ж,— говорит баран,— видно, такая моя доля. Становись-ка в ту лощинку да разинь пасть пошире. А я взбегу на пригорок, разгонюсь и сам вскочу тебе в рот.

— Спасибо за совет,— сказал волк,— так и сделаем.

Стал он в лощинку, разинул пасть и ждёт. А баран взбежал на пригорок, разогнался да трах волка рогами! У того аж искры из глаз посыпались. Очухался волк, покрутил головой и говорит:

— Не пойму: съел я его или нет?

А в это время тот самый мужичок с косьбы домой возвращался.

Услышал он волковы слова и говорит:

— Съесть ты его не съел, а лёгкого хлеба отведал.

УПРЯМЫЕ КОЗЫ

Узбекская сказка

Жили когда-то в разных селениях две козы: одна белая, другая чёрная, и обе они были очень упрямые.

Вот как-то раз отправились эти козы щипать траву: белая — на своём пастбище, чёрная — на своём.

Вечером, когда солнце стало садиться, козы наелись досыта и пошли: белая — в своё селение, чёрная — в своё.

Шли они, шли и сошлись на узкой доске. А доска эта была перекинута через глубокий арык.

Не разойтись козам на доске! Или одной, или другой надо уступить дорогу.

— Эй ты, чёрная! Посторонись, уступи мне дорогу! — закричала белая коза.

— Вот ещё! Буду я тебе дорогу уступать!— крикнула чёрная коза.— Сама мне дорогу уступи!

— Всю ночь простою — не уйду!

— До утра буду стоять, с места не сдвинусь!

Долго спорили упрямые козы. Потом затрясли бородами, застучали копытцами — в драку вступили.

Отошли каждая на три шага, нагнули головы с острыми рогами да как бросятся одна на другую! Стукнулись они лбами, сцепились рогами, да обе и свалились в арык. Выбрались козы из арыка и вернулись домой мокрые, грязные.

ЧУДЕСНАЯ ШУБА

Казахская сказка

Зима пришла злющая, холодная. Такая зима, что только в лисьей шубе тепло.

Алдар-Косе в своей дырявой-предырявой шубёнке мёрзнет каждый день. Едет он раз по степи — руки, ноги озябли, весь дрожит, нос посинел — и не знает, как из беды выкрутиться. Ветер свистит, за уши хитреца хватает.

Не видно в степи нигде дыма из юрт. Напрасно машет камчой [1] Алдар-Косе: тощий конь не бежит, старый конь взмахнёт гривой и опять шагом идёт.

«Плохой конь. Долгая дорога...» — качая головой, говорит сам себе всадник. Ехать ещё далеко, собачьего лая не слышно, и юрты в степи не видать. Холодно, ветрено, можно замёрзнуть совсем.

Вдруг он видит — навстречу кто-то едет.

По хорошему бегу коня Алдар узнал: едет бай. Хитрец сразу же смекнул, что делать.

Он распахнул свою дырявую шубёнку, выпрямился в седле и запел весёлую песенку.

Встретились путники, остановили коней и поздоровались. Бай в тёплой лисьей шубе ёжится от холода. Алдар-Косе шапку набок сдвинул, отдувается, точно сидит на солнце в летний жаркий день.

— Неужели ты не замёрз?— спросил бай хитреца.

— Это в твоей шубе холодно, а в моей очень жарко,— ответил баю Алдар-Косе.

— Какая-такая шуба твоя? — удивляется богач.

---

[1] Камча́ — плётка.

— А разве не видишь?

— Вижу, что вороны рвали твою шубёнку и в ней дыр больше, чем меха! — насмехается бай.

— Вот и хорошо, что дыр много: в одну дыру ветер входит, в другую выходит. Вот почему мне и тепло.

«Надо у него эту чудесную шубу выманить»,— думает бай про себя.

«Вот тепло будет, если байскую шубу надеть!» — думает хитрец про себя.

— Продай мне твою шубу!— говорит бай Алдар-Косе.

— Не продам: я без своей шубы сразу замёрзну.

— Возьми в обмен мою лисью шубу,— предлагает бай.

Алдар-Косе делает вид, что и слышать не хочет, а сам одним глазом смотрит на тёплую шубу, а другим — на байского скакуна любуется.

— Шубу отдам и денег прибавлю,— снова предлагает бай.

— Денег не надо; вот если коня ещё дашь, тогда подумаю.

Обрадовался бай, согласился, снял свою шубу и отдал коня. Надел Алдар-Косе лисью шубу, пересел на байского скакуна и помчался, обгоняя ветер.

Хорошо было Алдар-Косе ездить от юрты к юрте в тёплой шубе на хорошем коне.

В каждой юрте спрашивали у хитреца:

— Откуда у тебя лисья шуба и конь-бегунец?

— У меня была чудесная шуба: семьдесят дыр, девяносто заплат...

Потешая людей, Алдар-Косе рассказывал, как бай накинулся на его дырявую шубу и отдал ему свою лисью.

Смеялись люди, угощая кумысом хитреца.

Когда смех прекращался, Алдар-Косе каждый раз повторял:

— Далёк путь или близок, узнает тот, кто проедет. Горькую еду от сладкой отличит тот, кто поест.

ЗАРАБОТАННЫЙ РУБЛЬ

Грузинская сказка

Жил на свете кузнец. И был у него сын, да такой лентяй, что во всём свете не сыскать ему другого в пару. Ни одного медяка не заработал он за всю свою жизнь, хоть и прожил без малого двадцать лет.

Сам здоровый, сильный, а другого дела знать не знает — только ест, пьёт да на лежанке валяется.

Так и жил он, на отцовском хлебе.

Да вот пришло время — состарился отец, не под силу стало ему молот в руках держать.

Слёг старик, чует — смерть близка.

Позвал он тут сына и говорит ему:

— Уж не знаю, в кого ты такой ленивый уродился. Я всю

свою жизнь с работой дружен был, своими руками всё хозяйство нажил, а ты даже рубля заработать не можешь.

— Ну, рубль-то заработать не велико дело,— говорит сын.

— Что ж, пойди заработай,— говорит отец.— Заработаешь рубль — всё своё хозяйство оставлю тебе в наследство, не заработаешь — гвоздя ржавого после меня не получишь.

Что тут делать? Хочется ленивому наследство получить, а работать лень. Шуточное ли дело — целый рубль заработать, когда он сроду и медяка не нажил?

А спорить с отцом тоже не станешь — уж отец как скажет, так на том и стоит. Отцовское слово — точно гора каменная. Каменную гору не сдвинуть, отцовское слово не изменить.

Ну, а у матери сердце жалостливое. Ведь какой ни на есть, а всё-таки родной сын! Вот и говорит она ему:

— Слушай, сынок, дам я тебе рубль, ты пойди погуляй до вечера, а вечером придёшь, будто с работы, и отдашь отцу деньги.

Лень сыну шевельнуться, да делать нечего — надо идти. Взял он у матери рубль, взял бурдюк с вином, сыру и пошёл себе в горы. Целый день ел, пил, на траве лежал, птиц в небе считал, а вечером пришёл домой, подал отцу рубль и говорит:

— Вот, отец, возьми. Не легко мне этот рубль достался, спину разогнуть не могу, так наработался.

Взял отец рубль, повертел, повертел, со всех сторон осмотрел, с ладони на ладонь перебросил, да и кинул в огонь.

— Нет,— говорит,— не ты этот рубль заработал.

Сын только плечами пожал: «Не веришь — не надо»,— и пошёл спать.

На другой день дала мать сыну второй рубль и учит его:

— Ты, генацвале, целый день хоть спи, хоть лежи, а будешь возвращаться домой — пробеги немного. Вспотеешь, устанешь — отец и поверит, что ты целый день работал, волю его исполнял, в поте лица деньги зарабатывал.

Жалко ленивому своих ног, а наследства отцовского ещё жальче. Взял он у матери рубль, взял еды-питья и снова отправился в горы. От восхода до заката пил, ел, на солнышке грелся, а вечером, как пришло время домой возвращаться, уж постарался — полдороги бегом бежал.

Прибежал к отцу весь мокрый. Повалился на скамейку и протягивает отцу монету:

— Ну и трудно же мне достался этот рубль,— говорит.— Точно вол, целый день работал. С ног валюсь от усталости.

Взял отец у сына рубль, опять повертел, опять со всех сторон осмотрел и опять в огонь бросил.

— Нет, — говорит, — обманываешь ты меня, сынок. Этот рубль даром тебе достался. Напрасно ты по горам бегал, только зря каламаны [1] сбил.

---

[1] Каламáны — деревенская обувь, сделанная из цельной кожи.

А лентяю что? Усмехается: «Не хочешь, мол, так не верь». И завалился спать.

Спит лентяй сладким сном, а мать никак заснуть не может. Видит она, что не обмануть старика, только деньги зря пропадают, а сыну всё равно пользы никакой.

На другое утро разбудила она сына и говорит:

— Вот что, сынок, хочешь не хочешь, а надо тебе и вправду поработать. Отца — сам понимаешь — не перехитришь, а слово отцовское — сам знаешь — не изменить.

Нечего делать, пришлось лентяю послушаться. Целую неделю работал он на совесть: кому что принесёт, кому в чём подсобит, кто ему медяк даст, кто два медяка — так и набрал рубль. Пришёл к отцу и высыпал перед ним полную пригоршню монет. Перебросил старик монеты с руки на руку, послушал, как они звенят, а потом и говорит:

— Нет, сынок, опять ты меня обманываешь. Не ты эти деньги заработал.— Сгрёб все монеты и кинул в огонь.

Не стерпел тут сын. Бросился он к очагу, голыми руками угли разгребает, из самого огня медяки выхватывает.

— Да что же это такое!— плачет.— Я целую неделю спины не разгибал, с раннего утра до поздней ночи на работе надрывался, а ты мои деньги в огонь, точно мусор, бросаешь!

Посмотрел на него отец и говорит:

— Вот теперь я верю, что ты сам этот рубль заработал. Чужих денег тебе не жалко было, чужие деньги дёшево стоят, а свои — трудом дались, вот ты их и пожалел. Так-то, сынок. Помни мои слова: будешь работать — и деньги будут, и всё у тебя будет. А не будешь работать, так и чужие деньги тебе не помогут. Чужому рублю — грош цена.

Тут завещал отец сыну всё своё имущество, а сам ушёл туда, откуда никто не возвращается.

Да будут долгими — в труде и богатстве — ваши дни.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ ЗАРНИЯР

Азербайджанская сказка

О ком я вам расскажу? О купце по имени Мамед. Жил он в городе Мисаре и ездил по чужим странам и торговал разными товарами.

Однажды задумал он отправиться в далёкую страну. Накупил множество всяких товаров, нанял слуг, распростился с семьёй и тронулся со своим караваном в путь.

Побывал он в одном месте, побывал в другом и заехал наконец в какой-то неведомый город. Здесь Мамед решил передохнуть после долгих странствий и остановился со своими слугами в караван-сарае — заезжем дворе.

Сидит Мамед, ест, пьёт. Подошёл к нему какой-то человек и говорит:

— Эй, купец! Видно, ты прибыл из дальних мест, если не знаешь здешних обычаев.

— А какие же здешние обычаи?— спрашивает Мамед.

— А вот какие: всякий прибывший в этот город купец должен отнести шаху достойный подарок. За это шах приглашает купца вечером к себе в гости и играет с ним в на́рды — шашки.

Что делать купцу? Хочешь не хочешь, надо идти. Выбрал он из своих товаров самые драгоценные ткани, разложил их на золотом подносе и отправился к шаху.

Принял шах дары и стал расспрашивать купца: из какого он города родом, какие товары продаёт, где побывал? Рассказал ему Мамед обо всём. Шах выслушал и говорит:

— Приходи ко мне вечером — поиграем в на́рды!

Вечером пришёл Мамед к шаху. Смотрит — шах его дожидается, а перед ним нарды стоят.

— Эй, купец!— говорит шах.— Слушай мои условия. Есть у меня учёная кошка. С вечера до утра она может держать на своём хвосте семь светильников. Если моя кошка продержит их, пока мы не кончим игру, всё твоё богатство, все твои товары будут моими, а самого тебя я прикажу связать и бросить в темницу. Если кошка сойдёт с места — вся моя казна перейдёт к тебе, а со мной делай что знаешь и что хочешь!

Что тут делать купцу? Бежать нельзя, спорить невозможно. Пришлось ему принять условия шаха.

Сидит он, ругает себя, что заехал в этот город.

«Недолго здесь и совсем пропасть!» — думает.

А шах стал звать свою учёную кошку.

Пришла кошка, закрутила свой хвост и уселась перед шахом.

— Несите светильники!— приказал шах.

По его приказу слуги принесли семь светильников и поставили кошке на хвост.

Взял шах нарды, начал игру.

Купец передвигает кости, сам всё на кошку поглядывает. А кошка словно окаменела — сидит, не двинется, не пошелохнётся.

Так день прошёл и ночь прошла, и ещё два дня и две ночи. Играет Мамед с шахом в нарды, а кошка сидит как сидела.

Не выдержал наконец Мамед и говорит:

— Не в силах я больше играть! Признаю себя побеждённым!

Шаху только этого и надо. Кликнул он своих слуг и приказывает им:

— Все товары этого купца и всё его золото несите ко мне, а ему самому свяжите руки покрепче и бросьте в темницу!

Схватили слуги Мамеда и сделали всё, что шах им приказал.

Сидит Мамед в темнице, клянёт себя, что не проехал мимо этого города, ругает себя и шаха и его учёную кошку...

Теперь мы оставим Мамеда и расскажем о его жене Зарнияр.

Сидит она дома, ждёт мужа, а его всё нет и нет.

«Уж не беда ли с ним случилась?» — думает.

Долго она так жила в тревоге. Наконец прибежал к ней слуга Мамеда, весь оборванный, грязный, и говорит:

— Эй, хозяйка! Захватил какой-то шах нашего хозяина, и все его товары, и всё его золото. Один я убежал, еле спасся. Что теперь делать будем?

Расспросила Зарнияр слугу, что и как было.

После этого приказала она наловить множество мышей и наполнить ими большой сундук. Затем взяла она с собой много серебра и золота, переоделась в мужское платье, подобрала волосы под папаху и отправилась выручать мужа.

Ехала она со своим караваном, нигде не останавливалась и не задерживалась и наконец прибыла в тот город, где томился в темнице её муж.

Одним своим слугам она приказала дожидаться в караван-сарае, а другим велела сопровождать её к шаху.

Взяла она большой золотой чеканный поднос, разложила на нём драгоценные подарки и отправилась во дворец. А слуги её несли за ней сундук с мышами.

Когда подошли они ко дворцу, Зарнияр сказала слугам:

— В то время как я буду играть с шахом в нарды, вы по одной выпускайте мышей через дверь в комнату!

Остались слуги с сундуком у двери, а Зарнияр пошла к шаху. Вошла она и говорит:

— Да живёт вечно правитель вселенной! Вот я, по обычаю вашей страны, принёс тебе драгоценный подарок!

Шах принял Зарнияр с большим почётом, угостил лучшими яствами и пригласил сыграть с ним в нарды.

— Какие будут твои условия, властитель вселенной? — спрашивает Зарнияр.

Шах говорит:

— Будем играть до тех пор, пока не сдвинется с места моя учёная кошка!

— А если твоя учёная кошка сдвинется? — спрашивает Зарнияр.

— Тогда я себя признаю побеждённым. Что хочешь, то со мной и делай!

— Хорошо, — говорит Зарнияр, — пусть будет по-твоему!

Кликнул шах свою учёную кошку. Пришла кошка, уселась важно на ковре перед шахом. Тут вошли слуги, внесли семь светильников и поставили ей на хвост.

Стал шах играть с Зарнияр в нарды. Играет, а сам посмеивается и ждёт, когда этот молодой купец себя побеждённым признает.

В это время слуги Зарнияр открыли сундук и впустили в комнату мышонка.

Увидела кошка мышонка, загорелись у неё глаза. Хотела бы-

ло она тронуться с места, да шах так грозно взглянул на неё, что кошка мигом успокоилась и словно застыла.

Немного спустя слуги Зарнияр впустили в комнату ещё несколько мышей. Стали мыши бегать по комнате, стали прыгать возле стен. Тут уж учёная кошка не в силах была больше терпеть. Мяукнула она, вскочила, уронила все семь светильников и давай гоняться за мышами!

Сколько шах ни кричал на свою учёную кошку, а она и слушать его не хочет.

Тут Зарнияр кликнула своих слуг. Вбежали они в комнату, связали шаха крепко-накрепко и давай стегать ремнями! До тех пор стегали, пока он пощады не запросил.

— Всех своих пленников выпущу,— кричит,— и всё, что у них отнял, отдам им, только меня пощадите!

Слуги Зарнияр бьют шаха, шах во весь голос кричит, все люди это слышат, а на помощь к нему никто не идёт: всем давно уж надоело терпеть его жестокость да жадность.

Приказала Зарнияр вывести из темницы своего мужа и всех других, кто там был, а шаха в темницу бросить.

После того вернулись они в свой город Мисар и стали там жить, есть и пить. И вы все ешьте, пейте и живите!

С неба упало три яблока: одно — мне, другое — тому, кто сказку рассказывал, третье — тому, кто сказку слушал!

БЕДНЯК И БОГАЧ

Литовская сказка

Бедняк в лесу на берегу реки рубил деревья. Только вдруг топор — шиик! — и соскочил с топорища. В реку бултых — и утонул.

Горько заплакал бедняк: «Ай, ай, я несчастный! Чем теперь буду деревья рубить, на хлеб зарабатывать?»

В это время—топтык-потоптык!—выходит из лесу хромой старик, можжевеловая борода, нос — еловая шишка, и спрашивает:

— О чём плачешь, добрый человек? Что с тобой случилось?

— Как мне не плакать, коли мой топор упал в реку, а другой купить не смогу! Чем теперь буду деревья рубить, детям чем на хлеб заработаю?

— Ладно, не плачь, я тебе его выловлю!

Старик скинул тулуп, снял лапти — и бултых в воду! Минуты не прошло — вынырнул из воды с золотым топором и говорит:

— На, бери! Ведь это твой топор?

— Ах, нет! Ах, нет! Это не мой!— отвечает бедняк.

Нырнул старик опять и вынырнул с серебряным топором.

— Ой, нет, нет! Это не мой топор!— крикнул бедняк.

В третий раз нырнул старик и вытащил железный топор.

— Вот этот мой! Вот этот мой! — заплясал бедняк от радости.— Спасибо тебе, старичок, за добрую помощь, за услугу!

Взял бедняк топор из рук старика и уже хотел было бежать домой.

— У-у-у-у-у! — окликнул его старик.— Раз ты такой правдивый и не жадный — на, возьми и эти топоры, золотой и серебряный.

Пришёл бедняк домой с тремя топорами и обо всём рассказал семье. Услыхал про это счастье один богатый сосед. Взял он свой топор и пошёл в лес.

Пришёл на то же самое место у реки, стук-стук в дерево... Топор легонько был прикреплён к топорищу — шлёп! — и упал в воду.

Застонал богач:

— Ай, ай, я несчастный! Ай, ай, я пропащий!

В это время из лесу — топтык-потоптык! — и приковылял хромой старик, можжевеловая борода, нос — еловая шишка, и спрашивает: «Чего, человек, горюешь?»

— Как мне не горевать: рубил дерево, топор с топорища соскользнул и упал в воду. Кто мне его теперь выловит?

— Ну, успокойся, я его вытащу,— сказал старик и, скинув тулуп, бултых в воду!

Минуты не прошло, выплыл с железным топором в руках.

— Это твой?

— Нет, не мой! — отвечает богач.

Старик опять погрузился в воду и вынырнул с серебряным топором.

— Твой ли этот?

— Нет, не мой! Мой был лучше!

В третий раз нырнул старик и вытащил золотой топор.

— Вот, вот, этот так мой!— обрадовался богач.— Я издали его узнал.

Только что он сказал, старик бултых в воду с золотым топором — и пропал. А богач, быть может, ещё и сегодня на берегу сидит и ждёт, когда старик вынырнет и принесёт ему бриллиантовый топор.

ЧУДЕСНЫЙ КЛАД

Молдавская сказка

Жил когда-то на свете один человек. У него было три сына. Был тот человек старательный и трудолюбивый, никогда без дела не сидел. Работал он с раннего утра до позднего вечера не зная устали. Везде поспевал. Сыновья у него были рослые, красивые, сильные, а работать не любили. Отец и в поле, и в саду, и дома трудился, а сыновья сидели под деревьями в тени и болтали или ходили на Днестр рыбу ловить.

— Что же вы не работаете никогда? Почему отцу не помогаете?— спрашивали их соседи.

— А зачем нам работать?— отвечали сыновья.— О нас отец заботится, он везде сам справляется!

Так они и жили год за годом.

Сыновья выросли, а отец постарел, ослабел и не мог уже работать, как прежде. Запустел у них сад около дома, заросло поле сорной травой.

Видят это сыновья, а работать не хотят.

— Что же вы, сынки, без дела сидите?— спрашивает их отец.— Пока я был молодой, я работал, а теперь ваша пора пришла.

— Успеем ещё поработать,— говорят в ответ сыновья.

Горько стало старику, что сыновья у него такие лентяи.

Заболел он от горя и слёг в постель.

Тут уж семья совсем в бедность пришла. Сад весь зарос, одичал, выросли в нём крапива да лебеда, так что из-за них даже дома не было видно.

Однажды созвал старик своих сыновей и сказал им:

— Ну, сынки, пришёл мой смертный час. Как вы теперь без меня жить будете? Трудиться вы не любите и не умеете.

Сжались у сыновей сердца, заплакали они.

— Скажи нам, отец, что-нибудь напоследок, посоветуй что-нибудь! — попросил старший брат.

— Хорошо! — сказал отец.— Открою я вам одну тайну. Все вы знаете, что я и покойная ваша мать работали не покладая рук. За долгие годы скопили мы для вас богатство — горшок с золотом. Закопал я этот горшок возле дома, только не помню, в каком месте. Ищите мой клад, и тогда будете вы жить не зная нужды.

Рисунок И. Кузнецова.

Простился отец с сыновьями и умер.

Похоронили сыновья старика, погоревали. Потом старший брат сказал:

— Что ж, братья, пришли мы в большую бедность, жить нам нечем, не на что даже хлеба купить. Помните, что отец перед смертью говорил? Давайте искать горшок с золотом!

Взяли братья заступы и стали копать возле самого дома небольшие ямки.

Покопали они, покопали, но найти горшок с золотом не могли.

Тогда средний брат говорит:

— Братья! Если мы так будем копать, то никогда не найдём отцовского клада. Давайте раскопаем всю землю вокруг нашего дома!

Братья согласились. Снова взялись за свои заступы, вскопали всю землю, но горшка с золотом так и не нашли.

— Эх,— говорит младший брат,— давайте вскопаем землю ещё раз, да поглубже! Может, отец закопал горшок с золотом глубоко.

Согласились братья. Очень уж хотелось им разыскать отцовский клад!

Снова принялись все за работу.

Копал-копал старший брат, вдруг наткнулась его лопата на что-то большое и твёрдое. Забилось у него сердце, обрадовался он, кликнул своих братьев:

— Идите скорее ко мне: я отцовский клад нашёл!

Прибежали средний и младший братья, стали помогать старшему.

Трудились, трудились и выкопали из земли не горшок с золотом, а тяжёлый камень.

Обидно им стало, они и говорят:

— Что же нам с этим камнем делать? Не оставлять же здесь! Отнесём его подальше да бросим в овраг!

Так они и сделали. Убрали камень и опять принялись землю раскапывать. Целый день работали, о еде, об отдыхе забыли! Перекопали ещё раз всю землю. Земля стала пышной и мягкой. А горшка с золотом так и не нашли.

— Что ж,— говорит старший брат,— раскопали мы землю — не пустовать же ей! Давайте посадим на этой земле виноград.

— Верно,— говорят братья.— Хоть не даром пропадут наши труды.

Посадили они виноградные лозы и стали ухаживать за ними.

Немного времени прошло, разросся у них большой да хороший виноградник. Созрели сочные, сладкие гроздья.

Собрали братья богатый урожай. Оставили себе сколько нужно, а остальное продали — много денег получили.

Тогда сказал старший брат:

— Недаром мы раскопали всю нашу землю: нашли мы в ней драгоценный клад, о котором нам перед смертью отец говорил!

СКАТЕРТЬ, БАРАН И ДУБИНКА

Латышская сказка

У одного отца было трое сыновей: двое умных и один дурачок. Однажды один из умных сыновей стал к отцу приставать, чтобы тот его в свет отпустил. Отец отпустил. Шёл, шёл умный сын, но на беду свою нигде не мог работу отыскать. По дороге встретил одного человека и стал просить у него хоть какую-нибудь работёнку.

Тот человек и говорит:

— Если согласишься на жалованье, какое я тебе в конце года сам положу,— иди со мной.

Сын согласился. Прошёл год, а человек тот вместо заработка дал парню скатерть и говорит:

— Ты мне усердно служил, теперь получай награду! Скатерть дороже всяких денег. Стоит только тебе её разостлать и крикнуть: «Скатерть, накройся!», как сразу на ней появятся самые лакомые блюда, самые сладкие напитки.

Сын поблагодарил своего хозяина и зашагал домой. На полпути настиг его вечер: делать нечего, пришлось в одно имение завернуть, ночлега поискать. Барин его принял, но полюбопытствовал, что за скатерть у него такая.

— Это такая скатерть, которой никак нельзя говорить: «Скатерть, накройся!» — отвечал парень и улёгся спать.

Пока парень спал, барин взял скатерть и крикнул: «Скатерть, накройся!» Тут же появились самые лакомые блюда, сладчайшие напитки. При виде этого барин взял себе диковинную скатерть, а вместо неё подложил парню свою.

На другой день, вернувшись домой, парень, ничего дурного не предчувствуя, просит отца гостей созывать — он-де своей скатертью всех богато угостит.

Собрались гости. Умный сын воскликнул:

— Скатерть, накройся!

А скатерть не накрывается, да и только! Диву даётся парень, но чем тут горю пособить? Гости стали посмеиваться, отец разгневался, вся похвальба умного сына мыльным пузырём лопнула.

Вскоре второй умный сын стал отцу докучать, чтоб его в люди отпустил.

Отец отпустил. Шёл, шёл сын, да работу так и не сыскал. Повстречался ему тот самый человек. Стал второй сын у него работу просить. Человек отвечает:

— Если согласишься на жалованье, какое я тебе в конце года сам положу,— иди со мной.

Согласился и второй сын. В конце года человек дал своему новому работнику барана да и говорит:

— Прилежно ты мне служил, получай награду! Баран этот дороже денег. Только молви: «Баранчик, жуй!», как баран тут же отрыгнёт золотыми монетами.

Поблагодарил второй умный сын и пошёл себе домой. На полпути настиг его вечер, пришлось у того же барина ночлега искать, у которого раньше брат ночевал. Барин его принял, но полюбопытствовал, что это за баран у него такой.

— Это такой баран, которому никак нельзя говорить: «Баранчик, жуй!» — ответил второй сын и улёгся спать.

Но только он заснул, как барин сказал: «Баранчик, жуй!» — и с радостью заграбастал отрыгнутые бараном золотые монеты. Барин взял себе чудесного барана, а вместо него подложил пареньку своего.

Утром, вернувшись домой, второй сын просит отца гостей созывать — его, дескать, баран всех богато одарит.

Собрались гости. Второй умный сын воскликнул:

— Баранчик, жуй!

Но не тут-то было: баран не жуёт, да и только. Парень глазам своим не верит, гости посмеиваются, отец разгневался, вся похвальба мыльным пузырём лопнула.

Спустя некоторое время стал дурачок отцу докучать: и он хочет в люди. Но отец отвечал:

— Твои умные братья ничего не смогли сделать, на что же ты, дурачок, надеешься?

Но дурачок привязался — пусти да пусти! Пришлось отцу уступить, отпустил он дурачка.

Шёл, шёл дурачок, пока не встретил того же человека. Пристал к нему дурачок: давай ему работу. Человек отвечает:

— Если согласишься на жалованье, какое я тебе в конце года сам положу,— иди за мной.

Ладно, дурак согласился.

В конце года человек тот дал дурачку дубинку и говорит:

— Прилежно ты мне служил, получай же награду! Эта дубинка дороже всех денег. Стоит только тебе молвить: «Дубинка, бей!», как она начнёт дубасить всякого, кто только вздумает тебя обидеть.

Поблагодарил дурачок и пошёл себе домой. На полпути настиг его вечер; делать нечего, пришлось заночевать в том же имении, где когда-то оба брата ночлег нашли. Барин его охотно приютил, но полюбопытствовал, что это за дубинка такая.

— Это такая дубинка, которой никак нельзя говорить: «Дубинка, бей!» — ответил дурачок и пошёл спать.

Пока дурачок спал, барин схватил дубинку и только произнёс: «Дубинка, бей!», как в тот же миг дубинка послушно вскочила барину на спину и ну его дубасить что есть мочи. Сначала барину стыдно было кричать, но когда всё тело покрылось синяками, он закричал и побежал будить дурачка, чтобы тот его спас. Но дурачок ответил:

— Отдай скатерть и барана, которые ты у моих братьев отнял, тогда я тебя освобожу.

— Отдам, всё отдам,— ответил барин и поспешил за краденым добром. Затем, кланяясь, проводил дурачка до ворот и даже руку ему поцеловал.

БАЙ И НОВЫЙ ЧАПАН АПЕНДИ

Киргизская сказка

Однажды один богатый бай устроил той в честь своего единственного сына. В хорошо убранной юрте хозяин принимал знатных людей, а бедных, одетых в простые одежды, усаживал в старой тесной юрте.

Пришёл к баю Апенди. Был он одет в рваный халат и дырявые сапоги. Бай сделал вид, что не заметил Апенди, и слуги отправили его в юрту, где сидели бедняки.

Вкусную еду носили туда, где сидели богачи, а беднякам приносили объедки.

На следующий день Апенди надел на себя новый халат, на ноги натянул блестящие ичиги [1], на них — новые галоши, голову обмотал чалмой и снова пошёл на байский той.

Не успел Апенди показаться, как навстречу ему вышли байские джигиты, даже сам бай. Все они с почтением приняли его и посадили в богато убранной юрте. И сейчас же поставили перед Апенди всякие яства.

Тогда Апенди взял полу своего халата и начал совать её в чашку.

— Кушай, дорогой гость, кушай, сколько хочешь,— приговаривал он.

Бай возмутился:

— Эй, Апенди, что ты делаешь? Ведь плов кушает человек, а не халат!

На это Апенди ответил:

— Вчера, когда я пришёл в рваном халате и в дырявых сапогах, меня никто не встретил и не угощал. Сегодня я надел новый халат, блестящие ичиги с галошами. И вот передо мной — полные чаши со всякой вкусной едой. Значит, хозяин уважает не меня, а мою одежду. Пусть же наестся мой халат!

АИСТ-ТАБИБ

Таджикская сказка

Волк таскал баранов у жителей кишлака. Однажды зарезал волк барашка и так торопился его съесть, что подавился костью.

Он не мог глотать, даже дышал с трудом. Пошел волк к табибу-лекарю.

— Твоей беде нельзя помочь,— сказал табиб,— кость застряла так глубоко в горле, что её не вынуть. Ты умрёшь.

---

[1] Ичиги — мягкие сапожки.

Испугался волк и заплакал. Горько плача, шёл он полем. Услышал его аист и спросил:

— Что случилось с тобой?

— И не спрашивай! — прохрипел волк.— Горе мне: я умираю! В горле у меня застряла кость. Табиб не смог мне помочь!

Видит аист — и в самом деле приходит волку конец. Жалко стало ему волка.

— А ну-ка подойди поближе. Посмотрю, что у тебя в горле,— сказал аист.— Когда-то мой отец был табибом, и я коечему от него научился.

— Ох ты, мой хороший! — обрадовался волк.— Если ты спасёшь меня, награжу тебя чем хочешь!

Всунул аист свой длинный клюв в горло волка, ухватил застрявшую там кость и вытащил её.

Почувствовав облегчение, волк, очень довольный, пустился бежать.

— Стой! А где же твоя награда? — спросил аист.

— Ты ещё недоволен! — зарычал волк.— Ты засунул свою голову в моё горло и целёхонькой вынул её обратно! Разве это для тебя не награда?

ЗМЕЯ И РЫБА

Армянская сказка

Змея и рыба побратались.

— Сестрица,— сказала змея рыбе,— возьми меня на спину и покатай по морю.

— Хорошо,— ответила рыба,— садись мне на спину, я покатаю тебя; посмотри, каково наше море.

Змея обвилась вокруг рыбы, а та поплыла по морю. Не успели они немного проплыть, как змея укусила рыбу в спину.

— Сестрица, почему ты кусаешь меня? — спросила рыба.

— Я нечаянно,— ответила змея.

Проплыли еще немного и змея опять укусила рыбу.

— Сестрица, почему ты кусаешься? — спросила рыба.

— Солнце помутило мне голову,— ответила змея.

Проплыли еще немного, змея опять укусила рыбу.

— Сестрица, что это ты всё кусаешь меня?

— Такой уж у меня обычай,— ответила змея.

— А знаешь, у меня тоже есть обычай,— ответила рыба и нырнула в глубину моря.

Захлебнулась змея и утонула.

ГОРА САМОЦВЕТОВ

Туркменская сказка

Когда-то в одном селении жила старуха вдова, и был у неё сын Мирали. Жили они бедно. Старуха для людей шерсть чесала, шила, стирала — тем и зарабатывала на пропитание.

Когда Мирали подрос, мать сказала:

— Эй, сынок, я уже не в силах работать! Найди-ка себе какое-нибудь занятие, которым ты мог бы сам прокормиться.

— Хорошо,— сказал Мирали и отправился на заработки.

Ходил он туда, ходил он сюда — нигде не мог найти работу. Наконец пришёл к одному баю и спрашивает:

— Эй, бай, не нужен ли тебе работник?

— Нужен,— отвечает бай.

И нанял Мирали в работники.

Прошёл день — бай ничего не заставляет своего работника делать. Прошёл другой день — бай не даёт никаких приказаний. Прошёл третий день — бай как будто не замечает своего работника.

Удивительным показалось это Мирали.

«Для чего же бай нанял меня?» — думает он.

Пришёл к баю и спрашивает:

— Будет ли для меня какая-нибудь работа?

— Будет,— отвечает бай.— Завтра поедешь вместе со мной.

На другой день бай приказал Мирали зарезать быка и снять с него шкуру. Потом велел принести четыре больших мешка и привести двух верблюдов. На одного верблюда положил бычью шкуру и мешки, а на другого бай уселся сам, и они тронулись в путь.

Добрались они до подножия дальней горы. Тут бай остановил верблюдов и приказал Мирали снять мешки и бычью шкуру.

Рисунок И. Кузнецова.

Когда Мирали сделал это, бай велел ему вывернуть бычью шкуру и лечь на неё.

Не понял Мирали, для чего это нужно, но спорить не посмел — сделал так, как приказал хозяин.

Бай закатал Мирали в шкуру, обвязал ремнями, а сам спрятался за камнем.

Немного погодя прилетели две большие хищные птицы, схватили клювами свежую бычью шкуру и подняли её на самую вершину неприступной горы.

Здесь птицы принялись тащить шкуру в разные стороны клювами и когтями и разорвали ее. Увидели они человека, испугались и поспешно улетели, а бычью шкуру прихватили с собой.

Встал Мирали. Осматривается кругом.

Увидел это бай снизу и закричал:

— Чего же ты стоишь? Бросай-ка мне самоцветные камни, которые лежат у тебя под ногами!

Взглянул Мирали — и правда: всюду рассыпано множество разных драгоценных камней — и алмазы, и яхонты, и изумруды, и бирюза... Крупные, красивые, так и сверкают на солнце!

Стал Мирали собирать камни и бросать их вниз.

Мирали бросает, а бай подбирает да наполняет свои большие мешки.

Бросал, бросал Мирали баю драгоценные камни и стал тревожиться.

— Господин, как же я отсюда спущусь? — кричит он баю.

— Пока кидай мне побольше камней, а потом уж я тебе скажу, как спуститься с горы,— отвечает бай.

Мирали поверил и продолжал сбрасывать с горы драгоценные камни.

Когда все мешки наполнились доверху, бай навьючил их на верблюдов и крикнул, посмеиваясь:

— Сын мой! Теперь, надеюсь, ты и сам понял, какую работу я поручаю моим работникам. Посмотри, сколько их на горе!

Сказал это бай и уехал.

Остался Мирали один на горе. Принялся он искать место, где бы сойти, но вокруг были обрывы да пропасти и всюду валялись кости. Это были кости таких же, как он, работников бая. Страшно стало Мирали.

Вдруг над ним что-то зашумело. Не успел он оглянуться, как на него налетел огромный орёл и хотел его растерзать. Но Мирали не растерялся — он крепко уцепился обеими руками за лапы орла. Закричал орёл, поднялся в воздух и стал летать туда и сюда — всё старался сбросить Мирали. Наконец он устал и волей-неволей должен был спуститься на землю. Тут Мирали выпустил орла, и тот улетел. Так Мирали спасся от гибели.

Пошёл он на базар и снова стал наниматься в работники. Смотрит — идёт бай, его бывший хозяин.

— Не наймёшь ли меня в работники? — спрашивает Мирали.

Баю и в голову не пришло, что его работник остался в живых, до сих пор этого никогда не случалось. Не узнал он Мирали — принял за другого, нанял его и повёл к себе.

Вскоре бай приказал работнику зарезать быка и снять с него шкуру. Затем велел привести двух верблюдов и принести четыре мешка.

Направились они к подножию той же горы.

Как и в тот раз, бай велел Мирали лечь на бычью шкуру и завернуться в неё.

— Покажи мне, как это сделать. Я что-то не пойму,— сказал Мирали.

— Чего ж здесь понимать? Ложись вот так! — сказал бай и растянулся на вывернутой шкуре.

Тут Мирали быстро завернул бая в шкуру, крепко завязал его ремнями и отошёл.

— Эй, сын мой! — закричал бай.— Что ты со мной сделал?

Но тут подлетели две хищные птицы, схватили бычью шкуру и поднялись с ней на вершину горы. Там они стали когтями рвать шкуру. Увидели птицы человека, испугались и улетели. Поднялся бай на ноги.

— Эй, бай, не теряй времени даром — бросай сюда драгоценные камни, как я тебе кидал! — закричал снизу Мирали.

Только теперь бай узнал своего работника. Задрожал он от страха и злости и закричал:

— Как же это ты в прошлый раз спустился с этой горы? Отвечай скорее!

— Накидай вниз побольше драгоценных камней, а когда кончишь, я скажу тебе, как спуститься! — ответил Мирали.

Бай принялся кидать драгоценные камни, а Мирали собирал их. Наполнил он мешки, навьючил на верблюдов и крикнул баю:

— Эй, бай, взгляни: вокруг тебя разбросаны кости людей, которых ты погубил. Вот ты хорошенько и расспроси их, как спуститься с горы, а я тем временем отправлюсь домой.

Повернул Мирали верблюдов и поехал к своей матери.

Заметался бай на горе, стал кричать, грозить, упрашивать. Да только никто не услышал его.

КАЖДЫЙ СВОЁ ПОЛУЧИЛ

Эстонская сказка

Шёл однажды по дороге бедный старик прохожий. А время было уже вечернее, смеркалось.

Решил прохожий зайти в ближайший дом, попроситься на ночлег. Стукнул в окошко большого дома:

— Пустите переночевать!

Вышла из дома хозяйка-богачка и давай бранить прохожего, давай кричать на него.

— Сейчас,— кричит,—собак с цепи спущу! Узнаешь, какой у меня ночлег! Поди прочь!

Пошёл прохожий дальше. Увидел бедный, маленький домик, постучался в оконце и сказал:

— Эй, хозяева, приютите меня на одну ночку!

— Входи, входи! — приветливо отозвалась хозяйка.— Ночуй, только не взыщи: тесно у меня очень.

Вошёл прохожий в дом и видит: бедно в доме, ребятишек много, рубашонки на всех рваные.

— Почему же это у тебя ребята в таких лохмотьях ходят? — спрашивает прохожий.— Почему ты им новые рубашки не сошьёшь?

— Куда там! — отвечает женщина.— Муж у меня умер, одна я ребят ращу, где уж мне им новые рубашки шить!.. У нас и на хлеб денег нет.

Выслушал её прохожий, ни слова в ответ не сказал. А хозяйка собрала на стол ужин и стала звать прохожего:

— Садись, поешь с нами!

— Нет,— отвечает прохожий,— не хочу. Сыт я, недавно поел.

Развязал он свою сумку, достал всё, что было съестного, и сам угостил ребят. А потом улёгся и сейчас же заснул.

Рано утром старик проснулся, поблагодарил хозяйку за ночлег и сказал на прощанье:

— Всё, что ты начнёшь делать с утра, будешь делать до вечера!

Не поняла женщина слов прохожего и внимания на них не обратила. Проводила она старика до калитки, вернулась домой и подумала:

«Ну, если даже этот бедняк говорит, что мои дети оборвыши, то что же могут сказать другие!»

И решила она сшить из остатков полотна, которое у неё было, хоть одну рубашку. Отправилась к богатой соседке и попросила у неё аршин, чтобы вымерить полотно: хватит ли его хоть на одну рубашку?

Возвратилась бедная женщина от соседки и тотчас же отправилась в кладовую.

Взяла с полки кусок полотна и стала его мерить. Она мерит, а кусок всё длиннее становится, всё конца не видно... Целый день мерила и только вечером домерила до конца.

Ну, теперь и ей самой и всем её ребятам на всю жизнь хватит полотна для рубашек.

«Так вот о чём говорил мне утром прохожий!» — догадалась бедная женщина.

Вечером она отнесла аршин богатой соседке и рассказала ей без утайки, как она по слову прохожего получила полную кладовую полотна.

— Ах, зачем я этого прохожего не пустила ночевать! — подумала богачка и закричала:

— Эй, работник! Запряги-ка поскорее лошадь! Скачи вслед за нищим! Во что бы то ни стало привези его сюда! Бедным надо помогать не скупясь! Я всегда это говорила!

Работник тотчас же поехал разыскивать старика прохожего. Только на следующий день он нагнал его. Но старик не захотел возвращаться.

Загоревал работник и говорит:

— Ну, беда мне: не привезу тебя — выгонит меня хозяйка и жалованье не отдаст...

— Не горюй, паренёк,— отвечает старик,—так и быть, поеду с тобой!

Сел в повозку и поехал.

А богачка у ворот стоит, ждёт не дождётся. Встретила старика с поклонами, с улыбками, провела в дом, напоила, накормила, на мягкую постель уложила:

— Ложись, дедушка, отдыхай, милый!

Прожил старик прохожий у богачки день, прожил другой, прожил третий. Ест, пьёт, спит, трубочку курит. Хозяйка его угощает, ласковые слова ему говорит, а сама злится, думает: «И когда только этот старый негодник уберётся отсюда!..»

А прогнать старика не смеет — боится: прогонишь его, тогда все хлопоты даром пропадут.

На четвёртый день, к великой её радости, рано утром прохожий стал собираться в дорогу. Богачка вышла его проводить. Идёт старик к воротам, а сам молчит. Вышли за ворота — и опять ни словечка. Не вытерпела и говорит:

— Скажи-ка ты, что мне делать сегодня?

Посмотрел на неё прохожий и сказал:

— Всё, что начнёшь делать с утра, будешь делать до вечера!

Вбежала богачка в дом, схватила аршин, чтобы мерить полотно. Но тут она громко чихнула — так громко, что куры на дворе в испуге разлетелись в разные стороны.

И чихала она весь день, не останавливаясь:

— Ап-чхи! Ап-чхи! Ап-чхи!

Ни пить, ни есть, ни отвечать на вопросы богачка не могла. Только и слышно было:

— Ап-чхи! Ап-чхи! Ап-чхи!

И только когда солнце закатилось и совсем стемнело, перестала она чихать.

АЙОГА

Нанайская сказка

В роду Самаров жил один нанаец — Ла. Была у него дочка Айога. Красивая девочка. Все её очень любили. И сказал кто-то, что красивее Айоги ни в этом, ни в каком другом стойбище никого нет.

Айога загордилась. Стала рассматривать своё лицо. И понравилась сама себе. Смотрит, не может оторваться. Глядит — не наглядится. То в медный таз начищенный смотрится, то на своё отражение в воде любуется.

Совсем стала Айога ленивая.

Всё любуется собой.

Вот однажды говорит ей мать:

— Пойди принеси воды, Айога!

Дочка отвечает:

— Я в воду упаду.

— А ты за куст держись,— говорит ей мать.

— Куст оборвётся! — отвечает Айога.

— А ты за крепкий куст возьмись.

— Руки поцарапаю...

Мать говорит ей тогда:

— Рукавицы надень.

— Изорвутся,— говорит Айога. А сама всё в медный таз смотрится, какая она красивая.

— Так зашей рукавицы иголкой.

— Иголка сломается!

— Возьми толстую иголку,— говорит отец.

— Палец уколю! — отвечает дочка.

— Напёрсток надень, из крепкой кожи — ровдуги [1].

— Напёрсток прорвётся!

Тут соседская девочка говорит матери Айоги:

— Я схожу за водой, мать.

Пошла и принесла воды.

Замесила мать тесто. Сделала лепёшки. На раскалённом очаге испекла.

Увидела Айога лепёшки, кричит:

— Дай мне лепёшку, мать!

— Горячая она. Руки обожжёшь,— отвечает мать.

— Я рукавицы надену,— говорит Айога.

— Рукавицы мокрые.

— Я их на солнце высушу.

— Покоробятся они,— отвечает мать.

— Я их мялкой разомну.

— Руки заболят,— отвечает мать.— Зачем тебе трудиться,

---

[1] Ровдуга — баранья, козья, оленья шкура, выделанная в замшу.

красоту свою портить? Лучше я лепёшку той девочке отдам, которая рук своих не жалеет.

Взяла мать лепёшку и отдала соседской девочке.

Рассердилась Айога. Пошла за дверь, на реку. Смотрит на своё отражение в воде. А соседская девочка жуёт лепёшку. Стала Айога на девочку оглядываться. Шея у неё вытянулась — длинная стала. Говорит девочка Айоге:

— Возьми лепёшку. Мне не жалко!

Совсем разозлилась Айога. Зашипела. Замахала руками, пальцы растопырила, побелела вся от злости — так замахала, что руки у неё в крылья превратились.

— Не надо мне ничего-го-го! — кричит.

Не удержалась на берегу, бултыхнулась Айога в воду и превратилась в гуся.

Плавает и кричит:

— Ах, какая я красивая! Го-го-го! Ах, какая я красивая!..

Плавала, плавала, пока по-нанайски говорить не разучилась. Все слова забыла.

Только имя своё не забыла, чтобы с кем-нибудь её, красавицу, не спутали, и кричит, чуть людей завидит:

— Ай-ога-га-га! Ай-ога-га-га!

КУКУШКА

Ненецкая сказка

Вот что было.

Жила на земле бедная женщина. Было у неё четверо детей.

Не слушались дети матери. Бегали, играли на снегу с утра до вечера.

Вернутся к себе в чум, целые сугробы снега на пимах натащат, а мать — убирай. Одёжу промочат, а мать — суши.

Трудно было матери.

Вот один раз летом ловила мать рыбу на реке. Тяжело ей было, а дети ей не помогали.

От жизни такой, от работы тяжёлой заболела мать. Лежит она в чуме, детей зовёт, просит:

— Детки, воды мне дайте. Пересохло у меня горло. Принесите мне водички.

Не один, не два раза просила мать. Не идут дети за водой.

Старший говорит:

— Я без пимов.

Другой говорит:

— Я без шапки.

Третий говорит:

— Я без одёжи.

А четвёртый и совсем не отвечает.

Сказала тогда мать:

— Близко от нас река, и без одёжи можно за водой сходить. Пересохло у меня во рту. Пить хочу!

Засмеялись дети, из чума выбежали. Долго играли, в чум к матери не заглядывали. Наконец захотел старший есть — заглянул в чум.

Смотрит он, а мать посреди чума стоит. Стоит и малицу надевает.

И вдруг малица перьями покрылась.

Берёт мать доску, на которой шкуры скоблят, и доска та хвостом птичьим становится.

Напёрсток железный клювом ей стал.

Вместо рук крылья выросли.

Обернулась мать птицей и вылетела из чума.

Закричал старший сын:

— Братья, смотрите, смотрите, улетает наша мать птицей!

Тут побежали дети за матерью, кричат ей:

— Мама, мы тебе водички принесли!

Отвечает им мать:

— Ку-ку, ку-ку! Поздно, поздно. Теперь озёрные воды передо мной. К вольным водам лечу я.

Бегут дети за матерью, зовут её, ковшик с водой ей протягивают.

Меньшой сынок кричит:

— Мама, мама! Вернись домой! Водички на! Попей, мама!

Отвечает мать издали:

— Ку-ку, ку-ку, ку-ку! Поздно, сынок, не вернусь я. Так бежали за матерью дети много дней и ночей — по камням, по болотам, по кочкам.

Ноги себе в кровь изранили. Где пробегут, там красный след останется.

Навсегда бросила детей мать-кукушка.

И с тех пор не вьёт себе кукушка гнезда, не растит сама своих детей.

А по тундре с той самой поры красный мох стелется.

5 Зак. 1297

ПЕСЕНКИ И СКАЗКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

ПЕСЕНКИ

ПОЛЬСКИЕ

ТОП-ТОП

Топ-топ по земле —
Ведь земля-то наша,
И для нас на ней растут
Пироги и каша!

СЧИТАЛОЧКА

— Тады-рады-тынка —
Где же наша свинка?
— Тады-рады-толки:
Съели свинку волки!

— Тады-рады-тынкой —
Ты бы их дубинкой!
— Тады-рады-тутки:
С волком плохи шутки!

— Тады-рады-тышка —
Выходи, трусишка!

Рисунок Л. Токмакова.

ЧЕШСКИЕ

СЕМЕЙКА

Мышка в кружечке зелёной
Наварила каши пшённой.
Ребятишек дюжина
Ожидает ужина.
Всем по ложечке досталось —
Ни крупинки не осталось!

ХОРОВОД

Можно ль козам не бодаться,
Если рожки есть?
В пляс девчонкам не пускаться,
Если ножки есть?
За рога возьмём козлёнка,
Отведём на луг,
А девчонку за ручонку —
В наш весёлый круг!

БОЛГАРСКАЯ

ДАНКА ПО ВОДУ ПОШЛА

Застучали каблучки
По дорожке вдоль реки.
Знают жители села —
Данка по воду пошла.

ВЕНГЕРСКИЕ

ПРИХОДИТЕ В ГОСТИ

Утка, утка, дикий гусь!
В гости вас не дозовусь.
Непременно приходите,
Да и миску приносите.
Что найдется — поедите,
Где придется — посидите.

ВОРОБЬИНАЯ ПЕСЕНКА

Воробьишке на ветке не сидится:
Стал он прыгать, скакать, веселиться!
Веселился, веселился
Да с берёзы свалился!
Он заохал, захромал:
— Ох, я ноженьку сломал!
Будет вечером скрипочка играть,
Как теперь мне венгерку плясать?

КУБИНСКАЯ

Утро в дверь стучится:
— Эй вставай, Бартоло!
Хлеб возьми с корицей,
И скорее — в школу.

СЕРБСКАЯ

По камням
Стучат подковы,
По долам
Мычат коровы.
По лесам
Летают совы,
Прогоняют
Сон от Йовы.
Мама песенку
Споёт —
Сон от Йовы
Не уйдёт.

НЕМЕЦКИЕ

ЗНАЮТ МАМЫ, ЗНАЮТ ДЕТИ...

Знают мамы,
Знают дети,
Знают взрослый и малыш:
На безногом табурете
Ни за что не усидишь,

Без колёс не сдвинешь воза,
Хоть впряги в него коня,
Не спасёшься от мороза,
Если в печке нет огня.

От иголки мало толка,
Если без ушка́ иголка.
Так и руки без труда
Не годятся никуда.

Рисунок В. Конашевича.

ТЫ, ПОРТНОЙ, ТАКОЙ УМЕЛЫЙ

Ты, портной,
Такой умелый!
Сшей для куклы
Фартук белый.
Я сама бы сшить могла,
Но пока ещё мала.

ФРАНЦУЗСКАЯ

Ручки, спляшите разок —
Будет вам завтра пирог!
Ах вы мои мастерички,
Быстрые ручки-сестрички!

Яблочный будет пирог,
Только спляшите разок!

АНГЛИЙСКИЕ

ХРАБРЕЦЫ

Наши-то портные
Храбрые какие:
«Не боимся мы зверей,
Ни волков, ни медведей!»
А как вышли за калитку
Да увидели улитку —
Испугалися,
Разбежалися!
Вот они какие,
Храбрые портные!

Рисунок В. Сутеева.

БАРАБЕК

Робин-Бобин Барабек
Скушал сорок человек,
И корову, и быка,
И кривого мясника,
И лопату, и дугу,
И метлу, и кочергу,
Скушал башню, скушал дом
И кузницу с кузнецом,
А потом и говорит:
«У меня живот болит!»

ПЕРЧАТКИ

Потеряли котятки
На дороге перчатки
И в слезах прибежали домой.

— Мама, мама, прости,
Мы не можем найти,
Мы не можем найти
Перчатки!

— Потеряли перчатки?
Вот дурные котятки!
Я вам нынче не дам пирога.
Мяу-мяу, не дам,
Мяу-мяу, не дам,
Я вам нынче не дам пирога!

Побежали котятки,
Отыскали перчатки
И, смеясь, прибежали домой!

— Мама, мама, не злись,
Потому что нашлись,
Потому что нашлись
Перчатки!

— Отыскали перчатки?
Вот спасибо, котятки!
Я за это вам дам пирога.
Мур-мур-мур, пирога,
Мур-мур-мур, пирога,
Я за это вам дам пирога!

* * *

— Маленькая девочка,
Скажи, где ты была?
— Была у старой бабушки
На том конце села.

— Что ты пила у бабушки?
— Пила с вареньем чай.
— Что ты сказала бабушке?
— «Спасибо» и «прощай».

РАНО В КРОВАТЬ

Рано в кровать,
Рано вставать —
Горя и хвори
Не будете знать.

ШОТЛАНДСКИЕ

КУПИТЕ ЛУК

Купите лук, зелёный лук,
Петрушку и морковку!
Купите нашу девочку,
Шалунью и плутовку!

Не нужен нам зелёный лук,
Петрушка и морковка,
Нужна нам только девочка,
Шалунья и плутовка!

КРОШКА ВИЛЛИ ВИНКИ

Крошка Вилли Винки
Ходит и глядит:
Кто не снял ботинки?
Кто ещё не спит?
Стукнет вдруг в окошко
Или дунет в щель:
Вилли Винки крошка
Лечь велит в постель.

Где ты, Вилли Винки?
Влезь-ка к нам в окно.
Кошка на перинке
Спит уже давно.
Спят в конюшне кони,
Начал пёс дремать.
Только мальчик Джонни
Не ложится спать!

ГОЛЛАНДСКАЯ

МЕДВЕДЬ

Я видел, как медведь, медведь,
Я видел, как медведь, медведь.
Зимой хотел коньки надеть,
Хотел коньки надеть.
Да ну? Медведь? Так он же зверь!
Медведь, медведь, уж ты поверь,
Хотел коньки надеть.
Медведь собрался в гости к нам,
Собрался в гости к нам,
В красивый город Амстердам.

Да ну? Медведь? Так он же зверь!
Медведь, медведь, уж ты поверь,
К нам в гости — в Амстердам!
Но он сломал один конёк
И починить его не мог,
И починить его не мог.
Да ну, медведь? Ведь он же зверь!
Медведь, медведь, уж ты поверь,
Он починить не смог.

НОРВЕЖСКАЯ

ПЕСНЯ МОРЯКА

Мы поднимаем якоря
И отплываем чуть заря.
Море зовёт.
Ветер поёт:
Вперёд!
Вперёд!
Вперёд!

Мы поднимаем якоря
И отплываем чуть заря.
Помни свой край!
Не унывай!
Прощай!
Прощай!
Прощай!

ЯПОНСКИЕ

ЛОТОС

Посмотри на белый лотос —
Он раскрыл свои цветы:
Время лотосу цвести.

А теперь смотри на лотос —
Он закрыл свои цветы:
Время лотосу уснуть.

УЛЫБКИ

Солнышко встало —
Утро настало,

Утро настало —
Птицы запели,

Птицы запели —
Дети проснулись,

Дети проснулись —
Улыбки повсюду.

ЕДЕМ, ЕДЕМ НА ЛОШАДКЕ

Едем, едем на лошадке
По дорожке гладкой.
В гости нас звала соседка
Кушать пудинг сладкий.

Мы приехали к обеду,
А соседки дома нету.
Две собачки у порога
Нам сказали очень строго:

— Ав-ав-ав!
— Гав, гав, гав!

ВОДЯТ ПЧЁЛЫ ХОРОВОД

Водят пчёлы хоровод —
Брум, брум.
В барабан ударил кот —
Трум, трум.

Стали мыши танцевать —
Тир-ля-ля —
Так, что начала дрожать
Вся земля.

Рисунок А. Кокорина.

ТРУДОЛЮБИВЫЙ НИССЕ

Хоть Ниссе ростом невелик,
Он все премудрости постиг:
Умеет он пахать и жать,
Умеет яблони сажать,
Он знает, как испечь пирог,
Как делать масло и творог,
Он может сапоги тачать,
Ребят умеет он качать,
Он знает, где грибы в лесу,
Он может выследить лису,
Он может строить, жарить,
шить.
С таким легко на свете жить.

ФИНСКАЯ

БЕЛЬЧАТА

Видишь — ушки беличьи торчат,
Возле белки четверо бельчат.
Ветка да иголки над гнездом —
На сосне такой уютный дом!

СКАЗКИ

ДВА ЖАДНЫХ МЕДВЕЖОНКА

Венгерская сказка

По ту сторону стеклянных гор, за шёлковым лугом, стоял нехоженый, невиданный густой лес. В этом нехоженом, невиданном густом лесу, в самой его чаще, жила старая медведица. У неё было два сына. Когда медвежата выросли, они решили пойти по свету искать счастья.

Поначалу пошли они к матери и, как то положено, распрощались с ней.

Обняла старая медведица сыновей и наказала им никогда не расставаться друг с другом.

Обещали медвежата исполнить наказ матери и тронулись в путь-дорогу.

Шли они, шли. И день шли и другой шли. Наконец все припасы у них кончились. А медвежата проголодались.

Понурые брели они рядышком.

— Эх, братик, до чего же мне есть хочется! — пожаловался младший.

— И мне хочется! — сказал старший.

Так они всё шли да шли и вдруг нашли круглую головку сыра. Хотели было поделить её поровну, но не сумели. Жадность одолела медвежат: каждый боялся, что другому достанется больше.

Спорили они, рычали, и вдруг подошла к ним лиса.

— О чём спорите, молодые люди? — спросила лиса.

Медвежата рассказали ей о своей беде.

— Какая же это беда! — сказала лисица.— Давайте я вам поделю сыр поровну: мне что младший, что старший — всё одно.

— Вот хорошо-то! — обрадовались медвежата.— Дели!

Лиса взяла сыр и разломила его на две части. Но расколола головку так, что один кусок — это даже на глаз было видно — был больше другого.

Медвежата закричали:

— Этот больше!

Лиса успокоила их:

— Тише, молодые люди! И эта беда не беда. Сейчас я всё улажу.

Она откусила добрый кусок от большей части и проглотила его. Теперь большим стал меньший кусок.

— И так неровно! — забеспокоились медвежата.

— Ну, полно! — сказала лиса.— Я сама знаю своё дело!

И она откусила кусок от большей части. Теперь больший кусок стал меньшим.

— И так неровно! — вскричали медвежата.

— Да будет вам! — сказала лиса, с трудом ворочая языком, так как рот её был набит вкусным сыром.— Ещё самая малость — и будет поровну.

Лиса продолжала делить сыр. А медвежата только чёрными носами водили туда-сюда — от большего куска к меньшему, от меньшего к большему.

Покуда лисица не наелась досыта, она всё делила и делила.

Но вот куски сравнялись, а медвежатам почти и сыра не осталось: два крохотных кусочка.

— Ну что ж,— сказала лиса,— хоть и помалу, да зато поровну! Приятного вам аппетита, медвежата!

И, помахав хвостом, она убежала.

Так-то вот бывает с теми, кто жадничает!

У СОЛНЫШКА В ГОСТЯХ

Словацкая сказка

Однажды большая туча занавесила небо. Солнце три дня не показывалось.

Заскучали цыплята без солнечного света.

— Куда это солнышко девалось? — говорят.— Нужно его поскорее на небо вернуть.

— Где же вы его найдёте? — закудахтала наседка.— Разве вы знаете, где оно живёт?

— Знать-то мы не знаем, а кого встретим, того спросим,— ответили цыплята.

Собрала их наседка в дорогу. Дала мешочек и сумочку. В мешочке — зёрнышко, в сумочке — маковинка.

Отправились цыплята. Шли-шли и видят: в огороде, за коча-

ном капусты, сидит улитка. Сама большая, рогатая, а на спине хатка стоит.

Остановились цыплята и спрашивают:

— Улитка, улитка, не знаешь ли, где солнышко живёт?

— Не знаю. Вон на плетне сорока сидит — может, она знает.

А сорока ждать не стала, пока к ней цыплята подойдут. Подлетела к ним, затараторила, затрещала:

— Цыплята, куда вы идёте, куда? Куда вы, цыплята, идёте, куда?

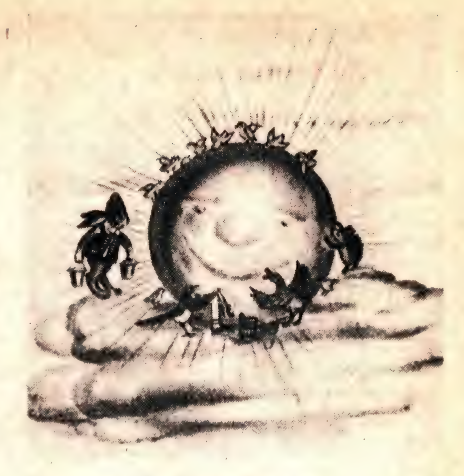
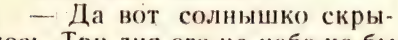

Рисунок Ю. Васнецова.

Отвечают цыплята:

— Да вот солнышко скрылось. Три дня его на небе не было. Идём его искать.

— И я пойду с вами! И я пойду с вами! И я пойду с вами!

— А ты знаешь, где солнышко живёт?

— Я-то не знаю, а заяц, может, знает: он по соседству за межой живёт! — затрещала сорока.

Увидел заяц, что к нему гости идут, поправил шапку, вытер усы и пошире ворота распахнул.

— Заяц, заяц,— запищали цыплята, затараторила сорока,— не знаешь ли, где солнышко живёт? Мы его ищем.

— Я-то не знаю, а вот моя соседка утка — та, наверно, знает: она около ручья, в камышах, живёт.

Повёл заяц всех к ручью. А возле ручья утиный дом стоит и челнок рядом привязан.

— Эй, соседка, ты дома или нет? — крикнул заяц.

— Дома, дома! — закрякала утка.— Всё никак не могу просохнуть — солнца-то три дня не было.

— А мы как раз солнышко идём искать! — закричали ей в ответ цыплята, сорока и заяц.— Не знаешь ли, где оно живёт?

— Я-то не знаю, а вот за ручьём, под дуплистым буком, ёж живёт — он знает.

Переправились они на челноке через ручей и пошли ежа искать. А ёж сидел под буком и дремал.

— Ёжик, ёжик,— хором закричали цыплята, сорока, заяц и утка,— ты не знаешь, где солнышко живёт? Три дня его не было на небе, уж не захворало ли?

Подумал ёж и говорит:

— Как не знать! Знаю, где солнышко живёт. За буком — большая гора. На горе — большое облако. Над облаком — серебристый месяц, а там и до солнца рукой подать!

Взял ёж палку, нахлобучил шапку и зашагал впереди всех дорогу показывать. Вот пришли они на макушку высокой горы. А там облако за вершину уцепилось и лежит-полёживает.

Залезли на облако цыплята, сорока, заяц, утка и ёж, уселись покрепче, и полетело облако прямёхонько к месяцу в гости.

А месяц увидел их и поскорее засветил свой серебряный рожок.

— Месяц, месяц,— закричали ему цыплята, сорока, заяц, утка да ёж,— покажи нам, где солнышко живёт! Три дня его не было на небе, соскучились мы без него.

Привёл их месяц прямо к воротам солнцева дома, а в доме темно, света нет: заспалось, видно, солнышко и просыпаться не хочет.

Тут сорока затрещала, цыплята запищали, утка закрякала, заяц ушами захлопал, а ёж палочкой застучал:

— Солнышко-вёдрышко, выгляни, высвети!

— Кто под окошком кричит? — спросило солнышко.— Кто мне спать мешает?

— Это мы — цыплята, да сорока, да заяц, да утка, да ёж. Пришли тебя будить — утро настало.

— Ох, ох!.. — застонало солнышко.— Да как мне на небо выглянуть? Три дня меня туча прятала, три дня собой заслоняла, я теперь и заблестеть не смогу...

Услыхал про это заяц — схватил ведро и давай воду таскать. Услыхала про это утка — давай солнце водой умывать. А сорока — полотенцем вытирать. А ёж давай колючей щетинкой начищать. А цыплята — те стали с солнышка соринки смахивать.

Выглянуло солнце на небо чистое, ясное да золотое.

И всюду стало светло и тепло.

Вышла погреться на солнышке и курица. Вышла, закудахтала, цыплят к себе подзывает.

А цыплята тут как тут. По двору бегают, зёрна ищут, на солнышке греются.

Кто не верит, пусть посмотрит — бегают по двору цыплята или нет?

МАЛЬЧИК И ЗЛАЯ МЕДВЕДИЦА

Болгарская сказка

За девятью горами на десятой жила злая и жадная медведица. Она нападала на всякого, кто встречался ей на пути. Не давала она никому житья в горах, спускалась и на поля, подбиралась даже к сёлам: то вола схватит, то коня и уж не отпустит их подобру-поздорову.

Стали люди бояться в поле на работу выходить и скотину на пастбище выгонять — такой свирепой и сильной была медведица. Решили её поймать. Чего только не придумывали, чтобы изло-

вить медведицу: и с вилами на неё выходили и собак на неё напускали — уходила она цела и невредима!

Вот однажды в село под горой пришёл мальчик-пастушонок. Увидел он, что все крестьяне невеселы, и спрашивает:

— Что с вами, люди добрые?

Рассказали мальчику про злую медведицу, а он и говорит:

— Я её поймаю.

— Ой, не хвались! — сказали ему.— У нас есть молодцы сильнее и храбрее тебя, да и то не сумели медведицу изловить! Куда уж тебе!

Но мальчик не унимается:

— Здесь дело не только в силе и храбрости. Нужно ещё кое-что, чтобы справиться с медведицей. Даю вам слово, что поймаю медведицу и живую приведу в село.

Крестьяне только головами покачали:

— Ты раньше времени не хвались! Вот приведёшь медведицу живой — тогда поверим.

— Хорошо,— сказал пастушонок и отправился прямо в лес, где жила страшная медведица.

А медведица жила в заброшенной пастушьей избушке вместе со своим маленьким медвежонком.

Пришёл мальчик к избушке, осмотрел её со всех сторон. Прислушался, в окно заглянул, видит — медведицы нет, и постучал в дверь. Вылез маленький медвежонок, увидел мальчика и спрашивает:

— Слушай, мальчик, что ты здесь ищешь? Не страшно тебе, что моя мамка тебя съест?

— Мне страшно, очень страшно,— отвечает мальчик,— но что же делать? Голод заставит и страх забыть. Я сирота, хожу по деревням, нанимаюсь в пастухи и так кормлюсь. А теперь люди испугались твоей матери и в поле скотину не выгоняют, так и мне работы нет. Очень прошу тебя, дай мне чего-нибудь поесть, а я тебе за это сказку расскажу.

Медвежонок был добрый — сжалился он над мальчиком и накормил его. А мальчик, когда наелся, начал рассказывать медвежонку сказки, одна другой лучше.

В середине самой интересной сказки мальчик вдруг замолчал.

— Рассказывай, рассказывай! — просит его медвежонок.

— Нет, мне пора уходить,— говорит мальчик,— а то твоя мамка застанет меня здесь и съест.

Но медвежонку так полюбились чудесные сказки, что он не хотел расставаться с мальчиком и стал просить его рассказать до конца хотя бы последнюю сказку.

— Хорошо,— сказал мальчик.— Сейчас я спрячусь на чердаке, а когда вернётся твоя мать, упроси её меня не трогать. Если она согласится, я слезу и буду продолжать сказку.

С этими словами мальчик забрался на чердак и притаился там. Тут медведица вернулась.

Медвежонок начал её просить:

— Мама, сегодня приходил мальчик-пастушок и такие хорошие сказки мне рассказывал! Очень не хотелось его отпускать. Но он меня не послушал, потому что боялся,— ты его съешь. Очень прошу тебя, мама, если ещё раз мальчик придёт, не трогай его, оставь его жить у нас,— не сидеть же мне целыми днями одному! Мы и поиграем, и сказки он мне расскажет.

— Ладно, не трону его,— согласилась медведица.— Коли знает хорошие сказки,— и я их послушаю.

Как только услыхал это мальчик, спустился с чердака и продолжал рассказывать свою прекрасную сказку. А когда кончил её, другую рассказал, а затем и третью...

Всю ночь рассказывал мальчик медведице и медвежонку сказки, одна другой лучше.

Медведица его слушала и не трогала.

Так и остался мальчик у медведицы с медвежонком. День живёт, другой, сказки им рассказывает, а про себя думает, как бы ему медведицу поймать. Наконец придумал. Проделал в крыше дыру. Когда шёл дождь, вода с крыши через дырявый потолок ручьями текла в избушку, так что сухого места там не оставалось.

Медведица сердилась, ворчала на дождь, но ничего не могла поделать.

А мальчик сказал ей:

— Не огорчайся, бабка-медведица, я тебе построю новую избушку.

Вот пошёл мальчик в село, раздобыл топор и гвозди и сделал медведице новую избушку — не избушку, а знатный сундук на колёсах.

Когда снова полил сильный дождь, мальчик и говорит медведице с медвежонком:

— Перебирайтесь в новую избушку! Там сухо и крыша не протекает.

Только они влезли туда, мальчик захлопнул дверцу, запер её и покатил сундук в село.

Поняла тут медведица, что попала в ловушку, и заревела так, что эхо по лесу покатилось.

А мальчик знай себе катит сундук на колёсах, посвистывает да песни поёт.

Взмолилась тогда медведица:

— Не губи нас, мальчик! Не буду я больше на всех нападать — ни лошадь, ни корову не трону, даже маленького зайца в лесу не обижу. Отпусти нас!

А маленький медвежонок услышал, что мать его говорит, и удивился: чего это она испугалась?

— Нас мальчик к себе везёт,— говорит он медведице.— Мы теперь у него жить будем. Он нам сказки станет рассказывать.— Но медведица не унимается: ревёт и ревёт.

Услыхали люди рёв медведицы, схватили кто вилы, кто топор, сбежались все — и что же видят? Катит по селу сундук на колёсах, а в нём медведица сидит.

Хотели медведицу убить.

Тут мальчик им и говорит:

— Я своё слово сдержал — привёз вам живую медведицу. А вы мою просьбу за это выполните: отпустите её с медвежонком подобру-поздорову. Не будет она больше никого трогать и обижать. Вы уж послушайтесь меня, отпустите её!

Подумали, посоветовались крестьяне и согласились. Отпустили медведицу и медвежонка на все четыре стороны.

Но медведи не убежали в лес, а за мальчиком пошли. Медвежонок опять стал мальчика просить новую сказку рассказать.

Увидели это люди и говорят:

— А пастушонок-то был прав: чтобы медведицу поймать, не только сила да храбрость нужны, а ещё кое-что...

А что — догадайтесь сами.

ПОСПЕШИШЬ — ЛЮДЕЙ НАСМЕШИШЬ

Польская сказка

Задумала тётушка Черепаха пироги печь. Хватилась — нет дрожжей.

— Проснись-ка, Черепахович, полно тебе спать! Сбегай к куме Зайчихе, попроси дрожжей.

Черепахович проворчал что-то спросонья, приоткрыл заспанные глаза и недовольно спросил:

— Чего тебе?

— Сбегай, говорю, к куме Зайчихе за дрожжами...

— Сроду никуда я не бегал. Вот сходить могу,— пробормотал Черепахович.

Сел, подумал, почесал поясницу и, кряхтя, осторожно полез с печи.

— Ты бы поживей, горе моё черепашье! — торопила тетушка Черепаха.

— К чему такая спешка? Недаром говорят: «Поспешишь — людей насмешишь».

Пока он слезал, пока сунул ноги в валенки, пока надел зипун да напялил на голову шапку, недели как не бывало.

— И чего ты топчешься! Шёл бы скорее, время-то не ждёт.

— Да вот кушак засунул куда-то, не найду никак.

— Так и знала! — воскликнула тётушка Черепаха и вместе с Черепаховичем принялась искать пропажу.

А черепашья суета известна: пока искали — ещё неделя миновала.

Черепахович поднял воротник, занёс ногу через порог, за ней другую... Дело на лад пошло.

— Смотри не мешкай, гостей ведь на пироги позвала!

— Знаю, знаю...

— А посудину захватил?

— Эх, совсем из ума вышло... Подай-ка сюда, неохота возвращаться.

— Вот был бы тут Заяц, он бы живо обернулся! А ты всё топчешься на месте, как медведь у пасеки,— сказала тётушка Черепаха, протягивая посудину для дрожжей.

— Подумаешь, невидаль какая — Заяц! Прыг-шмыг — вот и вся доблесть. А я как-никак хозяин с достатком: куда ни приду, всюду своя крыша над головой. Это понимать надо!

Приладив поудобнее посудину за пазухой, Черепахович надвинул шапку на самые глаза и отправился к Зайчихе.

Ушёл, а тётушка Черепаха радуется: поедят гости вдоволь пирогов вкусных, поджаристых, с капустой, с лучком да с грибками! И занялась приготовлением начинки.

Совсем стемнело, пора бы уж воротиться Черепаховичу, а его нет как нет. Так и не пришлось званым гостям отведать черепашьих пирогов. Вот и день прошёл, другой настал — нет ни дрожжей, ни Черепаховича. Год прошёл, другой и третий. Сгинул Черепахович, как топор в проруби.

«И куда-то он запропал? Хоть бы далеко послала, а то — рукой подать...» — раздумывала тётушка Черепаха.

Прошло ещё четыре года.

«Дай-ка,— думает тётушка Черепаха,— сбегаю на околицу, посмотрю».

Накинула платок, к двери двинулась — глядь, Черепахович по улице идёт, спешит-торопится, дрожжи в посудине глиняной несёт, крепко к груди прижимает — не уронить бы.

— Ну наконец-то! — обрадовалась тётушка Черепаха.

Не прошло и часу, завернул Черепахович в свой двор, подошёл к двери, у порога остановился передохнуть.

Отдышавшись, стал перелезать через порог. Одну ногу перетащил благополучно, да рваным валенком зацепился и растянулся во весь рост. Голова в избе, а ноги за дверью. Посудина вдребезги разбилась, дрожжи по избе потекли.

— Эх ты, скороход! Семь лет нёс, до избы не донёс! Зря только время потерял!

— Да-а-а...— заворчал Черепахович.— Говорил я тебе — не торопи, хуже будет. Так оно и вышло! Не зря говорится: «Поспешишь — людей насмешишь».

ПОЧЕМУ У МЕСЯЦА НЕТ ПЛАТЬЯ

Сербская сказка

Решил месяц сшить себе платье.

Снял с него портной мерку и сел за работу. В назначенный срок пришёл месяц за платьем.

А платье-то узко и коротко.

— Видно, я ошибся,— сказал портной. И снова сел за работу.

В назначенный срок пришёл месяц за платьем. Опять платье мало.

— Видно, и теперь я ошибся,— сказал портной. И снова стал кроить и шить.

В третий раз месяц пришел к портному.

Увидел портной — идёт по небу круглый месяц, не месяц, а луна целая да вдвое шире, чем платье, которое он только что сшил. Что было делать портному? Бросился он бежать. Искал его месяц, искал, да и не нашёл.

Так и остался месяц без платья.

КОШЕЧКА И ВЯЗАЛЬНЫЕ СПИЦЫ

Немецкая сказка

Жила-была одна бедная женщина. Вот отправилась она в лес за хворостом. Собрала большую вязанку, взвалила на спину и пошла домой. Вдруг видит — лежит под кустом кошечка, больная-пребольная и жалобно мяукает. Пожалела её женщина, положила в передник и понесла домой.

Возле дома встретили её дети и спросили:

— Мама, мама! Что это у тебя в переднике?

— Кошечка.

— Кошечка! — закричали дети.— Дай её нам поиграть!

Но мать не отдала её. Ведь кошечка была больная-пребольная. Напоила она кошечку тёплым молочком, постелила мяконькие тряпочки и уложила спать.

Отлежалась кошечка, поправилась, стала здоровой.

Прошло немного времени, и вдруг кошечка исчезла.

Нет кошечки!..

Пожалела бедная женщина, погоревала, да что поделаешь — ушла кошечка, и нет её.

Однажды отправилась бедная женщина в лес. Насобирала хворосту и решила: пора домой возвращаться. Подошла она к тому самому месту, где подобрала больную кошечку. И что же? Смотрит,— а на том самом месте сидит седая старушка.

Поманила старушка бедную женщину, а когда та подошла, бросила ей в передник пять вязальных спиц.

Пять вязальных спиц! Вот так подарок!.. И зачем они ей, когда дома свои спицы есть?

Принесла бедная женщина эти пять спиц домой и положила на стол.

Утром встала, смотрит — а на столе лежит пара новёхоньких, только что связанных чулок.

Удивилась бедная женщина. Но чулки взяла: ведь вон сколько у неё детей, и каждому чулки нужны!

6 Зак. 1297

Вечером она снова положила спицы на стол, а наутро там опять новые чулки лежат!

Поняла бедная женщина, что это кошечка ей за добро добром отплатила.

С тех пор спицы каждую ночь вязали бедной женщине по одной паре чулок.

Пара чулок — как будто пустяк, ну, а если каждый день понемногу, да так день за днём, неделю за неделей, месяц за месяцем, год за годом — сколько будет?

Вот и стала бедная женщина продавать чулки, и хватило ей заработка на всю жизнь.

А спицы всё вяжут да вяжут, каждую ночь — по новой паре. Если ещё не перестали.

МАЙЕНСКИЕ МАЛЬЧИШКИ

Французская сказка

Как-то раз шли по дороге майенские мальчишки: мальчишки из деревни Майены. И нашли три золотые монеты. Вот удача!

Только как разделить их? Мальчишек-то было двое, а монет — три. Вот задача!

Думали они да гадали, голову себе сломали, но ничего не придумали и решили посчитаться:

— Раз — моя!

— Два — твоя!

А третья чья? Нет, так не годится.

— Ты да я — это два!

— Я да ты — это три!

А где же раз? Опять не вышло. И решили майенские мальчишки пойти за советом к дядюшке Эрбина́ку.

Дядюшка Эрбинак недолго думая одну монетку дал одному мальчишке, другую — другому, а третью себе оставил. Ловко, а?

И пошли майенские мальчишки к себе домой очень довольные.

Золотая голова у дядюшки Эрбинака!

Т-с, не голова, а сундук. «Золотой сундук» — так прозвали его в деревне. А за что, как вы думаете?

КАК ОСЁЛ ПЕТЬ ПЕРЕСТАЛ

Итальянская сказка

В давние времена осёл, как рассказывает сказка, пел получше тенора.

Однажды собрались все звери на совет, и лев, который был у них царём, спросил:

— Кто из вас самый красивый?

— Я, йя! — сразу же закричал осёл.

— Хорошо, ты самый красивый.

— А кто же самый сильный?

— Я, йя! — закричал осёл, раньше чем остальные звери успели раскрыть рты.

— Ладно,— сказал лев.— А кто здесь самый глупый?

— Я, йя, йя! — второпях заревел осёл, испугавшись, как бы его не опередили.

Все звери так и покатились со смеху, а бедняга осёл со стыда потерял свой красивый голос.

С тех пор он только и умеет реветь:

— Я, йя, йя!

САМЫЙ КРАСИВЫЙ НАРЯД НА СВЕТЕ

Японская сказка

В старину, далёкую старину, были у ворона перья белые-белые. Захотелось ему принарядиться. Вот и полетел ворон к сове.

В те времена сова была красильщицей. Она красила всем птицам платья, в какой только цвет они пожелают: красный, синий, бирюзовый, жёлтый... От заказчиков отбоя не было.

— Госпожа сова! Госпожа сова! Выкр-р-рась мой наряд в самый кр-р-расивый цвет. Я хочу весь свет поразить своей кр-р-расотой.

— У-гу, у-гу, могу! — согласилась сова.— Хочешь голубое платье, как у цапли? Хочешь узорчатый наряд, как у сокола? Хочешь пёстрый, как у дятла?

— Нет, выбери для меня цвет совсем невиданный, чтобы другого такого наряда ни у одной птицы не было.

Стряхнул с себя ворон своё белое оперенье, а сам улетел.

Думала-думала сова, какой цвет самый невиданный, и выкрасила перья ворона в чёрный-чёрный цвет, чернее туши.

Прилетел ворон и спрашивает:

— Хор-рош ли нар-р-ряд у меня получился?

Надел он своё новое платье и давай в зеркало глядеться. Посмотрел да так и ахнул! С головы и до самого хвоста стал он чёрным-чёрным, и не разберёшь даже, где глаза, где нос.

— В какой это цвет ты мои перья выкр-р-расила, р-разбойница? — завопил ворон.

Стала сова оправдываться:

— Ты же сам хотел, чтобы я выкрасила твой наряд в небывалый цвет.

— Погоди же, поймаю тебя — р-разорву в клочья! Теперь мы вр-раги навсегда! — злобно закаркал ворон.

С той поры как увидит он сову, так и бросается на неё.

Вот почему сова днём прячется в дупле. Не показывается она на свет, пока ворон летает.

МОТХО И МУНГО

Индийская сказка

Давным-давно в одном селении на севере Индии жили две сестры — Мотхо и Мунго.

Однажды Мотхо сказала Мунго:

— Дорогая сестра, мы давно не видели нашего отца — с той поры, как он перешёл жить к старшему брату. Не пойти ли нам навестить его?

— Вот ещё, не хватало мне в другое селение тащиться! — сказала Мунго.— Можешь одна пойти, если тебе уж так хочется. А я лучше полежу, отдохну.

Мотхо не стала спорить с сестрой. А на следующий день, на рассвете, собралась в путь. Нужно было торопиться, чтобы дойти к отцу до дневной жары и к вечеру вернуться домой.

Хорошо было идти по дороге в раннюю пору! Солнце ещё не взошло, а только чуть золотило восток. Быстро шла Мотхо и весело напевала. Вдруг она услыхала, что её окликает сливовое дерево, стоящее у дороги.

— О Мотхо, помоги мне! — говорило дерево.— Острые колючки больно вонзились в мой ствол. Вынь их, пожалуйста!

— Бедное дерево! — сказала Мотхо и сразу принялась за работу.

Одну за другой она быстро вынимала колючки. Но их было очень много. И когда Мотхо совсем очистила от них дерево, солнце уже посылало свои первые горячие лучи на землю.

Ещё быстрее пошла Мотхо, чтобы всё же успеть дойти к отцу до дневной жары. Но вдруг её снова кто-то окликнул. Это был костёр, который едва-едва тлел у дороги.

— Помоги мне, Мотхо! — сказал костёр.— Видишь, меня совсем пеплом засыпало, и я скоро погасну.

— Бедный костёр! — пожалела его Мотхо.

Она опустилась на колени и осторожно стала снимать пепел с тлеющих углей. Потом подбросила сухих ветвей в костёр, и он запылал ярким пламенем.

Солнце тем временем поднялось совсем высоко.

Идти становилось всё труднее и труднее. От жары и пыли у Мотхо пересохло в горле. Но, увидев ручей, протекавший у дороги, она решила не задерживаться, чтобы не терять времени. А ручей окликнул её:

— Милая Мотхо, очисть мне русло, а то я высохну!

— Бедный ручей! — сказала Мотхо.

Она присела на берегу ручья и стала выбирать из него листья и камни. Это была нелёгкая работа. У Мотхо заболели руки и спина. Но вот прозрачная холодная вода быстро потекла и весело зажурчала. Мотхо попила воды, умылась и снова отправилась в путь.

Рисунок Ф. Лемкуля.

Наконец она добралась до селения, где жил отец, и вошла в его хижину. Старик был дома один. Сын с женой ушли в поле работать.

Мотхо очень утомилась, но не стала отдыхать, а сразу принялась за работу. Она омыла ноги старому отцу. Прибрала в доме. Испекла просяные лепёшки, сварила рис и накормила отца.

Старик был так рад приходу дочки, что не хотел отпускать её в этот день. Но Мотхо торопилась вернуться домой. Она беспокоилась о сестре, которую никогда не покидала надолго. Тогда старый отец решил наградить Мотхо за её доброту и трудолюбие. Он подарил ей буйвола, постель, веретено, несколько медных горшков и другие вещи, которые крестьяне всегда дают девушкам в приданое.

Мотхо поблагодарила отца. Погрузила все вещи на буйвола и пошла домой.

Дошла она до ручья и вдруг слышит — журчит, зовёт её ручей:

— Подойди ко мне, Мотхо, нагнись надо мной!

Нагнулась Мотхо над ручьём и видит: лежит, колышется на воде тонкая, красивая ткань, вся блестит, яркими красками переливается.

— Возьми её, Мотхо, возьми её! — журчит ручей.— Я соткал её для тебя из пены, солнечных бликов, цветов и листьев.

Обрадовалась Мотхо такому чудесному подарку, взяла ткань, поблагодарила ручей и пошла дальше.

Ярко горел костёр, когда к нему подошла Мотхо. У костра

на большом банановом листе лежал только что испечённый пирог. Костёр весело затрещал:

— Возьми его, Мотхо, возьми его! Этот пирог я для тебя испёк.

Поблагодарила Мотхо и охотно взяла пирог. Ей очень хотелось есть, но она поделила пирог пополам: одну половину оставила сестре, а другую съела сама. Поблагодарив костёр, Мотхо быстро пошла дальше. Уже вечерело, надо было торопиться домой.

Но по дороге Мотхо остановило сливовое дерево. Оно склонило к ней свои ветки с тяжёлыми плодами и сказало:

— Возьми, Мотхо, слив! Возьми побольше. Я дарю тебе самые зрелые и сочные плоды. Они утолят твою жажду.

Мотхо растянула край своего покрывала. Дерево встряхнуло ветками, и с них посыпались большие, спелые сливы.

Мотхо поблагодарила дерево, съела только несколько слив, чтобы утолить жажду, а остальные сберегла для сестры.

Наконец Мотхо вернулась домой. Она угостила Мунго пирогом и сливами и показала свои подарки. Но Мунго не только не порадовалась за сестру, а пришла в ярость от зависти. Она всю ночь не спала — всё жаловалась на свою судьбу и плакала. А утром, только рассвело, Мунго собралась и пошла к отцу за подарками. Когда она проходила мимо сливового дерева, оно и к ней обратилось с просьбой:

— Милая Мунго, очисть меня, пожалуйста, от колючек, они больно вонзились в мой ствол!

— Ещё чего не хватало! — ответила Мунго.— Мне некогда с тобой возиться, я спешу.

И пошла дальше. Когда Мунго подошла к костру, он попросил:

— Милая Мунго, очисть меня от пепла, а то я погасну.

— Мне некогда другим помогать, я спешу,— сказала Мунго и пошла ещё быстрее, чтобы поскорее получить подарки у отца.

Но её остановил ручей и попросил:

— Милая Мунго, очисть моё русло, а то я высохну!

— Как! — рассердилась Мунго.— Я должна задерживаться только для того, чтобы ты мог быстрее течь? Ну нет! Каждый сам о себе заботится.

Так до дневной жары Мунго успела прийти в селение, где жил отец. Зайдя в его хижину, она сказала:

— Приготовь мне двух буйволов и вдвое больше того, что ты подарил Мотхо. А я пока отдохну с дороги.

И Мунго легла спать. Проснувшись, она сразу потребовала подарки. Но старый отец не захотел и разговаривать с такой дочкой и велел ей уходить домой.

Пошла Мунго обратно злая-презлая — не удалось ей получить у отца богатое приданое! «Что ж,—утешала себя Мунго,— зато я сейчас получу красивую ткань».

Подойдя к ручью, она увидела, что на воде колышется чудесная ткань, ещё лучше той, что принесла Мотхо. Обрадовалась Мунго и хотела схватить её. Но ткань проскользнула у неё между пальцами и уплыла. Рассердилась Мунго, стала бранить ручей. А он только журчал в ответ. Нечего делать, пошла Мунго дальше. Она очень устала и проголодалась. И стала утешать себя тем, что вскоре получит вкусный пирог. Добрела Мунго до костра и видит: лежит на большом банановом листе только что испечённый пирог. Мунго протянула руку, чтобы взять его... но только обожгла пальцы. А пирог схватила ворона и улетела.

— Хоть бы мне слив нарвать! — чуть не плача, вскричала Мунго.— А то у меня и сил не будет, чтобы дойти до дому!

Но когда Мунго, подойдя к дереву, попыталась сорвать хоть одну сливу, то и это ей не удалось. Она только изранила себе лицо и руки об острые колючки.

Так Мунго приплелась домой ни с чем, злая, усталая и голодная. А добрая Мотхо уложила её в постель, накормила и утешила как могла.

НЕПОСЛУШНЫЙ КОЗЛЁНОК

Монгольская сказка

Весной паслись на пастбище козёл и маленький козлёнок. Они всюду ходили вместе, и старый козёл заботливо выбирал для козлёнка места с нежной, весенней травкой баранье ушко, которая белела первыми цветами и казалась пятнами снега на жёлтой ещё степи. Когда они выщипали всю травку, старый козёл сказал козлёнку:

— Ты побудь здесь, а я пойду поищу хороших пастбищ. Вот тебе бубенчик. Если с тобой приключится беда, звони в него.

С этими словами козёл повесил ему на шею бубенчик, медный, круглый, с прорезью и узором, попрощался и ушёл.

Не успел он отойти далеко, как услышал звон бубенчика. Козёл испугался, что на козлёнка напали волки, и быстро побежал на выручку. Прибежал и видит: никаких волков нет.

— Что с тобой? — испуганно спросил козёл.— Почему ты звал на помощь?

— Муха села на ногу, сгони её,— отвечал козлёнок.

Побранил его козёл и ушёл.

— Не звони без нужды! — сказал он ему на прощанье.

Но не успел он скрыться, как опять раздался звон бубенчика и козёл побежал обратно. Прибежал, а козлёнок стоит и глаз зажмурил.

— Что с тобой? — спрашивает его козёл.

— Соринка в глаз попала,— отвечает козлёнок,— вынь её!

Вынул козёл соринку и говорит:

— Ну, я ухожу, а ты не звони по пустякам.

Однако едва он скрылся за ближним холмом, как опять услышал звон бубенчика.

«Идти или не идти?» — подумал козёл, но всё-таки не выдержал и побежал. Прибегает, а козлёнок преспокойно стоит, прошлогоднюю травку пощипывает.

— В чём дело? — спросил козёл.— Неужели ты опять по пустякам звонил?

— Сухая трава пристала к боку, стряхни её,— отвечает козлёнок.

Рассердился козёл.

— И сам стряхнёшь! — говорит.— Не смей меня больше разными глупостями тревожить!

И ушёл.

Долго, долго бродил он за горой, выбирая пастбище. Устал и прилёг отдохнуть. Только стал глаза закрывать, бубенчик опять зазвонил. «Наверно, по пустякам звонит»,— подумал козёл и закрыл глаза.

Но бубенчик звонил всё тревожнее, а вскоре и собаки залаяли.

«Что бы это могло быть?» — подумал козёл и кинулся бежать.

Прибегает и видит — собаки гонят волка, а козлёнок стоит и дрожит от страха: чуть не съел его волк.

Поглядел на него козёл и говорит:

— Счастье твоё, что собаки вовремя подбежали, а то пообедал бы тобою волк.

КРОЛИК НАПУГАЛ ТИГРА

Вьетнамская сказка

Встретил однажды кролик слона.

— Что с тобой, дядюшка?— спрашивает.— Почему у тебя глаза такие печальные?

— Что мне радоваться, если я умру в полдень?— отвечает слон.

Не поверил кролик:

— Зачем тебе умирать, дядюшка слон? Вон ты какой здоровый!

— Всё дело в тигре,— объяснил слон и так глубоко вздохнул, что с дерева посыпались листья.— Всё дело в тигре. Он приказал мне быть сегодня в полдень на водопое. Там он обещал меня съесть...

И бедный слон так низко опустил голову, что хобот его коснулся земли.

— Нашёл кого бояться — тигра!— воскликнул кролик.— Посади меня к себе на голову, и ты будешь спасён.

Когда слон посадил кролика на голову, тот сказал:

— Теперь ступай на водопой! И запомни: когда я ударю тебя лапой по голове, падай на землю и притворись мёртвым.

Едва слон ступил на берег, как вдали показался тигр. При виде тигра кролик взвизгнул, укусил слона за ухо и закричал:

— Какое невкусное мясо! Его невозможно есть. Лучше я сделаю из шкуры этого слона подстилку для своих крольчат!

И кролик ударил слона лапой по голове. Слон сразу же повалился на землю и притворился мёртвым.

Испугался тигр. Вот так зверь! Одним ударом слона свалил!

Кролик же спрыгнул со слона на берег, повернулся в сторону тигра и воскликнул:

— Наконец-то я пообедаю как следует! В жизни не едал ничего вкуснее тигриной печёнки!

И, встав на задние лапы, кролик бесстрашно направился к повелителю джунглей.

Тут уж тигр не выдержал и в страхе бросился в чащу. А кролик закричал ему вслед:

— Не уйдёшь! Сегодня же обыщу весь лес, найду тебя и съем!

Примчался тигр в свою пещеру, отдышался и сказал:

— С таким страшилищем лучше не связываться! Сейчас же переберусь в соседний лес.

Так он и сделал.

А слон рассказал о своём спасителе всем зверям в джунглях. И все звери хвалили умного кролика, а над глупым тигром смеялись.

ОЛЕНЬ И ЧЕРЕПАХА

Кубинская сказка

Олень и черепаха решили бежать наперегонки. Назначили день, сошлись вместе, стали рядышком и помчались со всех ног,— а бежать-то надо было много лиг.

Но черепаха схитрила: вдоль всей дороги расставила она своих подружек — ведь черепахи все меж собой схожи — и научила их, что делать.

Олень навешал на себя бубенчиков и колокольчиков, чтобы звенели погромче, да как полетит стрелой! А черепаха позади осталась, скоро он её из виду потерял. Вот бежит олень, а колокольчики звенят:

Гуайаран-динь-дон,
что за звон;
касара́н-бам-бим,
мы звеним;
гуайаба́н-бим-бом,
бегом!

Далеко убежал олень от черепахи. Остановился он и подумал: «Отдохну-ка я немного, она ещё вон где плетётся».

Но тут выползла из-за куста другая черепаха ему навстречу и сказала:

Ну-ка, братец, погляди,
ведь бегу я впереди!

Испугался олень, что черепаха его обгонит, и помчался во весь дух. Бежит он, а колокольчики звенят:

Гуайаран-динь-дон,
что за звон;
касаран-бам-бим,
мы звеним;
гуайабан-бим-бом,
бегом!

Видит олень, что намного опередил соперницу, и остановился отдохнуть возле мангового дерева. Но и тут выползла на дорогу черепаха и сказала:

Ну-ка, братец, погляди,—
ведь бегу я впереди!

Олень снова бросился со всех ног, хоть уже притомился. Черепаха вмиг осталась позади. А колокольчики и бубенчики звенят:

Гуайаран-динь-дон,
что за звон;
касаран-бам-бим,
мы звеним;
гуайабан-бим-бом,
бегом!

Но только он ещё раз остановился передохнуть, как появилась черепаха и сказала:

Ну-ка, братец, погляди,—
ведь бегу я впереди!

Рванулся олень, пулей помчался вперёд. Назначенная цель была уже близко, и колокольчики звенели вовсю: «Гуайаран-касаран-гуайабан-бим-бом-бегом!» Добежал он еле живой от усталости, а черепаха уже на месте. Она рядышком пряталась, а как заметила оленя, выползла на дорогу.

И когда олень, король всех бегунов, увидел, что черепаха его победила, он не смог перенести позора, бросился в пропасть и разбился насмерть.

ВЕЖЛИВЫЙ КРОЛИК

Мексиканская сказка

Жил-был Кролик, очень скромный и вежливый. Однажды, вдоволь наевшись капусты на крестьянском огороде, он собрался было домой, как вдруг заметил лисицу. Она возвращалась в лес. Ей не удалось стащить курицу с крестьянского двора, и она была очень сердита и голодна.

У Кролика дрогнуло сердце. Бежать, но куда? И Кролик опрометью бросился к пещере. Он не знал, что там поджидала его другая грозная опасность — в пещере поселилась Змея.

Кролик, однако, был хорошо воспитан и знал, что без разрешения в чужой дом входить не полагается.

«Нужно поздороваться,— подумал он,— но с кем? С пещерой, конечно!»

И, присев на задние лапки, Кролик вежливо сказал:

— Здравствуйте, добрая пещера! Разрешите мне, пожалуйста, войти.

До чего же обрадовалась Змея, услышав голос Кролика! Она очень любила кроличье мясо.

— Входите, входите!— ответила она, желая обмануть Кролика.

Но Кролик по голосу прекрасно понял, с кем имеет дело.

— Простите, что я побеспокоил вас,— сказал он.— Я совсем забыл, что меня ждёт крольчиха! До свидания!— и бросился бежать прочь со всех ног.

Прискакал Кролик в свою нору и подумал о том, что вежливость никогда ещё никому не повредила.

Змея же свернулась в клубок и проворчала:

— Лучше бы я ему не отвечала! Ох уж эти мне вежливые кролики! Нужно же было ему просить разрешения войти!

МАЛЫШ ЛЕОПАРД И МАЛЫШ АНТИЛОПА

Африканская сказка

Как случилось это? Жил-был маленький леопард. Пошёл он на реку погулять по песочку, напился воды и увидел маленькую антилопу. Они пили воду вместе и вместе вышли на берег и стали играть на песке. Наигрались досыта и расстались.

Малыш леопард сказал малышу антилопе:

— Мне пора домой, а завтра я приду снова, будем опять играть. И ты приходи.

— Я приду,— сказала антилопа.

И пошли по домам. На другой день они снова встретились у реки и играли на песке и совсем подружились. Каждый день они так играли, десять дней подряд.

Как-то говорит малышу леопарду его мать:

— Чем это ты пахнешь, сынок? Никак, ты пахнешь антилопой?

А сын отвечает:

— Ну да, мы вместе с ней играем у реки, на песочке.

Мать ему:

— Что ты, сынок! Ведь антилопа — это еда! Это самое вкусное мясо! Вот пойдёшь завтра на реку играть вместе с ней — укуси её зубами вот здесь, за горло, и тащи сюда. Это кушанье, это мясо, мы ведь каждый день его едим!

— Хорошо,— сказал малыш леопард,— я сделаю так, как ты велишь.

Малыш антилопа пришёл к себе домой. Мать и говорит:

— Чем это ты пахнешь, сынок? Никак, ты пахнешь леопардом?

Малыш отвечает:

— Ну да, мы вместе с ним играем у реки, на песочке. Это мой друг.

Тогда мать сказала:

— Ох, сынок, разве ты не знаешь, что сталось с твоими братьями? Ведь их всех убил леопард. Помнишь своего отца? И его убил леопард. Помнишь младшего брата отца? И его убил леопард. Помнишь старших братьев отца? Их убил леопард. Мы забрались в самую густую чащу и тут живём, потому что боимся леопарда. Мы не смеем жить там, где чаща пореже. Когда завтра пойдёшь есть траву, ешь потихоньку. Если леопард увидит тебя, то убьёт. И как будешь пить воду, пей потихоньку, а увидишь леопарда — беги со всех ног! Поверь своей матери — беги со всех ног! Они убивают нас всюду, где только увидят!

Малыш антилопа сказал:

— Хорошо. Я сделаю, как ты велишь.

На другое утро пошёл малыш антилопа к водопою.

Малыш леопард увидел его издали и кричит ему:

— Это ты, антилопа?

— Это я.

— Беги же сюда, поиграем.

— Нет, не хочу,— отвечал малыш антилопа.

Тогда кинулся маленький леопард, чтобы схватить маленькую антилопу. А малыш антилопа крикнул ему:

— Видно, у тебя родители такие же, как у меня!

И пустился бежать прочь. А малыш леопард? Малыш леопард пошёл домой. Вот как это случилось. И сказка вся.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX И НАЧАЛА XX ВЕКА

ПОЭЗИЯ

Александр Сергеевич Пушкин

(1799—1837)

СКАЗКА О РЫБАКЕ И РЫБКЕ

Жил старик со своею старухой
У са́мого синего моря;
Они жили в ветхой землянке
Ровно тридцать лет и три года.
Старик ловил неводом рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.
Раз он в море закинул невод,—
Пришёл невод с одною тиной.
Он в другой раз закинул невод,—
Пришёл невод с травой морскою.
В третий раз закинул он невод,—
Пришёл невод с одною рыбкой,
С непростою рыбкой,— золотою.
Как взмолится золотая рыбка!
Голосом молвит человечьим:
«Отпусти ты, старче, меня в море,
Дорогой за себя дам откуп:
Откуплюсь чем только пожелаешь».
Удивился старик, испугался.
Он рыбачил тридцать лет и три года
И не слыхивал, чтоб рыба говорила.
Отпустил он рыбку золотую
И сказал ей ласковое слово:
«Бог с тобою, золотая рыбка!
Твоего мне откупа не надо;
Ступай себе в синее море,
Гуляй там себе на просторе».

Воротился старик ко старухе,
Рассказал ей великое чудо.
«Я сегодня поймал было рыбку,

Золотую рыбку, не простую;
По-нашему говорила рыбка,
Домой в море синее просилась,
Дорогою ценою откупалась:
Откупалась чем только пожелаю.
Не посмел я взять с неё выкуп;
Так пустил её в синее море».
Старика старуха забранила:
«Дурачина ты, простофиля!
Не умел ты взять выкупа с рыбки!
Хоть бы взял ты с неё корыто,
Наше-то совсем раскололось».

Вот пошёл он к синему морю;
Видит, — море слегка разыгралось.
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка и спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка,
Разбранила меня моя старуха,
Не даёт старику мне покою:
Надобно ей новое корыто;
Наше-то совсем раскололось».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом,
Будет вам новое корыто».
Воротился старик ко старухе,
У старухи новое корыто.
Ещё пуще старуха бранится:
«Дурачина ты, простофиля!
Выпросил, дурачина, корыто!
В корыте много ль корысти?
Воротись, дурачина, ты к рыбке;
Поклонись ей, выпроси уж избу».

Вот пошёл он к синему морю,
(Помутилося синее море).
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей старик с поклоном отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Ещё пуще старуха бранится,
Не даёт старику мне покою:
Избу просит сварливая баба».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом,

Так и быть: изба вам уж будет».
Пошёл он ко своей землянке,
А землянки нет уж и следа;
Перед ним изба со светёлкой,
С кирпичною, белёною трубою,
С дубовыми, тесовыми вороты.
Старуха сидит под окошком,
На чём свет стоит мужа ругает:
«Дурачина ты, прямой простофиля!
Выпросил, простофиля, избу!
Воротись, поклонися рыбке:
Не хочу быть чёрной крестьянкой,
Хочу быть столбовою дворянкой».

Пошёл старик к синему морю;
(Не спокойно синее море.)
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Пуще прежнего старуха вздурилась,
Не даёт старику мне покою:
Уж не хочет быть она крестьянкой,
Хочет быть столбовою дворянкой».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом».

Воротился старик ко старухе.
Что ж он видит? Высокий терем.
На крыльце стоит его старуха
В дорогой собольей душегрейке.
Парчовая на маковке кичка,
Жемчуги огрузили шею,
На руках золотые перстни,
На ногах красные сапожки.
Перед нею усердные слуги;
Она бьёт их, за чупрун таскает.
Говорит старик своей старухе:
«Здравствуй, барыня-сударыня дворянка!
Чай, теперь твоя душенька довольна».
На него прикрикнула старуха,
На конюшню служить его послала.

Вот неделя, другая проходит,
Ещё пуще старуха вздурилась:
Опять к рыбке старика посылает.
«Воротись, поклонися рыбке:

Рисунок А. Лаптева.

Не хочу быть столбовою дворянкой,
А хочу быть вольною царицей».
Испугался старик, взмолился:
«Что ты, баба, белены объелась?
Ни ступить, ни молвить не умеешь,
Насмешишь ты целое царство».
Осердилася пуще старуха,
По щеке ударила мужа.
«Как ты смеешь, мужик, спорить со мною,
Со мною, дворянкой столбовою?
Ступай к морю, говорят тебе честью,
Не пойдёшь, поведут поневоле».

Старичок отправился к морю,
(Почернело синее море).

Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Опять моя старуха бунтует:
Уж не хочет быть она дворянкой,
Хочет быть вольною царицей».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом!
Добро! будет старуха царицей!»

Старичок к старухе воротился.
Что ж? Пред ним царские палаты.
В палатах видит свою старуху,
За столом сидит она царицей,
Служат ей бояре да дворяне,
Наливают ей заморские вины;
Заедает она пряником печатным;
Вкруг её стоит грозная стража,
На плечах топорики держат.
Как увидел старик,— испугался!
В ноги он старухе поклонился,
Молвил: «Здравствуй, грозная царица!
Ну теперь твоя душенька довольна».
На него старуха не взглянула,
Лишь с очей прогнать его велела.
Подбежали бояре и дворяне,
Старика взашеи затолкали.
А в дверях-то стража подбежала,
Топорами чуть не изрубила;
А народ-то над ним насмеялся:
«Поделом тебе, старый невежа!
Впредь тебе, невежа, наука:
Не садися не в свои сани!»

Вот неделя, другая проходит,
Ещё пуще старуха вздурилась:
Царедворцев за мужем посылает,
Отыскали старика, привели к ней.
Говорит старику старуха:
«Воротись, поклонися рыбке,
Не хочу быть вольною царицей,
Хочу быть владычицей морскою,
Чтобы жить мне в Окияне-море,
Чтоб служила мне рыбка золотая
И была б у меня на посылках».

Старик не осмелился перечить,
Не дерзнул поперёк слова молвить.
Вот идёт он к синему морю,
Видит, на море чёрная буря:
Так и вздулись сердитые волны,
Так и ходят, так воем и воют.
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей старик с поклоном отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Что мне делать с проклятою бабой?
Уж не хочет быть она царицей,
Хочет быть владычицей морскою;
Чтобы жить ей в Окияне-море,
Чтобы ты сама ей служила
И была бы у ней на посылках».
Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостом по воде плеснула
И ушла в глубокое море.
Долго у моря ждал он ответа,
Не дождался, к старухе воротился —
Глядь: опять перед ним землянка;
На пороге сидит его старуха,
А пред нею разбитое корыто.

1833 г.

Рисунок В. Конашевича.

* * *

У лукоморья дуб зелёный;
Златая цепь на дубе том:
И днём и ночью кот учёный
Всё ходит по цепи кругом;
Идёт направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит.

Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей;
Там лес и дол видений полны;
Там о заре прихлынут волны
На брег песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасных
Чредой из вод выходят ясных,
И с ними дядька их морской;
Там королевич мимоходом
Пленяет грозного царя;
Там в облаках перед народом
Через леса, через моря
Колдун несёт богатыря;
В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит;
Там ступа с Бабою Ягой
Идёт, бредёт сама собой;
Там царь Кащей над златом чахнет;
Там русский дух... там Русью пахнет!
И там я был, и мёд я пил;
У моря видел дуб зелёный;
Под ним сидел, и кот учёный
Свои мне сказки говорил.

Из поэмы «Руслан и Людмила», *1828 г.*

* * *

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах...

Из «Сказки о царе Салтане...», *1831 г.*

* * *

Ель растёт перед дворцом,
А под ней хрустальный дом;
Белка там живёт ручная,
Да затейница какая!
Белка песенки поёт
Да орешки всё грызёт,
А орешки не простые,
Всё скорлупки золотые,
Ядра — чистый изумруд;
Слуги белку стерегут...

Из «Сказки о царе Салтане...», *1831 г.*

* * *

Ветер, ветер! Ты могуч,
Ты гоняешь стаи туч,
Ты волнуешь сине море,
Всюду веешь на просторе...

Из «Сказки о мёртвой царевне и о семи богатырях», *1833 г.*

* * *

Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало,
Короче становился день,
Лесов таинственная сень
С печальным шумом обнажалась,
Ложился на поля туман,
Гусей крикливых караван
Тянулся к югу: приближалась
Довольно скучная пора;
Стоял ноябрь уж у двора.

Из романа «Евгений Онегин», гл. IV, *1825 г.*

* * *

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

«Зимнее утро», *1829 г.*

* * *

Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,

Плетётся рысью как-нибудь;
Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая;
Ямщик сидит на облучке
В тулупе, в красном кушаке.
Вот бегает дворовый мальчик,
В салазки *жучку* посадив,
Себя в коня преобразив;
Шалун уж заморозил пальчик:
Ему и больно, и смешно,
А мать грозит ему в окно...

Из романа «Евгений Онегин», гл. V, *1826 г.*

* * *

За весной, красой природы,
Лето знойное пройдёт —
И туман и непогоды
Осень поздняя несёт:
Людям скучно, людям горе;
Птичка в дальные страны,
В тёплый край, за сине море
Улетает до весны.

Из поэмы «Цыганы», *1824 г.*

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалой
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

Наша ветхая лачужка
И печальна и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжанье
Своего веретена?
...Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя...

1830 г.

Василий Андреевич Жуковский
(1783—1852)

ЖАВОРОНОК

На солнце тёмный лес зардел,
В долине пар белеет тонкий,
И песню раннюю запел
В лазури жаворонок звонкий.

Он голосисто с вышины
Поёт, на солнышке сверкая:
Весна пришла к нам молодая,
Я здесь пою приход весны...

1851 г.

ПТИЧКА

Птичка летает,
Птичка играет,
Птичка поёт;
Птичка летала,
Птичка играла,
Птички уж нет!

Где же ты, птичка?
Где ты, певичка?
В дальнем краю
Гнёздышко вьёшь ты;
Там и поёшь ты
Песню свою.

1851 г.

МАЛЬЧИК С ПАЛЬЧИК

Сказка

Жил маленький мальчик:
Был ростом он с пальчик,
Лицом был красавчик,
Как искры глазёнки,
Как пух волосёнки;
Он жил меж цветочков;
В тени их листочков

В жары отдыхал он,
И ночью там спал он;
С зарёй просыпался,
Живой умывался
Росой, наряжался
В листочек атласный
Лилеи прекрасной...

1851 г.

Николай Алексеевич Некрасов
(1821—1877)

ДЕДУШКА МАЗАЙ И ЗАЙЦЫ

Старый Мазай разболтался в сарае:
«В нашем болотистом, низменном крае
Впятеро больше бы дичи велось,
Кабы сетями её не ловили,
Кабы силками её не давили;
Зайцы вот тоже,— их жалко до слёз!
Только весенние воды нахлынут,
И без того они сотнями гинут,—
Нет! ещё мало! бегут мужики,
Ловят, и топят, и бьют их баграми.
Где у них совесть?.. Я раз за дровами
В лодке поехал — их много с реки
К нам в половодье весной нагоняет,—
Еду, ловлю их. Вода прибывает.
Вижу один островок небольшой —
Зайцы на нём собралися гурьбой.
С каждой минутой вода подбиралась
К бедным зверькам; уж под ними осталось
Меньше аршина земли в ширину,
Меньше сажени в длину.
Тут я подъехал: лопочут ушами,
Сами ни с места; я взял одного,
Прочим скомандовал: прыгайте сами!
Прыгнули зайцы мои,— ничего!
Только уселась команда косая,
Весь островочек пропал под водой:
«То-то!— сказал я,— не спорьте со мной!
Слушайтесь, зайчики, деда Мазая!»
Этак гуторя, плывём в тишине.
Столбик не столбик, зайчишка на пне,
Лапки скрестивши, стоит, горемыка,
Взял и его — тягота невелика!
Только что начал работать веслом,
Глядь, у куста копошится зайчиха —
Еле жива, а толста как купчиха!
Я её, дуру, накрыл зипуном —
Сильно дрожала... Не рано уж было.
Мимо бревно суковатое плыло,

Сидя, и стоя, и лёжа пластом,
Зайцев с десяток спасалось на нём.
«Взял бы я вас — да потопите лодку!»
Жаль их, однако, да жаль и находку —
Я зацепился багром за сучок
И за собою бревно поволок...

Было потехи у баб, ребятишек,
Как прокатил я деревней зайчишек:
«Глянь-ко: что делает старый Мазай!»
Ладно! любуйся, а нам не мешай!
Мы за деревней в реке очутились.
Тут мои зайчики точно сбесились:
Смотрят, на задние лапы встают,
Лодку качают, грести не дают:
Берег завидели плуты косые,
Озимь, и рощу, и кусты густые!..
К берегу плотно бревно я пригнал,
Лодку причалил — и «с богом!» сказал...
И во весь дух
Пошли зайчишки.
А я им: «У-х!
Живей, зверишки!
Смотри, косой,
Теперь спасайся,
А чур зимой
Не попадайся!
Прицелюсь — бух!
И ляжешь... Ууу-х!..»
Мигом команда моя разбежалась,
Только на лодке две пары осталось —
Сильно измокли, ослабли; в мешок
Я их поклал — и домой приволок;
За ночь больные мои отогрелись,
Высохли, выспались, плотно наелись;
Вынес я их на лужок; из мешка
Вытряхнул, ухнул — и дали стречка!
Я проводил их всё тем же советом:
«Не попадайтесь зимой!»
Я их не бью ни весною, ни летом,
Шкура плохая,— линяет косой...»

1870 г.

* * *

Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи —
Мороз-воевода дозором
Обходит владенья свои.

Глядит — хорошо ли метели
Лесные тропы занесли,
И нет ли где трещины, щели,
И нет ли где голой земли?

Пушисты ли сосен вершины,
Красив ли узор на дубах?
И крепко ли скованы льдины
В великих и малых водах?

Идёт — по деревьям шагает,
Трещит по замёрзлой воде,
И яркое солнце играет
В косматой его бороде...

Из поэмы «Мороз, Красный нос», *1863 г.*

* * *

Саша сбирала цветы полевые,
С детства любимые, сердцу родные,

Каждую травку соседних полей
Знала по имени. Нравилось ей

В пёстром смешении звуков знакомых
Птиц различать, узнавать насекомых.

Время к полудню, а Саши всё нет.
«Где же ты, Саша? простынет обед,

Сашенька! Саша!..» С желтеющей нивы
Слышатся песни простой переливы;

Вот раздалося «ау!» вдалеке;
Вот над колосьями в синем венке

Чёрная быстро мелькнула головка...
«Вишь ты, куда забежала, плутовка!»

Из поэмы «Саша», *1854–1855 гг.*

* * *

...Плакала Саша, как лес вырубали,

Ей и теперь его жалко до слёз.
Сколько тут было кудрявых берёз!

Там из-за старой, нахмуренной ели
Красные грозди калины глядели,

Там поднимался дубок молодой.
Птицы царили в вершине лесной,

Понизу всякие звери таились.
Вдруг мужики с топорами явились —

Лес зазвенел, застонал, затрещал.
Заяц послушал — и вон побежал,

В тёмную нору забилась лисица,
Машет крылом осторожнее птица,

В недоуменьи тащат муравьи
Что ни попало в жилища свои.

С песнями труд человека спорился:
Словно подкошен, осинник валился,

С треском ломали сухой березняк,
Корчили с корнем упорный дубняк,

Старую сосну сперва подрубали,
После арканом её нагибали

И, поваливши, плясали на ней,
Чтобы к земле прилегла поплотней.

Из поэмы «Саша», *1854 –1855 гг.*

* * *

Ух, жарко!.. До полдня грибы собирали.
Вот из лесу вышли — навстречу как раз
Синеющей лентой, извилистой, длинной,
Река луговая: спрыгнули гурьбой,
И русых головок над речкой пустынной
Что белых грибов на полянке лесной!
Река огласилась и смехом, и воем:
Тут драка — не драка, игра — не игра...
А солнце палит их полуденным зноем.
Домой, ребятишки! обедать пора.
Вернулись. У каждого полно лукошко,
А сколько рассказов! Попался косой,
Поймали ежа, заблудились немножко
И видели волка... у, страшный какой!
Ежу предлагают и мух, и козявок,
Корней молочко ему отдал своё —
Не пьёт! отступились...
Кто ловит пиявок
На лавке, где матка колотит бельё,
Кто нянчит сестрёнку двухлетнюю Глашку,
Кто тащит на пожню ведёрко кваску,
А тот, подвязавши под горло рубашку,

Таинственно что-то чертит по песку;
Та в лужу забилась, а эта с обновой:
Сплела себе славный венок,—
Всё беленький, жёлтенький, бледно-лиловый
Да изредка красный цветок.

...Грибная пора отойти не успела,
Гляди — уж чернёхоньки губы у всех,
Набили оскому: черница поспела!
А там и малина, брусника, орех!
Ребяческий крик, повторяемый эхом,
С утра и до ночи гремит по лесам.
Испугана пеньем, ауканьем, смехом,
Взлетит ли тетеря, закокав птенцам,
Зайчонок ли вскочит — содом, суматоха!
Вот старый глухарь с облинялым крылом
В кусту завозился... ну, бедному плохо!
Живого в деревню тащат с торжеством...

Из стихотворения «Крестьянские дети», *1861 г.*

* * *

Однажды, в студёную зимнюю пору
Я из лесу вышел; был сильный мороз.
Гляжу, поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая хворосту воз.
И шествуя важно, в спокойствии чинном,
Лошадку ведёт под уздцы мужичок
В больших сапогах, в полушубке овчинном,
В больших рукавицах... а сам с ноготок!
«Здорово, парнище!» — «Ступай себе мимо!»
— «Уж больно ты грозен, как я погляжу!
Откуда дровишки?» — «Из лесу, вестимо;
Отец, слышишь, рубит, а я отвожу».
(В лесу раздавался топор дровосека.)
«А что, у отца-то большая семья?»
— «Семья-то большая, да два человека
Всего мужиков-то: отец мой да я...»
— «Так вот оно что! А как звать тебя?»
— «Власом».
— «А кой тебе годик?» — «Шестой миновал...
Ну, мёртвая!» — крикнул малюточка басом,
Рванул под уздцы и быстрей зашагал.

Из стихотворения «Крестьянские дети», *1861 г.*

Фёдор Иванович Тютчев

(1803—1873)

* * *

Зима недаром злится,
Прошла её пора —
Весна в окно стучится
И гонит со двора.

И всё засуетилось,
Всё нудит зиму вон —
И жаворонки в небе
Уж подняли трезвон.

Зима ещё хлопочет
И на Весну ворчит.
Та ей в глаза хохочет
И пуще лишь шумит...

Взбесилась ведьма злая
И, снегу захватя,
Пустила, убегая,
В прекрасное дитя...

Весне и горя мало:
Умылася в снегу
И лишь румяней стала
Наперекор врагу.

1836 г.

ВЕСЕННИЕ ВОДЫ

Ещё в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят —
Бегут и будят сонный брег,
Бегут и блещут и гласят...
Они гласят во все концы:
«Весна идёт, весна идёт!
Мы молодой весны гонцы,
Она нас выслала вперёд!»
Весна идёт, весна идёт!
И тихих, тёплых майских дней
Румяный светлый хоровод
Толпится весело за ней.

1830 г.

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.

Гремят раскаты молодые,
Вот дождик брызнул, пыль летит,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит.

С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной и шум нагорный —
Всё вторит весело громам.

1828 г.

Алексей Константинович Толстой

(1817—1875)

* * *

Осень. Обсыпается весь наш бедный сад,
Листья пожелтелые по ветру летят;
Лишь вдали красуются, там на дне долин,
Кисти ярко-красные вянущих рябин.

1858 г.

* * *

Колокольчики мои,
Цветики степные!
Что глядите на меня,
Тёмно-голубые?
И о чём звените вы
В день весёлый мая,
Средь некошеной травы
Головой качая?

Конь несёт меня стрелой
На поле открытом;
Он вас топчет под собой,
Бьёт своим копытом.

Колокольчики мои,
Цветики степные!
Не кляните вы меня,
Тёмно-голубые!

Я бы рад вас не топтать,
Рад промчаться мимо,
Но уздой не удержать
Бег неукротимый!
Я лечу, лечу стрелой,
Только пыль взметаю;
Конь несёт меня лихой —
А куда? не знаю!

1840 г.

* * *

Вот уж снег последний в поле тает,
Тёплый пар восходит от земли,
И кувшинчик синий расцветает,
И зовут друг друга журавли.

Юный лес, в зелёный дым одетый,
Тёплых гроз нетерпеливо ждёт;
Всё весны дыханием согрето,
Всё кругом и любит и поёт.

1856 г.

Алексей Николаевич Плещеев
(1825—1893)

СЕЛЬСКАЯ ПЕСНЯ

Травка зеленеет,
Солнышко блестит,
Ласточка с весною
В сени к нам летит.

С нею солнце краше
И весна милей...
Прощебечь с дороги
Нам привет скорей.

Дам тебе я зёрен,
А ты песню спой,
Что из стран далёких
Принесла с собой...

1858 г.

ДЕТИ И ПТИЧКА

— Птичка, нам жаль твоих песенок звонких.
Не улетай от нас прочь... подожди!
— Милые крошки! Из вашей сторонки
Гонят меня холода и дожди.
Вон на деревьях, на крыше беседки
Сколько меня поджидает подруг!
Завтра вы спать ещё будете, детки,
А уж мы все понесёмся на юг.
Нет там ни стужи теперь, ни дождей,
Ветер листы не срывает с ветвей,
Солнышко в тучи не прячется там...
— Скоро ли, птичка, вернёшься ты к нам?

— Я с запасом новых песен
К вам вернусь, когда с полей
Снег сойдет, когда в овраге
Зажурчит, блестя, ручей...

МОЙ САДИК

Как мой садик свеж и зелен!
Распустилась в нём сирень;
От черёмухи душистой
И от лип кудрявых тень...

...И весь день, в траве высокой
Лёжа, слушать бы я рад,
Как заботливые пчёлы
Вкруг черёмухи жужжат.

<1858 г.>

Рисунок Д. Шмаринова.

СТАРИК

У лесной опушки домик небольшой
Посещал я часто прошлою весной.

В том домишке бедном жил седой лесник.
Памятен мне долго будешь ты, старик.

Как приходу гостя радовался ты!
Вижу как теперь я добрые черты...

Вижу я улыбку на лице твоём —
И морщинкам мелким нет числа на нём!

8 Зак. 1297

Вижу армячишко рваный на плечах,
Шапку на затылке, трубочку в зубах;

Помню смех твой тихий, взгляд потухших глаз,
О житье минувшем сбивчивый рассказ.

По лесу бродили часто мы вдвоём;
Старику там каждый кустик был знаком.

Знал он, где какая птичка гнёзда вьёт,
Просеки, тропинки знал наперечёт.

А какой охотник был до соловьёв!
Всю-то ночь, казалось, слушать он готов,

Как в зелёной чаще песни их звучат;
И ещё любил он маленьких ребят.

На своём крылечке сидя каждый день,
Ждёт, бывало, деток он из деревень.

Много их сбегалось к деду вечерком;
Щебетали, словно птички перед сном:

«Дедушка, голубчик, сделай мне свисток».
«Дедушка, найди мне беленький грибок».

«Ты хотел мне нынче сказку рассказать».
«Посулил ты белку, дедушка, поймать».

— «Ладно, ладно, детки, дайте только срок,
Будет вам и белка, будет и свисток!»

1877 г.

Аполлон Николаевич Майков

(1821—1897)

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Спи, дитя моё, усни!
Сладкий сон к себе мани:
В няньки я тебе взяла
Ветер, солнце и орла.

Улетел орёл домой;
Солнце скрылось под водой;
Ветер, после трёх ночей,
Мчится к матери своей.

Ветра спрашивает мать:
«Где изволил пропадать?
Али звёзды воевал?
Али волны всё гонял?»

«Не гонял я волн морских,
Звёзд не трогал золотых;
Я дитя оберегал.
Колыбелечку качал!»

1858 г.

* * *

Ласточка примчалась
Из-за бела моря,
Села и запела:
Как февраль ни злися,
Как ты, март, ни хмурься,
Будь хоть снег, хоть дождик —
Всё весною пахнет!

1858 г.

ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ

«Золото, золото падает с неба!» —
Дети кричат и бегут за дождём...
— Полноте, дети, его мы сберём,
Только сберём золотистым зерном
В полных амбарах душистого хлеба!

1856 г.

Иван Саввич Никитин (1824—1861)

ВСТРЕЧА ЗИМЫ

...В полдень дождь перестал,
И, что белый пушок,
На осеннюю грязь
Начал падать снежок.

Ночь прошла. Рассвело.
Нет нигде облачка.
Воздух лёгок и чист,
И замёрзла река.

На дворах и домах
Снег лежит полотном
И от солнца блестит
Разноцветным огнём.

На безлюдный простор
Побелевших полей
Смотрит весело лес
Из-под чёрных кудрей...

Здравствуй, гостья-зима!
Просим милости к нам
Песни севера петь
По лесам и степям.

Есть раздолье у нас,—
Где угодно гуляй;
Строй мосты по рекам
И ковры расстилай.

Нам не стать привыкать,—
Пусть мороз твой трещит:
Наша русская кровь
На морозе горит!

1854 г.

* * *

Полюбуйся: весна наступает,
Журавли караваном летят,
В ярком золоте день утопает,
И ручьи по оврагам шумят.

...Скоро гости к тебе соберутся,
Сколько гнёзд понавьют,— посмотри!
Что за звуки, за песни польются
День-деньской от зари до зари!

1854 г.

Афанасий Афанасьевич Фет

(1820—1892)

* * *

Мама! глянь-ка из окошка —
Знать, вчера недаром кошка
Умывала нос:
Грязи нет, весь двор одело,
Посветлело, побелело —
Видно, есть мороз.
Не колючий, светло-синий
По ветвям развешан иней —
Погляди хоть ты!
Словно кто-то тароватый
Свежей, белой, пухлой ватой
Все убрал кусты.
Уж теперь не будет спору:
За салазки, да и в гору
Весело бежать!
Правда, мама? Не откажешь,
А сама, наверно, скажешь:
— Ну, скорей гулять!

1887 г.

* * *

Кот поёт, глаза прищуря,
Мальчик дремлет на ковре,
На дворе играет буря,
Ветер свищет на дворе.

«Полно тут тебе валяться,
Спрячь игрушки да вставай!
Подойди ко мне прощаться
Да и спать себе ступай».

Мальчик встал. А кот глазами
Поводил и всё поёт;
В окна снег валит клоками,
Буря свищет у ворот.

1842 г.

* * *

Ласточки пропали,
А вчера зарёй
Всё грачи летали
Да, как сеть, мелькали
Вон над той горой.

С вечера всё спится,
На дворе темно.
Лист сухой валится,
Ночью ветер злится
Да стучит в окно.

1854 г.

Иван Захарович Суриков

(1841—1880)

ЗИМА

Белый снег, пушистый,
В воздухе кружится
И на землю тихо
Падает, ложится.

И под утро снегом
Поле забелело,
Точно пеленою
Всё его одело.

Тёмный лес что шапкой
Принакрылся чудной
И заснул под нею
Крепко, непробудно...

Божьи дни коротки,
Солнце светит мало,
Вот пришли морозцы —
И зима настала.

1880 г.

ДЕТСТВО

Вот моя деревня;
Вот мой дом родной;
Вот качусь я в санках
По горе крутой;

Вот свернулись санки,
И я на бок — хлоп!
Кубарем качуся
Под гору, в сугроб.

И друзья-мальчишки,
Стоя надо мной,
Весело хохочут
Над моей бедой.

Всё лицо и руки
Залепил мне снег...
Мне в сугробе горе,
А ребятам смех!

Но меж тем уж село
Солнышко давно;
Поднялася вьюга,
На небе темно.

Весь ты перезябнешь,
Руки не согнёшь,
И домой тихонько,
Нехотя бредешь.

Ветхую шубёнку
Скинешь с плеч долой;
Заберёшься на печь
К бабушке седой.

И сидишь, ни слова...
Тихо всё кругом;
Только слышишь — воет
Вьюга за окном.

В уголке, согнувшись,
Лапти дед плетёт;
Матушка за прялкой
Молча лён прядёт.

Избу освещает
Огонёк светца;
Зимний вечер длится,
Длится без конца...

И начну у бабки
Сказки я просить;
И начнёт мне бабка
Сказку говорить:

Как Иван-царевич
Птицу-Жар поймал,
Как ему невесту
Серый волк достал.

Слушаю я сказку —
Сердце так и мрёт;
А в трубе сердито
Ветер злой поёт.

Я прижмусь к старушке...
Тихо речь журчит,
И глаза мне крепко
Сладкий сон смежит.

И во сне мне снятся
Чудные края.
И Иван-царевич —
Это будто я.

Вот передо мною
Чудный сад цветёт;
В том саду большое
Дерево растёт.

Золотая клетка
На сучке висит;
В этой клетке птица
Точно жар горит;

Прыгает в той клетке,
Весело поёт,
Ярким, чудным светом
Сад весь обдаёт.

Вот я к ней подкрался
И за клетку — хвать!
И хотел из сада
С птицею бежать.

Но не тут-то было!
Поднялся шум, звон;

Набежала стража
В сад со всех сторон.

Руки мне скрутили
И ведут меня...

И, дрожа от страха,
Просыпаюсь я.

1866 г.

* * *

Ярко солнце светит,
В воздухе тепло.
И куда ни взглянешь,
Всё кругом светло.

По лугу пестреют
Яркие цветы;
Золотом облиты
Тёмные листы.

Дремлет лес: ни звука,—
Лист не шелестит,
Только жаворонок
В воздухе звенит.

1871 г.

Александр Александрович Блок

(1880—1921)

ВЕТХАЯ ИЗБУШКА

Ветхая избушка
Вся в снегу стоит.
Бабушка-старушка
Из окна глядит.

Внукам-шалунишкам
По колено снег.
Весел ребятишкам
Быстрых санок бег...

Бегают, смеются,
Лепят снежный дом,
Звонко раздаются
Голоса кругом...

В снежном доме будет
Резвая игра...
Пальчики застудят,—
По домам пора!

Завтра выпьют чаю,
Глянут из окна,—
А уж дом растаял,
На дворе — весна!

1906 г.

ЗАЙЧИК

Маленькому зайчику
На сырой ложбинке
Прежде глазки тешили
Белые цветочки...

Осенью расплакались
Тонкие былинки,
Лапки наступают
На жёлтые листочки.

Хмурая, дождливая
Наступила осень.
Всю капусту сняли,
Нечего украсть...

Бедный зайчик прыгает
Возле мокрых сосен,
Страшно в лапы волку
Серому попасть...

Думает о лете,
Прижимает уши,
На́ небо косится —
Неба не видать...

Только б потеплее,
Только бы посуше...
Очень неприятно
По воде ступать.

1906 г.

СНЕГ ДА СНЕГ

Снег да снег. Всю избу занесло.
Снег белеет кругом по колено.
Так морозно, светло и бело!
Только чёрные, чёрные стены...

И дыханье выходит из губ
Застывающим в воздухе паром.
Вон дымок выползает из труб;
Вон в окошке сидят с
самоваром;

Старый дедушка сел у стола,
Наклонился и дует на блюдце;
Вон и бабушка с печки
сползла,
И кругом ребятишки смеются.

Притаились ребята, глядят,
Как играет с котятами кошка...
Вдруг ребята пискливых котят
Побросали обратно в
лукошко...

Прочь от дома на снежный
простор
На салазках они покатили.
Оглашается криками двор —
Великана из снега слепили!

Палку в нос, провертели глаза
И надели лохматую шапку.
И стоит он, ребячья гроза,
Вот возьмёт, вот ухватит
в охапку!

И хохочут ребята, кричат,
Великан у них вышел на славу!
А старуха глядит на внучат,
Не перечит ребячьему нраву.

1906 г.

НА ЛУГУ

Леса вдали виднее,
Синее небеса,
Заметней и чернее
На пашне полоса,
И детские звончее
Над лугом голоса.

Весна идёт сторонкой,
Да где ж сама она?
Чу, слышен голос звонкий,
Не это ли весна?
Нет, это звонко, тонко
В ручье журчит волна...

1912 г.

Сергей Александрович Есенин (1895—1925)

ПОЁТ ЗИМА — АУКАЕТ

Поёт зима — аукает,
Мохнатый лес баюкает
Стозвоном сосняка.
Кругом с тоской глубокою
Плывут в страну далёкую
Седые облака.

А по двору метелица
Ковром шелковым стелется,
Но больно холодна.
Воробышки игривые,
Как детки сиротливые,
Прижались у окна.

Озябли пташки малые,
Голодные, усталые,
И жмутся поплотней.
А вьюга с рёвом бешеным
Стучит по ставням свешенным
И злится всё сильней.

И дремлют пташки нежные
Под эти вихри снежные
У мёрзлого окна.
И снится им прекрасная,
В улыбках солнца ясная
Красавица весна.

1910 г.

БЕРЁЗА

Белая берёза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром.

На пушистых ветках
Снежною каймой
Распустились кисти
Белой бахромой.

И стоит берёза
В сонной тишине,
И горят снежинки
В золотом огне.

А заря, лениво
Обходя кругом,
Обсыпает ветки
Новым серебром.

<1913 г.>

ЧЕРЁМУХА

Черёмуха душистая
С весною расцвела
И ветки золотистые,
Что кудри, завила.
Кругом роса медвяная
Сползает по коре,
Под нею зелень пряная
Сияет в серебре.
А рядом, у проталинки,
В траве, между корней,
Бежит, струится маленький
Серебряный ручей.
Черёмуха душистая,
Развесившись, стоит,
А зелень золотистая
На солнышке горит.
Ручей волной гремучею
Все ветки обдаёт
И вкрадчиво под кручею
Ей песенки поёт.

<1915 г.>

ПОРОША

Еду. Тихо. Слышны звоны
Под копытом на снегу,
Только серые вороны
Расшумелись на лугу.

Заколдован невидимкой,
Дремлет лес под сказку сна,
Словно белою косынкой
Подвязалася сосна.

Понагнулась, как старушка,
Оперлася на клюку,
А над самою макушкой
Долбит дятел на суку.

Скачет конь, простору много,
Валит снег и стелет шаль.
Бесконечная дорога
Убегает лентой вдаль.

<1914 г.>

* * *

Нивы сжаты, рощи голы,
От воды туман и сырость.
Колесом за сини горы
Солнце тихое скатилось.

Дремлет взрытая дорога.
Ей сегодня примечталось,
Что совсем-совсем немного
Ждать зимы седой осталось.

1917 г.

НОЧЬ

Тихо дремлет река.
Тёмный бор не шумит.
Соловей не поёт,
И дергач не кричит.

Ночь. Вокруг тишина.
Ручеёк лишь журчит.
Своим блеском луна
Всё вокруг серебрит.

Серебрится река.
Серебрится ручей.
Серебрится трава
Орошённых степей.

Ночь. Вокруг тишина.
В природе всё спит.
Своим блеском луна
Всё вокруг серебрит.

1911–1912 гг.

ПРОЗА

Владимир Фёдорович Одоевский (1803—1869)

МОРОЗ ИВАНОВИЧ

Сказка

В одном доме жили две девочки — Рукодельница да Ленивица, а при них нянюшка. Рукодельница была умная девочка: рано вставала, сама, без нянюшки, одевалась, а вставши с постели, за дело принималась: печку топила, хлебы месила, избу мела, петуха кормила, а потом на колодец за водой ходила. А Ленивица меж тем в постельке лежала, потягивалась, с боку на бок переваливалась; уж разве наскучит лежать, так скажет спросонья: «Нянюшка, надень мне чулочки, нянюшка, завяжи башмачки», а потом заговорит: «Нянюшка, нет ли булочки?»

Встанет, попрыгает да и сядет к окошку мух считать: сколько прилетело да сколько улетело. Как всех пересчитает Ленивица, так уж и не знает, за что приняться и чем бы заняться; ей бы в постельку — да спать не хочется; ей бы покушать — да есть не

хочется; ей бы к окошку мух считать — да и то надоело. Сидит, горемычная, и плачет да жалуется на всех, что ей скучно, как будто в том другие виноваты.

Между тем Рукодельница воротится, воду процедит, в кувшины нальёт, да ещё какая затейница: коли вода нечиста, так свернёт лист бумаги, наложит в неё угольков да песку крупного насыплет, вставит ту бумагу в кувшин да нальёт в неё воды, а вода-то, знай, проходит сквозь песок да сквозь уголья и каплет в кувшин чистая, словно хрустальная; а потом Рукодельница примется чулки вязать или платки рубить, а не то и рубашки шить да кроить, да ещё рукодельную песенку затянет; и не было никогда ей скучно, потому что и скучать-то было ей некогда: то за тем, то за другим делом, тут, смотришь, и вечер — день прошёл.

Однажды с Рукодельницей беда приключилась: пошла она на колодец за водой, опустила ведро на верёвке, а верёвка-то и оборвись — упало ведро в колодец. Как тут быть? Расплакалась бедная Рукодельница да и пошла к нянюшке рассказывать про свою беду и несчастье; а нянюшка Прасковья была такая строгая и сердитая, она и говорит:

— Сама беду сделала, сама и поправляй; сама ведёрко утопила, сама и доставай.

Нечего было делать: пошла бедная Рукодельница опять к колодцу, ухватилась за верёвку и спустилась по ней к самому дну. Только тут с ней чудо случилось. Едва спустилась, смотрит: перед ней печка, а в печке сидит пирожок, такой румяный, поджаристый; сидит, поглядывает да приговаривает:

— Я совсем готов, подрумянился, сахаром да изюмом обжарился; кто меня из печки возьмёт, тот со мной и пойдёт!

Рукодельница, нимало не мешкая, схватила лопатку, вынула пирожок и положила его за пазуху.

Идёт она дальше. Перед ней сад, а в саду стоит дерево, а на дереве золотые яблочки; яблочки листьями шевелят и промеж себя говорят:

— Мы яблочки наливные, созрелые; корнем дерева питалися, студёной росой обмывалися; кто нас с дерева стрясёт, тот нас себе и возьмёт.

Рукодельница подошла к дереву, потрясла его за сучок, и золотые яблочки так и посыпались к ней в передник.

Рукодельница идёт дальше. Смотрит: перед ней сидит старик Мороз Иванович, седой-седой; сидит он на ледяной лавочке да снежные комочки ест; тряхнёт головой — от волос иней сыплется, духом дохнёт — валит густой пар.

— А! — сказал он.— Здорово, Рукодельница! Спасибо, что ты мне пирожок принесла; давным-давно уж я ничего горяченького не ел.

Тут он посадил Рукодельницу возле себя, и они вместе пирожком позавтракали, а золотыми яблочками закусили.

— Знаю я, зачем ты пришла,— говорит Мороз Иванович,— ты ведёрко в мой студенец опустила: отдать тебе ведёрко отдам, только ты мне за то три дня послужи; будешь умна, тебе же лучше; будешь ленива, тебе же хуже. А теперь,— прибавил Мороз Иванович,— мне, старику, и отдохнуть пора, поди-ка приготовь мне постель, да смотри, взбей хорошенько перину.

Рукодельница послушалась. Пошли они в дом. Дом у Мороза Ивановича сделан был весь изо льда: и двери, и окошки, и пол ледяные, а по стенам убрано снежными звёздочками; солнышко на них сияло, и всё в доме блестело, как брильянты. На постели у Мороза Ивановича вместо перины лежал снег пушистый — холодно, а делать было нечего.

Рукодельница принялась взбивать снег, чтоб старику было мягче спать, а меж тем у ней, бедной, руки окостенели и пальчики побелели, как у бедных людей, что зимой в проруби бельё полощут: и холодно, и ветер в лицо, и бельё замерзает, колом стоит, а делать нечего — работают бедные люди.

— Ничего,— сказал Мороз Иванович,— только снегом пальцы потри, так и отойдут, не озябнешь. Я ведь старик добрый; посмотри-ка, что у меня за диковинки.

Тут он приподнял свою снежную перину с одеялом, и Рукодельница увидела, что под периной пробивается зелёная травка.

— Вот ты говоришь,— сказала она,— что ты старик добрый, а зачем ты зелёную травку под снежной периной держишь, на свет божий не выпускаешь?

— Не выпускаю потому, что ещё не время: ещё трава в силу не вошла. Осенью крестьяне её посеяли, она и взошла, и кабы вытянулась она, то зима бы её захватила и к лету травка бы не вызрела. Вот я и прикрыл молодую зелень моею снежной периной, да ещё сам прилёг на неё, чтобы снег ветром не разнесло; а вот придёт весна, снежная перина растает, травка заколосится, а там, смотришь, выглянет и зерно, а зерно крестьянин соберёт да на мельницу отвезёт; мельник зерно смелет, и будет мука, а из муки ты, Рукодельница, хлеб испечёшь.

— Ну, а скажи мне, Мороз Иванович,— сказала Рукодельница,— зачем ты в колодце-то сидишь?

— Я затем в колодце сижу, что весна подходит,— сказал Мороз Иванович,— мне жарко становится; а ты знаешь, что и летом в колодце холодно бывает, оттого и вода в колодце студёная, хоть посреди самого жаркого лета.

— А зачем ты, Мороз Иванович,— спросила Рукодельница,— зимой по улицам ходишь да в окошки стучишься?

— А я затем в окошки стучусь,— ответил Мороз Иванович,— чтобы не забывали печей топить да трубы вовремя закрывать; а не то ведь, я знаю, есть такие неряхи, что печку истопить — истопят, а трубу закрыть не закроют или и закрыть закроют, да не вовремя, когда ещё не все угольки прогорели, а от того в гор-

нице угарно бывает, голова у людей болит, в глазах зелено; даже и совсем умереть от угара можно. А затем ещё я в окошки стучусь, чтоб никто не забывал, что есть на свете люди, которым зимой холодно, у которых нет шубки да и дров купить не на что; вот я затем в окошко стучусь, чтобы им помогать не забывали.

Тут добрый Мороз Иванович погладил Рукодельницу по головке да и лёг почивать на свою снежную постель.

Рукодельница меж тем всё в доме прибрала, пошла на кухню, кушанье изготовила, платье у старика починила и бельё выштопала.

Старичок проснулся; был всем очень доволен и поблагодарил Рукодельницу. Потом сели они обедать; обед был прекрасный, и особенно хорошо было мороженое, которое старик сам изготовил.

Так прожила Рукодельница у Мороза Ивановича целых три дня. На третий день Мороз Иванович сказал Рукодельнице:

— Спасибо тебе, умная ты девочка. Хорошо ты меня, старика, утешила, но я у тебя в долгу не останусь. Ты знаешь: люди за рукоделие деньги получают, так вот тебе твоё ведёрко, а в ведёрко я всыпал целую горсть серебряных пятачков; да сверх того, вот тебе на память брильянтик — косыночку закалывать.

Рукодельница поблагодарила, приколола брильянтик, взяла ведёрко, пошла опять к колодцу, ухватилась за верёвку и вышла на свет.

Только что она стала подходить к дому, как петух, которого она всегда кормила, увидев её, обрадовался, взлетел на забор и закричал:

Кукареку, кукареки!
У Рукодельницы в ведёрке пятаки!

Когда Рукодельница пришла домой и рассказала всё, что с ней было, нянюшка очень дивовалась, а потом промолвила:

— Вот видишь ты, Ленивица, что люди за рукоделие получают!

Константин Дмитриевич Ушинский (1824—1870)

ВМЕСТЕ ТЕСНО, А ВРОЗЬ СКУЧНО[1]

Говорит брат сестре: «Не тронь моего волчка». Отвечает сестра брату: «А ты не тронь моих кукол». Дети расселись по разным углам, но скоро им обоим стало скучно.

Отчего детям стало скучно?

[1] Рассказы взяты из «Родного слова» (1864 г.) и «Детского мира» и «Хрестоматии» (1861 г.).

БИШКА

— А ну-ка, Бишка, прочти, что в книжке написано!

Понюхала собачка книжку, да и прочь пошла. «Не моё,— говорит,— дело книги читать; я дом стерегу, по ночам не сплю, лаю, воров да волков пугаю, на охоту хожу, зайку слежу, уточек ищу, поноску тащу — будет с меня и этого».

ПЕТУШОК С СЕМЬЕЙ

Ходит по двору петушок: на голове красный гребешок, под носом красная бородка. Нос у Пети долотцом, хвост у Пети колесцом, на хвосте узоры, на ногах шпоры. Лапами Петя кучу разгребает, курочек с цыплятами созывает:

— Курочки-хохлатушки! Хлопотуньи-хозяюшки! Пёстренькие-рябенькие! Чёрненькие-беленькие! Собирайтесь с цыплятками, с малыми ребятками: я вам зёрнышко припас!

Курочки с цыплятками собрались, раскудахталися; зёрнышком не поделились,— передралися.

Петя-петушок беспорядков не любит — сейчас семью помирил: ту за хохол, того за вихор, сам зёрнышко съел, на плетень взлетел, крыльями замахал, во всё горло заорал: «Ку-ку-ре-ку!»

ВАСЬКА

Котичек-коток — серенький лобок. Ласков Вася, да хитёр, лапки бархатные, ноготок остёр. У Васютки — ушки чутки, усы длинны, шубка шёлковая.

Ласкается кот, выгибается, хвостиком виляет, глазки закрывает, песенку поёт, а попалась мышка — не прогневайся! Глазки-то большие, лапки что стальные, зубки-то кривые, когти выпускные!

ЛИСА ПАТРИКЕЕВНА

У кумушки-лисы зубушки остры, рыльце тоненькое, ушки на макушке, хвостик на отлёте, шубка тёпленькая.

Хорошо кума принаряжена: шерсть пушистая, золотистая; на груди жилет, а на шее белый галстучек.

Ходит лиса тихохонько, к земле пригинается, будто кланяется; свой пушистый хвост носит бережно; смотрит ласково, улыбается, зубки белые показывает.

Роет норы, умница, глубокие: много входов в них и выходов, кладовые есть, есть и спаленки, мягкой травушкой полы выстланы.

Всем бы лисонька хороша была, хозяюшка, да разбойница-лиса: любит курочек, любит уточек, свернёт шею гусю жирному, не помилует и кролика.

УМЕЙ ОБОЖДАТЬ

Жили-были себе брат да сестра, петушок да курочка. Побежал петушок в сад и стал клевать зеленёхонькую смородину, а курочка и говорит ему: «Не ешь, Петя! Обожди, пока смородина поспеет». Петушок не послушался, клевал да клевал, и наклевался так, что насилу домой добрёл. «Ох! — кричит петушок,— беда моя! больно, сестрица, больно!» Напоила курочка петушка мятой, приложила горчичник — и прошло.

Выздоровел петушок и пошёл в поле: бегал, прыгал, разгорелся, вспотел и побежал к ручью пить холодную воду; а курочка ему кричит:

— Не пей, Петя, обожди, пока простынешь.

Не послушался петушок, напился холодной воды — и тут его стала бить лихорадка: насилу домой курочка довела. Побежала курочка за доктором, прописал доктор Пете горького лекарства, и долго пролежал петушок в постели.

Выздоровел петушок к зиме и видит, что речка ледком покрылась: захотелось петушку на коньках покататься; а курочка и говорит ему: «Ох, обожди, Петя! Дай реке совсем замёрзнуть; теперь ещё лёд очень тонок, утонешь». Не послушался петушок сестрицы: покатился по льду; лёд проломился, и петушок — бултых в воду! Только петушка и видели.

ЧЕТЫРЕ ЖЕЛАНИЯ

Митя накатался на саночках с ледяной горы и на коньках по замёрзшей реке, прибежал домой румяный, весёлый и говорит отцу:

— Уж как весело зимой! Я бы хотел, чтобы всё зима была!

— Запиши твоё желание в мою карманную книжку,— сказал отец.

Митя записал.

Пришла весна. Митя вволю набегался за пёстрыми бабочками по зелёному лугу, нарвал цветов, прибежал к отцу и говорит:

— Что за прелесть эта весна! Я бы желал, чтобы всё весна была.

Отец опять вынул книжку и приказал Мите записать своё желание.

Настало лето. Митя с отцом отправились на сенокос. Весь длинный день веселился мальчик: ловил рыбу, набрал ягод, кувыркался в душистом сене и вечером сказал отцу:

— Вот уж сегодня я повеселился вволю! Я бы желал, чтобы лету конца не было.

И это желание Мити было записано в ту же книжку.

Наступила осень. В саду собирали плоды — румяные яблоки и жёлтые груши. Митя был в восторге и говорил отцу:

— Осень лучше всех времён года!

Рисунок Н. Устинова.

Тогда отец вынул свою записную книжку и показал мальчику, что он то же самое говорил и о весне, и о зиме, и о лете.

ПРОКАЗЫ СТАРУХИ-ЗИМЫ

Разозлилась старуха-зима: задумала она всякое дыхание со света сжить. Прежде всего стала она до птиц добираться: надоели ей они своим криком и писком.

Подула зима холодом, посорвала листья с лесов и дубрав и разметала их по дорогам. Некуда птицам деваться: стали они стайками собираться, думушку думать. Собрались, покричали и полетели за высокие горы, за синие моря, в тёплые страны. Остался воробей, и тот под стреху забился.

Видит зима, что птиц ей не догнать: накинулась на зверей.

Запорошила снегом поля, завалила сугробами леса, одела деревья ледяной корой и посылает мороз за морозом. Идут морозы один другого злее, с ёлки на ёлку перепрыгивают, потрескивают да пощёлкивают, зверей пугают. Не испугалися звери: у одних шубы тёплые, другие в глубокие норы запрятались; белка в дупле орешки грызёт; медведь в берлоге лапу сосёт; заинька, прыгаючи, греется; а лошадки, коровки, овечки давным-давно в тёплых хлевах готовое сено жуют, тёплое пойло пьют.

Пуще злится зима — до рыб она добирается: посылает мороз за морозом, один другого лютее. Морозцы бойко бегут, молоточками громко постукивают: без клиньев, без подклинков по озёрам, по рекам мосты строят. Замёрзли реки и озёра, да только сверху, а рыба вся вглубь ушла: под ледяной кровлей ей ещё теплее.

— Ну, постой же,— думает зима,— дойму я людей,— и шлёт мороз за морозом, один другого злее. Заволокли морозы узорами оконницы в окнах; стучат и в стены, и в двери, так что брёвна лопаются. А люди затопили печки, пекут себе блины горячие да над зимой посмеиваются. Случится кому за дровами в лес ехать — наденет он тулуп, валенки, рукавицы тёплые да как примется топором махать, даже пот прошибёт. По дорогам, будто зиме на смех, обозы потянулись; от лошадей пар валит, извозчики ногами потопывают, рукавицами похлопывают, плечами передёргивают, морозцы похваливают.

Обиднее всего показалось зиме, что даже малые ребятишки — и те её не боятся! Катаются себе на коньках да на салазках, в снежки играют, баб лепят, горы строят, водой поливают да ещё мороз кличут: «Приди-ка подсобить!» Щипнёт зима со злости одного мальчугана за ухо, другого за нос, даже побелеют; а мальчик схватит снега, давай тереть — и разгорится у него лицо, как огонь.

Видит зима, что ничем ей не взять: заплакала со злости. Со стрех зимние слёзы закапали... видно, весна недалёко!

КАК РУБАШКА В ПОЛЕ ВЫРОСЛА

I

Видела Таня, как отец её горстями разбрасывал по полю маленькие блестящие зёрна, и спрашивает: — «Что ты, тятя, делаешь?» — «А вот сею ленок, дочка: вырастет рубашка тебе и Васютке».

Задумалась Таня: никогда она не видала, чтобы рубашки в поле росли.

Недели через две покрылась полоса зелёною шелковистою травкой, и подумала Таня: «Хорошо, если бы у меня была такая рубашечка!» Раза два мать и сёстры Тани приходили полоску полоть и всякий раз говорили девочке: «Славная у тебя рубашечка будет!» Прошло ещё несколько недель: травка на по-

лоске поднялась, а на ней показались голубые цветочки. «У братца Васи такие глазки,— подумала Таня,— но рубашечек таких я ни на ком не видела». Когда цветочки опали, то на место их показались зелёные головки. Когда головки забурели и подсохли, мать и сёстры Тани повыдергали весь лён с корнем, навязали снопиков и поставили их на поле просохнуть.

II

Когда лён просох, то стали у него головки отрезывать; а потом потопили в речке безголовые пучки и ещё камнем сверху навалили, чтобы не всплыл. Печально смотрела Таня, как её рубашечку топят; а сёстры тут ей опять сказали:

— Славная у тебя, Таня, рубашка будет.

Недели через две вынули лён из речки, просушили и стали колотить, сначала доской на гумне, потом *трепалом* на дворе, так что от бедного льна летела кострика во все стороны. Вытрепавши, стали лён чесать железным гребнем, пока он сделался мягким и шелковистым. «Славная у тебя рубашка будет!» — опять сказали Тане сёстры.

Но Таня подумала: «Где же тут рубашка? — это похоже на волоски Васи, а не на рубашку».

III

Настали длинные зимние вечера. Сёстры Тани надели лён на гребни и стали из него нитки прясть. «Это нитки! — думает Таня,— а где же рубашечка?»

Прошла зима, весна и лето — настала осень. Отец установил в избе *крóсна,* натянул на них *основу* и начал ткать. Забегал проворно *челночёк* между нитками, и тут уже Таня сама увидала, как из ниток выходит холст.

Когда холст был готов, стали его на морозе морозить, по снегу расстилать, а весной расстилали его по траве на солнышке и взбрызгивали водой. Сделался холст из серого белым как кипень.

Настала опять зима. Накроила из холста мать рубашек; принялись сёстры рубашки шить, а затем надели на Таню и Васю новые, белые как снег рубашечки.

НАШЕ ОТЕЧЕСТВО

Наше *отечество,* наша *родина — матушка* Россия. *Отечеством* мы зовём Россию потому, что в ней жили испокон веку отцы и деды наши. *Родиной* мы зовём её потому, что в ней мы родились, в ней говорят родным нам языком, и всё в ней для нас родное; а *матерью* — потому, что она вскормила нас своим

хлебом, вспоила своими водами, выучила своему языку; как мать она защищает и бережёт нас от всяких врагов...

Много есть на свете и кроме России всяких хороших государств и земель, но одна у человека родная мать — одна у него и родина.

Лев Николаевич Толстой
(1828—1910)

ИЗ «НОВОЙ АЗБУКИ»[1]

У бабки была внучка; прежде внучка была мала и всё спала, а бабка сама пекла хлебы, мела избу, мыла, шила, пряла и ткала на внучку; а после бабка стала стара и легла на печку и всё спала. И внучка пекла, мыла, шила, ткала и пряла на бабку.

У Вари был чиж. Чиж жил в клетке и ни разу не пел. Варя пришла к чижу. «Пора тебе, чиж, петь».— «Пусти меня на волю, на воле буду весь день петь».

Хотела галка пить. На дворе стоял кувшин с водой, а в кувшине была вода только на дне. Галке нельзя было достать. Она стала кидать в кувшин камушки и столько наклала, что вода стала выше и можно было пить.

Спала кошка на крыше, сжала лапки. Села подле кошки птичка. Не сиди близко, птичка, кошки хитры.

Пришла весна, потекла вода. Дети взяли дощечки, сделали лодочку, пустили лодочку по воде. Лодочка плыла, а дети бежали за нею, кричали, и ничего впереди себя не видали, и в лужу упали.

Старик сажал яблони. Ему сказали: «Зачем тебе эти яблони? Долго ждать с этих яблонь плода, и ты не съешь с них яблочка». Старик сказал: «Я не съем, другие съедят, мне спасибо скажут».

---

[1] В хрестоматию включены рассказы из «Азбуки» (1872 г.), «Новой азбуки» и «Книг для чтения» (1874—1875 гг.).

Рисунок А. Пахомова.

Таня знала буквы. Она взяла книгу и куклу и дала книгу кукле, будто школа.

— Учи, кукла, буквы! Это — А. Это — Б, Бе. Смотри, помни!

МУРАВЕЙ И ГОЛУБКА

Басня

Муравей подполз к ручью пить. Волна набежала и чуть его не потопила. Голубка несла ветку: она увидела — муравей тонет и бросила ему ветку. Муравей сел на ветку и спасся. Потом охотник расставил сеть и хотел поймать голубку. Муравей подполз к охотнику и укусил его за ногу. Охотник охнул и уронил сеть. Голубка вспорхнула и улетела.

ОТЕЦ И СЫНОВЬЯ

Басня

Отец приказал сыновьям, чтобы жили в согласии; они не слушались. Вот он велел принести веник и говорит: «Сломайте!»

Сколько они ни бились, не могли сломать. Тогда отец развязал веник и велел ломать по одному пруту.

Они легко переломали прутья поодиночке.

Отец и говорит: «Так-то и вы: если в согласии жить будете, никто вас не одолеет; а если будете ссориться да все врозь, вас всякий легко погубит».

ДВА ТОВАРИЩА

Басня

Шли по лесу два товарища, и выскочил на них медведь. Один бросился бежать, влез на дерево и спрятался, а другой остался на дороге. Делать было ему нечего — он упал наземь и притворился мёртвым.

Медведь подошёл к нему и стал нюхать: он и дышать перестал.

Медведь понюхал ему лицо, подумал, что мёртвый, и отошёл.

Когда медведь ушёл, тот слез с дерева и смеётся: «Ну что,— говорит,— медведь тебе на ухо говорил?»

«А он сказал мне, что плохие люди те, которые в опасности от товарищей убегают».

ТРИ МЕДВЕДЯ

Сказка

Одна девочка ушла из дома в лес. В лесу она заблудилась и стала искать дорогу домой, да не нашла, а пришла в лесу к домику.

Дверь была отворена. Она посмотрела в дверь, видит: в домике никого нет, и вошла. В домике этом жили три медведя. Один медведь был отец, звали его Михаил Иваныч. Он был большой и лохматый. Другой — была медведица. Она была поменьше, и звали её Настасья Петровна. Третий был маленький медвежонок, и звали его Мишутка. Медведей не было дома — они ушли гулять по лесу.

В домике было две комнаты: одна столовая, другая спальня. Девочка вошла в столовую и увидела на столе три чашки с похлёбкой. Первая чашка, очень большая, была Михайлы Ивановичева. Вторая чашка, поменьше, была Настасьи Петровнина. Третья, синенькая чашечка, была Мишуткина. Подле каждой чашки лежала ложка: большая, средняя и маленькая.

Девочка взяла самую большую ложку и похлебала из самой большой чашки; потом взяла среднюю ложку и похлебала из средней чашки; потом взяла маленькую ложечку и похлебала из синенькой чашечки, и Мишуткина похлёбка ей показалась лучше всех.

Девочка захотела сесть и видит у стола три стула: один большой — Михайлы Иваныча, другой поменьше — Настасьи Пет-

ровнин и третий, маленький, с синенькой подушечкой — Мишуткин. Она полезла на большой стул и упала; потом села на средний стул — на нём было неловко; потом села на маленький стульчик и засмеялась — так было хорошо. Она взяла синенькую чашечку на колени и стала есть. Поела всю похлёбку и стала качаться на стуле.

Стульчик проломился, и она упала на пол. Она встала, подняла стульчик и пошла в другую горницу. Там стояли три кровати: одна большая — Михайлы Иванычева, другая, средняя — Настасьи Петровнина, третья, маленькая — Мишенькина. Девочка легла в большую — ей было слишком просторно; легла в среднюю — было слишком высоко; легла в маленькую — кроватка пришлась ей как раз впору, и она заснула.

А медведи пришли домой голодные и захотели обедать. Большой медведь взял свою чашку, взглянул и заревел страшным голосом:

— КТО ХЛЕБАЛ В МОЕЙ ЧАШКЕ!

Настасья Петровна посмотрела свою чашку и зарычала не так громко:

— КТО ХЛЕБАЛ В МОЕЙ ЧАШКЕ!

А Мишутка увидал свою пустую чашечку и запищал тонким голосом:

— КТО ХЛЕБАЛ В МОЕЙ ЧАШКЕ И ВСЕ ВЫХЛЕБАЛ!

Михайло Иваныч взглянул на свой стул и зарычал страшным голосом:

— КТО СИДЕЛ НА МОЁМ СТУЛЕ И СДВИНУЛ ЕГО С МЕСТА!

Настасья Петровна взглянула на свой стул и зарычала не так громко:

— КТО СИДЕЛ НА МОЁМ СТУЛЕ И СДВИНУЛ ЕГО С МЕСТА!

Мишутка взглянул на свой сломанный стульчик и пропищал:

— КТО СИДЕЛ НА МОЁМ СТУЛЕ И СЛОМАЛ ЕГО!

Медведи пришли в другую горницу.

— КТО ЛОЖИЛСЯ В МОЮ ПОСТЕЛЬ И СМЯЛ ЕЁ!

— заревел Михайло Иваныч страшным голосом.

— КТО ЛОЖИЛСЯ В МОЮ ПОСТЕЛЬ И СМЯЛ ЕЁ!

— зарычала Настасья Петровна не так громко.

А Мишенька подставил скамеечку, полез в свою кроватку и запищал тонким голосом:

— КТО ЛОЖИЛСЯ В МОЮ ПОСТЕЛЬ!

И вдруг он увидел девочку и завизжал так, как будто его режут:

— Вот она! Держи, держи! Вот она! Вот она! Ай-яяй! Держи!

Он хотел её укусить. Девочка открыла глаза, увидела медведей и бросилась к окну. Окно было открыто, она выскочила в окно и убежала. И медведи не догнали её.

КОТЁНОК

Быль

Были брат и сестра — Вася и Катя; и у них была кошка. Весной кошка пропала. Дети искали её везде, но не могли найти. Один раз они играли подле амбара и услыхали: над головой кто-то мяучит тонкими голосами. Вася влез по лестнице под крышу амбара. А Катя стояла внизу и всё спрашивала:

— Нашёл? Нашёл?

Но Вася не отвечал ей. Наконец Вася закричал ей:

— Нашёл! Наша кошка... и у неё котята; такие чудесные; иди сюда скорее.

Катя побежала домой, достала молока и принесла кошке.

Котят было пять. Когда они выросли немножко и стали вылезать из-под угла, где вывелись, дети выбрали себе одного котёнка, серого с белыми лапками, и принесли в дом. Мать раздала всех остальных котят, а этого оставила детям. Дети кормили его, играли с ним и клали с собой спать.

Один раз дети пошли играть на дорогу и взяли с собой котёнка. Ветер шевелил солому по дороге, а котёнок играл с соломой, и дети радовались на него. Потом они нашли подле дороги щавель, пошли собирать его и забыли про котёнка. Вдруг они услыхали, что кто-то громко кричит: «Назад, назад!» — и увидали, что скачет охотник, а впереди его две собаки увидали котёнка и хотят схватить его. А котёнок глупый, вместо того чтобы бежать, присел к земле, сгорбил спину и смотрит на собак. Катя испугалась собак, закричала и побежала прочь от них. А Вася что было духу пустился к котёнку и в одно время с собаками подбежал к нему. Собаки хотели схватить котёнка, но Вася упал животом на котёнка и закрыл его от собак.

Охотник подскакал и отогнал собак; а Вася принёс домой котёнка и уж больше не брал его с собой в поле.

ПТИЧКА

Быль

Был Серёжа именинник, и много ему разных подарили подарков: и волчки, и кони, и картинки. Но дороже всех подарков подарил дядя Серёже — сетку, чтобы птиц ловить. Сетка сделана так, что на рамке приделана дощечка и сетка откинута. Насыпать семя на дощечку и выставить на двор. Прилетит птичка, сядет на дощечку, дощечка повернётся, и сетка сама захлопнется. Обрадовался Серёжа, прибежал к матери показать сетку.

Мать говорит:

— Нехороша игрушка. На что тебе птички? Зачем ты их мучить будешь!

— Я их в клетки посажу. Они будут петь, и я их буду кормить.

Достал Серёжа семя, насыпал на дощечку и выставил сетку в сад. И всё стоял, ждал, что птички прилетят. Но птицы его боялись и не летели на сетку. Пошёл Серёжа обедать и сетку оставил. Поглядел после обеда: сетка захлопнулась, и под сеткой бьётся птичка. Серёжа обрадовался, поймал птичку и понёс домой.

— Мама! Посмотрите, я птичку поймал, это, верно, соловей! И как у него сердце бьётся.

Мать сказала:

— Это чиж. Смотри же, не мучай его, а лучше пусти.

— Нет, я его кормить и поить буду.

Посадил Серёжа чижа в клетку и два дня сыпал ему семя, и ставил воду, и чистил клетку. На третий день он забыл про чижа и не переменил ему воду. Мать ему и говорит:

— Вот видишь, ты забыл про свою птичку, лучше пусти её.

— Нет, я не забуду, я сейчас поставлю воды и вычищу клетку.

Засунул Серёжа руку в клетку, стал чистить, а чижик испугался, бьётся об клетку. Серёжа вычистил клетку и пошёл за водой. Мать увидала, что он забыл закрыть клетку, и кричит ему:

— Серёжа, закрой клетку, а то вылетит и убьётся твоя птичка!

Не успела она сказать, чижик нашёл дверку, обрадовался, распустил крылышки и полетел через горницу к окошку. Да не видал стекла, ударился о стекло и упал на подоконник.

Прибежал Серёжа, взял птичку, понёс её в клетку. Чижик был ещё жив, но лежал на груди, распустивши крылышки, и тяжело дышал. Серёжа смотрел, смотрел и начал плакать.

— Мама, что мне теперь делать?

— Теперь ничего не сделаешь.

Серёжа целый день не отходил от клетки и всё смотрел на чижика, а чижик всё так же лежал на грудке и тяжело и скоро дышал. Когда Серёжа пошёл спать, чижик ещё был жив. Серёжа долго не мог заснуть; всякий раз, как закрывал глаза, ему представлялся чижик, как он лежит и дышит. Утром, когда Серёжа подошёл к клетке, он увидел, что чиж уже лежит на спинке, поджал лапки и закостенел. С тех пор Серёжа никогда не ловил птиц.

ЛЕВ И СОБАЧКА

Быль

В Лондоне показывали диких зверей и за смотрение брали деньгами или собаками и кошками на корм диким зверям.

Одному человеку захотелось поглядеть зверей; он ухватил на улице собачонку и принёс ее в зверинец. Его пустили смотреть, а собачонку взяли и бросили в клетку ко льву на съеденье.

Собачка поджала хвост и прижалась в угол клетки. Лев подошёл к ней и понюхал её.

Собачка легла на спину, подняла лапки и стала махать хвостиком.

Лев тронул её лапой и перевернул.

Собачка вскочила и стала перед львом на задние лапки.

Лев смотрел на собачку, поворачивал голову со стороны на сторону и не трогал её.

Когда хозяин бросил льву мяса, лев оторвал кусок и оставил собачке.

Вечером, когда лев лёг спать, собачка легла подле него и положила свою голову ему на лапу.

С тех пор собачка жила в одной клетке со львом. Лев не трогал её, ел корм, спал с ней вместе, а иногда играл с ней.

Один раз барин пришёл в зверинец и узнал свою собачку; он сказал, что собачка его собственная, и попросил хозяина зверинца отдать ему. Хозяин хотел отдать, но как только стали звать собачку, чтобы взять её из клетки, лев ощетинился и зарычал.

Так прожили лев и собачка целый год в одной клетке.

Через год собачка заболела и издохла. Лев перестал есть, всё нюхал, лизал собачку и трогал её лапой.

Когда он понял, что она умерла, он вдруг вспрыгнул, ощетинился, стал хлестать себя хвостом по бокам, бросился на стену клетки и стал грызть засовы и пол.

Целый день он бился, метался в клетке и ревел, потом лёг подле мёртвой собачки и затих. Хозяин хотел унести мёртвую собачку, но лев никого не подпускал к ней.

Хозяин думал, что лев забудет своё горе, если ему дать другую собачку, и пустил к нему в клетку живую собачку; но лев тотчас разорвал её на куски. Потом он обнял своими лапами мёртвую собачку и так лежал пять дней.

На шестой день лев умер.

КОРОВА

Быль

Жила вдова Марья с своей матерью и с шестью детьми. Жили они бедно. Но купили на последние деньги бурую корову, чтоб было молоко для детей. Старшие дети кормили Бурёнушку в поле и давали ей помои дома. Один раз мать вышла со двора, а старший мальчик Миша полез за хлебом на полку, уронил стакан и разбил его. Миша испугался, что мать его будет бранить, подобрал большие стёкла от стакана, вынес на двор и зарыл в навозе, а маленькие стёклышки все подобрал и бросил в лоханку. Мать хватилась стакана, стала спрашивать, но Миша не сказал; и так дело осталось.

На другой день после обеда пошла мать давать Бурёнушке помои из лоханки, видит: Бурёнушка скучна и не ест корма. Стали лечить корову, позвали бабку. Бабка сказала:

— Корова жива не будет, надо её убить на мясо.

Позвали мужика, стали бить корову. Дети услыхали, как на дворе заревела Бурёнушка. Собрались все на печку и стали плакать. Когда убили Бурёнушку, сняли шкуру и разрезали на части, у ней в горле нашли стекло.

И узнали, что она издохла оттого, что ей попало стекло в помоях. Когда Миша узнал это, он стал горько плакать и признался матери о стакане. Мать ничего не сказала и сама заплакала. Она сказала:

— Убили мы свою Бурёнушку, купить теперь не на что. Как проживут малые дети без молока?

Миша ещё пуще стал плакать и не слезал с печи, когда ели студень из коровьей головы. Он каждый день во сне видел, как дядя Василий нёс за рога мёртвую бурую голову Бурёнушки с открытыми глазами и красной шеей. С тех пор у детей молока не было. Только по праздникам бывало молоко, когда Марья попросит у соседей горшочек. Случилось, барыне той деревни понадобилась к дитяти няня. Старушка и говорит дочери:

— Отпусти меня, я пойду в няни... заслужу в год на корову.

Так и сделали. Старушка ушла к барыне. А Марье ещё тяжелее с детьми стало. И дети без молока целый год жили: один кисель и тюрю ели и стали худые и бледные.

Прошёл год, пришла старушка домой и принесла двадцать рублей.

— Ну, дочка,— говорит,— теперь купим корову.

Обрадовалась Марья, обрадовались все дети. Собралась Марья со старухой на базар покупать корову. Соседку попросили с детьми побыть, а соседа, дядю Захара, попросили с ними поехать выбирать корову... Поехали в город. Дети пообедали и вышли на улицу смотреть, не ведут ли корову. Стали дети судить: какая будет корова — бурая или чёрная. Стали они говорить, как её кормить будут. Ждали они, ждали целый день. За версту ушли встречать корову. Уж смеркаться стало, вернулись назад. Вдруг видят: по улице едет на телеге бабушка, а у заднего колеса идёт пёстрая корова, за рога привязана. И идёт сзади мать, хворостиной подгоняет. Подбежали дети, стали смотреть корову. Набрали хлеба, травы, стали кормить. Мать пошла в избу, разделась и вышла на двор с полотенцем и подойником. Она села под корову, обтёрла вымя... Стала доить корову, а дети сели кругом и смотрели, как молоко брызнуло из вымени в край подойника и засвистело у матери из-под пальцев. Надоила мать половину подойника, снесла на погреб и отлила детям горшочек к ужину.

ФИЛИПОК

Быль

Был мальчик, звали его Филипп. Пошли раз все ребята в школу. Филипп взял шапку и хотел тоже идти. Но мать сказала ему:

— Куда ты, Филипок, собрался?
— В школу
— Ты ещё мал, не ходи,— и мать оставила его дома.

Ребята ушли в школу. Отец ещё с утра уехал в лес, мать ушла на подённую работу. Остались в избе Филипок да бабушка на печке. Стало Филипку скучно одному, бабушка заснула, а он стал искать шапку. Своей не нашёл, взял старую отцовскую и пошёл в школу.

Школа была за селом. Когда Филипок шёл по своей слободе, собаки не трогали его: они его знали. Но когда он вышел к чужим дворам, выскочила Жучка, залаяла, и за Жучкой большая собака Волчок. Филипок бросился бежать, собаки за ним. Филипок стал кричать, споткнулся и упал. Вышел мужик, отогнал собак и сказал:

— Куда ты, пострелёнок, один бежишь?

Филипок ничего не сказал, подобрал полы и пустился бежать во весь дух. Прибежал он к школе. На крыльце никого нет, а в школе, слышно, гудят голоса ребят. На Филипка нашёл страх: «Что, как учитель меня прогонит?» И стал думать, что ему делать. Назад идти — опять собака заест, в школу идти — учителя боится. Шла мимо школы баба с ведром и говорит:

— Все учатся, а ты что тут стоишь?

Филипок и пошёл в школу. В сенцах снял шапку и отворил дверь. Школа вся была полна ребят. Все кричали своё, и учитель в красном шарфе ходил посередине.

— Ты что? — закричал он на Филипка.

Филипок ухватился за шапку и ничего не говорил.

— Да кто ты?

Филипок молчал.

— Или ты немой?

Филипок так напугался, что говорить не мог.

— Ну, так иди домой, коли говорить не хочешь.

А Филипок и рад бы что сказать, да в горле у него от страха пересохло. Он посмотрел на учителя и заплакал. Тогда учителю жалко его стало. Он погладил его по голове и спросил у ребят, кто этот мальчик.

— Это Филипок, Костюшкин брат, он давно просится в школу, да мать не пускает его, и он украдкой пришёл в школу.

— Ну, садись на лавку возле брата, а я твою мать попрошу, чтобы пускала тебя в школу.

Учитель стал показывать Филипку буквы, а Филипок их уж знал и немножко читать умел.

— Ну-ка, сложи своё имя.

Филипок сказал:

— Хве-и — хви, ле-и — ли, пе-ок — пок.

Все засмеялись.

— Молодец! — сказал учитель.— Кто же тебя учил читать?

Филипок осмелился и сказал:

— Костюшка. Я бедовый, я сразу всё понял. Я страсть какой ловкий!

Учитель засмеялся и сказал:

— ...Ты погоди хвалиться, а поучись.

С тех пор Филипок стал ходить с ребятами в школу.

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

(1852—1912)

АЛЁНУШКИНЫ СКАЗКИ

Присказка

Баю-баю-баю...

Один глазок у Алёнушки спит, другой — смотрит; одно ушко у Алёнушки спит, другое — слушает.

Спи, Алёнушка, спи, красавица, а папа будет рассказывать сказки. Кажется, все тут: и сибирский кот Васька, и лохматый деревенский пёс Постойко, и серая Мышка-норушка, и Сверчок за печкой, и пёстрый Скворец в клетке, и забияка Петух.

Спи, Алёнушка, сейчас сказка начинается. Вон уже в окно смотрит высокий месяц; вон косой заяц проковылял на своих валенках; волчьи глаза засветились жёлтыми огоньками; медведь Мишка сосёт свою лапу. Подлетел к самому окну старый Воробей, стучит носом о стекло и спрашивает: скоро ли? Все тут, все в сборе, и все ждут Алёнушкиной сказки.

Один глазок у Алёнушки спит, другой — смотрит; одно ушко у Алёнушки спит, другое — слушает.

Баю-баю-баю...

СКАЗКА ПРО ХРАБРОГО ЗАЙЦА — ДЛИННЫЕ УШИ, КОСЫЕ ГЛАЗА, КОРОТКИЙ ХВОСТ

Родился зайчик в лесу и всё боялся. Треснет где-нибудь сучок, вспорхнёт птица, упадёт с дерева ком снега,— у зайчика душа в пятки.

Боялся зайчик день, боялся два, боялся неделю, боялся год; а потом вырос он большой, и вдруг надоело ему бояться.

— Никого я не боюсь! — крикнул он на весь лес.— Вот не боюсь нисколько, и всё тут!

Собрались старые зайцы, сбежались маленькие зайчата, приплелись старые зайчихи — все слушают, как хвастается Заяц — длинные уши, косые глаза, короткий хвост,— слушают и своим собственным ушам не верят. Не было ещё, чтобы заяц не боялся никого.

— Эй ты, косой глаз, ты и волка не боишься?

— И волка не боюсь, и лисицы, и медведя — никого не боюсь!

Это уж выходило совсем забавно. Хихикнули молодые зайчата, прикрыв мордочки передними лапками, засмеялись добрые старушки зайчихи, улыбнулись даже старые зайцы, побывавшие в лапах у лисы и отведавшие волчьих зубов. Очень уж смешной заяц!.. Ах, какой смешной! И всем вдруг сделалось весело. Начали кувыркаться, прыгать, скакать, перегонять друг друга, точно все с ума сошли.

— Да что тут долго говорить! — кричал расхрабрившийся окончательно Заяц.— Ежели мне попадётся волк, так я его сам съем...

— Ах, какой смешной Заяц! Ах, какой он глупый!..

Все видят, что и смешной и глупый, и все смеются.

Кричат зайцы про волка, а волк — тут как тут.

Ходил он, ходил в лесу по своим волчьим делам, проголодался и только подумал: «Вот бы хорошо зайчиком закусить!» — как слышит, что где-то совсем близко зайцы кричат и его, серого Волка, поминают. Сейчас он остановился, понюхал воздух и начал подкрадываться.

Совсем близко подошёл Волк к разыгравшимся зайцам, слышит, как они над ним смеются, а всех больше — хвастун Заяц — косые глаза, длинные уши, короткий хвост.

«Э, брат, погоди, вот тебя-то я и съем!» — подумал серый Волк и начал выглядывать, который заяц хвастается своей храбростью. А зайцы ничего не видят и веселятся пуще прежнего. Кончилось тем, что хвастун Заяц взобрался на пенёк, уселся на задние лапки и заговорил:

— Слушайте вы, трусы! Слушайте и смотрите на меня. Вот я сейчас покажу вам одну штуку. Я... я... я...

Тут язык у хвастуна точно примёрз.

Заяц увидел глядевшего на него Волка. Другие не видели, а он видел и не смел дохнуть.

Дальше случилась совсем необыкновенная вещь.

Заяц-хвастун подпрыгнул кверху, точно мячик, и со страху упал прямо на широкий волчий лоб, кубарем прокатился по волчьей спине, перевернулся ещё раз в воздухе и потом задал такого стрекача, что, кажется, готов был выскочить из собственной кожи.

Долго бежал несчастный Зайчик, бежал, пока совсем не выбился из сил.

Ему всё казалось, что Волк гонится по пятам и вот-вот схватит его своими зубами.

Наконец совсем обессилел бедняга, закрыл глаза и замертво свалился под куст.

А Волк в это время бежал в другую сторону. Когда Заяц упал на него, ему показалось, что кто-то в него выстрелил.

И Волк убежал. Мало ли в лесу других зайцев можно найти, а этот был какой-то бешеный...

Долго не могли прийти в себя остальные зайцы. Кто удрал в кусты, кто спрятался за пенёк, кто завалился в ямку.

Наконец, надоело всем прятаться, и начали понемногу выглядывать, кто похрабрее.

— А ловко напугал Волка наш Заяц! — решили все.— Если бы не он, так не уйти бы нам живыми... Да где же он, наш бесстрашный Заяц?..

Начали искать.

Ходили, ходили, нет нигде храброго Зайца. Уж не съел ли его другой волк? Наконец-таки нашли: лежит в ямке под кустиком и еле жив от страха.

— Молодец, косой! — закричали все зайцы в один голос.— Ай да косой!.. Ловко ты *напугал* старого Волка. Спасибо, брат! А мы думали, что ты хвастаешь.

Храбрый Заяц сразу приободрился. Вылез из своей ямки, встряхнулся, прищурил глаза и проговорил:

— А вы бы как думали? Эх вы, трусы...

С этого дня храбрый Заяц начал сам верить, что он действительно никого не боится.

Баю-баю-баю...

Антон Павлович Чехов

(1860—1904)

КАШТАНКА

ЧУДЕСА В РЕШЕТЕ

Вошёл незнакомец и принёс с собой какую-то странную вещь, похожую на ворота и на букву П. На перекладине этого деревянного, грубо сколоченного П висел колокол и был привязан пистолет, от языка колокола, и от курка пистолета тянулись верёвочки.

Незнакомец поставил П посреди комнаты, долго что-то развязывал и завязывал, потом посмотрел на гуся и сказал:

— Иван Иваныч, пожалуйте!

Гусь подошёл к нему и остановился в ожидательной позе.

— Ну-с,— сказал незнакомец,— начнём с самого начала. Прежде всего поклонись и сделай реверанс! Живо!

Иван Иваныч вытянул шею, закивал во все стороны и шаркнул лапкой.

— Так, молодец... Теперь умри!

Гусь лёг на спину и задрал вверх лапы. Проделав ещё несколько подобных неважных фокусов, незнакомец вдруг схватил себя за голову, изобразил на своём лице ужас и закричал:

— Караул! Пожар! Горим!

Иван Иваныч подбежал к П, взял в клюв верёвку и зазвонил в колокол.

Незнакомец остался очень доволен. Он погладил гуся по шее и сказал:

— Молодец, Иван Иваныч! Теперь представь, что ты ювелир и торгуешь золотом и брильянтами. Представь теперь, что ты приходишь к себе в магазин и застаёшь в нём воров. Как бы ты поступил в данном случае?

Гусь взял в клюв верёвочку и потянул, отчего тотчас же раздался оглушительный выстрел. Каштанке очень понравился звон, а от выстрела она пришла в такой восторг, что забегала вокруг П и залаяла.

— Тётка, на место! — крикнул ей незнакомец.— Молчать!

Работа Иван Иваныча не кончилась стрельбой. Целый час потом незнакомец гонял его вокруг себя на корде [1] и хлопал бичом, причём гусь должен был прыгать через барьер и сквозь обруч, становиться на дыбы, то есть садиться на хвост, и махать лапками. Каштанка не отрывала глаз от Ивана Иваныча, завывала от восторга и несколько раз принималась бегать за ним со звонким лаем.

Ученье кончилось тем, что незнакомец вытер со лба пот и вышел. Фёдор Тимофеич брезгливо фыркнул, лёг на матрасик и закрыл глаза, Иван Иваныч направился к корытцу, а свинья была уведена старухой.

Благодаря массе новых впечатлений день прошёл для Каштанки незаметно, а вечером она со своим матрасиком была уже водворена в комнатке с грязными обоями и ночевала в обществе Фёдора Тимофеича и гуся.

ТАЛАНТ! ТАЛАНТ!

Прошёл месяц.

Каштанка уже привыкла к тому, что её каждый вечер кормили вкусным обедом и звали Тёткой. Привыкла она и к незнакомцу и к своим новым сожителям. Жизнь потекла как по маслу

Проснувшись, Каштанка начинала ходить по комнатам и обнюхивать углы. Только ей и коту позволялось ходить по всей квартире; гусь же не имел права переступать порог комнатки с грязными обоями, а Хавронья Ивановна жила где-то на дворе в сарайчике и появлялась только во время ученья. Хозяин просыпался поздно и, напившись чаю, тотчас же принимался за свои фокусы. Каждый день в комнатку вносились бич, обручи и

[1] Корда (франц.) — верёвка.

каждый день проделывалось почти одно и то же. Ученье продолжалось часа три-четыре, так что иной раз Фёдор Тимофеич от утомления пошатывался, как пьяный, Иван Иваныч раскрывал клюв и тяжело дышал, а хозяин становился красным и никак не мог стереть со лба пот.

...Когда она совсем уже свыклась с новой жизнью и из тощей, костлявой дворняжки обратилась в сытого, выхоленного пса, однажды перед ученьем хозяин погладил её и сказал:

— Пора нам, Тётка, делом заняться. Довольно тебе бить баклуши. Я хочу из тебя артистку сделать... Ты хочешь быть артисткой?

И он стал учить её разным наукам. В первый урок она училась стоять и ходить на задних лапах, что ей ужасно нравилось. Во второй урок она должна была прыгать на задних лапах и хватать сахар, который высоко над её головой держал учитель. Затем в следующие уроки она плясала, бегала на корде, выла под музыку, звонила и стреляла. Училась она очень охотно и была довольна своими успехами; беганье с высунутым языком на корде, прыганье в обруч и езда верхом на старом Фёдоре Тимофеиче доставляли ей величайшее наслаждение. Всякий удавшийся фокус она сопровождала звонким, восторженным лаем, а учитель удивлялся, приходил тоже в восторг и потирал руки.

— Талант! Талант! — говорил он.— Несомненный талант! Ты положительно будешь иметь успех!

И Тётка так привыкла к слову «талант», что всякий раз, когда хозяин произносил его, вскакивала и оглядывалась, как будто оно было её кличкой.

СОВЕТСКАЯ ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Алексей Максимович Горький

(1868—1936)

ВОРОБЬИШКО

Сказка

...Жил-был желторотый воробей, звали его Пудик, а жил он над окошком бани, за верхним наличником, в тёплом гнезде из пакли, моховинок и других мягких материалов. Летать он ещё не пробовал, но уже крыльями махал и всё выглядывал из гнезда: хотелось поскорее узнать, что такое божий мир и годится ли он для него?

— Что, что? — спрашивала его воробьиха-мама.

Он потряхивал крыльями и, глядя на землю, чирикал:

— Чересчур черна, чересчур!

Прилетал папаша, приносил букашек Пудику и хвастался:

— Чив ли я?

Мама-воробьиха одобряла его:

— Чив, чив!

А Пудик глотал букашек и думал:

«Чем чванятся — червяка с ножками дали — чудо!»

И всё высовывался из гнезда, всё разглядывал.

— Чадо, чадо, — беспокоилась мать, — смотри — чебурахнешься!

— Чем, чем? — спрашивал Пудик.

— Да не чем, а упадёшь на землю, кошка — чик! и — слопает! — объяснял отец, улетая на охоту.

Так всё шло, а крылья расти не торопились.

Подул однажды ветер — Пудик спрашивает:

— Что, что?

— Ветер дунет на тебя — чирк! и сбросит на землю — кошке! — объяснила мать.

Это не понравилось Пудику, он и сказал:

— А зачем деревья качаются? Пусть перестанут, тогда ветра не будет...

Пробовала мать объяснить ему, что это не так, но он не поверил — он любил объяснять всё по-своему.

Идёт мимо бани мужик, махает руками.

— Чисто крылья ему оборвала кошка,— сказал Пудик,— одни косточки остались!

— Это человек, они все бескрылые! — сказала воробьиха.

— Почему?

— У них такой чин, чтобы жить без крыльев, они всегда на ногах прыгают, чу?

— Зачем?

— Будь-ка у них крылья, так они бы и ловили нас, как мы с папой мошек...

— Чушь! — сказал Пудик. — Чушь, чепуха! Все должны иметь крылья. Чать, на земле хуже, чем в воздухе!.. Когда я вырасту большой, я сделаю, чтобы все летали.

Пудик не верил маме; он ещё не знал, что если маме не верить, это плохо кончится.

Он сидел на самом краю гнезда и во всё горло распевал стихи собственного сочинения:

Эх, бескрылый человек,
У тебя две ножки,
Хоть и очень ты велик,
Едят тебя мошки!
А я маленький совсем,
Зато сам мошек ем.

Пел, пел, да и вывалился из гнезда, а воробьиха за ним, а кошка — рыжая, зелёные глаза — тут как тут.

Испугался Пудик, растопырил крылья, качается на сереньких ногах и чирикает:

— Честь имею, имею честь...

А воробьиха отталкивает его в сторону, перья у неё дыбом встали — страшная, храбрая, клюв раскрыла — в глаза кошке целит.

— Прочь, прочь! Лети, Пудик, лети на окно, лети...

Страх приподнял с земли воробьишку, он подпрыгнул, замахал крыльями — раз, раз, и — на окне!

Тут и мама подлетела — без хвоста, но в большой радости, села рядом с ним, клюнула его в затылок и говорит:

— Что, что?

— Ну что ж! — сказал Пудик. — Всему сразу не научишься!

А кошка сидит на земле, счищая с лапы воробьихины перья, смотрит на них — рыжая, зелёные глаза — и сожалительно мяукает:

— Мя-аконький такой воробушек, словно мы-ышка... мя-увы...

И всё кончилось благополучно, если забыть о том, что мама осталась без хвоста...

1912 г.

ПРО ИВАНУШКУ-ДУРАЧКА

Русская народная сказка

Жил-был Иванушка-дурачок, собою красавец, а что ни сделает, всё у него смешно выходит — не так, как у людей.

Нанял его в работники один мужик, а сам с женой собрался в город; жена и говорит Иванушке:

— Останешься ты с детьми, гляди за ними, накорми их!

— А чем? — спрашивает Иванушка.

Рисунок И. Кузнецова.

— Возьми воды, муки, картошки, покроши да свари — будет похлёбка!

Мужик приказывает:

— Дверь стереги, чтобы дети в лес не убежали!

Уехал мужик с женой; Иванушка влез на полати, разбудил детей, стащил их на пол, сам сел сзади их и говорит:

— Ну, вот, я гляжу за вами!

Посидели дети некоторое время на полу — запросили есть; Иванушка втащил в избу кадку воды, насыпал в неё полмешка муки, меру картошки, разболтал всё коромыслом и думает вслух:

— А кого крошить надо?

Услыхали дети — испугались:

— Он, пожалуй, нас искрошит!

И тихонько убежали вон из избы.

Иванушка посмотрел вслед им, почесал затылок,— соображает:

— Как же я теперь глядеть за ними буду? Да ещё дверь надо стеречь, чтобы она не убежала!

Заглянул в кадушку и говорит:

— Варись, похлёбка, а я пойду за детьми глядеть!

Снял дверь с петель, взвалил её на плечи себе и пошёл в лес; вдруг навстречу ему Медведь шагает — удивился, рычит:

— Эй, ты, зачем дерево в лес несёшь?

Рассказал ему Иванушка, что с ним случилось. Медведь сел на задние лапы и хохочет:

— Экой ты дурачок! Вот я тебя съем за это!

А Иванушка говорит:

— Ты лучше детей съешь, чтоб они в другой раз отца-матери слушались, в лес не бегали!

Медведь ещё сильней смеётся, так и катается по земле со смеху.

— Никогда такого глупого не видал! Пойдём, я тебя жене своей покажу!

Повел его к себе в берлогу. Иванушка идёт, дверью за сосны задевает.

— Да брось ты её! — говорит Медведь.

— Нет, я своему слову верен: обещал стеречь, так уж устерегу!

Пришли в берлогу. Медведь говорит жене:

— Гляди, Маша, какого я тебе дурачка привёл! Смехота!

А Иванушка спрашивает Медведицу:

— Тётя, не видала ребятишек?

— Мои — дома, спят.

— Ну-ка, покажи, не мои ли это?

Показала ему Медведица трёх медвежат; он говорит:

— Не эти, у меня двое было.

Тут и Медведица видит, что он глупенький, тоже смеётся:

— Да ведь у тебя человечьи дети были!

— Ну да,— сказал Иванушка,— разберёшь их, маленьких-то, какие чьи!

— Вот забавный! — удивилась Медведица и говорит мужу: — Михайло Потапыч, не станем его есть, пусть он у нас в работниках живёт!

— Ладно,— согласился Медведь,— он хоть и человек, да уж больно безобидный!

Дала Медведица Иванушке лукошко, приказывает:

— Поди-ка, набери малины лесной,— детишки проснутся, я их вкусненьким угощу!

— Ладно, это я могу! — сказал Иванушка.— А вы дверь постерегите!

Пошёл Иванушка в лесной малинник, набрал малины полное лукошко, сам досыта наелся, идёт назад к Медведям и поёт во всё горло:

Эх, как неловки
Божие коровки!
То ли дело — муравьи
Или ящерицы!

Пришёл в берлогу, кричит:

— Вот она, малина!

Медвежата подбежали к лукошку, рычат, толкают друг друга, кувыркаются,— очень рады!

А Иванушка, глядя на них, говорит:

— Эх-ма, жаль, что я не медведь, а то и у меня дети были бы!

Медведь с женой хохочут.

— Ой, батюшки мои! — рычит Медведь.— Да с ним жить нельзя,— со смеху помрёшь!

— Вот что,— говорит Иванушка,— вы тут постерегите дверь, а я пойду ребятишек искать, не то хозяин задаст мне!

А Медведица просит мужа:

— Миша, ты бы помог ему!

— Надо помочь,— согласился Медведь,— уж очень он смешной!

Пошёл Медведь с Иванушкой лесными тропами, идут,— разговаривают по-приятельски.

— Ну и глупый же ты! — удивляется Медведь.

А Иванушка спрашивает его:

— А ты — умный?

— Я-то?

— Ну да!

— Не знаю.

— И я не знаю. Ты — злой?

— Нет, зачем?

— А по-моему — кто зол, тот и глуп. Я вот тоже не злой. Стало быть, оба мы с тобой не дураки будем!

— Ишь ты, как вывел! — удивился Медведь.

Вдруг — видят: сидят под кустом двое детей, уснули.

Медведь спрашивает:

— Это твои, что ли?

— Не знаю,— говорит Иванушка,— надо спросить. Мои есть хотели.

Разбудили детей, спрашивают:

— Хотите есть?

Те кричат:

— Давно хотим!

— Ну,— сказал Иванушка,— значит, это и есть мои! Теперь я поведу их в деревню, а ты, дядя, принеси, пожалуйста, дверь, а то самому мне некогда, мне ещё надобно похлёбку варить!

— Уж ладно! — сказал Медведь.— Принесу!

Идёт Иванушка сзади детей, смотрит за ними в землю, как ему приказано, а сам поёт:

Эх, вот так чудеса!
Жуки ловят зайца,
Под кустом сидит лиса
Очень удивляется!

Пришёл в избу, а уж хозяева из города воротились. Видят: посреди избы кадушка стоит, доверху водой налита, картошкой насыпана да мукой, детей нет, дверь тоже пропала,— сели они на лавку и плачут горько.

— О чём плачете? — спросил их Иванушка.

Тут увидели они детей, обрадовались, обнимают их, а Иванушку спрашивают, показывая на его стряпню в кадке:

— Это чего ты наделал?

— Похлёбку!

— Да разве так надо?
— А я почём знаю — как?
— А дверь куда девалась?
— Сейчас её принесут,— вот она!

Выглянули хозяева в окно, а по улице идёт Медведь, дверь тащит, народ от него во все стороны бежит, на крыши лезут, на деревья; собаки испугались — завязли со страху в плетнях, под воротами; только один рыжий петух храбро стоит посреди улицы и кричит на Медведя:

— Кину в реку-у!..

1916 г.

Я стал почти каждый день просить бабушку:

— Пойдём в лес!

Она охотно соглашалась, и так мы прожили всё лето, до поздней осени, собирая травы, ягоды, грибы и орехи. Собранное бабушка продавала, и этим кормились.

Как-то вечером, набрав белых грибов, мы, по дороге домой, вышли на опушку леса; бабушка присела отдохнуть, а я зашёл за деревья — нет ли ещё гриба?

Вдруг слышу её голос и вижу: сидя на тропе, она спокойно срезает корни грибов, а около неё, вывесив язык, стоит серая поджарая собака.

— А ты иди, иди прочь! — говорит бабушка.— Иди!

Незадолго перед этим отравили мою собаку, и мне очень захотелось приманить эту, новую. Я выбежал на тропку, собака странно изогнулась, не ворочая шеей, взглянула на меня зелёным взглядом голодных глаз и прыгнула в лес, поджав хвост. Осанка у неё была не собачья и, когда я свистнул, она дико бросилась в кусты.

— Видал? — улыбаясь, спросила бабушка.— А я обозналась, думала — собака: гляжу — ан клыки-то волчьи, да и шея тоже! Испугалась даже: ну, говорю, коли ты волк, так иди прочь! Хорошо, что летом волки смиренны...

Отрывок из повести «В людях»

О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ ЛЕНИНЕ

Надежда Константиновна Крупская

(1869—1939)

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН

В комнате на стене висит портрет.

Вася сказал отцу:

— Папа, расскажи мне про него.

— А ты знаешь, кто это?

— Знаю. Это Ленин.

— Да, это Владимир Ильич Ленин. Наш любимый, родной, наш вождь.

Ну, слушай. Был я молод. Плохо жилось тогда нам, рабочим. Работа была тяжёлая. Работали мы с утра до поздней ночи, а жили впроголодь. Много нас на заводе работало. Хозяин завода был Данилов. Он не работал. Спины не гнул, а жил он, ох как богато!

Откуда всё было у него? Мы на него работали. Он нам за работу платил мало — прямо сказать, грабил нас. На нашем труде наживался. У него завод был, деньги, машины, а у нас ничего, кроме наших рабочих рук, не было.

Вот и приходилось к нему на работу идти. Не только на заводе Данилова так было. Так было и на всех заводах и фабриках.

В деревне крестьянам тоже плохо жилось. У них земли было мало, а у помещиков — много. Крестьяне на помещиков работали. Помещики жили богато, а крестьяне — бедно.

Помещики и капиталисты были заодно. Заодно с ними был и самый главный, самый богатый помещик — царь. Он над всеми хозяином был. Такие порядки заводил, которые были хороши только для помещиков и капиталистов. А рабочим и крестьянам от этих порядков было очень трудно жить.

Владимир Ильич Ленин был другом, товарищем рабочих. Он хотел все порядки изменить. Хотел, чтобы все, кто работает, стали жить хорошо. Ленин боролся за рабочее дело.

Ленин стал собирать тех, кто стоял за рабочих. Всё больше их становилось, всё крепче становилась рабочая партия — партия коммунистов.

Партия видела, что без борьбы ничего не добьёшься. Стали это понимать и рабочие всех стран.

Рабочие любили Ленина, а помещики и капиталисты его ненавидели. Царская полиция его арестовывала, сажала в тюрьму, ссылала в далёкую Сибирь, хотела его навек в тюрьму засадить. Ленин уехал за границу и издалека писал рабочим, что им надо делать. А потом опять приехал и руководил всей борьбой.

В феврале 1917 года рабочие вместе с солдатами — тогда война была — прогнали царя, а потом, 7 ноября 1917 года, прогнали и помещиков и капиталистов.

Отняли у них землю, а потом заводы, фабрики и стали заводить свои порядки.

Не царь, не помещики и капиталисты, а сами рабочие и крестьяне стали обсуждать и решать свои дела в Советах.

Новое это было для них дело. Ленин и его партия вели рабочих по этому трудному пути и помогали им налаживать жизнь по-новому. Много пришлось работать Ленину. Много у него было забот. Здоровье его стало плохо, и в 1924 году Владимир Ильич умер.

Очень горевали мы, когда Ленин умер, но то, что он говорил, мы никогда не забудем. Мы стараемся всё делать так, как он советовал. Работу, жизнь по-новому налаживаем.

Анна Ильинична Ульянова-Елизарова

(1864—1935)

ДЕТСКИЕ И ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ ИЛЬИЧА

Глава первая

Наш вождь Владимир Ильич Ульянов (Ленин) родился 10 (22) апреля 1870 года на Волге, в городе Симбирске, переименованном теперь в честь его в Ульяновск.

Отец Владимира Ильича, Илья Николаевич, был тогда инспектором народных училищ Симбирской губернии. Он происходил из простого звания, рано лишился отца и лишь при помощи старшего брата с трудом получил образование. По окончании

университета он был сначала учителем в Пензе и Нижнем. Ученики очень любили его, потому что он никогда не наказывал их, не жаловался на них директору, терпеливо и очень понятно объяснял им уроки и занимался бесплатно по воскресеньям с теми, кто не успевал, кому дома никто объяснить не мог. И бывшие ученики его всегда с любовью и благодарностью вспоминали о нём. В Симбирске он старался устроить побольше школ для бедноты, для крестьянских детей и, не жалея сил и трудов, совершенно не щадя себя, во всякую погоду ездил для этого по губернии.

Мать Владимира Ильича, Мария Александровна, была дочерью врача; большую часть юности она провела в деревне, где крестьяне очень любили её. Она была хорошей музыкантшей, хорошо знала музыку и языки — французский, немецкий и английский — и учила тому и другому детей. Она не любила большого общества и развлечений, проводила почти всё время дома с детьми, которые очень любили и уважали её.

Достаточно ей было сказать им что-нибудь спокойным, ласковым голосом, чтобы они послушались. Илья Николаевич любил проводить свои досуги тоже в семье, занимаясь с детьми или играя с ними, рассказывая им что-нибудь.

Семья, в которой вырос Владимир Ильич, была очень дружна. Он был третьим ребёнком, очень шумным, с бойкими, весёлыми карими глазами.

Володя и его сестра Оля, которая была на полтора года моложе его, росли очень живыми и бойкими детьми. Они любили шумные игры и беготню. Особенно отличался этим Володя, который обычно командовал сестрёнкой. Так, он загонял Олю под диван и потом командовал: «Шагом марш из-под дивана!»

Бойкий и шумный везде, Володя кричал громко и на пароходе, на котором вся семья собралась, чтобы ехать на лето в деревню Казанской губернии.

— На пароходе нельзя так громко кричать,— говорит ему мама.

— А пароход-то ведь и сам громко кричит,— отвечает не задумываясь и так же громко Володя.

Если бывало, что Володя или Оля расшалятся чересчур, мама отводила их для успокоения в папин кабинет и сажала на клеёнчатое кресло — «чёрное кресло», как они называли его. Они должны были в наказание сидеть в нём, пока мама не позволит встать и идти опять играть. Раз на «чёрное кресло» был усажен Володя. Маму кто-то отозвал, и она забыла о Володе, а потом, спохватившись, что слишком долго не слышит его голоса, заглянула в кабинет. Володя всё так же смирно сидел в «чёрном кресле», но только крепко спал.

Игрушками он мало играл, больше ломал их. Так как мы, старшие, старались удержать его от этого, то он иногда прятался от нас. Помню, как раз, в день его рождения, он, получив в по-

дарок от няни запряжённую в сани тройку лошадей из папье-маше, куда-то подозрительно скрылся с новой игрушкой. Мы стали искать его и обнаружили за одной дверью. Он стоял тихо и сосредоточенно крутил ноги лошади, пока они не отвалились одна за другой.

Глава вторая

Читать Володя выучился у матери лет пяти. И он и сестра Оля очень полюбили чтение и охотно читали детские книги и журналы, которые в изобилии получал наш отец. Стали они скоро читать и рассказы из русской истории, заучивали наизусть стихи. Это любила, впрочем, больше Оля, которая знала много длинных и трудных стихотворений и очень выразительно говорила их наизусть.

Любимым стихотворением Володи, когда ему было лет семь-восемь, была «Песня бобыля», и он с большим азартом и задором декламировал:

Богачу-дур-раку
И с казной не спится,—
Бедняк гол, как сокол,
Поёт, веселится.

Верно, она ему по душе пришлась.

Особо любимых книг у Владимира Ильича в детстве не было. Охотно читал он журнал «Детское чтение». Начитавшись, он бежал с сестрой играть, причём, как было уже сказано, любил больше шумные, подвижные игры. Летом они бежали во двор и в сад, лазали на деревья, играли вместе с нами, двоими старшими, в «чёрную палочку» (теперь эта игра называется, кажется, «палочкой-застукалочкой»). Володя очень любил эту игру, а позднее — крокет. Зимой катался на санках с горы, которую устраивали у нас во дворе, и играл в снежки с товарищами, а позднее стал кататься на коньках.

Помню, как на общественном катке, который устраивали в Симбирске, он и старший брат Саша катались на коньках с высоких гор, с которых и на санках-то сначала жутко было лететь — так они были круты. Согнутся сперва в три погибели на верхней, самой крутой части горы, потом постепенно расправляются и долго-долго катятся по раскату уже во весь рост. Я только с завистью поглядывала на них, а подражать им не решалась. При этом Володе, по-моему, кататься было легче, чем Саше: он был небольшого роста, коренастенький такой, крепкий. Но на коньках-то Володя катался, конечно, позже, гимназистом.

Как уже было сказано, Володя был большим шалуном и проказником, но его хорошей стороной была правдивость: нашалит и всегда признается. Так, в возрасте пяти лет он сломал раз у старшей сестры линейку, которую она только перед тем получила в подарок. Он сам прибежал со сломанной линейкой сказать ей

об этом; а когда она спросила, как это случилось, сказал: «Об коленку сломал», приподнимая ногу и показывая, как это произошло.

— Хорошо, что он не делает ничего исподтишка, — говорила мать.

Раз, впрочем, она рассказала, что и этот грех с ним однажды случился. Она чистила в кухне яблоки для пирога; кучка яблочной кожуры лежала на столе. Володя вертелся подле и попросил кожуры. Мать сказала, что кожуру не едят. В это время кто-то отвлёк её; когда она повернулась опять к своей работе, Володи в кухне уже не было. Она выглянула в садик и увидела, что Володя сидит там, а перед ним, на садовом столике, лежит кучка яблочной кожуры, которую он быстро уплетает. Когда мать пристыдила его, он расплакался и сказал, что больше так делать не будет.

— И действительно,— говорила мать, — он больше ничего не брал тайком.

Другой раз, когда ему было восемь лет, он скрыл одну свою проделку. Он был взят отцом вместе со старшими в первый раз в Казань, чтобы ехать оттуда в деревню Кокушкино, к тёте. В Казани, в квартире тёти, он, разбегавшись и разыгравшись с родными и двоюродными братьями и сёстрами, толкнул нечаянно маленький столик, с которого упал на пол и разбился вдребезги стеклянный графин.

В комнату вошла тётя.

— Кто разбил графин, дети? — спросила она.

— Не я, не я,— говорил каждый.

— Не я,— сказал и Володя.

Он испугался признаться перед малознакомой тётей, в чужой квартире; ему, самому младшему из нас, трудно было сказать «я», когда все остальные говорили лёгкое «не я». Вышло, таким образом, что графин сам разбился. Прошло два или три месяца. Володя давно уже уехал из Кокушкина и жил опять в Симбирске. И вот раз вечером, когда дети уже улеглись, мать, обходя на ночь их кроватки, подошла и к Володиной. Он вдруг расплакался.

— Я тётю Аню обманул,— сказал он, всхлипывая.— Я сказал, что не я разбил графин, а ведь это я его разбил.

Мать утешала его, сказав, что напишет тёте Ане и что она, наверное, простит его.

А Володя показал этим, что ложь ему противна, что хотя он солгал, испугавшись признаться в чужом доме, но не мог успокоиться, пока не сознался.

Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич

(1873—1955)

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ НА СУББОТНИКЕ

Первое мая 1920 года.

Брошенный большевистской партией клич организовать вместо демонстрации Всероссийский субботник был горячо принят трудящимися. С самого раннего утра по городу с революционными песнями на субботник двинулись колонны московских рабочих и служащих.

В этот день в Кремле рано началась жизнь.

Сотрудники, явившиеся на субботник, объединялись в группы, отряды, колонны и уходили в назначенные места.

Красноармейцы Кремля не могли оставить свою службу. Поэтому и было решено, что субботник они проведут в Кремле, где также было много работы.

Кремлёвская воинская часть выстроилась на площади, против казарм.

Около девяти часов утра Владимир Ильич вышел на площадь, подошёл к командиру, по-военному отдал честь и сказал:

— Товарищ командир, разрешите мне присоединиться к вашей части для участия в субботнике.

Произошло секундное замешательство, после чего командир ответил:

— Пожалуйста! Станьте, Владимир Ильич, на правый фланг!

Владимир Ильич быстро прошёл к правому флангу и встал в шеренгу. Гул одобрения пронёсся по рядам красноармейцев. Они были счастливы, что Владимир Ильич вместе с ними.

Под звуки оркестра часть направилась к месту работы. Надо было очистить кремлёвскую площадь от огромных беспорядочных груд досок, брёвен, камней, перенести всё это довольно далеко и сложить по сортам: доски к доскам, брёвна к брёвнам, тёс к тёсу.

Все дружно принялись за дело. Владимир Ильич с увлечением работал, отдыхая лишь вместе со всеми, когда наступал пятиминутный перерыв «покурить». В эти пять минут Владимир Ильич был в центре внимания. Он шутил, смеялся, расспрашивал, рассказывал и вообще чувствовал себя великолепно.

По всей Москве разнеслась весть, что Владимир Ильич тоже участвует в субботнике. Везде с восторгом было встречено это радостное известие.

Александр Терентьевич Кононов

(1895—1957)

В СМОЛЬНОМ

Из далёкой сибирской деревни ехал в Петроград старик крестьянин. В дороге он всем рассказывал, что едет к Ленину. Ему надо поговорить с Лениным о крестьянской жизни.

Долго старик был в пути. Наконец, приехал в Петроград. Глядит, на улицах стоят рабочие с винтовками. Прошёл с музыкой полк солдат; впереди полка несли громадное красное знамя.

Старик подошёл к красногвардейцу и спросил:

— Это как следует понимать?

Тот ответил:

— А так: теперь у нас — Советская власть.

Пошёл старик по улице, стал расспрашивать, где найти Ленина.

Говорят:

— В Смольном.

Долго шёл он через весь город и пришёл к громадному дому. Около дома горели костры, стояли пулемёты. У пулёметов прохаживались матросы и солдаты.

Это и был Смольный.

Понравился старику один молоденький матрос. Он всё постукивал каблуками о мостовую, похлопывал рукой об руку — грелся, было холодно, с моря дул сильный ветер.

Старик сказал ему:

— Мне б Ленина повидать...

Матрос оглядел его с ног до головы и спросил:

— А тебе зачем надо к Ленину?

— Пришёл рассказать ему про свою жизнь.

— Иди, старик, к коменданту за пропуском, — сказал матрос и показал, куда идти.

На лестнице стояла очередь к коменданту. Широкие ступеньки были скользкие, грязные — видно, много народу прошло по ним за день.

Комендант писал пропуска медленно: рука его привыкла к винтовке, перо он держал всеми пятью пальцами, неуверенно, с опаской.

Получил у него старик пропуск, пошёл искать Ленина.

В первом этаже Смольного рабочие и матросы получали оружие. Они поодиночке подходили к высокому весёлому солдату, брали винтовку и патроны, расписывались и выходили во

двор. Там строились в отряды и уходили. Где-то далеко громыхали пушки: под Петроградом шли бои.

Старик спросил высокого солдата, где Ленин.

Солдат улыбнулся и ответил:

— В тридцать шестой комнате.

У дверей тридцать шестой комнаты стояли на часах два красногвардейца: старый усатый рабочий в чёрном пальто и молодой парень в полушубке.

Старик сказал им:

— Мне б Ленина повидать.

Усатый рабочий поглядел на старика и сказал:

— Ступай прямо по коридору. Ленин в большом зале будет выступать.

Только тут старик заметил, что все шли по коридору в одну сторону. Он пошёл туда же и увидел в конце коридора белые, широко раскрытые двери.

В дверях толпился народ.

Старик стал пробираться вперёд. И только протиснулся в зал, как раздался страшный шум. Старик не сразу понял, в чём дело. Пригляделся: кругом кричат, хлопают, машут шапками.

И народ в этом нарядном зале всё больше простой: в шинелях, в полушубках, в матросских бушлатах.

И все кричат:

— Ленин! Лени-и-ин! Ленин!

Старик приподнялся на цыпочки и увидел в другом конце зала Ленина.

Владимир Ильич стоял на небольшом возвышении. Он ждал, когда стихнут крики. Потом поднял руку — требовал тишины.

Но зал шумел, не утихал.

— Ленин!.. Да здравствует Ленин!

Владимир Ильич нахмурился. Потом не выдержал — улыбнулся. Крики усилились ещё больше.

Ленин развёл руками. Подождал немножко. И опять поднял правую руку. Потом, видно, решил не обращать больше внимания на шум, наклонился вперёд и начал говорить. И тогда сразу в зале стало тихо.

— Товарищи! — сказал Ленин. — Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой всё время говорили большевики, совершилась...

Ленин говорил о новой жизни, о Советской власти, о том, что войну надо кончать, что земля будет отнята у помещиков и отдана крестьянам.

Старик слушал. Каждое слово Владимира Ильича было ему понятно.

Кончил Ленин речь. Старик вспомнил о своей деревне: надо там рассказать о ленинских словах. И он пошёл по коридору — искать широкую лестницу, что ведёт на улицу.

Кто-то окликнул его. Это был молодой матрос, который стоял раньше около Смольного.

— Ну, что, папаша, говорил ты с Лениным про свою жизнь? — спросил он, засмеявшись.

— Нет,— ответил старик.— Это Ленин говорил со мной про мою жизнь.

ЁЛКА В СОКОЛЬНИКАХ

За ёлкой недалеко было ездить. Тут же, в Сокольниках, выбрали дерево получше, покудрявее, срубили и привезли в лесную школу.

Ребята видели, как прибили ёлку к двум накрест сколоченным доскам, чтобы крепко стояла на полу. Потом монтёр Володя провёл проволоку для освещения ёлки и подвесил к веткам электрические лампочки.

На следующий день чуть не с самого утра стали ждать Владимира Ильича Ленина. Ещё светло было на дворе, а ребята то и дело спрашивали школьного завхоза:

— А что, если Ленин не приедет?

— А если метель опять будет, Ленин приедет всё-таки или нет?

Завхозом был старый петроградский рабочий. Он знал Ленина ещё до революции. Потому-то именно его и спрашивали. И он отвечал уверенно:

— Раз Ильич сказал, что приедет, значит приедет.

Наступил вечер. Метель и в самом деле поднялась. Засвистел в соснах ветер, сухой снег закружился по земле белыми змейками. А потом с неба повалили белые хлопья.

Ёлка была уже убрана. Все игрушки делали сами ребята. Тут были и медведи, и зайцы, и слоны. А лучше всех был румяный дед-мороз с белой бородой; сидел он на ёлке — на самой верхушке.

Время шло, а Ленина всё не было.

И тут ребята услыхали, как кто-то из больших сказал вполголоса:

— Ну, в такую метель, конечно, не приедет.

Ребята опять побежали к старому завхозу.

Завхоз сказал строго:

— Не приставайте! Говорю: раз он сказал, что приедет, значит, приедет.

Стали опять ждать.

На дворе ветер свистит, сухой снег звонко бьёт в стёкла окошек. Так за этим шумом и не слышно было, как подъехала к школе машина.

Из машины вышел Владимир Ильич.

Он поднялся по лестнице, разделся, вытер платком мокрое от

растаявшего снега лицо. И сейчас же пошёл в большую комнату, к ребятам.

Те сразу его узнали: сколько раз они видели портрет Ленина! Но почему-то растерялись сперва — стояли, не двигаясь с места. Глядели на Ленина и молчали.

Владимир Ильич ждать долго не стал. Он хитро прищурился и спросил:

— А кто из вас в кошки-мышки умеет играть?

Первой ответила самая большая девочка, Вера:

— Я!

— И я! — закричал громко мальчик Лёша.

— Ну, тогда тебе и быть кошкой, — сказал Владимир Ильич.

Ребята стали в круг. А ёлка посередине. Мышкой назначили маленькую Катю, Лёша кинулся за Катей — её легко было поймать. Но она ухватилась за Ленина. И Владимир Ильич поднял её высоко на руки:

— Не достать кошке мышку!

Потом мышкой был Сеня. Лёша поймал его, схватил, и стал мышкой, а Сеня — кошкой.

Играли долго, и всем стало жарко.

Тут открылась дверь, и в комнату вошёл большой серый слон. Ребята завизжали хором. Правда, многие из них сразу же разглядели знакомый серый чехол от школьного рояля. Но кто под чехлом?

Чехол медленно раскачивался, впереди шевелился длинный хобот; передние ноги слона были обуты в валенки, а задние — в ботинки. Если не придираться, это было очень похоже на настоящего слона.

Слон, похрюкивая, прошёл вокруг ёлки, помахал на прощание хоботом и опять вразвалку зашагал в дверь.

А за дверью из-под чехла вылезли монтёр Володя и школьный сторож; оба были мастера на разные выдумки. Вылезли они из-под чехла и вернулись в комнату.

А там хохотали ребята; от этого хохота подпрыгивал дед-мороз на верхушке ёлки.

Много ещё весёлого было в тот вечер.

Кто-то из ребят крикнул:

— Теперь в жмурки! В жмурки!

Владимир Ильич вынул платок, завязал себе глаза.

Монтёр Володя скорей передвинул ёлку в самый угол, и в комнате стало просторно.

Ленин расставил руки и пошёл вперёд на цыпочках.

Ребята разбежались кто куда.

Потом стали подкрадываться к Владимиру Ильичу и кричать:

— Жарко!

А когда Владимир Ильич был совсем близко, ребята кричали ему:

— Обожжёшься!

Рисунок Н. Жукова.

А то присядут на корточки под самой рукой Ленина — он и не заденет, пройдёт мимо.

Тогда они начинают кричать:

— Холодно, замёрзнешь!

Ленин увидел, что все дети очень проворные, играют ловко и, видно, долго ему придётся ходить с завязанными глазами.

Тогда он притворился, что пойдёт вперед, а сам мигом повернулся на носках и схватил первого попавшегося, кто был у него за спиной.

Ребята закричали, как полагалось:

— Узнай, узнай!

А пойманный смеялся и старался вырваться. Это был мальчик Сеня.

Владимир Ильич пощупал у него волосы, провёл пальцами по лбу, по щекам:

— Сеня!

Сене было и жалко, что он так попался, и приятно, что Ленин его запомнил.

Потом маленькая Катя читала стихи Пушкина, да сбилась. И заплакала.

Ленин стал её утешать.

Катя перестала плакать, вытерла платочком слёзы и сказала:

— Ленин, а ты не уезжай от нас! Так и живи тут.

Ленин засмеялся:

— Да я и так неподалёку живу.

Потом все принялись бегать вокруг ёлки. Маленькая Катя бежала рядом с Владимиром Ильичём. Он бережно взял её за руку. Кате запомнилось: у Ленина рука была большая, тёплая.

В это время Надежда Константиновна Крупская и Мария Ильинична, сестра Владимира Ильича, внесли в комнату большую корзину с подарками. Эти подарки привёз ребятам Ленин.

Кому достался автомобиль, кому труба, кому барабан.

Катя получила куклу.

А Ленин как-то незаметно, под шумок, вышел из комнаты и уехал.

Вот какая была ёлка на самом краю Москвы, в Сокольниках, в 1919 году.

ПОЕЗДКА В КАШИНО

В 1920 году жители деревни Кашино выстроили у себя электрическую станцию. Тогда это было очень трудное дело: не было самых нужных материалов; гвоздь и тот стал в деревне редкостью.

И вот в такое время кашинские крестьяне сами, своими силами, по своему собственному желанию, начали строить электрическую станцию.

Достали с большим трудом несколько мотков телефонного провода. Он был очень толстый, крученный из проволоки. Его разостлали по земле и стали раскручивать щипцами, клещами и просто голыми руками. Раскрутили — получилось много проволоки.

Из лесу привезли брёвна, распилили на столбы, гладко остругали. Теперь надо было добывать электрическую машину — динамо.

Если в те времена нелегко было купить гвоздь, то каких же трудов стоило достать динамо-машину!

Поехали кашинские крестьяне в Москву. И куда бы они ни приходили, начинали разговор с того, что вот у Ленина есть

Рисунок И. Ильинского.

план — провести электричество по всей стране; они, значит, по этому ленинскому плану и действуют.

И хоть не сразу, а добились кашинцы своего: получили динамо-машину.

Привезли её в Кашино, поместили в большом сарае.

Поставили по всей улице столбы, натянули проволоку, в каждую избу дали по электрической лампочке.

Когда всё было готово, послали письмо Ленину — пригласили его на открытие электростанции.

Письмо послали, а не верилось: где же Ленину приехать, некогда ему...

Всё-таки стали готовиться. В самой большой избе поставили длинный стол, лавки, а всё лишнее — сундуки, кровати — вынесли вон.

Наварили, напекли, сколько могли, угощения.

Наступил день открытия электростанции — 14 ноября.

Крестьяне уж и не знали, ждать ли Ленина.

И вдруг на дороге показалась легковая машина.

Ребятишки первые побежали навстречу. Машина остановилась. В ней сидели Владимир Ильич и Надежда Константиновна.

Владимир Ильич спросил ребят:

— Где тут у вас электростанция?

Ребята обрадовались:

— Прокати, тогда покажем.

Посадил Ленин ребят в машину, поехали.

У большой избы встретили его крестьяне.

Начался в избе разговор.

Ленин рассказал о победе Красной Армии над белогвардейцами, поздравил крестьян с этой победой.

Стали крестьяне рассказывать ему о своих делах.

Ленин слушал с интересом. Когда рассказчик замолкал, Владимир Ильич его подбадривал:

— Ну, а дальше?

У Ленина была замечательная память: он сразу запомнил, как кого зовут, и потом называл стариков крестьян по имени-отчеству: Алексей Андреевич, Василиса Павловна. Очень это старикам нравилось.

Разговор получился такой интересный и для Ленина и для крестьян, что никто и не заметил — день-то уже кончается. Беспокоился только один человек — фотограф. Он приехал снять Владимира Ильича вместе с крестьянами и теперь всё думал с тревогой: скоро вечер, снимок, пожалуй, не выйдет — свету мало.

Наконец он решился:

— Владимир Ильич, крестьяне хотели бы сняться с вами.

— А... ну хорошо, — ответил Ленин. А сам продолжал вести разговор.

Прошло еще минут десять. За окном стало темнеть.

Фотограф сказал с отчаянием:

— Через несколько минут будет уже поздно снимать!

Владимир Ильич поглядел на него. Сниматься не хотелось, но Ленин уважал чужой труд: фотограф приехал из города, потратил время. И Ленин сказал:

— Ну, идите во двор, готовьтесь. Мы с Надеждой Константиновной сейчас выйдем.

Фотограф побежал с аппаратом на улицу, стал устанавливать его. Горе ему было с ребятами: налетели со всех сторон, норовят усесться перед самым аппаратом.

Вышли из избы и Владимир Ильич с Надеждой Константиновной. Фотограф усадил их в середине, а кругом стал рассаживать крестьян.

Но и тут вмешались ребята: вертелись под ногами, жались поближе к Владимиру Ильичу. Фотограф рассердился: надо, чтобы все сидели тихо, а то снимок будет испорчен.

Владимир Ильич тоже начал уговаривать ребят — показал им на аппарат:

— Вы вон в ту чёрненькую дырочку глядите.

Стали ребята глядеть в дырочку аппарата. Фотограф накинул себе на голову длинный чёрный платок и замер так.

Ленин ему сказал:

— Вы мне ребят не заморозьте.

Кругом засмеялись:

— Ничего, они у нас здоровые, выдержат.

Ребята опять зашевелились: разговор про них зашёл. Тут фотограф не вытерпел и закричал:

— Смирно!

Ленин улыбнулся и так, улыбающийся, вышел на фотографии...

Потом открылся митинг. Посреди площади стоял высокий столб, на нём висел новый электрический фонарь; его ещё ни разу не зажигали. Столб был обвит еловыми ветками и красными лентами. Под фонарём стоял столик.

А кругом собрались крестьяне не только из деревни Кашино, но и из других сёл и деревень. Многие пришли сюда издалека.

Ленин подошёл к столику и начал речь:

— Ваша деревня Кашино пускает электрическую станцию. Замечательное дело! Но это только начало. Наша задача в том, чтобы вся наша республика была залита электрическим светом...

Когда Ленин кончил речь, струнный оркестр сыграл «Интернационал». И в ту же минуту в сарае, где стояла динамо-машина, монтёр пустил ток.

На площади вспыхнул электрический фонарь, в избах разом загорелись огоньки.

Раньше кашинские крестьяне жгли у себя маленькие лампочки-коптилки; они горели еле-еле, тускло, зеленоватым светом.

А теперь кто-то сказал, глядя на яркий электрический свет:

— Вот и загорелась у нас лампочка Ильича...

Стал Ленин прощаться с крестьянами.

Попрощался, пошёл к машине. Было совсем темно, холодный ноябрьский ветер дул в лицо.

Когда отъехали уже далеко, Владимир Ильич оглянулся. Позади, среди тёмных полей, ярко светились окна кашинских изб.

Михаил Михайлович Зощенко

(1896—1958)

ЛЕНИН И ПЕЧНИК

Однажды Ленин гулял в лесу и вдруг увидел, что какой-то мужчина дерево пилит.

А это пилил дерево некто Николай Бендерин. Немолодой мужчина, с огромной бородой. И очень дерзкий.

Он был по профессии печник. Но, кроме того, он мог всё делать. У него сломалась телега. И вот он пришёл в лес, чтобы спилить дерево для починки этой телеги.

Вот он пилит дерево. И вдруг слышит — кто-то ему говорит:

— Добрый день.

Бендерин оглянулся. Смотрит — перед ним стоит Ленин. А Бендерин не знал, что это Ленин. И ничего ему не ответил. Только сердито кивнул головой: дескать, ладно, здравствуйте, не мешайте мне пилить.

Ленин говорит:

— Зачем вы дерево пилите? Это общественный лес. И тут нельзя пилить.

А Бендерин дерзко отвечает:

— Хочу и пилю. Мне надо чинить телегу.

Ничего на это не ответил Ленин и ушёл.

Через некоторое время — может быть, там через месяц — Ленин опять встретил этого печника. На этот раз Ленин гулял в поле. Немножко устал. И присел на траву отдохнуть.

Вдруг идёт этот печник Бендерин и дерзко кричит Ленину:

— Зачем вы тут сидите и траву мнёте? Знаете, почём сейчас сено? Будьте добры, встаньте с травы.

Ленин встал и пошёл к дому.

А с Лениным была его сестра. Вот сестра и говорит печнику Бендерину:

— Зачем вы так грубо кричите? Ведь это Ленин, Председатель Совета Народных Комиссаров.

Бендерин испугался и, ничего не сказав, побежал домой.

И дома говорит жене:

— Ну, Катерина, пришла беда. Второй раз встречаю одного человека и с ним грубо разговариваю, а это, оказывается, Ленин, Председатель Совета Народных Комиссаров. Что мне теперь будет, не могу представить.

Но вот проходит ещё некоторое время — может быть, там два месяца — и наступает зима.

И понадобился Ленину печник. Надо было исправить камин, а то он дымил.

А кругом по всем деревням только и был один печник — этот Бендерин.

И вот приезжают к этому Бендерину два военных и говорят:

— Вы печник Бендерин?

У Бендерина испортилось настроение, и он отвечает:

— Да, я печник Бендерин.

Военные говорят:

— В таком случае одевайтесь. Едем к Ленину в Горки.

Бендерин испугался, когда услышал эти слова. И настроение у него ещё более испортилось.

Он одевается, руки дрожат. Говорит жене:

— Ну, прощайте, Катерина Максимовна. Наверно, уж с вами больше не увидимся. Наверно, Ленин припомнил все мои грубости — и как я его в поле пугнул, и как насчёт дерева дерзко ответил. Наверно, он всё это вспомнил и решил меня в тюрьму посадить.

И вот вместе с военными едет печник в Горки. Военные приводят Бендерина в комнаты. И навстречу ему из кресла поднимается Ленин.

Ленин говорит:

— А, старый знакомый. Помню, помню, как ты меня на покосе пугнул. И как дерево пилил.

Бендерин задрожал, когда услышал эти слова. Стоит перед Лениным, мнёт шапку в своих руках и бормочет:

— Простите меня, старого дурака.

Ленин говорит:

— Ну ладно, чего там. Я уж забыл про это. Что касается травы, то, пожалуй, ты был прав. Это не дело, что я сидел на покосе и мял траву. Ну, да не в этом дело. А не можешь ли ты, дорогой товарищ Бендерин, сослужить мне одну маленькую службу? Дымит у меня камин. И надо его исправить, чтоб он не дымил. Можешь ли ты это сделать?

Бендерин услышал эти приветливые слова и от радости дар речи потерял.

Только кивает головой: дескать, могу исправить. И руками показывает: дескать, пусть мне принесут кирпичи и глину.

Тут приносят Бендерину глину и кирпичи. И он начинает работать. И вскоре всё выполняет в лучшем виде и с превышением.

Тут снова приходит Владимир Ильич и благодарит печника Бендерина. Он даёт ему деньги и приглашает за стол выпить стакан чаю.

И вот печник Бендерин садится с Лениным за стол и пьёт чай с печеньем. И Ленин дружески с ним беседует.

И, попивши чаю, печник Бендерин прощается с Лениным и сам не свой возвращается домой.

И дома говорит жене:

— Здравствуйте, Катерина Максимовна. Я думал, что мы с вами не увидимся, но выходит наоборот. Ленин — это такой справедливый человек, что я даже и не знаю, что мне теперь о нём думать.

Мария Павловна Прилежаева

(Род. в 1903 г.)

ЗИМНИЕ ВЕЧЕРА

День за днём, год за годом, Володя подрос — исполнилось восемь лет. Он давно не младший в семье. Теперь Маняша лежит в плетёной колыбели. Да ещё Оля и Митя родились после Володи. Анюта, Саша, Володя, Оля, Митя, Маняша. Да папа, да мама. Вот какая большая семья!

Анюта и Саша ходят в гимназии. Всегда у них новости и рассказы о товарищах и подругах, об уроках, книгах. А Володя только готовится поступать в гимназию, арифметике и грамоте его учит учитель. И мама. Много разных интересных историй знает мама. О жарких и холодных странах. Об умном псе сенбернаре, который спас путника, заблудившегося в альпийских снегах. О нашествии на Россию Наполеона и Бородинском сражении.

Не перечислить маминых рассказов зимними вечерами за обеденным столом. Горит висячая лампа под белым абажуром. Мягко падает свет. Рассказывай, мама!

А то все засядут на целый вечер за книжки.

В разгаре зимы, перед ёлкой, вечера особенно дружны и веселы. В столовой настоящая мастерская игрушек. Стол завален разноцветной бумагой. Дети режут и клеят из бумаги коробочки, домики, цепи для ёлки.

Илья Николаевич работает. Мама плотно прикрыла дверь из столовой, чтобы в папин кабинет не долетали голоса.

Шумит, извивается в руках детей длинная цепь из розовых, синих, золотых и жёлтых колечек. Скоро зажгутся свечи на ёлке.

Ёлка уже стоит в тёмном зале, дожидается, когда будут её наряжать.

— Идём посмотрим ёлку,— позвал Володя.

Оля мигом согласилась:

— Идём!

Маленький Митя спрыгнул со стула:

— И я.

— Возьмёмся за руки, цепью, – сказала Анюта.

Неслышно шагая, они вошли в зал. Таинственно в тёмном зале. Сквозь ледяные узоры окон светит луна. Белые пятна лунного света лежат на полу. Высится ёлка. Запах хвои льётся от лапчатых веток. Дети бесшумно обошли душистую ёлку.

— Идёмте по всему дому,— позвал Володя.

Все почему-то затихли. Сегодня вечерний дом кажется новым, необычным. Дом и верно новый, они недавно сюда переехали. Вот мамина комната, отгороженная от коридорчика не стеной, а занавеской. Слабо горит ночник на комоде. В колыбели Маняша. Живая цепь тихо обогнула Маняшину колыбель. Потянулась дальше, в угловую нянину комнату. Там кровать под лоскутным одеялом, возле стены кованный железом сундук, крышка изнутри заклеена картинками и конфетными обёртками. Забавный нянин сундук!

Дальше. По узенькой лестнице поднялись на антресоли, в детские комнаты. Здесь ещё ярче и полнее светит луна. Снежные цветы на замороженных окнах похожи на пушистые папоротники. Не разрывая рук, дети обошли антресоли и спустились по узкой лестнице вниз.

Распахнулась дверь из кабинета отца, и он появился на пороге.

— Вот она, моя гвардия! – воскликнул отец, загребая в охапку их всех.

Но заметил: дети задумчивы. Крепко держатся за руки. Отец не знал, что Володя придумал игру: обойти цепью весь дом.

Но о чём-то отец догадался и с чувством сказал:

— Мои дорогие, дружите всегда, как сейчас.

Зоя Ивановна Воскресенская

(Род. в 1907 г.)

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

22 апреля 1870 года в Симбирске в семье Ульяновых родился сын Владимир. Это было большой радостью и счастьем в маленькой дружной семье.

Теперь день рождения Владимира Ильича Ленина стал праздником для всех трудовых людей планеты.

Нам особенно дорог этот праздник. Мы живём в стране Ленина, трудимся по заветам Ленина.

...Что увидел бы сегодня Владимир Ильич? Что его порадовало бы?

Ранним апрельским утром страна звенит детскими голосами. Миллионы ребят с цветами в руках спешат в школы. У нас теперь нет неграмотных, а людей науки больше, чем в любой стране мира.

И так много заводов и фабрик! На них умными руками рабочих и инженеров создаются машины, приборы и двигатели, и всё это служит человеку, чтобы ему жилось лучше, удобнее.

По гулким рельсам мчатся электровозы. Со скоростью звука и со сверхзвуковой скоростью советские самолёты пересекают континенты и океаны.

Сотни спутников земли запущены советскими людьми в космос. Спутники следят за ураганами и смерчами, помогают человеку разведать недра земли и морей.

Нежной зеленью покрылись необъятные совхозные и колхозные поля. Усердно работают тракторы и комбайны, готовят землю к новому урожаю.

О ста тысячах тракторов мечтал Владимир Ильич. А сейчас один только Волгоградский завод выпустил уже больше миллиона тракторов.

Человек заставил многоводные реки вращать турбины гидроэлектростанций, давать энергию промышленности и сельскому хозяйству.

...Пройдут годы. Ты станешь коммунистом. И какой бы трудовой путь ты себе ни избрал, ты продолжишь со своими товарищами дело Коммунистической партии, дело Ленина.

Яков Максимович Пинясов

(Род. в 1913 г.)

ОБЫКНОВЕННЫЕ ВАРЕЖКИ

У дедушки Андрея есть деревянный сундучок. Много разных интересных вещей в этом сундучке. Есть тут и красноармейский шлем, в котором дедушка когда-то защищал от врагов свою молодую Советскую страну, есть и старая прокуренная трубка — солдатская радость и разный плотницкий инструмент.

И вдруг среди этих интересных вещей — обыкновенные деревенские варежки. Из грубой овечьей шерсти, простой вязки, да ещё заштопанные. Зачем он их бережёт?

Одолело внучат любопытство. Расскажи да расскажи.

Вот однажды дедушка и говорит им:

— Ну, слушайте. Расскажу вам, какие это варежки... Не простая у них история.

Вскорости после Октябрьской революции, зимой тысяча девятьсот семнадцатого года стоял я на посту у Смольного, где помещалось первое Советское правительство.

Стоял я на посту и голыми руками держал винтовку. Не было тогда у часовых ни варежек, ни перчаток. Трудное было время — холодное и голодное. Только что свергли мы буржуев. Злобились они на нашу народную власть.

— Смотри зорче, солдат,— предупредил меня караульный начальник, бравый матрос,— в этом доме сам товарищ Ленин. Понимаешь, как его беречь надо!

Понимаю, как же. Я солдат молодой, но в октябрьских боях участвовал, с юнкерами сражался. Винтовка у меня на боевом взводе. Смотрю в оба. А ночь студёная. С чёрного неба белая крупа сыплется. Ветер колючий, злой, за полы шинельки рвёт. Руки знобит.

Дрожь меня пробирает. Топчусь, ёжусь, пальцы дыханием грею, а сам думаю: «Мне-то ещё ничего, каково теперь солдатам в окопах да в чистом поле». Замечтался я о тёплой родной хате, о мирной жизни. Вдруг как фыркнет на меня автомобиль да как осветит глазищами электрическими, так я в сторону, а штык вперёд.

Из автомобиля выходит какой-то человек в штатском пальтишке, посматривает на меня прищурившись. Заметил, как я машины напугался, улыбается и хочет пройти в Смольный.

Рассердился я. Хочу спросить построже: «Ваш-ш пропуск?» — а губы замёрзли, и вместо слов прошипел я что-то непонятное, как рассердившийся гусь.

Однако незнакомый человек понял, что я пропуск требую. В один карман, в другой. Ищет — не найдёт. А злющий ветер и за полы пальто и за рукава так и рвёт, со всех сторон холодом продувает. Зябко ему.

Нашёл всё-таки. Протягивает бумажку, а я не могу, как положено, рассмотреть печать и подпись. Пальцы не разжимаются, к винтовке пристыли.

Заметил он это и говорит сочувственно:

— Очень вам холодно здесь, товарищ.

Поднёс пропуск поближе, чтобы я разглядел печать. Показал и прошёл по лестнице вверх.

Вот и всё. Он ушёл, а мне не по себе стало: зачем я так долго держал человека на таком злом ветру? И пальто на нём холодное, и ботинки без калош...

Вдруг вижу: бежит ко мне сам караульный начальник. Матросик наш боевой. В бескозырке. В распахнутом бушлате. На одном боку револьвер, на другом шашка, а за поясом две гранаты.

— Найманов Андрей, ты что — совсем замёрз, браток?

— Ничего. Терплю.

— А чего же начальству нажаловался?

— Никому я не жаловался...

— Ну вот, рассказывай! А почему же Владимир Ильич своим помощникам нагоняй из-за тебя дал? Плохо, мол, заботятся о нашем брате. Часовые на постах мёрзнут. Велел полушубки достать немедленно. В караулку нам свой чайник прислал, который для него вскипятили. Чтобы, сменившись с постов, мы чайком грелись... Ты бы ещё у товарища Ленина кофею выпросил! Шустрый ты, однако, браток!

— Так это сам Ленин был? — не веря своим ушам, переспрашиваю.

Рассмеялся матрос:

— Вот чудак, Ленина не угадал! Да ты, наверное, думал, Ленин — это богатырь какой-то, великан... Ещё бы! Царя сверг... мильон буржуев одолел... Слово скажет — по всему миру слышно! Это всё так — сила в нём необыкновенная. А человек он простой, обыкновенный. Наш товарищ, Ленин. Проще сказать — Ильич. Теперь знай, кого охраняешь. Вождя революции! Смотри зорче, солдат!

Объяснил и ушёл в караулку.

На крыльце обернулся и крикнул весело:

— Через полчаса сменим! Приходи чай пить!

Ушёл матрос, а мне жарко стало. Так сердце в груди и зажглось. Как же это я Ленина на морозе держал, на студёном ветру?

Не помню, как и сменили меня, как чаем из ленинского чайника, посмеиваясь, дружки-солдаты угощали. Вдруг вызывают:

— Андрей Найманов, к товарищу Ульянову-Ленину!

Вот и кабинет. Часовые все наши, знакомые рабочие-красногвардейцы. Смотрят на меня с опаской: провинился, мол, солдат.

Не помню, как вошёл, как доложил. Приставил руку к папахе по-военному. Только вижу — лицо у Владимира Ильича не сердитое. Нет-нет, рассматривает меня добрым взглядом. Достаёт вот эти самые варежки, протягивает мне и говорит:

— Вот, возьмите, пожалуйста. Это мне одна добрая женщина подарила. Сама связала.

Смотрю — хорошие варежки. Плотные, тёплые. Два пальца отдельно на правой связаны, чтобы удобно было из винтовки стрелять. Для нашего брата солдата очень гожи. Завидую, а брать стесняюсь.

Заметил это Ленин.

— Ничего, — говорит, — берите, берите. Они вам нужнее. А у меня есть перчатки.

И сам вкладывает эти варежки мне в руку, ласково так, что у меня душа потеплела.

Сказал я «спасибо» и повернулся кругом...

Дед Андрей умолк, прикрыв ладонью глаза, словно хотел ещё раз увидеть эту милую сердцу картину.

Вздохнул и сказал:

— Давно это было, а вот как сейчас помню... Да, такой-то вот получил я от товарища Ленина подарок. Душевный. Бесценный...

— Бесценный, а не сберёг! — воскликнула внучка Наташа, пионерка. — Все варежки заштопанные. Как же ты мог изорвать ленинский подарок, дедушка?

— Солдатское дело. Они рвались, а я их штопал.

— Ты бы их получше спрятал, дедушка! — так и всплеснула руками внучка Мариша.

Дед Андрей усмехнулся:

— Зачем их прятать, разве это бриллианты какие? Обыкновенные варежки. Ленин мне их не зря подарил, а для пользы дела.

— Чтобы винтовку лучше в руках держать да врагов бить, непонятные! — крикнул сестрёнкам внучонок Яша.

— Так я и делал, — сказал дед Андрей, убирая варежки в сундук. — Врагам спуску не давал, а всем добрым людям был защитой.

Сергей Петрович Алексеев

(Род. в 1922 г).

СНЕГИРЬ

В Горках, гуляя по парку, Владимир Ильич часто подходил к одному и тому же месту. Высокая ель здесь росла, берёзка, у самой берёзки — кусты.

Придёт Владимир Ильич, остановится, подымет голову вверх. Стоит долго-долго. Всё смотрит.

Что же такое там?

Снегири.

Зима. Запорошило кругом дорожки. Ёлки в шубках стоят из снега. Разлетелись птицы. Остались в парке одни снегири. Зиме они даже рады.

Смотрит Владимир Ильич на забавных красивых птиц. Вот с розовой грудкой сидит снегирь. Вот ещё один, с розовой. А вот прилетел и третий — с красной, как знамя, грудкой. Сразу видать — озорник и проказник: на головке сбились пёрышки в хохолок. Приметил его Владимир Ильич. И снегирь был неглупый — сообразил, что Ленину именно он больше других понравился.

Привыкли птицы к приходам Ленина. Знают: то хлебных крошек принесёт для них Владимир Ильич, а то и самое вкусное — горсть конопляного семени.

Утро. Едва рассветёт — тут как тут уже снегири. Ждут, когда же появится Ленин.

Вообще снегири непоседы. Эти, однако, прижились.

Любуется Ленин на птичку с красной, как знамя, грудкой. Уж больно потешный снегирь. Сядет на ветку, грудку расправит, головку подымет — смотри, мол, Владимир Ильич, правда, я самый красивый?

— Правда,— ответит Ленин.

Резвится снегирь: прыг-скок, прыг-скок, с ветки на ветку, с берёзки на ёлку, с ёлки на куст. То спорхнёт, то снова присядет. Пронесётся у Ленина над головой, бухнется в снег и снова спешит на ветку. Скосит головку, на Ленина с ветки смотрит: вот я какой! Правда, я самый проворный?

Но однажды, гуляя по парку, Владимир Ильич не застал на месте весёлого снегиря. Походил Ильич по другим дорожкам, вернулся — снова нет снегиря.

Забеспокоился Ленин:

— Что же случилось?

А дело в том, что попался снегирь в силок. Поймал его мальчишка Егорка Исаев. Поймал, посадил в клетку, повесил в избе. Томится снегирь в неволе.

Не обнаружил нигде Владимир Ильич снегиря, зато повстречал Егорку. Мальчик снова пришёл сюда, в парк, и снова силки расставил.

Глянул Владимир Ильич на Егорку, на огромный отцовский треух, на огромные дедовы валенки.

— Ты не видел здесь снегиря с красной пушистой грудкой?

«Видел»,— хотел было сказать Егорка. Но тут же подумал: «А что, если Ленин спросит: «Так где же снегирь?»

— Нет, не видел,— сказал Егорка.

— Неужели замёрз снегирь?— тревожится Ленин.

«Да он же сидит в тепле»,— хотел было сказать Егорка. Но тут же осёкся. Потупил глаза мальчишка. Ясно Егорке — очень расстроен Ленин.

— Замёрз, замёрз,— сокрушается Ленин.— Или кошка его схватила.

Не сдержался Егорка.

— Нет,— замахал головой.— Нет. Он живой. Он прилетит.

— Прилетит?!

— Прилетит, прилетит!— закричал Егорка.

Пришёл Владимир Ильич на следующий день к берёзке. Смотрит — прав оказался Егорка, сидит на кустах снегирь. А под берёзкой стоит Егорка.

Посмотрел Владимир Ильич на снегиря, посмотрел на мальчишку, широко улыбнулся.

— Здравствуй,— сказал Егорке.— Здравствуй,— сказал снегирю.— Где же ты пропадал?

Раскрыл снегирь свой короткий клюв, на Егорку с берёзки глянул.

Похолодело в душе у Егорки. Выдаст его снегирь, вот возьмёт и всё Владимиру Ильичу расскажет.

Однако снегирь смолчал. Понял: не такой уж противный Егорка мальчик. Зачем же зря выдавать Егорку?

Сергей Владимирович Михалков

(Род. в 1913 г.)

В МУЗЕЕ В. И. ЛЕНИНА

В воскресный день с сестрой моей
Мы вышли со двора.
«Я поведу тебя в музей!» —
Сказала мне сестра.

Вот через площадь мы идём
И входим наконец
В большой, красивый красный дом,
Похожий на дворец.

Из зала в зал переходя,
Здесь движется народ.
Вся жизнь великого вождя
Передо мной встаёт.

Я вижу дом, где Ленин рос,
И тот похвальный лист,
Что из гимназии принёс
Ульянов-гимназист.

Здесь книжки выстроились в ряд —
Он в детстве их читал,

Над ними много лет назад
Он думал и мечтал.

Он с детских лет мечтал о том,
Чтоб на родной земле
Жил человек своим трудом
И не был в кабале.

За днями дни, за годом год
Проходят чередой,
Ульянов учится, растёт,
На сходку тайную идёт
Ульянов молодой.

Семнадцать минуло ему,
Семнадцать лет всего,
Но он — борец! И потому
Боится царь его!

Летит в полицию приказ:
«Ульянова схватить!»
И вот он выслан в первый раз,
В деревне должен жить.

Проходит время. И опять
Он там, где жизнь кипит:
К рабочим едет выступать,
На сходках говорит.

Идёт ли он к своим родным,
Идёт ли на завод —
Везде полиция за ним
Следит, не отстаёт...

Опять донос, опять тюрьма
И высылка в Сибирь...
Долга на Севере зима,
Тайга и вдаль и вширь.

В избе мерцает огонёк,
Всю ночь горит свеча.
Исписан не один листок
Рукою Ильича.

...Мы переходим в новый зал,
И громко, в тишине,
«Смотри, Светлана,— я сказал,—
Картина на стене!»

И на картине — тот шалаш
У финских берегов,

Рисунок И. Ильинского.

В котором вождь любимый наш
Скрывался от врагов.

Мы видим город Петроград
В семнадцатом году:

Бежит матрос, бежит солдат,
Стреляют на ходу.

Рабочий тащит пулемёт.
Сейчас он вступит в бой.
Висит плакат: «Долой господ!
Помещиков долой!»

Несут отряды и полки
Полотна кумача,

И впереди — большевики,
Гвардейцы Ильича.

Пришёл Октябрь. И свергли власть
Буржуев и дворян.

Так в Октябре мечта сбылась
Рабочих и крестьян.

...Мы видим кресло Ильича
И лампу на столе.
При этой лампе по ночам
Работал он в Кремле.

Здесь не один рассвет встречал,
Читал, мечтал, творил,
На письма с фронта отвечал,
С друзьями говорил.

Крестьяне из далёких сёл
Сюда за правдой шли,
Садились с Лениным за стол,
Беседу с ним вели.

Жил Ленин в Горках под Москвой
И часто налегке
Ходил тропинкой полевой
И в рощу и к реке.

Он по пути встречал ребят
Из ближних деревень,
И с Ильичём был каждый рад
Гулять хоть целый день.

Сегодня дети тех ребят
Пришли на сбор в музей.
То юных ленинцев отряд —
Отряд ребят-друзей.

Под знамя Ленина они
Торжественно встают,
И клятву партии они
Торжественно дают:

«Клянёмся так на свете жить,
Как вождь великий жил,
И так же Родине служить,
Как Ленин ей служил!

Клянёмся ленинским путём —
Прямее нет пути!—
За мудрым и родным вождём —
За партией идти!»

НА РОДИНЕ В. И. ЛЕНИНА

Родился мальчик в тихом городке —
В Симбирске, что на Волге на реке...
Ещё никто не знал в тот день и час,
Кем будет он, кем вырастет для нас...

Простые деревянные дома.
Они для нас — история сама,
Они для нас как памятник стоят —
Здесь Ленин жил сто лет тому назад...

Мы входим в дом, дыханье затая,
В дом, где жила Ульяновых семья.

Дом с мезонином. Маленький музей.
Сюда приходит множество гостей,
И здесь для них, уже не первый раз,
Звучит простой, волнующий рассказ.

Вот спальная матери. Вот кабинет отца.
Воспитывая юные сердца,
Ульяновы старались детям дать,
Что только могут дать отец и мать.

Здесь жили скромно, в строгой простоте,
Здесь были Труд и Честь на высоте.

...По вечерам над Волгою-рекой,
Там, где всегда раздумье и покой,
Бурлила юность, закипал задор
И разгорался вольнодумный спор.

Мечтал Володя с самых юных лет
Дать людям правду, дать им хлеб и свет,
Чтоб с плеч своих навеки сбросил гнёт
На всей земле трудящийся народ.

Ступеньки лестницы приводят в мезонин.
Володя здесь не раз бывал один.
Тут был его заветный уголок,
Где он мечтал и повторял урок.

Он с книжной полки книги брал
И шахматами этими играл...
Из этого раскрытого окна
Тропинка в сад была ему видна.

С тетрадками и книжками в свой класс
По этим улицам шагал он много раз.
Он в переулках бурлаков встречал
И грузчиков; спешивших на причал.
Здесь проезжал знакомый водовоз,
Что питьевую воду в бочке вёз.

И этот путь к одной из русских школ
Уже тогда его в бессмертье вёл.

Мы входим в школу, в классе парта есть,
Сидеть за ней — особенная честь:
Сидел за ней Ульянов-гимназист,
Ульянов-Ленин, русский коммунист.

Такой другой на свете школы нет!
Перебывал в гостях тут целый свет!
Иран и Куба, Польша и Вьетнам,
Ну, словом, все, кто приезжает к нам...

Родился Ленин в тихом городке —
В Симбирске, что на Волге на реке.
Теперь уже не тот Симбирск. Не тот!
Он вширь и ввысь растёт из года в год.

И в честь Ульянова,
Что жил и вырос тут,
Его теперь
Ульяновском зовут.

Владимир Владимирович Маяковский

(1893—1930)

ЧТО ТАКОЕ ХОРОШО И ЧТО ТАКОЕ ПЛОХО?

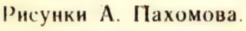
Крошка сын
к отцу пришёл,
и спросила кроха:
— Что такое
хорошо
и что такое
плохо?—
У меня
секретов нет,—
слушайте, детишки,—
папы этого
ответ
помещаю
в книжке.
— Если ветер
крыши рвёт,
если
град загрохал,—
каждый знает —
это вот
для прогулок
плохо.

Дождь покапал
и прошёл.
Солнце
в целом свете.
Это —
очень хорошо
и большим
и детям.

Если
сын,
чернее ночи,
грязь лежит
на рожице,—
ясно,
это
плохо очень
для ребячьей кожицы.
Если
мальчик
любит мыло
и зубной порошок,

Рисунки А. Пахомова.

этот мальчик
очень милый,
поступает хорошо.
Если бьёт
дрянной драчун
слабого мальчишку,
я такого
не хочу
даже
вставить в книжку.
Этот вот кричит:
— Не трожь
тех,
кто меньше ростом! —
Этот мальчик
так хорош,
загляденье просто!
Если ты
порвал подряд
книжицу
и мячик,
октябрята говорят:
плоховатый мальчик.
Если мальчик
любит труд,
тычет
в книжку
пальчик,
про такого
пишут тут:
он
хороший мальчик.
От вороны
карапуз
убежал, заохав.
Мальчик этот
просто трус.
Это
очень плохо.
Этот,
хоть и сам с вершок,
спорит
с грозной птицей.
Храбрый мальчик,
хорошо,
в жизни
пригодится.
Этот
в грязь полез
и рад,
что грязна рубаха.
Про такого
говорят:
он плохой,
неряха.
Этот
чистит валенки,
моет
сам
галоши.
Он
хотя и маленький,
но вполне хороший.
Помни
это
каждый сын.
Знай
любой ребёнок:
вырастет
из сына
свин,
если сын —
свинёнок.
Мальчик
радостный пошёл,
и решила кроха:
«Буду
делать хорошо
и не буду —
плохо».

ГУЛЯЕМ

Вот Ваня
с няней.
Няня
гуляет с Ваней.

Вот дома,
а вот прохожие.
Прохожие и дома,
ни на кого не похожие.
Вот будка
красноармейца.
У красноармейца
ружьё имеется.
Они храбрые.
Дело их —
защищать
и маленьких
и больших.
Это —
Московский Совет.
Сюда
дяди
приходят чуть свет.
Сидит дядя,
в бумагу глядя.
Заботятся
дяди эти
о том,
чтоб счастливо
жили дети.
Вот
кот.
Раз шесть
моет лапкой
на морде шерсть.
Все
с уважением
относятся к коту
за то, что кот
любит чистоту.
Это —
собачка.
Запачканы лапки
и хвост запачкан.
Собака
бывает разная.
Эта собака
нехорошая,
грязная.
Это — церковь,
божий храм,
сюда

старухи
приходят по утрам.
Сделали картинку,
назвали — «бог»
и ждут,
чтоб этот бог помог.
Глупые тоже —
картинка им
никак не поможет.
Это — дом комсомольцев.
Они — умные:
никогда не молятся.
Когда подрастёте,
станете с усами,
на бога не надейтесь,
работайте сами.
Это — буржуй.
На пузо глядь.
Его занятие —
есть и гулять.
От жиру —
как мяч тугой.
Любит,
чтоб за него
работал другой.
Он
ничего не умеет,
и воробей
его умнее.
Это —
рабочий.
Рабочий — тот,
кто работать охочий.
Всё на свете
сделано им.
Подрастёшь —
будь таким.
Телега,
лошадь
и мужик рядом.
Этого мужика
уважать надо.
Ты
краюху
в рот берёшь,
а мужик
для краюхи
сеял рожь.

Эта дама —
чужая мама.
Ничего не делая,
сидит,
        от пудры белая.
Она — бездельница.
У этой дамы
                не язык,
                        а мельница.
А няня работает —
                        водит ребят.
Ребята
        няню
            очень теребят.
У няни моей
            платок из ситца.
К няне
        надо
            хорошо относиться.

КОНЬ-ОГОНЬ

Сын
   отцу твердил раз триста,
за покупкою гоня:
— Я расту кавалеристом.
Подавай, отец, коня! —
О чём же долго думать тут?
Игрушек
        в лавке
                много вам.
И в лавку
        сын с отцом идут
купить четвероногого.
В лавке им
        такой ответ:
— Лошадей сегодня нет.
Но, конечно,
        может мастер
сделать лошадь
                всякой масти.—
Вот и мастер. Молвит он:
— Надо
        нам достать картон.
Лошадей подобных тело
из картона надо делать.—

Все пошли походкой важной
к фабрике писчебумажной.
Рабочий спрашивать их стал:
— Вам толстый
                или тонкий? —
Спросил
        и вынес три листа
отличнейшей картонки.
— Кстати,
        нате вам и клей.
Чтобы склеить —
                клей налей.

Тот, кто ездил,
                знает сам,
нет езды без колеса.
Вот они у столяра.
Им столяр, конечно, рад.
Быстро,
        ровно, а не криво,
сделал им колёсиков.
Есть колёса,
                нету гривы,
нет
    на хвост волосиков.
— Где же конский хвост
                найти нам? —
Там,
    где щётки и щетина.

Щетинщик возражать
не стал, —
чтоб лошадь вышла дивной,
дал
конский волос
для хвоста
и гривы лошадиной.
Спохватились —
нет гвоздей.
Гвоздь необходим везде.
Повели они отца
в кузницу кузнеца.
Рад кузнец.
— Пожалте, гости!
Вот вам
самый лучший гвоздик.—
Прежде чем работать сесть,
осмотрели —
всё ли есть?
И в один сказали голос:
— Мало взять картон и волос.
Выйдет лошадь бедная,
скучная и бледная.
Взять художника и краски,
чтоб раскрасил
шерсть и глазки.—
К художнику,
удал и быстр,
вбегает наш кавалерист.
— Товарищ,
вы не можете
покрасить шерсть у лошади?
— Могу.—
И вышел лично
с краскою различной.
Сделали лошажье тело,
дальше дело закипело.
Компания остаток дня
впустую не теряла
и мастерить пошла коня
из лучших матерьялов.
Вместе взялись все за дело.
Режут лист картонки белой,
клеем лист насквозь пропитан.
Сделали коню копыта,
щетинщик вделал хвостик,
кузнец вбивает гвоздик.
Быстра у столяра рука —
столяр колёса остругал.
Художник кистью лазит,
лошадке
глазки красит.
Что за лошадь,
что за конь —
горячей, чем огонь!
Хоть вперёд,
хоть назад,
хочешь — в рысь,
хочешь — в скок.
Голубые глаза,
в жёлтых яблоках бок.
Взнуздан
и осёдлан он,
крепко сбруей оплетён.
На спину сплетённому —
помогай Будённому!

МАЙСКАЯ ПЕСЕНКА

Зелёные листики —
и нет зимы.
Идём
раздольем чистеньким —
и я,
и ты,
и мы.
Весна сушить развесила
своё мытьё.
Мы молодо и весело
идём!
Идём!
Идём!
На ситцах, на бумаге —
огонь на всём.
Красные флаги
несём!
Несём!
Несём!
Улица рада,
весной умытая.
Шагаем отрядом,
и мы,
и ты,
и я.

КЕМ БЫТЬ?

У меня растут года,
будет и семнадцать.
Где работать мне тогда,
чем заниматься?

Нужные работники —
столяры и плотники!
Сработать мебель мудрено:
сначала
  мы
    берём бревно
и пилим доски,
длинные и плоские.
Эти доски
    вот так
зажимает
    стол-верстак.
От работы
    пила
раскалилась добела.
Из-под пилки
    сыплются опилки.
Рубанок
  в руки —
работа другая:
сучки, закорюки
рубанком стругаем.
Хороши стружки —
жёлтые игрушки.
А если
  нужен шар нам
круглый очень,
на станке токарном
круглое точим.
Готовим понемножку
то ящик,
  то ножку.
Сделали вот столько
стульев и столиков!

Столяру хорошо,
а инженеру —
    лучше,
я бы строить дом пошёл,
пусть меня научат.
Я
 сначала
  начерчу
дом
 такой,
  какой хочу.
Самое главное,
чтобы было нарисовано
здание
  славное,
живое словно.
Это будет
  перёд,
называется фасад.
Это
 каждый разберёт —
это ванна,
  это сад.
План готов,
  и вокруг
сто работ
  на тыщу рук.
Упираются леса
в самые небеса.
Где трудна работка,
там
 визжит лебёдка;
подымает балки,
будто палки.
Перетащит кирпичи,
закалённые в печи.
По крыше выложили жесть.
И дом готов,
  и крыша есть.

Хороший дом,
  большущий дом
на все четыре стороны,
и заживут ребята в нём
удобно и просторно.

Инженеру хорошо,
а доктору —
  лучше,
я б детей лечить пошёл,
пусть меня научат.
Я приеду к Пете,
я приеду к Поле.
— Здравствуйте, дети!
Кто у вас болен?

Рисунок Ю. Коровина.

Как живёте,
как животик? —
Погляжу
из очков
кончики язычков.
—Поставьте этот градусник
под мышку, детишки.—
И ставят дети радостно
градусник под мышки.
— Вам бы
очень хорошо
проглотить порошок
и микстуру
ложечкой
пить понемножечку.
Вам
в постельку лечь,
поспать бы,
вам —
компрессик на живот,
и тогда
у вас
до свадьбы
всё, конечно, заживёт.—

Докторам хорошо,
а рабочим —
лучше,
я б в рабочие пошёл,
пусть меня научат.
Вставай!
Иди!
Гудок зовёт,
и мы приходим на завод.
Народа — уйма целая,
тысяча двести.
Чего один не сделает —
сделаем вместе.
Можем
железо
ножницами резать,
краном висящим
тяжести тащим;
молот паровой
гнёт и рельсы травой.
Олово плавим,
машинами правим.
Работа всякого
нужна одинаково.
Я гайки делаю,
а ты
для гайки
делаешь винты.
И идёт
работа всех
прямо в сборочный цех.
Болты,
лезьте
в дыры ровные,
части
вместе
сбей
огромные.
Там —
дым,
здесь —
гром.
Гро-
мим
весь
дом.
И вот
вылазит паровоз,
чтоб вас
и нас
и нёс
и вёз.

На заводе хорошо,
а в трамвае —
лучше,
я б кондуктором пошёл,
пусть меня научат.
Кондукторам
езда везде.

С большою сумкой кожаной
ему всегда,
ему весь день
в трамваях ездить можно.

— Большие и дети,
берите билетик,
билеты разные,
бери любые —
зелёные,
красные
и голубые.—
Ездим рельсами.
Окончилась рельса,
и слезли у леса мы,
садись
и грейся.
Кондуктору хорошо,
а шофёру —
лучше,
я б в шофёры пошёл,
пусть меня научат.
Фырчит машина скорая,
летит, скользя,
хороший шофёр я —
сдержать нельзя.
Только скажите,
вам куда надо —
без рельсы
жителей
доставлю на дом.
Е-
дем,
ду-
дим:
«С пу-
ти
уй-
ди!»
Быть шофёром хорошо,

Рисунок Ю. Коровина.

а лётчиком —
лучше,
я бы в лётчики пошёл,
пусть меня научат.
Наливаю в бак бензин,
завожу пропеллер.
«В небеса, мотор, вези,
чтобы птицы пели».
Бояться не надо
ни дождя,
ни града.
Облетаю тучку,
тучку-летучку.
Белой чайкой паря,
полетел за моря.
Без разговору
облетаю гору.
«Вези, мотор,
чтоб нас довёз
до звёзд
и до луны,
хотя луна и масса звёзд
совсем отдалены».

Лётчику хорошо,
а матросу — лучше,

я б в матросы пошёл,
пусть меня научат.
У меня на шапке лента,
на матроске
якоря.
Я проплавал это лето,
океаны покоря.
Напрасно, волны, скачете —
морской дорожкой
на реях и по мачте,
карабкаюсь кошкой.
Сдавайся, ветер вьюжный,
сдавайся, буря скверная,
открою
полюс
Южный,
а Северный —
наверное.

Книгу переворошив,
намотай себе на ус —
все работы хороши,
выбирай
на вкус!

ЭТА КНИЖЕЧКА МОЯ ПРО МОРЯ И ПРО МАЯК

Разрезая носом воды,
ходят в море пароходы.
Дуют ветры яростные,
гонят лодки парусные.
Вечером,
а также к ночи
плавать в море трудно очень.
Всё покрыто скалами,
скалами немалыми.
Ближе к суше
еле-еле
даже
днём обходят мели.
Капитан берёт бинокль,
но бинокль помочь не мог.
Капитану так обидно —
даже берега не видно.
Закружит волна кружение,
вот
и кораблекрушение.
Вдруг —
обрадован моряк:
загорается маяк.
В самой темени как раз
показался красный глаз.
Поморгал —
и снова нет,
и опять зажёгся свет.
Здесь, мол, тихо —
все суда
заплывайте вот сюда.
Бьётся в стены шторм и вой.
Лестницею винтовой
каждый вечер,
ближе к ночи,
на маяк идёт рабочий.
Наверху фонарище —
яркий,
как пожарище.
Виден он
во все моря,
нету ярче фонаря.
Чтобы всем заметиться,
он ещё и вертится.
Труд большой рабочему —
простоять всю ночь ему.
Чтобы пламя не погасло,
подливает в лампу масло.
И чистит
исключительное
стекло увеличительное.
Всем показывает свет —
здесь опасно или нет.
Пароходы,
корабли —
запыхтели,
загребли.
Волны,
как теперь ни ухайте,—
все, кто плавал,—
в тихой бухте.
Нет ни волн,
ни вод,
ни грома,

Рисунок Г. Мазурина.

детям сухо,
дети дома.
Кличет книжечка моя:
— Дети,
будьте как маяк!
Всем,
кто ночью плыть не могут,
освещай огнём дорогу.
Чтоб сказать про это вам,
этой книжечки слова
и рисуночков наброски
сделал
дядя
Маяковский.

Самуил Яковлевич Маршак

(1887—1964)

ДЕТКИ В КЛЕТКЕ

Слон

Дали туфельки слону.
Взял он туфельку одну
И сказал: — Нужны пошире,
И не две, а все четыре!

Жираф

Рвать цветы легко и просто
Детям маленького роста,
Но тому, кто так высок,
Нелегко сорвать цветок!

Тигрёнок

Эй, не стойте слишком близко—
Я тигрёнок, а не киска!

Зебры

Полосатые лошадки,
Африканские лошадки,
Хорошо играть вам в прятки
На лугу среди травы!

Разлинованы лошадки,
Словно школьные тетрадки,
Разрисованы лошадки
От копыт до головы.

Совята

Взгляни на маленьких совят —
Малютки рядышком сидят.
Когда не спят,
Они едят.
Когда едят,
Они не спят.

Страусёнок

Я — страусёнок молодой,
Заносчивый и гордый.
Когда сержусь, я бью ногой,
Мозолистой и твёрдой.

Когда пугаюсь, я бегу,
Вытягивая шею.
А вот летать я не могу,
И петь я не умею.

Лебедёнок

Отчего течёт вода
С этого младенца?
Он недавно из пруда,
Дайте полотенце!

СКАЗКА О ГЛУПОМ МЫШОНКЕ

Пела ночью мышка в норке:
— Спи, мышонок, замолчи!
Дам тебе я хлебной корки
И огарочек свечи.

Отвечает ей мышонок:
— Голосок твой слишком тонок.
Лучше, мама, не пищи,
Ты мне няньку поищи!

Побежала мышка-мать,
Стала утку в няньки звать:
— Приходи к нам, тётя утка,
Нашу детку покачать.

Стала петь мышонку утка:
— Га-га-га, усни, малютка!
После дождика в саду
Червяка тебе найду.

Глупый маленький мышонок
Отвечает ей спросонок:
— Нет, твой голос нехорош.
Слишком громко ты поёшь!

Побежала мышка-мать,
Стала жабу в няньки звать:
— Приходи к нам, тётя жаба,
Нашу детку покачать.

Стала жаба важно квакать:
— Ква-ква-ква, не надо плакать!
Спи, мышонок, до утра,
Дам тебе я комара.

Глупый маленький мышонок
Отвечает ей спросонок:
— Нет, твой голос нехорош.
Очень скучно ты поёшь!

Побежала мышка-мать
Тётю лошадь в няньки звать:
— Приходи к нам, тётя лошадь,
Нашу детку покачать.

— И-го-го! — поёт лошадка.—
Спи, мышонок, сладко-сладко,
Повернись на правый бок,
Дам овса тебе мешок.

Глупый маленький мышонок
Отвечает ей спросонок:
— Нет, твой голос нехорош.
Очень страшно ты поёшь!

Побежала мышка-мать
Тётю свинку в няньки звать:
— Приходи к нам, тётя свинка,
Нашу детку покачать.

Стала свинка хрипло хрюкать,
Непослушного баюкать:
— Баю-баюшки, хрю-хрю.
Успокойся, говорю.

Глупый маленький мышонок
Отвечает ей спросонок:
— Нет, твой голос нехорош.
Очень грубо ты поёшь!

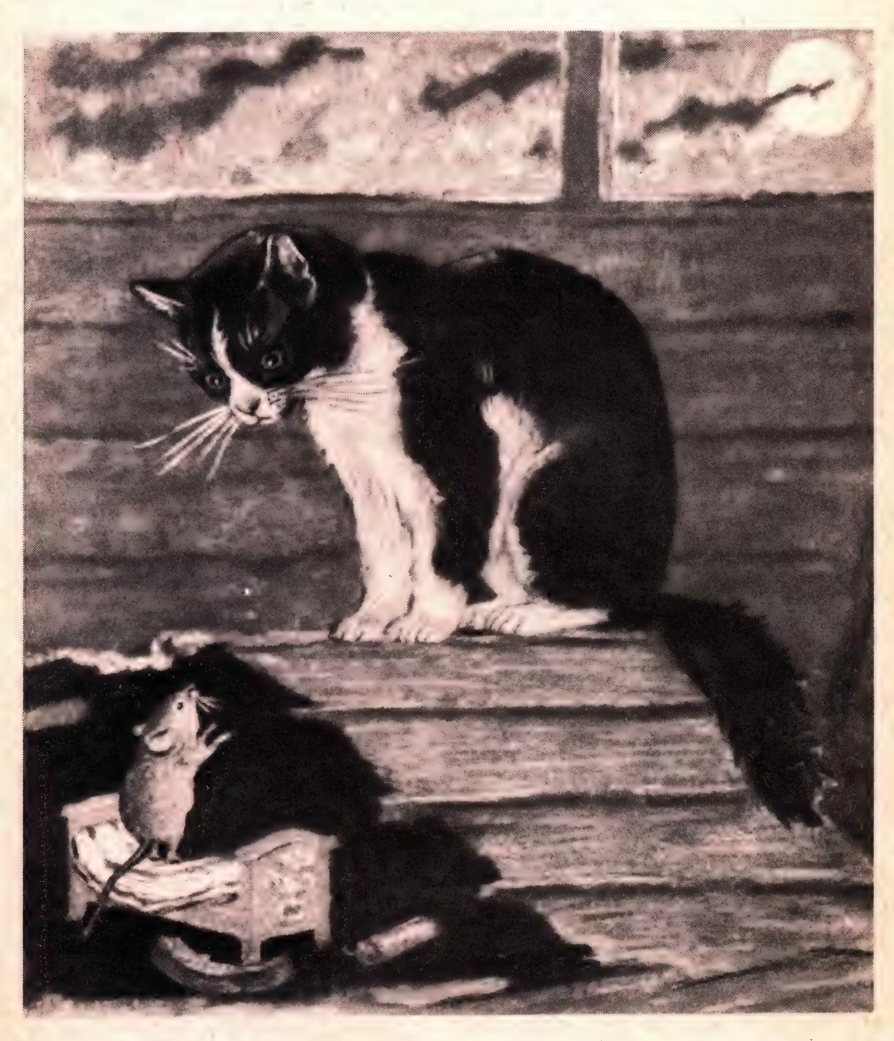

Рисунок В. Лебедева.

Стала думать мышка-мать:
Надо курицу позвать.
— Приходи к нам, тётя клуша,
Нашу детку покачать.

Закудахтала наседка:
— Куд-куда! Не бойся, детка!
Забирайся под крыло:
Там и тихо и тепло.

Глупый маленький мышонок
Отвечает ей спросонок:
— Нет, твой голос нехорош.
Этак вовсе не уснёшь!

Побежала мышка-мать,
Стала щуку в няньки звать:
— Приходи к нам, тётя щука,
Нашу детку покачать.

Стала петь мышонку щука —
Не услышал он ни звука:
Разевает щука рот,
А не слышно, что поёт...

Глупый маленький мышонок
Отвечает ей спросонок:
— Нет, твой голос нехорош.
Слишком тихо ты поёшь!

Побежала мышка-мать,
Стала кошку в няньки звать:
— Приходи к нам, тётя кошка,
Нашу детку покачать.

Стала петь мышонку кошка:
— Мяу-мяу, спи, мой крошка!
Мяу-мяу, ляжем спать,
Мяу-мяу, на кровать.

Глупый маленький мышонок
Отвечает ей спросонок:
— Голосок твой так хорош.
Очень сладко ты поёшь!

Прибежала мышка-мать,
Поглядела на кровать,
Ищет глупого мышонка,
А мышонка не видать...

УСАТЫЙ-ПОЛОСАТЫЙ

Жила-была девочка.
Как её звали?
Кто звал,
Тот и знал.
А вы не знаете.
Сколько ей было лет?
Сколько зим,
Столько лет,—
Сорока ещё нет.
А всего четыре года.
И был у неё... Кто у неё был?
Серый,
Усатый,
Весь полосатый.
Кто это такой? Котёнок.
Стала девочка котёнка спать укладывать.

Вот тебе под спинку
Мягкую перинку.
Сверху на перинку
Чистую простынку.

Вот тебе под ушки
Белые подушки.
Одеяльце на пуху
И платочек наверху.

Уложила котёнка, а сама пошла ужинать.
Приходит назад,— что такое?
Хвостик — на подушке,
На простынке — ушки.
Разве так спят? Перевернула она котёнка, уложила, как надо:
Под спинку —
Перинку.
На перинку —
Простынку.
Под ушки —
Подушки.
А сама пошла ужинать. Приходит опять,— что такое?

Ни перинки,
Ни простынки,
Ни подушки
Не видать,
А усатый,
Полосатый
Перебрался
Под кровать.

Разве так спят? Вот какой глупый котёнок!
Захотела девочка котёнка выкупать.

Принесла
Кусочек
Мыла,
И мочалку
Раздобыла,
И водицы
Из котла
В чайной
Чашке
Принесла.

Не хотел котёнок мыться —
Опрокинул он корытце
И в углу за сундуком
Моет лапку языком.

Вот какой глупый котёнок!
Стала девочка учить котёнка говорить:
— Котик, скажи: мя-чик.
А он говорит: мяу!
— Скажи: ло-шадь.
А он говорит: мяу!
— Скажи: э-лек-три-че-ство.
А он говорит: мяу-мяу!
Всё «мяу» да «мяу»! Вот какой глупый котёнок!
Стала девочка котёнка кормить.

Принесла овсяной кашки —
Отвернулся он от чашки.

Принесла ему редиски —
Отвернулся он от миски.

Принесла кусочек сала.
Говорит котёнок: — Мало!

Вот какой глупый котёнок!

Не было в доме мышей, а было много карандашей. Лежали они на столе у папы и попали котёнку в лапы. Как помчался он вприпрыжку, карандаш поймал, как мышку,

И давай его катать —
Из-под стула под кровать,
От стола до табурета,
От комода до буфета.
Подтолкнёт — и цап-царап!
А потом загнал под шкап.

Ждёт на коврике у шкапа,
Притаился, чуть дыша...
Коротка кошачья лапа —
Не достать карандаша!

Вот какой глупый котёнок!

Закутала девочка котёнка в платок и пошла с ним в сад.

Люди спрашивают: — Кто это у вас?

А девочка говорит: — Это моя дочка.

Люди спрашивают: — Почему у вашей дочки серые щёчки?

А девочка говорит: — Она давно не мылась.

Люди спрашивают: — Почему у неё мохнатые лапы, а усы, как у папы?

Девочка говорит: — Она давно не брилась.

А котёнок как выскочит, как побежит,— все и увидели, что это котёнок — усатый, полосатый.

Вот какой глупый котёнок!

А потом,
А потом
Стал он умным котом.

А девочка тоже выросла, стала ещё умнее и учится в первом классе сто первой школы.

ВЕЛИКАН

Раз,
Два,
Три,
Четыре.
Начинается рассказ:
В сто тринадцатой квартире
Великан живёт у нас.

На столе он строит башни,
Строит город в пять минут.
Верный конь и слон домашний
Под столом его живут.

Вынимает он из шкафа
Длинноногого жирафа,
А из ящика стола —
Длинноухого осла.

Полон силы богатырской.
Он от дома до ворот
Целый поезд пассажирский
На верёвочке ведёт.

А когда большие лужи
Разливаются весной,

Великан во флоте служит
Самым младшим старшиной.

У него бушлат матросский,
На бушлате якоря.

Крейсера и миноноски
Он ведёт через моря.

Пароход за пароходом
Он выводит в океан,
И растёт он с каждым годом,
Этот славный великан.

ВОТ КАКОЙ РАССЕЯННЫЙ

Жил человек рассеянный
На улице Бассейной.

Сел он утром на кровать,
Стал рубашку надевать,
В рукава просунул руки —
Оказалось, это брюки.

Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!

Надевать он стал пальто —
Говорят ему: не то.

Стал натягивать гамаши —
Говорят ему: не ваши.

Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!

Вместо шапки на ходу
Он надел сковороду.

Вместо валенок перчатки
Натянул себе на пятки.

Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!

Однажды на трамвае
Он ехал на вокзал

И, двери открывая,
Вожатому сказал:

— Глубокоуважаемый
Вагоноуважатый!
Вагоноуважаемый
Глубокоуважатый!
Во что бы то ни стало
Мне надо выходить.
Нельзя ли у трамвала
Вокзай остановить?
Вожатый удивился —
Трамвай остановился.
Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!

Он отправился в буфет
Покупать себе билет.
А потом помчался в кассу
Покупать бутылку квасу.
Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!

Побежал он на перрон,
Влез в отцепленный вагон,
Внёс узлы и чемоданы,
Рассовал их под диваны,
Сел в углу перед окном
И заснул спокойным сном...

— Это что за полустанок? —
Закричал он спозаранок.
А с платформы говорят:
— Это город Ленинград.

Он опять поспал немножко
И опять взглянул в окошко,
Увидал большой вокзал,
Удивился и сказал:
— Это что за остановка —
Бологое иль Поповка? —
А с платформы говорят:
— Это город Ленинград.

Он опять поспал немножко
И опять взглянул в окошко,

Увидал большой вокзал,
Потянулся и сказал:
— Что за станция такая —
Дибуны или Ямская? —
А с платформы говорят:
— Это город Ленинград.

Закричал он: — Что за шутки!
Еду я вторые сутки,
А приехал я назад,
А приехал в Ленинград!

Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!

ПОЖАР

На площади базарной,
На каланче пожарной
Круглые сутки
Дозорный у будки
Поглядывал вокруг —
      На север,
      На юг,
      На запад,
      На восток,—
Не виден ли дымок.

И если видел он пожар,
Плывущий дым угарный,
Он поднимал сигнальный шар
Над каланчой пожарной.

И два шара,
И три шара
Взвивались вверх, бывало.
И вот с пожарного двора
Команда выезжала.

Тревожный звон будил народ,
Дрожала мостовая.
И мчалась с грохотом вперёд
Команда удалая.

Теперь не надо каланчи.—
Звони по телефону
И о пожаре сообщи
Ближайшему району.

Пусть помнит каждый
                              гражданин
Пожарный номер: ноль-один!

В районе есть бетонный дом —
В три этажа и выше —
С большим двором и гаражом
И с вышкою на крыше.

Сменяясь, в верхнем этаже
Пожарные сидят,
А их машины в гараже
Мотором в дверь глядят.

Чуть только — ночью или
                              днём —
Дадут сигнал тревоги,
Лихой отряд борцов с огнём
Несётся по дороге...

Мать на рынок уходила,
Дочке Лене говорила:
— Печку, Леночка, не тронь.
Жжётся, Леночка, огонь!

Только мать сошла с крылечка,
Лена села перед печкой,
В щёлку красную глядит,
А в печи огонь гудит.

Приоткрыла дверцу Лена —
Соскочил огонь с полена,
Перед печкой выжег пол,
Влез по скатерти на стол,

Побежал по стульям
                              с треском,
Вверх пополз по занавескам,
Стены дымом заволок,
Лижет пол и потолок.

Но пожарные узнали,
Где горит, в каком квартале.

Рисунок В. Конашевича.

Командир сигнал даёт,
И сейчас же — в миг единый —
Вырываются машины
Из распахнутых ворот.

Вдаль несутся с гулким
звоном.
Им в пути помехи нет.
И сменяется зелёным
Перед ними красный свет.

В пять минут автомобили
До пожара докатили.
Стали строем у ворот,
Подключили шланг упругий,
И, раздувшись от натуги,
Он забил, как пулемёт.

Заклубился дым угарный,
Гарью комната полна.

На руках Кузьма-пожарный
Вынес Лену из окна.

Он, Кузьма,— пожарный
старый,
Двадцать лет тушил пожары,
Сорок душ от смерти спас,
Бился с пламенем не раз.

Ничего он не боится,
Надевает рукавицы,
Смело лезет по стене.
Каска светится в огне.

Вдруг на крыше из-под балки
Чей-то крик раздался жалкий,
И огню наперерез
На чердак Кузьма полез.

Сунул голову в окошко,
Поглядел...— Да это кошка!
Пропадёшь ты здесь в огне.
Полезай в карман ко мне!..

Широко бушует пламя...
Разметавшись языками,
Лижет ближние дома.
Отбивается Кузьма.

Ищет в пламени дорогу,
Кличет младших на подмогу,
И спешат к нему на зов
Трое рослых молодцов.

Топорами балки рушат,
Из брандспойтов пламя тушат.
Чёрным облаком густым
Под ногами вьётся дым.

Пламя ёжится и злится,
Убегает, как лисица.
А струя издалека
Гонит зверя с чердака.

Вот уж брёвна почернели...
Злой огонь шипит из щели:
— Пощади меня, Кузьма,
Я не буду жечь дома!

— Замолчи, огонь
коварный! —
Говорит ему пожарный.—
Покажу тебе Кузьму!
Посажу тебя в тюрьму!

Оставайся только в печке,
В старой лампе и на свечке!

На скамейке у ворот
Лена горько слёзы льёт.

На панели перед домом —
Стол, и стулья, и кровать...
Отправляются к знакомым
Лена с мамой ночевать.

Плачет девочка навзрыд,
А Кузьма ей говорит:
— Не зальёшь огня слезами,
Мы водой потушим пламя.
Будешь жить да поживать.
Только чур — не поджигать!
Вот тебе на память кошка.
Посуши её немножко!

Дело сделано. Отбой.
И опять по мостовой
Понеслись автомобили,
Затрубили, зазвонили.
Мчится лестница, насос.
Вьётся пыль из-под колёс.

Вот Кузьма в помятой каске.
Голова его в повязке,
Лоб в крови, подбитый глаз,—
Да ему не в первый раз.
Поработал он недаром —
Славно справился с пожаром!

ПОЧТА

Борису Житкову

1

Кто стучится в дверь ко мне
С толстой сумкой на ремне,
С цифрой 5 на медной бляшке,
В синей форменной фуражке?
Это он,
Это он,
Ленинградский почтальон.
У него
Сегодня много
Писем
В сумке на боку
Из Ташкента,
Таганрога,
Из Тамбова
И Баку.
В семь часов он начал дело,
В десять сумка похудела,
А к двенадцати часам
Всё разнёс по адресам.

2

— Заказное из Ростова
Для товарища Житкова!
— Заказное для Житкова?
Извините, нет такого!
— Где же этот гражданин?
— Улетел вчера в Берлин.

3

Житков за границу
По воздуху мчится —
Земля зеленеет внизу.
А вслед за Житковым
В вагоне почтовом
Письмо заказное везут.

Пакеты по полкам
Разложены с толком,
В дороге разборка идёт,
И два почтальона
На лавках вагона
Качаются ночь напролёт.

Открытка —
В Дубровку,
Посылка —
В Покровку,
Газета —
На станцию Клин.
Письмо —
В Бологое.
А вот заказное
Пойдёт за границу —
в Берлин.

4

Идёт берлинский почтальон,
Последней почтой нагружён.
Одет таким он франтом:
Фуражка с красным кантом.

На тёмно-синем пиджаке
Лазурные петлицы.
Идёт и держит он в руке
Письмо из-за границы.

Кругом прохожие спешат.
Машины шинами шуршат,
Одна другой быстрее,
По Липовой аллее.

Подходит к двери почтальон,
Швейцару старому поклон.
— Письмо для герр Житкова
Из номера шестого!

— Вчера в одиннадцать часов
Уехал в Англию Житков!

5

Письмо
Само
Никуда не пойдёт,
Но в ящик его опусти —
Оно пробежит,
Пролетит,
Проплывёт
Тысячи вёрст пути.

Нетрудно письму
Увидеть свет:
Ему
Не нужен билет.

На медные деньги
Объедет мир
Заклеенный
Пассажир.

В дороге
Оно
Не пьёт и не ест
И только одно
Говорит:

— Срочное.
Англия.
Лондон.
Вест,
14, Бобкин-стрит.

6

Бежит, подбрасывая груз,
За автобу́сом автобу́с.
Качаются на крыше
Плакаты и афиши.

Кондуктор с лесенки кричит:
— Конец маршрута! Бобкин-стрит!

По Бобкин-стрит, по Бобкин-стрит
Шагает быстро мистер Смит
В почтовой синей кепке,
А сам он вроде щепки.

Идёт в четырнадцатый дом,
Стучит висячим молотком
И говорит сурово:
— Для мистера Житкова.

Швейцар глядит из-под очков
На имя и фамилию
И говорит: — Борис Житков
Отправился в Бразилию!

7

Пароход
Отойдёт
Через две минуты.
Чемоданами народ
Занял все каюты.

Но в одну из кают
Чемоданов не несут.
Там поедет вот что:
Почтальон и почта.

8

Под пальмами Бразилии,
От зноя утомлён,
Шагает дон Базилио,
Бразильский почтальон.

В руке он держит странное,
Измятое письмо.
На марке — иностранное
Почтовое клеймо.

И надпись над фамилией
О том, что адресат
Уехал из Бразилии
Обратно в Ленинград.

9

Кто стучится в дверь ко мне
С толстой сумкой на ремне,
С цифрой 5 на медной бляшке,
В синей форменной фуражке?
Это он,
Это он,
Ленинградский почтальон.

Он протягивает снова
Заказное для Житкова.
— Для Житкова?
Эй, Борис,
Получи и распишись!

10

Мой сосед вскочил с постели:
— Вот так чудо в самом деле!
Погляди, письмо за мной
Облетело шар земной.

Мчалось по́ морю вдогонку,
Понеслось на Амазонку.
Вслед за мной его везли
Поезда и корабли.

По морям и горным склонам
Добрело оно ко мне.

Честь и слава почтальонам,
Утомлённым, запылённым.

Слава честным почтальонам
С толстой сумкой на ремне!

ВОЙНА С ДНЕПРОМ

Человек сказал Днепру:
— Я стеной тебя запру.
Ты
С вершины
Будешь
Прыгать,
Ты
Машины
Будешь
Двигать!

— Нет,— ответила вода,—
Ни за что и никогда!

И вот в реке поставлена
Железная стена.
И вот реке объявлена
Война,
Война,
Война!

Выходит в бой
Подъёмный кран,
Двадцатитонный
Великан,
Несёт
В протянутой руке
Чугунный молот
На крюке.

Идёт
Бурильщик,
Точно слон.
От ярости
Трясётся он.
Железным хоботом
Звенит
И бьёт без промаха
В гранит.

Вот экскаватор
Паровой.
Он роет землю
Головой,
И тучей
Носятся за ним
Огонь,
И пар,
И пыль,
И дым.

...Человек сказал Днепру:
— Я стеной тебя запру.
Чтобы,
Падая
С вершины,
Побеждённая
Вода
Быстро
Двигала
Машины
И толкала
Поезда.

Чтобы
Столько
Полных
Бочек
Даром
Льющейся
Воды
Добывали
Для рабочих
Много хлеба
И руды.

Чтобы
Углем,
Сталью,
Рожью
Был богат
Наш край родной.
Чтобы солнце
Запорожья
Загорелось
Над страной!

Чтобы
Плуг
По чернозёму
Электричество
Вело.

Чтобы
Улице
И дому
Было
Вечером
Светло!

КРУГЛЫЙ ГОД

Январь

Открываем календарь —
Начинается январь.

В январе, в январе
Много снегу на дворе.

Снег — на крыше,
на крылечке.
Солнце в небе голубом.
В нашем доме топят печки.
В небо дым идёт столбом.

Февраль

Дуют ветры в феврале,
Воют в трубах громко.
Змейкой мчится по земле
Лёгкая позёмка.

Поднимаясь, мчатся вдаль
Самолётов звенья.
Это празднует февраль
Армии рожденье.

Март

Рыхлый снег темнеет в марте.
Тают льдинки на окне.
Зайчик бегает по парте
И по карте
На стене.

Апрель

Апрель, апрель!
На дворе звенит капе́ль.

По полям бегут ручьи,
На дорогах лужи.
Скоро выйдут муравьи
После зимней стужи.

Пробирается медведь
Сквозь лесной валежник.
Стали птицы песни петь,
И расцвёл подснежник.

Май

Распустился ландыш в мае
В самый праздник — в первый
день.

Май цветами провожая,
Распускается сирень.

Июнь

Пришёл июнь.
«Июнь! Июнь!» —
В саду щебечут птицы...
На одуванчик только дунь —
И весь он разлетится.

Июль

Сенокос идёт в июле,
Где-то гром ворчит порой.
И готов покинуть улей
Молодой пчелиный рой.

Август

Собираем в августе
Урожай плодов.
Много людям радости
После всех трудов.

Солнце над просторными
Нивами стоит.
И подсолнух зёрнами
Чёрными набит.

Сентябрь

Ясным утром сентября
Хлеб молотят сёла,

Мчатся птицы за моря —
И открылась школа.

Октябрь

В октябре, в октябре
Частый дождик на дворе.
На лугах мертва трава,
Замолчал кузнечик.
Заготовлены дрова
На зиму для печек.

Ноябрь

День седьмого ноября —
Красный день календаря.
Погляди в своё окно:
Всё на улице краснó.

Вьются флаги у ворот,
Пламенем пылая.
Видишь, музыка идёт
Там, где шли трамваи.

Весь народ — и млад и стар
Празднует свободу.
И летит мой красный шар
Прямо к небосводу!

Декабрь

В декабре, в декабре
Все деревья в серебре.
Нашу речку, словно в сказке,
За ночь вымостил мороз,
Обновил коньки, салазки,
Ёлку из лесу привёз.

Ёлка плакала сначала
От домашнего тепла.
Утром плакать перестала,
Задышала, ожила.

Чуть дрожат её иголки,
На ветвях огни зажглись.
Как по лесенке, по ёлке
Огоньки взбегают ввысь.

Блещут золотом хлопушки.
Серебром звезду зажёг
Добежавший до верхушки
Самый смелый огонёк.

Год прошёл, как день
вчерашний.
Над Москвою в этот час
Бьют часы Кремлёвской башни
Свой салют — двенадцать раз.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ КАЛЕНДАРЯ

Первое
Сентября!
Первое
Сентября!
Первое
Сентября
Первый день
Календаря, —

Потому что в этот день
Все девчонки
И мальчишки
Городов
И деревень
Взяли сумки,
Взяли книжки,
Взяли завтраки
Под мышки
И помчались в первый раз
В класс!

Это было в Барнауле,
В Ленинграде
И в Торжке,
В Благовещенске
И в Туле,
На Дону
И на Оке,
И в станице,
И в ауле,
И в далёком кишлаке.

Это было
На морском

Берегу,
Там, где берег
Изгибается
В дугу,
Где ребята
По-грузински
Говорят,
Где на завтрак
Носят
Сладкий виноград.

Это было
На Алтае,
Между гор,
Это было
На Валдае,
У озёр.

Это было
На Днепре,
Среди полей,
Там, где школа
За стволами
Тополей.
Кто успел
Прожить на свете
Восемь лет,
Тех сегодня
До обеда
Дома нет,—

Потому что в этот день
Все девчонки
И мальчишки
Городов
И деревень
Взяли сумки,
Взяли книжки,
Взяли завтраки
Под мышки
И помчались в первый раз
В класс!

ПРО ВСЁ НА СВЕТЕ

Азбука в стихах и картинках

Аист с нами прожил лето,
А зимой гостил он где-то.

Бегемот разинул рот:
Булки просит бегемот.

Воробей просил ворону
Вызвать волка к телефону.

Гриб растёт среди дорожки,—
Голова на тонкой ножке.

Дятел жил в дупле пустом,
Дуб долбил, как долотом.

Ель на ёжика похожа:
Ёж — в иголках, ёлка — тоже.

Жук упал и встать не может,
Ждёт он, кто ему поможет.

Звёзды видели мы днём
За рекою, над Кремлём...

Иней лёг на ветви ели,
Иглы за ночь побелели.

Кот ловил мышей и крыс.
Кролик лист капустный грыз.

Лодки по морю плывут,
Люди вёслами гребут.

Мёд в лесу медведь нашёл,—
Мало мёду, много пчёл.

Носорог бодает рогом.
Не шутите с носорогом!

Ослик был сегодня зол:
Он узнал, что он осёл.

Панцирь носит черепаха,
Прячет голову от страха.

Роет землю серый крот —
Разоряет огород.

Спит спокойно старый слон —
Стоя спать умеет он.

Таракан живёт за печкой,—
То-то тёплое местечко!

Ученик учил уроки —
У него в чернилах щёки.

Флот плывёт к родной земле.
Флаг на каждом корабле.

Ходит пó лесу хорёк,
Хищный маленький зверёк.

Цапля, важная, носатая,
Целый день стоит, как статуя.

Часовщик, прищурив глаз,
Чинит часики для нас.

Школьник, школьник, ты силач:
Шар земной несёшь, как мяч!

Щёткой чищу я щенка,
Щекочу ему бока.

Эта кнопка и шнурок —
Электрический звонок.

Юнга — будущий матрос —
Южных рыбок нам привёз.

Ягод нет кислее клюквы.
Я на память знаю буквы.

ДЕТИ НАШЕГО ДВОРА

На дворе у нас живут
Многие герои.
Но ребята признают
Правило такое:

Ты гордись своим отцом,
Знатным гражданином,
Но и сам будь молодцом,
А не только сыном.

Тот, кто водит самолёт
Дома по паркету,
Завтра в небо поведёт
Самолёт-ракету.

...Кто построил на дворе
Мост через канаву,—
Мост на Волге, на Днепре
Выстроит на славу.

Кто готовит для скворцов
Летний дом фанерный,—
Своды башен и дворцов
Выстроит наверно.

Дети нашего двора,
Крепнут ваши крылья.
Ваша детская игра
Завтра станет былью.

РАССКАЗ О НЕИЗВЕСТНОМ ГЕРОЕ

Ищут пожарные,
Ищет милиция,
Ищут фотографы
В нашей столице,
Ищут давно,
Но не могут найти
Парня какого-то
Лет двадцати.

Среднего роста,
Плечистый и крепкий,
Ходит он в белой
Футболке и кепке.
Знак ГТО
На груди у него.
Больше не знают
О нём ничего.

Многие парни
Плечисты и крепки,
Многие носят
Футболки и кепки.
Много в столице
Таких же значков —
Каждый
К труду-обороне
Готов!

Кто же,
Откуда

И что он за птица —
Парень,
Которого
Ищет столица?
Что натворил он
И в чём виноват?

Вот что в народе
О нём говорят.

Ехал
Один
Гражданин
По Москве —
Белая кепка
На голове,—
Ехал весной
На площадке трамвая,
Что-то под грохот колёс
Напевая...

Вдруг он увидел —
Напротив
В окне
Мечется кто-то
В дыму и огне.

Много столпилось
Людей на панели.
Люди в тревоге
Под крышу смотрели:
Там из окошка
Сквозь огненный дым
Руки
Ребёнок
Протягивал к ним.

Даром минуты одной
Не теряя,
Бросился парень
С площадки трамвая —
Автомобилю
Наперерез —
И по трубе
Водосточной
Полез.

Третий этаж,
И четвёртый,
И пятый...
Вот и последний,
Пожаром объятый.
Чёрного дыма
Висит пелена.
Рвётся наружу
Огонь из окна.

Надо ещё
Подтянуться немножко.
Парень,
Слабея,
Дополз до окошка,
Встал,
Задыхаясь в дыму,
На карниз,
Девочку взял
И спускается вниз.

Вот ухватился
Рукой
За колонну.
Вот по карнизу
Шагнул он к балкону...
Еле стоит
На карнизе нога,
А до балкона —
Четыре шага.

Видели люди,
Смотревшие снизу,
Как осторожно
Он шёл по карнизу...
Вот он прошёл
Половину
Пути.
Надо ещё половину
Пройти.

Шаг. Остановка.
Другой. Остановка.
Вот до балкона
Добрался он ловко,
Через железный
Барьер перелез,
Двери открыл —
И в квартире исчез...

С дымом мешается
Облако пыли.

Мчатся пожарные
Автомобили,
Щёлкают звонко,
Тревожно свистят,
Медные каски
Рядами блестят.

Миг — и рассыпались
Медные каски.
Лестницы выросли
Быстро, как в сказке.
Люди в брезенте —
Один за другим —
Лезут
По лестницам
В пламя и дым...

Пламя
Сменяется
Чадом угарным.
Гонит насос
Водяную струю.
Женщина,
Плача,
Подходит
К пожарным:
— Девочку,
Дочку
Спасите
Мою!

— Нет,—
Отвечают
Пожарные
Дружно,—
Девочка в здании
Не обнаружена.
Все этажи
Мы сейчас обошли,
Но никого
До сих пор
Не нашли!

Вдруг из ворот
Обгоревшего дома
Вышел
Один
Гражданин
Незнакомый.
Рыжий от ржавчины,
Весь в синяках,
Девочку
Крепко
Держал он в руках.

Дочка заплакала,
Мать обнимая.
Парень вскочил
На подножку трамвая,
Тенью мелькнул
За вагонным стеклом,
Кепкой махнул
И пропал за углом...

Ищут пожарные,
Ищет милиция,
Ищут фотографы
В нашей столице,
Ищут давно,
Но не могут найти
Парня какого-то
Лет двадцати.

Среднего роста,
Плечистый и крепкий,
Ходит он в белой
Футболке и кепке.
Знак ГТО
На груди у него.
Больше не знают
О нём ничего.

Многие парни
Плечисты и крепки,
Многие носят
Футболки и кепки.
Много в столице
Таких же
Значков.
К славному подвигу
Каждый
Готов!

Корней Иванович Чуковский
(1882—1969)

МОЙДОДЫР

Одеяло
Убежало,
Улетела простыня,
И подушка,
Как лягушка,
Ускакала от меня.

Я за свечку,
Свечка — в печку!
Я за книжку,
Та — бежать
И вприпрыжку
Под кровать!

Я хочу напиться чаю,
К самовару подбегаю,
Но пузатый от меня
Убежал, как от огня.

Что такое?
Что случилось?
Отчего же
Всё кругом
Завертелось,
Закружилось
И помчалось колесом?

Утюги
за
сапогами,
Сапоги
за
пирогами,
Пироги
за
утюгами,
Кочерга
за
кушаком —
Всё вертится,
И кружится,
И несётся кувырком.

Вдруг из маминой из спальни,
Кривоногий и хромой,
Выбегает умывальник
И качает головой:

«Ах ты, гадкий, ах ты, грязный,
Неумытый поросёнок!
Ты чернее трубочиста,
Полюбуйся на себя:
У тебя на шее вакса,
У тебя под носом клякса,
У тебя такие руки,
Что сбежали даже брюки,
Даже брюки, даже брюки
Убежали от тебя.

Рано утром на рассвете
Умываются мышата,
И котята, и утята,
И жучки, и паучки.

Ты один не умывался,
И грязнулею остался,
И сбежали от грязнули
И чулки, и башмаки.

Я — Великий Умывальник,
Знаменитый Мойдодыр,
Умывальников Начальник
И мочалок Командир!

Если топну я ногою,
Позову моих солдат,

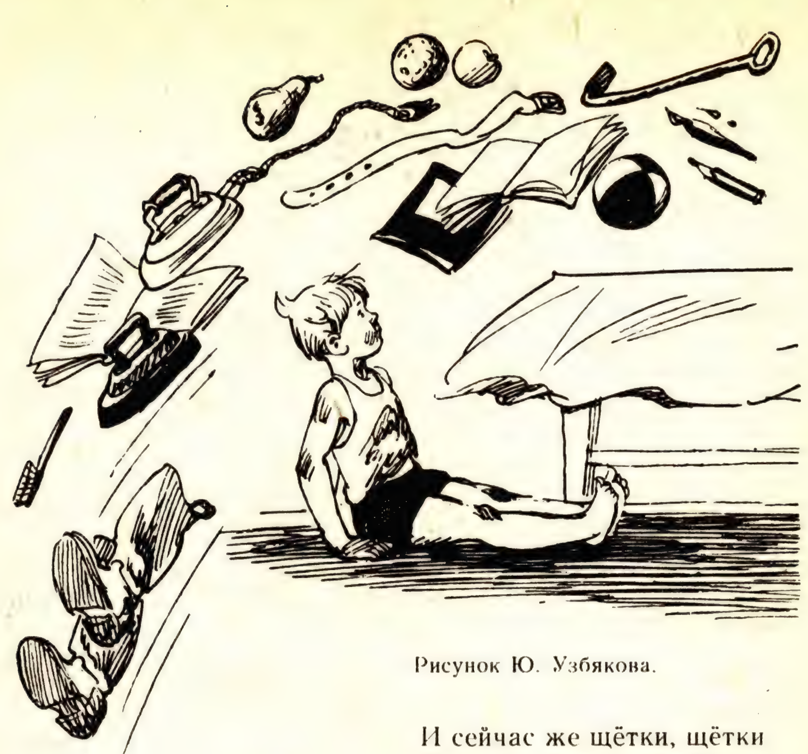

Рисунок Ю. Узбякова.

В эту комнату толпою
Умывальники влетят,
И залают, и завоют,
И ногами застучат,
И тебе головомойку,
Неумытому, дадут —
Прямо в Мойку,
Прямо в Мойку
С головою окунут!»

Он ударил в медный таз
И вскричал: «Кара-барас!»

И сейчас же щётки, щётки
Затрещали, как трещотки,
И давай меня тереть,
Приговаривать:

«Моем, моем трубочиста
Чисто, чисто, чисто, чисто!
Будет, будет трубочист
Чист, чист, чист, чист!»

Тут и мыло подскочило
И вцепилось в волоса,
И юлило, и мылило,
И кусало, как оса.

А от бешеной мочалки
Я помчался, как от палки,
А она за мной, за мной
По Садовой, по Сенной.

Я к Таврическому саду,
Перепрыгнул чрез ограду,
А она за мною мчится
И кусает, как волчица.

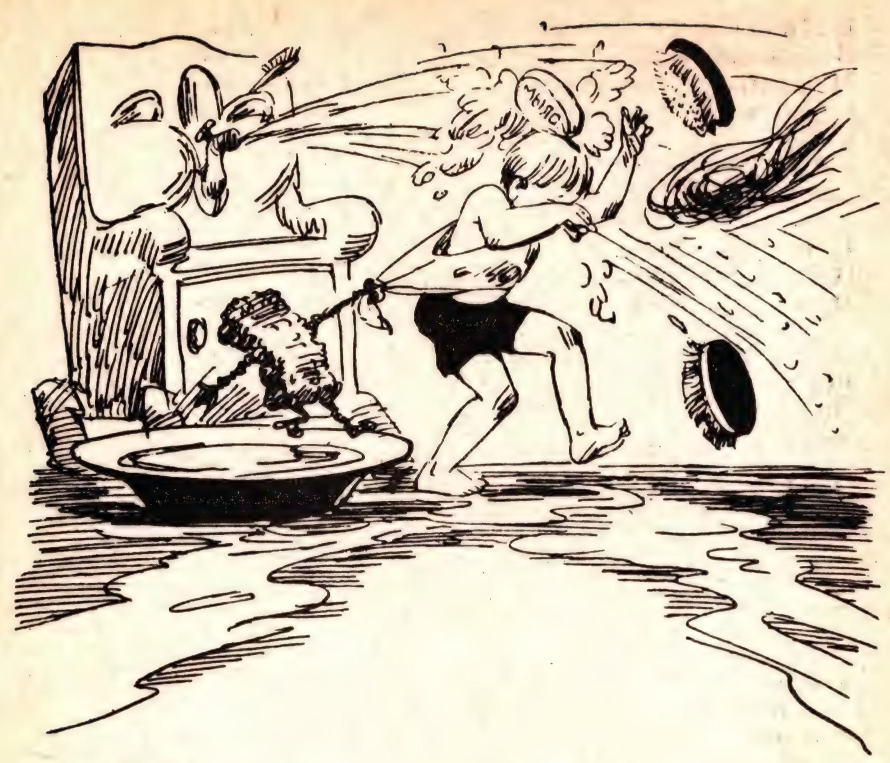

Рисунок Ю. Узбякова.

Вдруг навстречу мой хороший,
Мой любимый Крокодил.
Он с Тотошей и Кокошей
По аллее проходил
И мочалку, словно галку,
Словно галку, проглотил.

А потом как зарычит
    На меня,
Как ногами застучит
    На меня:
«Уходи-ка ты домой,
    Говорит,
Да лицо своё умой,
    Говорит,
А не то как налечу,
    Говорит,
Растопчу и проглочу!»
    Говорит.

Как пустился я по улице
                    бежать,
Прибежал я к умывальнику
                    опять,

    Мылом, мылом,
    Мылом, мылом
Умывался без конца,
    Смыл и ваксу
    И чернила
С неумытого лица.

И сейчас же брюки, брюки
Так и прыгнули мне в руки.

А за ними пирожок:
«Ну-ка, съешь меня, дружок!»

А за ним и бутерброд:
Подскочил — и прямо в рот!

Вот и книжка воротилась,
Воротилася тетрадь,
И грамматика пустилась
С арифметикой плясать.

Тут Великий Умывальник,
Знаменитый Мойдодыр,
Умывальников Начальник
И мочалок Командир,
Подбежал ко мне, танцуя,
И, целуя, говорил:

«Вот теперь тебя люблю я,
Вот теперь тебя хвалю я!
Наконец-то ты, грязнуля,
Мойдодыру угодил!»

Надо, надо умываться
По утрам и вечерам,

А нечистым
Трубочистам —
Стыд и срам!
Стыд и срам!

Да здравствует мыло
душистое,
И полотенце пушистое,
И зубной порошок,
И густой гребешок!

Давайте же мыться,
плескаться,
Купаться, нырять, кувыркаться
В ушате, в корыте, в лохани,
В реке, в ручейке, в океане,—

И в ванне, и в бане,
Всегда и везде —
Вечная слава воде!

ТЕЛЕФОН

1

У меня зазвонил телефон.
— Кто говорит?
— Слон.
— Откуда?
— От верблюда.
— Что вам надо?
— Шоколада.
— Для кого?
— Для сына моего.
— А много ли прислать?
— Да пудов этак пять
Или шесть:
Больше ему не съесть,
Он у меня ещё маленький!

2

А потом позвонил
Крокодил
И со слезами просил:
— Мой милый, хороший,
Пришли мне калоши,
И мне, и жене, и Тотоше.

— Постой, не тебе ли
На прошлой неделе
Я выслал две пары
Отличных калош?

— Ах, те, что ты выслал
На прошлой неделе,
Мы давно уже съели
И ждём не дождёмся,
Когда же ты снова пришлёшь
К нашему ужину
Дюжину
Новых и сладких калош!

3

А потом позвонили зайчатки:
— Нельзя ли прислать
перчатки?

А потом позвонили мартышки:
— Пришлите, пожалуйста,
книжки!

4

А потом позвонил медведь.
Да как начал, как начал
реветь.
— Погодите, медведь, не
ревите,
Объясните, чего вы хотите? —

Но он только «му» да «му»,
А к чему, почему —
Не пойму!
— Повесьте, пожалуйста,
трубку!

5

А потом позвонили цапли:
— Пришлите, пожалуйста,
капли:
Мы лягушками нынче
объелись,
И у нас животы разболелись!

6

А потом позвонила свинья:
— Пришлите ко мне соловья.
Мы сегодня вдвоём
С соловьём
Чудесную песню споём.
— Нет, нет! Соловьи
Не поют для свиньи!
Позови-ка ты лучше ворону!

7

И снова медведь:
— О, спасите моржа!
Вчера проглотил он морского
ежа!

8

И такая дребедень
Целый день:
Динь-ди-лень,
Динь-ди-лень,
Динь-ди-лень!
То тюлень позвонит, то олень.

А недавно две газели
Позвонили и запели:
— Неужели
В самом деле
Все сгорели
Карусели?

— Ах, в уме ли вы, газели?
Не сгорели карусели,
И качели уцелели!
Вы б, газели, не галдели,
А на будущей неделе
Прискакали бы и сели
На качели-карусели!

Но не слушали газели
И по-прежнему галдели:
— Неужели
В самом деле
Все качели
Погорели? —

Что за глупые газели!

9

А вчера поутру
Кенгуру:
— Не это ли квартира
Мойдодыра?
Я рассердился да как заору:
— Нет! Это чужая квартира!!!
— А где Мойдодыр?
— Не могу вам сказать...
Позвоните по номеру
сто двадцать пять.

10

Я три ночи не спал,
Я устал.
Мне бы заснуть,
Отдохнуть...
Но только я лёг —
Звонок!
— Кто говорит?
— Носорог!
— Что такое?
— Беда! Беда!
Бегите скорее сюда!
— В чём дело?
— Спасите!
— Кого?
— Бегемота!
Наш бегемот провалился
в болото...
— Провалился в болото?

— Да!
И ни туда, ни сюда!
О, если вы не придёте —
Он утонет, утонет в болоте,
Умрёт, пропадёт
Бегемот!!!

— Ладно! Бегу! Бегу!
Если смогу, помогу!

11

Ох, нелёгкая это работа —
Из болота тащить бегемота!

АЙБОЛИТ

1

Добрый доктор Айболит!
Он под деревом сидит.
Приходи к нему лечиться
И корова, и волчица,
И жучок, и червячок,
И медведица!

Всех излечит, исцелит,
Добрый доктор Айболит!

2

И пришла к Айболиту лиса:
«Ой, меня укусила оса!»

И пришёл к Айболиту барбос:
«Меня курица клюнула в нос!»

И прибежала зайчиха
И закричала: «Ай, ай!
Мой зайчик попал под трамвай!
Мой зайчик, мой мальчик
Попал под трамвай!

Он бежал по дорожке,
И ему перерезало ножки,
И теперь он больной и хромой,
Маленький заинька мой!»

И сказал Айболит: «Не беда!
Подавай-ка его сюда!
Я пришью ему новые ножки,
Он опять побежит по дорожке».

И принесли к нему зайку,
Такого больного, хромого,
И доктор пришил ему ножки,
И заинька прыгает снова.

А с ним и зайчиха-мать
Тоже пошла танцевать.
И смеётся она и кричит:
«Ну, спасибо тебе, Айболит!»

3

Вдруг откуда-то шакал
На кобыле прискакал:
«Вот вам телеграмма
От Гиппопотама!»

«Приезжайте, доктор,
В Африку скорей
И спасайте, доктор,
Наших малышей!»

«Что такое? Неужели
Ваши дети заболели?»

«Да-да-да! У них ангина,
Скарлатина, холерина,
Дифтерит, аппендицит,
Малярия и бронхит!

Приходите же скорее,
Добрый доктор Айболит!»

«Ладно, ладно, побегу,
Вашим детям помогу.
Только где же вы живёте?
На горе или в болоте?»

«Мы живём на Занзиба́ре,
В Калаха́ри и Сахаре,
На горе Фернандо-По́,
Где гуляет Ги́ппо-попо
По широкой Лимпопо́».

4

И встал Айболит, побежал Айболит.
По полям, по лесам, по лугам он бежит.
И одно только слово твердит Айболит:
«Лимпопо́, Лимпопо́, Лимпопо́!»

А в лицо ему ветер, и снег, и град:
«Эй, Айболит, воротися назад!»
И упал Айболит, и лежит на снегу:
«Я дальше идти не могу».

Рисунок В. Сутеева.

И сейчас же к нему из-за ёлки
Выбегают мохнатые волки:
«Садись, Айболит, верхом,
Мы живо тебя довезём!»

И вперёд поскакал Айболит
И одно только слово твердит:
«Лимпопо́, Лимпопо́, Лимпопо́!»

5

Но вот перед ними море —
Бушует, шумит на просторе.
А в море высокая ходит волна,
Сейчас Айболита проглотит она.

«О, если я утону,
Если пойду я ко дну,
Что станется с ними, с больными,
С моими зверями лесными?»

Но тут выплывает кит:
«Садись на меня, Айболит!
И, как большой пароход,
Тебя повезу я вперёд!»

И сел на кита Айболит
И одно только слово твердит:
«Лимпопо́, Лимпопо́, Лимпопо́!»

6

И горы встают перед ним на пути,
И он по горам начинает ползти.
А горы всё выше, а горы всё круче,
А горы уходят под самые тучи!

«О, если я не дойду,
Если в пути пропаду,
Что станется с ними, с больными,
С моими зверями лесными?»

И сейчас же с высокой скалы
К Айболиту спустились орлы:
«Садись, Айболит, верхом,
Мы живо тебя довезём!»

И сел на орла Айболит
И одно только слово твердит:
«Лимпопо, Лимпопо́, Лимпопо́!»

7

А в Африке,
А в Африке,
На чёрной Лимпопо́
Сидит и плачет
В Африке
Печальный Гиппопо́.

Он в Африке, он в Африке
Под пальмою сидит
И на море из Африки
Без отдыха глядит:
Не едет ли в кораблике
Доктор Айболит?

И рыщут по дороге
Слоны и носороги
И говорят сердито:
«Что ж нету Айболита?»

А рядом бегемотики
Схватились за животики:
У них, у бегемотиков,
Животики болят.

И тут же страусята
Визжат, как поросята,
Ах, жалко, жалко, жалко
Бедных страусят!

И корь и дифтерит у них,
И оспа и бронхит у них,
И голова болит у них,
И горлышко болит.

Они лежат и бредят:
«Ну что же он не едет,
Ну что же он не едет,
Доктор Айболит?»

А рядом прикорнула
Зубастая акула,
Зубастая акула
На солнышке лежит.

Ах, у её малюток,
У бедных акулят,
Уже двенадцать суток
Зубки болят!

И вывихнуто плечико
У бедного кузнечика;
Не прыгает,
не скачет он,
А горько-горько
плачет он
И доктора зовёт:
«О, где же добрый доктор?
Когда же он придёт?»

8

Но вот, поглядите, какая-то птица
Всё ближе и ближе по воздуху мчится.
На птице, глядите, сидит Айболит,
И шляпою машет, и громко кричит:
«Да здравствует милая Африка!»

И рада и счастлива вся детвора:
«Приехал, приехал! Ура, ура!»

А птица над ними кружится,
А птица на землю садится,
И бежит Айболит
к бегемотикам,
И хлопает их по животикам,
И всем по порядку
Даёт шоколадку,
И ставит и ставит им
градусники!

И к полосатым
Бежит он тигрятам,
И к бедным горбатым
Больным верблюжатам,
И каждого гоголем,
Каждого моголем,
Гоголем-моголем,
Гоголем-моголем,
Гоголем-моголем потчует.

Десять ночей Айболит
Не ест, не пьёт и не спит,
Десять ночей подряд
Он лечит несчастных зверят
И ставит и ставит им градусники.

9

Вот и вылечил он их,
Лимпопо!
Вот и вылечил больных,
Лимпопо!
И пошли они смеяться,
Лимпопо!
И плясать и баловаться,
Лимпопо!

И акула Каракула
Правым глазом подмигнула

И хохочет, и хохочет,
Будто кто её щекочет.

А малютки бегемотики
Ухватились за животики
И смеются, заливаются —
Так, что ду́бы сотрясаются.

Вот и Ги́ппо, вот и По́по,
Ги́ппо-по́по, Ги́ппо-по́по!
Вот идёт Гиппопотам.
Он идёт от Занзиба́ра,
Он идёт к Килиманджа́ро —
И кричит он, и поёт он:
«Слава, слава Айболиту!
Слава добрым докторам!»

ПУТАНИЦА

Замяукали котята:
«Надоело нам мяукать!
Мы хотим, как поросята,
Хрюкать!»

А за ними и утята:
«Не желаем больше крякать!
Мы хотим, как лягушата,
Квакать!»

Свинки замяукали:
Мя́у, мя́у!

Кошечки захрюкали:
Хрю, хрю, хрю!

Уточки заквакали:
Ква, ква, ква!

Курочки закрякали:
Кря, кря, кря!

Воробышек прискакал
И коровой замычал:
Му-у-у!

Прибежал медведь
И давай реветь:
Ку-ка-ре-ку!

Только заинька
Был паинька:
Не мяукал
И не хрюкал —
Под капустою лежал,
По-заячьи лопотал
И зверюшек неразумных
Уговаривал:

«Кому велено чирикать —
Не мурлыкайте!
Кому велено мурлыкать —
Не чирикайте!

Не бывать вороне
Коровою,
Не летать лягушатам
Под облаком!»

Но весёлые зверята —
Поросята, медвежата —
Пуще прежнего шалят,
Зайца слушать не хотят.

Рыбы по полю гуляют,
Жабы по небу летают,
Мыши кошку изловили,
В мышеловку посадили.

А лисички
Взяли спички,
К морю синему пошли,
Море синее зажгли.

Море пламенем горит.
Выбежал из моря кит:
«Эй, пожарные, бегите!
Помогите, помогите!»

Долго, долго крокодил
Море синее тушил
Пирогами, и блинами,
И сушёными грибами.

Прибегали два курчонка,
Поливали из бочонка.

Приплывали два ерша,
Поливали из ковша.

Прибегали лягушата,
Поливали из ушата.

Тушат, тушат — не потушат,
Заливают — не зальют.

Тут бабочка прилетала,
Крылышками помахала,
Стало море потухать —
И потухло.

Вот обрадовались звери!
Засмеялись и запели,
Ушками захлопали,
Ножками затопали.

Гуси начали опять
По-гусиному кричать:
Га-га-га!

Кошки замурлыкали:
Мур-мур-мур!

Птицы зачирикали:
Чик-чирик!

Мухи зажужжали:
Ж-ж-ж!

Лошади заржали:
И-и-и!

Лягушата квакают:
Ква-ква-ква!

А утята крякают:
Кря-кря-кря!

Поросята хрюкают:
Хрю-хрю-хрю!

Мурочку баюкают,
Милую мою:
Баюшки-баю!
Баюшки-баю!

ТАРАКАНИЩЕ

Часть первая

Ехали медведи
На велосипеде.

А за ними кот
Задом наперёд.

А за ним комарики
На воздушном шарике.

А за ними раки
На хромой собаке.

Волки на кобыле.
Львы в автомобиле.

Зайчики
В трамвайчике.

Жаба на метле...

Едут и смеются,
Пряники жуют.

Вдруг из подворотни
Страшный великан,
Рыжий и усатый
Та-ра-кан!
Таракан, Таракан,
Тараканище!

Рисунок Ю. Васнецова к русской народной песенке «Радуга-дуга...»

Рисунок Ю. Васнецова к сказке «Три медведя» Л. Толстого

Рисунок Е. Рачева к венгерской народной сказке «Два жадных медвежонка»

Рисунок И. Кузнецова к нанайской сказке «Айога»

Рисунок В. Конашевича к «Сказке о царе Салтане...» А. С. Пушкина

Рисунок Ю. Коровина к стихотворению «Кем быть?» В. Маяковского

**Рисунок М. Митурича к «Азбуке в стихах и картинках»
(«Про всё на свете») С. Маршака**

Рисунок В. Конашевича к сказке «Тараканище» К. Чуковского

Рисунок Ю. Коровина к стихотворению «Дядя Стёпа» С. Михалкова

Рисунок Ю. Молоканова к стихотворению «Твой праздник» А. Барто

Рисунок Н. Устинова к повести «Солнечный денёк» Л. Воронковой

Рисунок Н. Устинова к рассказу «Золотой луг» М. Пришвина

Рисунок И. Семёнова к рассказу «На горке» Н. Носова

Рисунок Ф. Лемкуля к книге «Страна, где мы живём» С. Баруздина

Рисунок Л. Токмакова к книге «Деревья» И. Токмаковой

Рисунок В. Лосина к книге «Чем пахнут ремёсла?» Д. Родари

Он рычит и кричит,
И усами шевелит:
«Погодите, не спешите,
Я вас мигом проглочу!
Проглочу, проглочу,
не помилую».

Звери задрожали,
В обморок упали.

Волки от испуга
Скушали друг друга.

Бедный крокодил
Жабу проглотил.

А слониха, вся дрожа,
Так и села на ежа.

Только раки-забияки
Не боятся бою-драки:
Хоть и пятятся назад,
Но усами шевелят
И кричат великану усатому:

«Не кричи и не рычи,
Мы и сами усачи,
Можем мы и сами
Шевелить усами!»
И назад ещё дальше
попятились.

И сказал гиппопотам
Крокодилам и китам:

«Кто злодея не боится
И с чудовищем сразится,
Я тому богатырю
Двух лягушек подарю
И еловую шишку пожалую!»—

«Не боимся мы его,
Великана твоего:
Мы зубами,
Мы клыками,
Мы копытами его!»

И весёлою гурьбой
Звери кинулися в бой,

Но, увидев усача
(Ай-ай-ай!),
Звери дали стрекача
(Ай-ай-ай!).

По лесам, по полям
разбежалися.
Тараканьих усов испугалися.

И вскричал гиппопотам:
«Что за стыд, что за срам!
Эй, быки и носороги,
Выходите из берлоги
И врага
На рога
Поднимите-ка!»

Но быки и носороги
Отвечают из берлоги:
«Мы врага бы
На рога бы,
Только шкура дорога,
И рога нынче тоже
не дешёвы».

И сидят и дрожат
Под кусточками,
За болотными прячутся
Кочками.

Крокодилы в крапиву
Забилися,
И в канаве слоны
Схоронилися.

Только и слышно,
Как зубы стучат,
Только и видно,
Как уши дрожат.

А лихие обезьяны
Подхватили чемоданы
И скорее со всех ног
Наутёк.

И акула
Увильнула,
Только хвостиком махнула.

А за нею каракатица —
Так и пятится,
Так и катится.

15 Зак. 1297

Часть вторая

Вот и стал Таракан
победителем,
И лесо́в, и полей
повелителем.
Покорилися звери усатому.
(Чтоб ему провалиться,
проклятому!)
А он между ними похаживает,
Золочёное брюхо поглаживает:
«Принесите-ка мне, звери,
ваших детушек,
Я сегодня их за ужином
скушаю!»
Бедные, бедные звери!
Воют, рыдают, ревут!
В каждой берлоге и
в каждой пещере
Злого обжору клянут.
Да и какая же мать
Согласится отдать
Своего дорогого
ребёнка —
Медвежонка, волчонка,
слонёнка,—
Чтобы несытое чучело
Бедную крошку
Замучило!
Плачут они, убиваются,
С малышами навеки
Прощаются.

Но однажды поутру
Прискакала кенгуру,
Увидала усача,
Закричала сгоряча:
«Разве это великан?
(Ха-ха-ха!)
Это просто таракан!
(Ха-ха-ха!)

Таракан, таракан,
таракашечка,
Жидконогая козявочка-
Букашечка.
И не стыдно вам?
Не обидно вам?
Вы — зубастые,
Вы — клыкастые,
А малявочке
Поклонилися,
А козявочке
Покорилися!»

Испугались бегемоты,
Зашептали: «Что́ ты, что́ ты!
Уходи-ка ты отсюда!
Как бы не было на́м худа!»

Только вдруг из-за кусточка,
Из-за синего лесочка,
Из далёких из полей,
Прилетает Воробей.

Прыг да прыг
Да чик-чирик,
Чики-рики-чик-чирик!

Взял и клюнул Таракана,
Вот и нету великана.
Поделом великану досталося,
И усов от него не осталося.

То-то рада, то-то рада
Вся звериная семья,
Прославляют,
поздравляют
Удалого Воробья!

Ослы ему славу по нотам поют,
Козлы бородою дорогу метут,

Бараны, бараны
Стучат в барабаны!
Сычи-трубачи
Трубят!

Грачи с каланчи
Кричат!
Летучие мыши
На крыше
Платочками машут
И пляшут.

А слониха-щеголиха
Так отплясывала лихо,

Что румяная луна
В небе задрожала
И на бедного слона
Кубарем упала.

Вот была потом забота —
За луной нырять в болото
И гвоздями к небесам
Приколачивать!

ЧЕРЕПАХА

До болота идти далеко,
До болота идти нелегко.

«Вот камень лежит у дороги,
Присядем и вытянем ноги».

И на камень лягушки кладут узелок.
«Хорошо бы на камне прилечь на часок!»

Вдруг на ноги камень вскочил
И за ноги их ухватил,

И они закричали от страха:
«Это — ЧЕ!
Это — РЕ!
Это — ПАХА!
Это — ЧЕЧЕРЕ!
ПАПА!
ПАПАХА!»

Аркадий Петрович Гайдар (Голиков)

(1904—1941)

ПОХОД

Ночью красноармеец принёс повестку. А на заре, когда Алька ещё спал, отец крепко поцеловал его и ушёл на войну — в поход.

Утром Алька рассердился, зачем его не разбудили, и тут же заявил, что и он хочет идти в поход тоже. Он, вероятно бы, закричал, заплакал. Но совсем неожиданно мать ему в поход идти разрешила.

И вот для того, чтобы набрать перед дорогой силы, Алька съел без каприза полную тарелку каши, выпил молока. А потом

они с матерью сели готовить походное снаряжение. Мать шила ему штаны, а он, сидя на полу, выстругивал себе из доски саблю. И тут же, за работой, разучивали они походные марши, потому что с такой песней, как «В лесу родилась ёлочка», никуда далеко не нашагаешь. И мотив не тот, и слова не такие, в общем эта мелодия для боя совсем неподходящая.

Но вот пришло время матери идти дежурить на работу, и дела свои они отложили на завтра.

И так день за днём готовили Альку в далёкий путь. Шили штаны, рубахи, знамёна, флаги, вязали тёплые чулки, варежки. Одних деревянных сабель рядом с ружьём и барабаном висело на стене уже семь штук. А этот запас не беда, ибо в горячем бою у звонкой сабли жизнь ещё короче, чем у всадника.

И давно, пожалуй, можно было бы отправляться Альке в поход, но тут наступила лютая зима. А при таком морозе, конечно, недолго схватить и насморк или простуду, и Алька терпеливо ждал тёплого солнца.

Но вот и вернулось солнце. Почернел талый снег. И только бы, только начать собираться, как загремел звонок. И тяжёлыми шагами в комнату вошёл вернувшийся из похода отец. Лицо его было тёмное, обветренное, и губы потрескались, но серые глаза глядели весело.

Он, конечно, обнял мать. И она поздравила его с победой. Он, конечно, крепко поцеловал сына. Потом осмотрел всё Алькино походное снаряжение. И, улыбнувшись, приказал сыну: всё это оружие и амуницию держать в полном порядке, потому что тяжёлых боёв и опасных походов будет и впереди на этой земле ещё немало.

ЧУК И ГЕК

...Утром, ещё на заре, сторож захватил с собой мешок, ружьё, собаку, стал на лыжи и ушёл в лес. Теперь хозяйничать надо было самим. Втроём ходили они за водой. За пригорком из отвесной скалы среди снега бил ключ. От воды, как из чайника, шёл густой пар, но когда Чук подставил под струю палец, то оказалось, что вода холодней самого мороза.

Потом они таскали дрова. Русскую печь мать топить не умела, и поэтому дрова долго не разгорались. Но зато когда разгорелись, то пламя запылало так жарко, что толстый лёд на окне у противоположной стенки быстро растаял. И теперь через стёкла видна была и вся опушка с деревьями, по которым скакали сороки, и скалистые вершины Синих гор.

...После обеда они все втроём вышли гулять.

...Удивительная это была прогулка! Они шли гуськом к роднику по узенькой тропке. Над ними сияло холодное голубое небо; как сказочные замки и башни, поднимались к небу остроконечные утёсы Синих гор. В морозной тишине резко стрекотали

любопытные сороки. Меж густых кедровых ветвей бойко прыгали серые юркие белки. Под деревьями на мягком белом снегу отпечатались причудливые следы незнакомых зверей и птиц.

Вот в тайге что-то застонало, загудело, треснуло. Должно быть, ломая сучья, обвалилась с вершины дерева гора обледенелого снега.

Раньше, когда Гек жил в Москве, ему представлялось, что вся земля состоит из Москвы, то есть из улиц, домов, трамваев и автобусов.

Теперь же ему казалось, что вся земля состоит из высокого дремучего леса.

...Прошло два дня, наступил третий, а сторож из леса не возвращался, и тревога нависла над маленьким, занесённым снегом домиком.

Особенно страшно было по вечерам и ночами. Они крепко запирали сени, двери и, чтобы не привлечь зверей светом, наглухо занавешивали половиком окна, хотя надо было делать совсем наоборот, потому что зверь — не человек и он огня боится. Над печной трубой, как и полагается, гудел ветер, а когда вьюга хлестала острыми снежными льдинками по стене и окнам, то всем казалось, что снаружи кто-то толкается и царапается. Они забрались спать на печку, и там мать долго рассказывала им разные истории и сказки.

...На утро четвёртого дня матери самой пришлось колоть дрова. Заяц был давно съеден и кости его расхватаны сороками. На обед они варили только кашу с постным маслом и луком. Хлеб был на исходе, но мать нашла муку и испекла лепёшек.

После такого обеда Гек был грустен, и матери показалось, что у него повышена температура.

Она приказала ему сидеть дома, одела Чука, взяла вёдра, салазки, и они вышли, чтобы привезти воды и заодно набрать на опушке сучьев и веток,— тогда утром легче будет растапливать печку.

Гек остался один. Он ждал долго. Ему стало скучно, и он начал что-то придумывать.

...А мать и Чук задержались. На обратном пути к дому санки перевернулись, вёдра опрокинулись, и пришлось ехать к роднику снова. Потом выяснилось, что Чук на опушке позабыл тёплую варежку, и с полпути пришлось возвращаться. Пока искали, пока то да сё, наступили сумерки.

Когда они вернулись домой, Гека в избе не было. Сначала они подумали, что Гек спрятался на печке за овчинами. Нет, там его не было.

Тогда Чук хитро улыбнулся и шепнул матери, что Гек, конечно, залез под печку.

Мать рассердилась и приказала Геку вылезать. Гек не откликался.

Тогда Чук взял длинный ухват и стал им под печкой ворочать. Но и под печкой Гека не было.

Мать встревожилась, взглянула на гвоздь у двери. Ни полушубок Гека, ни шапка на гвозде не висели.

Мать вышла во двор, обошла кругом избушку. Зашла в сени, зажгла фонарь. Заглянула в тёмный чулан, под навес с дровами...

Она звала Гека, ругала, упрашивала, но никто не отзывался. А темнота быстро ложилась на сугробы.

Тогда мать заскочила в избу, сдёрнула со стены ружьё, достала патроны, схватила фонарь и, крикнув Чуку, чтобы он не смел двигаться с места, выбежала во двор.

Следов за четыре дня было натоптано немало.

Где искать Гека, мать не знала, но она побежала к дороге, так как не верила, чтобы Гек один мог осмелиться зайти в лес.

На дороге было пусто.

Она зарядила ружьё и выстрелила. Прислушалась, выстрелила ещё и ещё раз.

Вдруг совсем неподалёку ударил ответный выстрел. Кто-то спешил к ней на помощь. Она хотела бежать навстречу, но её валенки увязли в сугробе. Фонарь попал в снег, стекло лопнуло, и свет погас.

С крыльца сторожки раздался пронзительный крик Чука.

Это, услыхав выстрелы, Чук решил, что волки, которые сожрали Гека, напали на его мать.

Мать отбросила фонарь и, задыхаясь, побежала к дому. Она втолкнула раздетого Чука в избу, швырнула ружьё в угол и, зачерпнув ковшом, глотнула ледяной воды.

У крыльца раздался гром и стук. Распахнулась дверь. В избу влетела собака, а за нею вошёл окутанный паром сторож.

— Что за беда? Что за стрельба? — спросил он, не здороваясь и не раздеваясь.

— Пропал мальчик,— сказала мать. Слёзы ливнем хлынули из её глаз, и она больше не могла сказать ни слова.

— Стой, не плачь! — гаркнул сторож.— Когда пропал? Давно? Недавно?.. Назад, Смелый! — крикнул он собаке.— Да говорите же, или я уйду обратно!

— Час тому назад,— ответила мать.— Мы ходили за водой. Мы пришли, а его нет. Он оделся и куда-то ушёл.

— Ну, за час он далеко не уйдёт, а в одёже и в валенках сразу не замёрзнет... Ко мне, Смелый! На́, нюхай!

Сторож сдёрнул с гвоздя башлык и подвинул под нос собаки калоши Гека.

Собака внимательно обнюхала вещи и умными глазами посмотрела на хозяина.

— За мной! — распахивая дверь, сказал сторож.— Иди, ищи, Смелый!

Собака вильнула хвостом и осталась стоять на месте.

— Вперёд! — строго повторил сторож.— Ищи, Смелый, ищи!

Собака беспокойно крутила носом, переступала с ноги на ногу и не двигалась.

— Это ещё что за танцы? — рассердился сторож. И, опять сунув собаке под нос башлык и калоши Гека, он дёрнул её за ошейник.

Однако Смелый за сторожем не пошёл; он покрутился, повернулся и пошёл в противоположный от двери угол избы.

Здесь он остановился около большого деревянного сундука, царапнул по крышке мохнатой лапой и, обернувшись к хозяину, три раза громко и лениво гавкнул.

Тогда сторож сунул ружьё в руки оторопелой матери, подошёл и открыл крышку сундука.

В сундуке, на куче всякого тряпья, овчин, мешков, укрывшись своей шубёнкой и подложив под голову шапку, крепко и спокойно спал Гек.

Когда его вытащили и разбудили, то, хлопая сонными глазами, он никак не мог понять, отчего это вокруг него такой шум и такое буйное веселье. Мать целовала его и плакала. Чук дёргал его за руки, за ноги, подпрыгивал и кричал:

— Эй-ля! Эй-ли-ля!..

Лохматый пёс Смелый, которого Чук поцеловал в морду, сконфуженно обернулся и, тоже ничего не понимая, тихонько вилял серым хвостом, умильно поглядывая на лежавшую на столе краюху хлеба.

Оказывается, когда мать и Чук ходили за водой, то, соскучившись, Гек решил пошутить. Он забрал полушубок, шапку и залез в сундук. Он решил, что когда они вернутся и станут его искать, то он из сундука страшно завоет. Но так как мать и Чук ходили очень долго, то он лежал, лежал и незаметно заснул.

Вдруг сторож встал, подошёл и брякнул на стол тяжёлый ключ и измятый голубой конверт.

— Вот,— сказал он,— получайте. Это вам ключ от комнаты и от кладовой и письмо от начальника Серёгина. Он с людьми здесь будет через четверо суток, как раз к Новому году.

Так вот он где пропадал, этот неприветливый, хмурый старик! Сказал, что идёт на охоту, а сам бегал на лыжах к далёкому ущелью Алкараш.

Не распечатывая письма, мать встала и с благодарностью положила старику на плечо руку.

Он ничего не ответил и стал ворчать на Гека за то, что тот рассыпал в сундуке коробку с пыжами, а заодно и на мать — за то, что она разбила стекло у фонаря.

Он ворчал долго и упорно, но никто теперь этого доброго чудака не боялся.

...На следующий день было решено готовить к Новому году ёлку.

Из чего-чего только не выдумывали они мастерить игрушки!

Они ободрали все цветные картинки из старых журналов. Из лоскутьев и ваты понашили зверьков, кукол. Вытянули у отца из ящика всю папиросную бумагу и навертели пышных цветов.

Уж на что хмур и нелюдим был сторож, а и тот, когда приносил дрова, подолгу останавливался у двери и дивился на их всё новые и новые затеи.

Наконец он не вытерпел. Он принёс им серебряную бумагу от завёртки чая и большой кусок воска, который у него остался от сапожного дела.

Это было замечательно! И игрушечная фабрика сразу превратилась в свечной завод. Свечи были неуклюжие, неровные. Но горели они так же ярко, как и самые нарядные покупные.

Теперь дело было за ёлкой. Мать попросила у сторожа топор, но он ничего на это ей даже не ответил, а стал на лыжи и ушёл в лес.

Через полчаса он вернулся.

Ладно! Пусть игрушки были и не ахти какие нарядные, пусть зайцы, сшитые из тряпок, были похожи на кошек, пусть все куклы были на одно лицо — прямоносые и лупоглазые, и пусть, наконец, еловые шишки, обёрнутые серебряной бумагой, не так сверкали, как хрупкие и тонкие стеклянные игрушки, но зато такой ёлки в Москве, конечно, ни у кого не было.

Это была настоящая таёжная красавица — высокая, густая, прямая и с ветвями, которые расходились на концах, как звёздочки.

Четыре дня за делом пролетели незаметно. И вот наступил канун Нового года. Уже с утра Чука и Гека нельзя было загнать домой. С посинелыми носами они торчали на морозе, ожидая, что вот-вот из леса выйдет отец и все его люди. Но сторож, который топил баню, сказал им, чтобы они не мёрзли понапрасну, потому что вся партия вернётся только к обеду.

И в самом деле. Только что они сели за стол, как сторож постучал в окошко. Кое-как одевшись, все втроём они вышли на крыльцо.

— Теперь смотрите,— сказал им сторож: — вот они сейчас покажутся на скате той горы, что правей большой вершины, потом опять пропадут в тайге, и тогда через полчаса все будут дома.

Так оно и вышло. Сначала из-за перевала вылетела собачья упряжка с гружёными санями, а за нею следом пронеслись быстроходные лыжники. По сравнению с громадой гор они казались до смешного маленькими, хотя отсюда были отчётливо видны их руки, ноги и головы.

Они промелькнули по голому скату и исчезли в лесу.

Ровно через полчаса послышался лай собак, шум, скрип, крики.

Почуявшие дом голодные собаки лихо вынеслись из леса.

Рисунок Д. Дубинского.

А за ними, не отставая, выкатили на опушку девять лыжников.

И, увидав на крыльце мать, Чука и Гека, они на бегу подняли лыжные палки и громко закричали: «Ура!»

Тогда Гек не вытерпел, спрыгнул с крыльца и, зачерпывая снег валенками, помчался навстречу высокому, заросшему бородой человеку, который бежал впереди и кричал «ура» громче всех.

Днём чистились, брились и мылись. А вечером была для всех ёлка, и все дружно встречали Новый год.

Когда был накрыт стол, потушили лампу и зажгли свечи.

Но так как, кроме Чука с Геком, остальные все были взрослые, то они, конечно, не знали, что теперь нужно делать.

Хорошо, что у одного человека был баян и он заиграл весёлый танец. Тогда все повскакали и всем захотелось танцевать. И все танцевали очень прекрасно, особенно когда приглашали на танец маму.

А отец танцевать не умел. Он был очень сильный, добродушный, и когда он без всяких танцев просто шагал по полу, то и то в шкафу звенела вся посуда.

Он посадил себе Чука с Геком на колени, и они громко хлопали всем в ладоши.

Потом танец окончился, и люди попросили, чтобы Гек спел песню.

Гек не стал ломаться. Он и сам знал, что умеет петь песни, и гордился этим.

Баянист подыгрывал, а он им спел песню. Какую — я уже сейчас не помню. Помню, что это была очень хорошая песня, потому что все люди, слушая её, замолкли и притихли. И когда Гек останавливался, чтобы перевести дух, то было слышно, как потрескивали свечи и гудел за окном ветер.

А когда Гек окончил петь, то все зашумели, закричали, подхватили Гека на руки и стали его подкидывать. Но мать тотчас же отняла у них Гека, потому что она испугалась, как бы сгоряча его не стукнули о деревянный потолок.

— Теперь садитесь,— взглянув на часы, сказал отец.— Сейчас начнётся самое главное.

Он пошёл и включил радиоприёмник. Все сели и замолчали. Сначала было тихо. Но вот раздался шум, гул, гудки. Потом что-то стукнуло, зашипело, и откуда-то издалека донёсся мелодичный звон.

Большие и маленькие колокола звонили так:

Тир-лиль-лили-дон!
Тир-лиль-лили-дон!

Чук с Геком переглянулись. Они угадали, что́ это. Это в далёкой-далёкой Москве, под красной звездой, на Спасской башне звонили золотые кремлёвские часы.

И этот звон — перед Новым годом — сейчас слушали люди и в городах, и в горах, в степях, в тайге, на синем море.

...И тогда все люди встали, ещё раз поздравили друг друга с Новым годом и пожелали всем счастья.

Что такое счастье — это каждый понимал по-своему. Но все вместе люди знали и понимали, что надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную счастливую землю, которая зовётся Советской страной.

Лев Абрамович Кассиль

(1905—1970)

У НАС В МОСКВЕ

Начинается земля, как известно, от Кремля

Это Маяковский так написал: «Начинается земля, как известно, от Кремля». Здесь, в Кремле, работает наше всенародное Правительство. И развевается Государственный флаг Советского Союза, самый главный флаг страны! И нет для нас на земле

места дороже и роднее, чем Красная площадь Москвы, где у древней кремлёвской стены, в гранитном Мавзолее, спит вечным сном Владимир Ильич Ленин, основатель нашего Советского государства. Откуда бы ни приехал человек в Москву, он первым делом спешит на Красную площадь. Какая бы погода ни была, какое бы время года ни стояло — зима ли, лето ли,— через всю площадь тянется к Мавзолею длинная очередь людей, пришедших поклониться памяти Ленина.

А сколько людей приходят в Кремль, чтобы побывать там, где жил Владимир Ильич Ленин, где он работал за своим домашним письменным столом, где почивал в короткие часы отдыха!

Затаив дыхание, тихие и внимательные приходят гости Москвы и москвичи в кремлёвский кабинет Ленина. Смотрят на рабочий стол, где Ленин подписывал мудрые декреты-указы, которые известны теперь всем людям в нашей стране и далеко от неё.

Вот он тут жил, работал, думал о нашем будущем, читал, принимал людей, учил их, как лучше строить хорошую жизнь для всего народа.

...Всё здесь, в Кремле, на каждом шагу напоминает о долгих веках, прожитых нашим народом. И высокие каменные стены с фигурными зубцами, и старинные терема и хоромы. И золотые макушки храмов. И стройные башни, на пяти из которых день и ночь горят алые звёзды. Эти звёзды загорелись над Кремлём в знак того, что тут сердце первого в мире краснозвёздного государства трудовых людей — Советской страны.

А за древними башнями Кремля, словно бы пораздвинув старинные храмы и дворцы, поднялся новый светлооконный Дворец съездов — одно из самых красивых зданий нашей столицы! Шесть тысяч человек свободно, легко и удобно размещаются в его главном зале. Здесь собираются посланцы всей страны на съезды свои, чтобы решать самые важные государственные дела. Здесь на сцене, шире которой нет в стране, идут спектакли знаменитого Большого театра.

Сотнями окон светится здание дворца ночью. А днём в огромных стёклах отражаются островерхие краснозвёздные кремлёвские башни.

Тут рядом с новым дворцом бережно хранится старина. Царь-пушка! Не было в старые времена на свете пушки больше. Отлил пушку четыреста лет назад славный русский мастер Андрей Чохов.

Царь-колокол! Нигде на свете не было и нет больше. Он весит 200 тонн — свыше 12 тысяч пудов. Отец и сын Моторины триста с лишним лет назад отлили этот колокол.

Никто не собирается сегодня палить из царь-пушки или бухать в царь-колокол. Но все с уважением думают здесь о том, какие дивные мастера-умельцы издавна рождались в нашем народе.

А сегодня, если попадёшь к Новому году, увидишь тут и «Царь-ёлку», самую большую, самую главную ёлку нашей страны. Тысячами огней горит она в Кремлёвском дворце. И можешь встретить тут главного Деда Мороза. Если попросишь его хорошенько, он тебе, пожалуй, устроит прогулку на санках по Кремлю.

Если же попадёшь на Красную площадь в дни главных наших праздников, увидишь тут парад войск Советской Армии. Полюбуешься, какими точными рядами шагают наши воины, солдаты, офицеры, генералы. Позавидуешь маленьким барабанщикам из музыкального училища. Подивишься могучим ракетам, от которых враг, если полезет на нас, не укроется нигде на свете.

Ползут через площадь, медленно катятся на специальных тележках огромные ракеты эти. А могут они, взвившись в небо, нестись быстрее всех самолётов на свете. В любой уголок мира долетят они, если понадобится. И на Луну, и на соседнюю с нами планету уже долетали космические аппараты, запущенные нашими ракетами.

А потом увидишь, как двинутся на Красную площадь сотни тысяч москвичей и гостей столицы, пришедших сюда на праздник. И каких только флажков тут не насмотришься! И из каких только стран ребят тут не встретишь!

А когда выйдут московские спортсмены, запылает, взовьётся, разгорится над Красной площадью весёлый праздничный чудо-костёр, костёр без дыма и огня.

Здесь, на Красной площади Москвы, мы встречали и чествовали тех, кто побывал чуть ли не под самыми звёздами, кто своими глазами видел с прежде недоступной людям высоты, как прекрасна наша голубая шарообразная планета Земля. Здесь приветствовали наших славных подзвёздных путешественников, советских космонавтов. И москвичи вместе с гостями столицы славили, поздравляли здесь первого космонавта мира Юрия Гагарина...

ТВОИ ЗАЩИТНИКИ

...Эта книжка о Советской Армии, о твоих славных защитниках.

Много у нашей Родины друзей в разных странах. Но есть у неё и злые враги — те, что привыкли чужим трудом наживаться, чужое добро грабить. Ненавидят они нашу мирную, трудовую страну. Но крепко охраняет Родину Советская Армия.

Хорошо спалось тебе ночью, а пограничники всю ночь стояли на страже, чтобы никто тайком не прополз на нашу землю. И дежурили на своих постах те, кто охраняет наше небо.

А утром, когда ещё птицы спали, поднялись в небо самолёты. Бывалые командиры стали учить полёту молодых лётчиков. На-

ши корабли подняли на рассвете флаги и пошли по морям, по волнам. Старые капитаны принялись учить молодых матросов морской службе. Ты ещё спишь утром, а танкисты уже заводят моторы своих боевых машин. И уже вышли в поле на учение солдаты-пехотинцы.

И у лётчиков, и у моряков, и у пехотинцев — у всех на шапках красные звёзды.

Все люди знают свет этих алых звёзд. Добрая слава у храбрых советских солдат! Много лет назад, когда была гражданская война, Красная Армия защитила Советскую страну: победила белогвардейцев и прогнала вон чужеземные войска, которые наслали на нашу землю богачи-капиталисты из четырнадцати стран.

А в 1941 году напал на нас злой и сильный враг — фашисты из Германии. Никогда ещё не было врагов страшнее их. Четыре долгих года шла Великая война. Вдребезги разбила наша армия хвалёные фашистские войска. Прочь с нашей земли выгнала их и помогла соседним странам избавиться от захватчиков-фашистов. Но не сразу — в тяжёлых, опасных боях досталась нам победа. Одни дрались с врагом на земле, другие били фашистов в воздухе. На морях и реках, среди скал и гор, в лесах и степях побеждали врага наши войска.

Это твои защитники. И сегодня стоят они на страже мирной жизни, чтобы тебе и другим ребятам можно было жить и никого не бояться, спокойно спать и читать разные книжки.

Прочти же эту книжку и запомни, какое важное и славное дело — защита Родины. Только не лёгкое это дело. Надо сильным быть, чтобы не устать. Смелым — чтобы не испугаться. И умелым нужно стать — чтобы знать хорошо, как с оружием обращаться. Расти, дружок, и ты таким!

СЕСТРА

Пошёл в бой солдат Иван Котлов. Ударила Ивана фашистская пуля. Руку пробила и в грудь попала. Упал Иван. А товарищи вперёд ушли, врага гнать. Лежит Иван один в снегу. Рука болит, дышать трудно — пуля в груди мешает. Лежит и думает: «Конец мой приходит. Умру сейчас». И глаза закрыл. И думать перестал.

Вдруг слышит: кто-то тихонько его трогает. Стал Иван глаза открывать, да не так-то легко это. Смёрзлись ресницы. Вот один глаз открыл, потом другой. Видит: подползла к нему девушка, на сумке красный крест,— медицинская сестра из отряда. Вынимает из сумки бинт и начинает перевязывать рану — осторожно, чтобы не больно.

«Кругом бой, а она приползла»,— подумал Иван и спросил:

— Умру?

— Будете жить, товарищ. Я вас сейчас перевяжу.

— Спасибо, сестрица! — говорит Иван Котлов.— Дозвольте узнать, как вас зовут.

— Надя зовут,— отвечает,— Надя Балашова.

Перевязала она раненого, взяла его винтовку, обхватила Ивана Котлова рукой и потащила в безопасное место. Фашисты по ней стреляют, а она знай себе ползёт и раненого тащит. Маленькая, а сильная. И ничего не боится. Так и спасла она Ивана Котлова. Славная подружка, храбрая девушка Надя Балашова!

ПАМЯТНИК СОВЕТСКОМУ СОЛДАТУ

Долго шла война. Остановила Советская Армия полчища фашистов и погнала их прочь с нашей земли.

За каждую канавку, за каждый кустик, за кочку всякую цеплялись фашисты, чтобы удержаться. Но не устояли перед нашей армией. Побежали туда, куда ноги несут, куда глаза глядят... Только теперь глаза-то их завидущие уже не на восход смотрели, не на страну нашу, а назад — туда, куда солнце закатывается.

Двинулась Советская Армия по вражеской земле, стала освобождать соседние страны, захваченные фашистами. Вот уже фашистам и бежать дальше некуда. Засели они в главном немецком городе — Берлине.

Ударили наши войска на Берлин. Стали брать в Берлине улицу за улицей, дом за домом. А фашисты всё не сдаются.

Как-то раз во время боя за Берлин увидел один наш солдат маленькую немецкую девочку. Видно, отстала от своих. Осталась бедняга одна-одинёшенька посреди улицы. А деваться ей некуда. Кругом бой идёт. Из всех окон огонь полыхает, бомбы рвутся, дома рушатся, со всех сторон пули свистят. Вот-вот камнем задавит, осколком пришибёт... Видит наш солдат — пропадает девочка: «Ах ты, горюха, куда же тебя это занесло, неладную!»

Бросился солдат через улицу под самые пули, подхватил на руки немецкую девочку, прикрыл её своим плечом от огня и вынес из боя.

Скоро сдались фашисты. И война кончилась. Мы победили. Начался мир.

И построили в городе Берлине огромный памятник. Высоко над домами, на зелёном холме стоит богатырь из камня — солдат Советской Армии. В одной руке у него тяжёлый меч, которым он сразил врагов — фашистов, а в другой — маленькая девочка. Прижалась она к широкому плечу советского солдата. Спас её солдат от гибели, уберёг от фашистов всех на свете детей и грозно смотрит сегодня с высоты, не собираются ли злые враги снова затеять войну и нарушить мир.

Борис Степанович Житков

(1882—1938)

ЧТО Я ВИДЕЛ

К взрослым

Эта книга — о вещах. Писал я её, имея в виду возраст от трёх до шести лет.

Читать её ребёнку надо по одной-две главы на раз. Пусть ребёнок листает книгу, пусть рассматривает, изучает рисунки.

Книжки этой должно хватить на год. Пусть читатель живёт в ней и вырастет.

Ещё раз предупреждаю: не читайте помногу! Лучше снова прочесть сначала.

Как меня называли

Я был маленький и всех спрашивал: «Почему?»

Мама скажет:

— Смотри, уже девять часов.

А я говорю:

— Почему?

Мне скажут:

— Иди спать.

А я опять говорю:

— Почему?

Мне говорят:

— Потому что поздно.

— А почему поздно?

— Потому что девять часов.

— А почему девять часов?

И меня за это называли Почемучкой. Меня все так называли, а по-настоящему меня зовут Алёшей.

МОСКВА

Как в Москве на улицах

...Дома с двух сторон высокие: всё окошки, окошки. Кругом трамваи звенят, автомобили кричат гудками всякими.

И вдруг сзади как завоет!

Я думал — это ничего, а наш шофёр вдруг сразу вбок повернул, к самым домам, к тротуару, где люди ходят. И даже стал.

А это нас перегнал автомобиль, как маленький вагончик.

Он очень громко выл — на всю улицу.
Он белый, и на нём красный крестик.
Я закричал:
— Почему?
А шофёр обернулся ко мне и говорит:
— «Скорая помощь». За больным поехали. Там, в автомобиле, и кровать есть. Вот ты себе голову разобьёшь, за тобой приедут и — в больницу.
И мы опять поехали.
Мы ехали, и нас нисколько не трясло. Потому что в Москве на улицах очень гладко. Будто пол, только чёрный. Мама сказала, что это асфальт.
Потом я вдруг увидал — впереди нас едет бочка. Очень большая, как цистерна. И из неё сзади выливается вода и прямо назад и вбок брызгает. И поливает весь асфальт.
Я закричал:
— Ай-ай-ай! Как смешно! Вот и выбежит вся вода!
И стал смеяться. Нарочно громко. Вырвал у мамы руку и стал в ладоши бить.
А мама засмеялась и говорит:
— Фу, глупый какой! Это нарочно поливают водой. Чтоб пыли не было. И чтоб не было жарко.
Мы догнали бочку, и я увидел, что это автомобиль, а не бочка. А впереди тоже шофёр, как и у нас.

Светофор

Потом мы остановились, и все другие автомобили остановились, и трамвай остановился. Я закричал:
— Почему?
Мама тоже сказала:
— Почему все стали? Что случилось?
И встала в автомобиле. И глядит.
А шофёр говорит:
— Вон видите красный фонарик? Светофор?
...Мама говорит:
— И долго мы стоять будем?
А шофёр говорит:
— Нет. Сейчас вот проедут, кому через нашу улицу надо переезжать, и поедем.
И все смотрели на красный фонарик. И вдруг он загорелся жёлтым светом. А потом зелёным.
И шофер сказал:
— Теперь можно: зелёный огонь.
Мы поехали.
А сбоку через нашу улицу шла другая улица. И там все автомобили стояли, никто на нас не наезжал. Они ждали, чтобы мы проехали.

А потом ещё раз на улице горел красный фонарик, а я уж знал и закричал:

— Дядя, стойте! Красный огонь!

Шофёр остановил, оглянулся и говорит:

— А ты молодчина.

Потом мы опять остановились, а огонька вовсе никакого не было. А только я увидал: очень высокий милиционер поднял руку вверх и так держит.

Потом он рукой махнул, чтобы мы ехали.

Он как руку поднимет, так все станут: автомобили, трамваи... Только люди могут ходить.

Милиционер — самый главный на улице.

Красная площадь

Мама спросила у одного военного, где Красная площадь. Он показал, как идти. И мы очень скоро пришли.

А Красная площадь большая-большая. И там эта стена с зубчиками и башни.

На одной башне часы высоко приделаны. У них стрелки золотые, и цифры написаны тоже золотыми буквами.

Мама сказала, что это самые главные часы. Они звонят.

И часы вдруг как зазвонили: бам, бам! — на всю площадь. Мама сказала:

— Вот слышишь? Это часы звонят. Сейчас двенадцать часов. Вон обе стрелки вместе и вверх глядят.

Я смотрел на часы, а они звонили.

А потом я увидел дом. Он очень блестел, потому что очень гладкий, такой гладкий, что я думал — он мокрый. А он не мокрый, он так заглажен. Он каменный, и я думал, что это как из кубиков построили.

Он очень красивый.

Мама сказала, что этот дом называется Мавзолей. И там никто не живёт. А что Ленин умер и его туда положили.

Я сказал:

— Почему положили?

Мама сказала, что если кто умрёт, так его похоронят, и больше не увидишь. А что Ленина любили и хотели, чтоб всегда его видеть. Его не стали хоронить, а положили в Мавзолей.

...Мы с мамой дальше пошли, мимо стены, которая с зубчиками.

И я стал смотреть, где звёзды. Они высоко-высоко — на башнях, на самом верху. Я две видел. Они красные и блестят. Только они не горели, потому что там лампочки не зажгли. Там зажигают, когда темно.

А за стеной очень большой дом. И ещё там дома всякие есть. И это Кремль.

16 Зак. 1297

КАК Я ЛОВИЛ ЧЕЛОВЕЧКОВ

Когда я был маленький, меня отвезли жить к бабушке. У бабушки над столом была полка. А на полке пароходик. Я такого никогда не видал. Он был совсем настоящий, только маленький. У него была труба жёлтая, и на ней два чёрные пояса. И две мачты. А от мачт шли к бортам верёвочные лесенки. На корме стояла будочка, как домик. Полированная, с окошечками и дверкой. А уж совсем на корме — медное рулевое колесо. Снизу под кормой руль. И блестел перед рулём винт, как медная розочка. На носу два якоря. Ах, какие замечательные! Если б хоть один у меня такой был!

Я сразу запросил у бабушки, чтоб поиграть пароходиком. Бабушка мне всё позволяла. А тут вдруг нахмурилась:

— Вот это уж не проси. Не то что играть — трогать не смей. Никогда. Это для меня дорогая память.

Я видел, что если и заплакать — не поможет.

А пароходик важно стоял на полке на лакированных подставках. Я глаз от него не мог оторвать.

А бабушка:

— Дай честное слово, что не прикоснёшься. А то лучше спрячу-ка от греха.

И пошла к полке.

Я чуть не заплакал и крикнул всем голосом:

— Честное-расчестное, бабушка! — и схватил бабушку за юбку.

Бабушка не убрала пароходика.

Я всё смотрел на пароходик. Влезал на стул, чтоб лучше видеть. И всё больше и больше он мне казался настоящим. И непременно должна дверца в будочке отворяться. И, наверно, в нём живут человечки. Маленькие, как раз по росту пароходика. Выходило, что они должны быть чуть ниже спички. Я стал ждать, не поглядит ли кто из них в окошечко. Наверно, поглядывают. А когда дома никого нет, выходят на палубу. Лазят, наверно, по лестничкам на мачты.

А чуть шум — как мыши: юрк в каюту. Вниз — и притаятся. Я долго глядел, когда был в комнате один. Никто не выглянул.

Я спрятался за дверь и глядел в щёлку. А они, хитрые человечки, знают, что я подглядываю. Ага! Они ночью работают, когда никто их спугнуть не может. Хитрые.

Я стал быстро-быстро глотать чай. И запросился спать.

Бабушка говорит:

— Что это? То тебя силком в кровать не загонишь, а тут этакую рань и спать просишься.

И вот, когда улеглись, бабушка погасила свет. И не видно пароходика. Я ворочался нарочно, так что кровать скрипела.

Бабушка:

— Чего ты всё ворочаешься?

— А я без света боюсь. Дома всегда ночник зажигают.

Это я наврал: дома ночью темно.

Бабушка заворчала, однако встала. Долго ковырялась и устроила ночник. Он плохо горел. Но всё же было видно, как блестел пароходик на полке.

Я закрылся одеялом с головой, сделал себе домик и маленькую дырочку. А из дырочки глядел, не шевелясь. Скоро я так присмотрелся, что на пароходике мне всё стало отлично видно. Я долго глядел. В комнате было совсем тихо. Только часы тикали. Вдруг что-то тихонько зашуршало. Я насторожился — шорох этот на пароходике. И вот будто дверка приоткрылась. У меня дыхание спёрло. Я чуть двинулся вперёд. Проклятая кровать скрипнула. Я спугнул человечка!

...Теперь уж нечего было ждать, и я заснул. Я с горя заснул.

Я решил, что у них на пароходике с обеих сторон идут лавки. Во всю длину. И они днём там сидят рядком и тихонечко шепчутся. Про свои дела. А ночью, когда все-все заснут, тут у них работа.

Я всё время думал о человечках. Я хотел взять тряпочку, вроде маленького коврика, и положить около дверей. Намочить тряпочку чернилами. Они выбегут, не заметят сразу, ножки запачкают и наследят по всему пароходику. Я хоть увижу, какие у них ножки. Может быть, некоторые босиком, чтобы тише ступать. Да нет, они страшно хитрые и только смеяться будут над всеми моими шутками.

Я не мог больше терпеть.

И вот я решил непременно взять пароходик и посмотреть и поймать человечков. Хоть одного. Надо только устроить так, чтобы остаться одному дома. Бабушка всюду меня с собой в гости таскала. Всё к каким-то старухам. Сиди — и ничего нельзя трогать. Можно только кошку гладить. И шушукает бабушка с ними полдня.

Вот я вижу — бабушка собирается: стала собирать печенье в коробочку для этих старух — чай там пить. Я побежал в сени, достал мои варежки вязаные и натёр себе и лоб и щёки — всё лицо, одним словом. Не жалея. И тихонько прилёг на кровать.

Бабушка вдруг хватилась:

— Боря, Борюшка, где ж ты?

Я молчу и глаза закрыл. Бабушка ко мне:

— Что это ты лёг?

— Голова болит.

Она тронула лоб.

— Погляди-ка на меня! Сиди дома. Назад пойду, малины возьму в аптеке. Скоро вернусь. Долго сидеть не буду. А ты раздевайся-ка и ложись. Ложись, ложись без разговору.

Стала помогать мне, уложила, увернула одеялом и всё приговаривала:

— Я сейчас вернусь, живым духом.

Бабушка заперла меня на ключ. Я выждал пять минут: а вдруг вернётся? Вдруг забыла там что-нибудь?

А потом я вскочил с постели, как был, в рубахе. Я вскочил на стол, взял с полки пароходик. Сразу понял, что он железный, совсем настоящий. Я прижал его к уху и стал слушать: не шевелятся ли? Но они, конечно, примолкли. Поняли, что я схватил их пароход. Ага! Сидите там на лавочке и примолкли, как мыши.

Я слез со стола и стал трясти пароходик. Они стряхнутся, не усидят на лавках, и я услышу, как они там болтаются.

Но внутри было тихо.

Я понял: они сидели на лавках, ноги поджали и руками что есть сил уцепились в сиденья. Сидят, как приклеенные.

Ага! Так погодите же. Я подковырну и приподниму палубу. И вас всех там накрою. Я стал доставать из буфета столовый нож, но глаз не спускал с пароходика, чтобы не выскочили человечки. Я стал подковыривать палубу. Ух, как плотно всё заделано!

Наконец удалось немножко подсунуть нож. Но мачты поднимались вместе с палубой. А мачтам не давали подниматься эти верёвочные лесенки, что шли от мачт к бортам. Их надо было отрезать — иначе никак. Я на миг остановился. Всего только на миг. Но сейчас же торопливой рукой стал резать эти лесенки. Пилил их тупым ножом. Готово, все они повисли, мачты свободны. Я стал ножом приподнимать палубу. Я боялся сразу делать большую щель. Они бросятся все сразу и разбегутся. Я оставил щёлку, чтобы пролезть одному. Он полезет, а я его — хлоп! И захлопну, как жука в ладони.

Я ждал и держал руку наготове — схватить.

Не лезет ни один! Я тогда решил сразу отвернуть палубу и туда в серёдку рукой — прихлопнуть. Хоть один да попадётся. Только надо сразу: они уж там небось приготовились — откроешь, а человечки — прыск все в разные стороны.

Я быстро откинул палубу и прихлопнул внутри рукой. Ничего. Совсем ничего! Даже скамеек этих не было. Голые борта. Как в кастрюльке. Я поднял руку. И под рукой, конечно, ничего.

У меня руки дрожали, когда я прилаживал назад палубу. Всё криво становилось. И лесенки никак не приделать. Они болтались как попало. Я кой-как приткнул палубу на место и поставил пароходик на полку. Теперь пропало!

Я скорей бросился в кровать, завернулся с головой.

Слышу ключ в дверях.

— Бабушка!—под одеялом шептал я.—Бабушка, миленькая, родненькая, чего я наделал-то!

А бабушка стояла уж надо мной и по голове гладила:

— Да чего ты ревёшь, да плачешь-то чего? Родной ты мой, Борюшка! Видишь, как я скоро?

Она ещё не видала пароходика.

КАК СЛОН СПАС ХОЗЯИНА ОТ ТИГРА

У индусов есть ручные слоны. Один индус пошёл со слоном в лес по дрова.

Лес был глухой и дикий. Слон протаптывал хозяину дорогу и помогал валить деревья, а хозяин грузил их на слона.

Вдруг слон перестал слушаться хозяина, стал оглядываться, трясти ушами, а потом поднял хобот и заревел.

Хозяин тоже оглянулся, но ничего не заметил. Он стал сердиться на слона и бить его по ушам веткой. А слон загнул хобот крючком, чтоб поднять хозяина на спину.

Хозяин подумал: «Сяду ему на шею — так мне ещё удобней будет им править».

Он уселся на слона и стал веткой хлестать слона по ушам. А слон пятился, топтался и вертел хоботом. Потом замер и насторожился.

Хозяин поднял ветку, чтобы со всей силой ударить слона, но вдруг из кустов выскочил огромный тигр. Он хотел напасть на слона сзади и вскочить на спину.

Но он попал лапами на дрова, дрова посыпались. Тигр хотел прыгнуть другой раз, но слон уже повернулся, схватил хоботом тигра поперёк живота, сдавил, как толстым канатом. Тигр раскрыл рот, высунул язык и мотал лапами.

А слон уж поднял его вверх, потом ударил оземь и стал топтать ногами.

А ноги у слона — как столбы. И слон растоптал тигра в лепёшку. Когда хозяин опомнился от страха, он сказал:

— Какой я глупый, что бил слона! А он мне жизнь спас.

Хозяин достал из сумки хлеб, что приготовил для себя, и весь отдал слону.

НАВОДНЕНИЕ

В нашей стране есть такие реки, что не текут всё время по одному месту. Такая река то бросится вправо, потечёт правее, то через некоторое время, будто ей надоело здесь течь, вдруг переползёт влево и зальёт свой левый берег.

А если берег высокий, вода подмоет его. Крутой берег обвалится в реку, и если на обрыве стоял домик, то полетит в воду и домик.

Вот по такой реке шёл буксирный пароход и тащил две баржи. Пароход остановился у пристани, чтобы там оставить одну баржу, и тут к нему с берега приехал начальник и говорит:

— Капитан, вы пойдёте дальше. Будьте осторожны, не сядьте на мель: река ушла сильно вправо и теперь течёт совсем по другому дну. И сейчас она идёт всё правее и правее и затопляет и подмывает берег.

— Ох,— сказал капитан,— мой дом на правом берегу, почти

у самой воды. Там остались жена и сын. Вдруг они не успели убежать?

Капитан приказал пустить машину самым полным ходом. Он спешил скорей к своему дому и очень сердился, что тяжёлая баржа задерживает ход.

Пароход немного проплыл, как вдруг его сигналом потребовали к берегу. Капитан поставил баржу на якорь, а пароход направил к берегу.

Он увидел, что на берегу тысячи людей с лопатами, с тачками спешат — возят землю, насыпают стенку, чтобы не пустить реку залить берег. Возят на верблюдах деревянные брёвна, чтобы их забивать в берег и укреплять стенку. А машина с высокой железной рукой ходит по стенке и ковшом нагребает на неё землю.

К капитану прибежали люди и спросили:

— Что в барже?

— Камень,— сказал капитан.

Все закричали:

— Ах, как хорошо! Давайте сюда! А то вон, смотрите, сейчас река прорвёт стенку и размоет всю нашу работу. Река бросится на поля и смоет все посевы. Будет голод! Скорей, скорей давайте камень!

Тут капитан забыл про жену и про сына. Он пустил пароход что есть духу и привёл баржу под самый берег.

Люди стали таскать камень и укрепили стенку. Река остановилась и дальше не пошла. Тогда капитан спросил:

— Не знаете ли, как у меня дома?

Начальник послал телеграмму, и скоро пришёл ответ. Там тоже работали все люди, какие были, и спасли домик, где жили жена капитана с сыном.

— Вот,— сказал начальник,— здесь вы помогали нашим, а там товарищи спасли ваших.

Сергей Владимирович Михалков

(Род. в 1913 г.)

А ЧТО У ВАС?

Кто на лавочке сидел,
Кто на улицу глядел,
Толя пел,
Борис молчал,
Николай ногой качал.

Дело было вечером,
Делать было нечего.

Галка села на заборе,
Кот забрался на чердак.

Тут сказал ребятам Боря
Просто так:

— А у меня в кармане гвоздь.
А у вас?
— А у нас сегодня гость.
А у вас?
— А у нас сегодня кошка
Родила вчера котят.
Котята выросли немножко,
А есть из блюдца не хотят.

— А у нас на кухне газ.
А у вас?
— А у нас водопровод.
Вот.

— А из нашего окна
Площадь Красная видна.
А из вашего окошка
Только улица немножко.

— Мы гуляли по Неглинной,
Заходили на бульвар,
Нам купили синий-синий,
Презелёный красный шар.

— А у нас огонь погас —
Это раз.
Грузовик привёз дрова —
Это два.

А в-четвёртых, наша мама
Отправляется в полёт,
Потому что наша мама
Называется пилот.

С лесенки ответил Вова:
— Мама — лётчик?
Что ж такого!
Вот у Коли, например,
Мама — милиционер.

А у Толи и у Веры
Обе мамы — инженеры.

А у Лёвы мама — повар.
Мама — лётчик?
Что ж такого!

— Всех важней,— сказала
Ната,—
Мама-вагоновожатый,
Потому что до Зацепы
Водит мама два прицепа.

И спросила Нина тихо:
— Разве плохо быть
портнихой?

Кто трусы ребятам шьёт?
Ну конечно, не пилот.

Лётчик водит самолёты —
Это очень хорошо.

Повар делает компоты —
Это тоже хорошо.

Доктор лечит нас от кори,
Есть учительница в школе.

Мамы разные нужны,
Мамы всякие важны.

Дело было вечером,
Спорить было нечего.

ПЕСЕНКА ДРУЗЕЙ

Мы едем, едем, едем
В далёкие края,
Хорошие соседи,
Счастливые друзья.
Нам весело живётся,
Мы песенку поём,
И в песенке поётся
О том, как мы живём.

Красота! Красота!
Мы везём с собой кота,

Рисунок Ф. Глебова.

Рисунок Ф. Лемкуля.

Чижика, собаку,
Петьку-забияку,
Обезьяну, попугая —
Вот компания какая!

Когда живётся дружно,
Что может лучше быть!
И ссориться не нужно,
И можно всех любить.
Ты в дальнюю дорогу
Бери с собой друзей:
Они тебе помогут,
И с ними веселей.

Красота! Красота!
Мы везём с собой кота,
Чижика, собаку,
Петьку-забияку,
Обезьяну, попугая —
Вот компания какая!

Мы ехали, мы пели,
И с песенкой смешной
Все вместе, как сумели,
Приехали домой.
Нам солнышко светило,
Нас ветер обвевал;
В пути не скучно было,
И каждый напевал:

— Красота! Красота!
Мы везём с собой кота,
Чижика, собаку,
Петьку-забияку,
Обезьяну, попугая —
Вот компания какая!

ДЯДЯ СТЁПА

В доме восемь дробь один
У заставы Ильича
Жил высокий гражданин,
По прозванью «Каланча»,
По фамилии Степанов
И по имени Степан,
Из районных великанов
Самый главный великан.

Уважали дядю Стёпу
За такую высоту.
Шёл с работы дядя Стёпа —
Видно было за версту.

Лихо мерили шаги
Две огромные ноги:
Сорок пятого размера
Покупал он сапоги.

Он разыскивал на рынке
Величайшие ботинки,
Он разыскивал штаны
Небывалой ширины.

Купит с горем пополам,
Повернётся к зеркалам —
Вся портновская работа
Разъезжается по швам!

Он через любой забор
С мостовой глядел во двор.
Лай собаки поднимали:
Думали, что лезет вор.

Брал в столовой дядя Стёпа
Для себя двойной обед.
Спать ложился дядя Стёпа —
Ноги клал на табурет.

Сидя, книги брал со шкапа.
И не раз ему в кино
Говорили: — Сядьте на́ пол —
Вам, товарищ, всё равно!

Но зато на стадион
Проходил бесплатно он:
Пропускали дядю Стёпу —
Думали, что чемпион.

От ворот и до ворот
Знал в районе весь народ,
Где работает Степанов,
Где прописан,
Где живёт,

Потому что всех быстрее,
Без особенных трудов
Он снимал ребятам змея
С телеграфных проводов.

И того, кто ростом мал,
На параде поднимал,
Потому что все должны
Видеть армию страны.

Все любили дядю Стёпу,
Уважали дядю Стёпу:
Был он самым лучшим другом
Всех ребят со всех дворов.

Он домой спешит с Арбата.
— Как живёшь? — кричат ребята.
Он чихнёт — ребята хором:
— Дядя Стёпа, будь здоров!

Дядя Стёпа утром рано
Быстро вскакивал с дивана,
Окна настежь открывал,
Душ холодный принимал.
Чистить зубы дядя Стёпа
Никогда не забывал.

Человек сидит в седле,
Ноги тащит по земле —
Это едет дядя Стёпа
По бульвару на осле.
— Вам,— кричат Степану люди,—
Нужно ехать на верблюде!

На верблюде он поехал —
Люди давятся от смеха:
— Эй, товарищ, вы откуда?
Вы раздавите верблюда!
Вам, при вашей вышине,
Нужно ехать на слоне!

Дяде Стёпе две минуты
Остаётся до прыжка.
Он стоит под парашютом
И волнуется слегка.
А внизу народ хохочет:

— Вышка с вышки прыгать хочет!
В тир, под низенький навес,
Дядя Стёпа еле влез.
— Разрешите обратиться,

Я за выстрелы плачу.
В этот шар и в эту птицу
Я прицелиться хочу!

Оглядев с тревогой тир,
Говорит в ответ кассир:
— Вам придётся на колени,
Дорогой товарищ, встать —
Вы же можете мишени
Без ружья рукой достать!

До утра в аллеях парка
Будет весело и ярко,
Будет музыка греметь,
Будет публика шуметь.

Дядя Стёпа просит кассу:
— Я пришёл на карнавал.
Дайте мне такую маску,
Чтоб никто не узнавал!

— Вас узнать довольно
просто,—
Раздаётся дружный смех,—
Мы узнаем вас по росту:
Вы, товарищ, выше всех!

Что случилось?
Что за крик?
— Это тонет ученик!
Он упал с обрыва в реку —
Помогите человеку!

На глазах всего народа
Дядя Стёпа лезет в воду.

— Это необыкновенно! —
Все кричат ему с моста.—
Вам, товарищ, по колено
Все глубокие места!

Жив, здоров и невредим
Мальчик Вася Бородин.

Дядя Стёпа в этот раз
Утопающего спас.

За поступок благородный
Все его благодарят.
— Попросите что угодно,—
Дяде Стёпе говорят.

— Мне не нужно ничего —
Я задаром спас его!

Паровоз летит, гудит,
Машинист вперёд глядит.
Машинист у полустанка
Кочегару говорит:
— От вокзала до вокзала
Сделал рейсов я немало,
Но готов идти на спор —
Это новый семафор.

Подъезжают к семафору.
Что такое за обман?
Никакого семафора —
У пути стоит Степан.

Он стоит и говорит:
— Здесь дождями путь
размыт.
Я нарочно поднял руку —
Показать, что путь закрыт.

Что за дым над головой?
Что за гром по мостовой?
Дом пылает за углом,
Сто зевак стоит кругом.
Ставит лестницы команда,
От огня спасает дом.

Весь чердак уже в огне,
Вьются голуби в окне.
На дворе в толпе ребят
Дяде Стёпе говорят:
— Неужели вместе с домом
Наши голуби сгорят?

Дядя Стёпа с тротуара
Достаёт до чердака.
Сквозь огонь и дым пожара
Тянется его рука.

Он окошко открывает.
Из окошка вылетают
Восемнадцать голубей,
А за ними — воробей.

Все Степану благодарны:
Спас он птиц, и потому
Стать немедленно пожарным
Все советуют ему.

Но пожарникам в ответ
Говорит Степанов: — Нет!

Я на флот служить пойду,
Если ростом подойду!

В коридоре смех и топот,
В коридоре гул речей.
В кабинете — дядя Стёпа
На осмотре у врачей.

Он стоит. Его нагнуться
Просит вежливо сестра.
— Мы не можем
дотянуться! —
Объясняют доктора.—

Всё, от зрения до слуха,
Мы исследуем у вас:
Хорошо ли слышит ухо,
Далеко ли видит глаз.

Дядю Стёпу осмотрели,
Проводили на весы
И сказали: — В этом теле
Сердце бьётся, как часы!

Рост велик, но ничего —
Примем в армию его!

Но вы в танкисты не годитесь:
В танке вы не поместитесь!
И в пехоту не годны:
Из окопа вы видны!

С вашим ростом в самолёте
Неудобно быть в полёте:
Ноги будут уставать —
Вам их некуда девать!

Для таких, как вы, людей
Не бывает лошадей,
А на флоте вы нужны —
Послужите для страны!

— Я готов служить народу,—
Раздаётся Стёпин бас,—
Я пойду в огонь и воду!
Посылайте хоть сейчас!

Вот прошли зима и лето,
И опять пришла зима.
— Дядя Стёпа, как ты?
Где ты? —
Нету с моря нам ответа,
Ни открытки, ни письма...

И однажды мимо моста
К дому восемь дробь один
Дяди Стёпиного роста
Двигается гражданин.

Кто, товарищи, знаком
С этим видным моряком?

Он идёт,
Скрипят снежинки
У него под каблуком.

В складку форменные брюки,
Он в шинели под ремнём.
В шерстяных перчатках руки,
Якоря блестят на нём.

Вот моряк подходит к дому,
Всем ребятам незнакомый.
И ребята тут ему
Говорят: — А вы к кому?

Дядя Стёпа обернулся,
Поднял руку к козырьку
И ответил: — Я вернулся.
Дали отпуск моряку.

Ночь не спал. Устал с дороги.
Не привыкли к суше ноги.
Отдохну. Надену китель.
На диване полежу.
После чая заходите —
Сто историй расскажу!

Про войну и про бомбёжку,
Про большой линкор «Марат»,
Как я ранен был немножко,
Защищая Ленинград.

И теперь горды ребята —
Пионеры, октябрята,—
Что знакомы с дядей Стёпой,
С настоящим моряком.

Он домой идёт с Арбата.
— Как живёшь? — кричат ребята.
И теперь зовут ребята
Дядю Стёпу «Маяком».

ПРО МИМОЗУ

Это кто накрыт в кровати
Одеялами на вате?
Кто лежит на трёх подушках
Перед столиком с едой
И, одевшись еле-еле,
Не убрав своей постели,
Осторожно моет щёки
Кипячёною водой?

Это, верно, дряхлый дед
Ста четырнадцати лет?
Нет.

Кто, набив пирожным рот,
Говорит: — А где компот?
Дайте то,
Подайте это,
Сделайте наоборот!

Это, верно, инвалид
Говорит?
Нет.

Кто же это?
Почему
Тащат валенки ему,
Меховые рукавицы,
Чтобы мог он руки греть,
Чтоб не мог он простудиться
И от гриппа умереть,
Если солнце светит с неба,
Если снег полгода не был?

Может, он на полюс едет,
Где во льдах живут медведи?
Нет.

Хорошенько посмотрите —
Это просто мальчик Витя,
Мамин Витя,
Папин Витя —
Из квартиры номер шесть.

Это он лежит в кровати
С одеялами на вате,
Кроме плюшек и пирожных,
Ничего не хочет есть.

Почему?
А потому,
Что только он глаза откроет,—
Ставят градусник ему,
Обувают,
Одевают
И всегда, в любом часу,
Что попросит — то несут.

Если утром сладок сон —
Целый день в кровати он.
Если в тучах небосклон —
Целый день в галошах он.

Почему?
А потому,
Что всё прощается ему,
И живёт он в новом доме,
Не готовый ни к чему.

Ни к тому, чтоб стать пилотом,
Быть отважным моряком,
Чтоб лежать за пулемётом,
Управлять грузовиком.

Он растёт, боясь мороза,
У папы с мамой на виду,
Как растение мимоза
В ботаническом саду.

НЕДОТЁПА

«Талантливые дети
Надежды подают:
Участвуют в концертах —
Танцуют и поют.

А детские рисунки
На тему «Мир и труд»
Печатают в журналах,
На выставки берут.

И только недотёпам
К успеху путь закрыт...» —
Моя родная мама
Мне это говорит.

Но я не возражаю,
А, губы сжав, молчу,
И я на эту тему
С ней спорить не хочу.

Пускай другие дети
Надежды подают:
Картиночки рисуют,
Танцуют и поют,

На скрипочках играют,
Снимаются в кино —
Что одному даётся,
Другому не дано.

Я знаю, кем я буду
И кем я стать могу:
Когда-нибудь из дома
Уеду я в тайгу.

И с теми, с кем сегодня
Я во дворе дружу,
Железную дорогу
В тайге я проложу.

По рельсам к океану
Помчатся поезда,
И мама будет сыном
Довольна и горда.

Она меня сегодня
Стыдила сгоряча —
Строитель в наше время
Не меньше скрипача.

ОДНА РИФМА

Шёл трамвай десятый номер
По бульварному кольцу.
В нём сидело и стояло
Сто пятнадцать человек.

Люди входят и выходят,
Продвигаются вперёд.
Пионеру Николаю
Ехать очень хорошо.

Он сидит на лучшем месте —
Возле самого окна.
У него коньки под мышкой:
Он собрался на каток.

Вдруг на пятой остановке,
Опираясь на клюку,
Бабка дряхлая влезает
В переполненный вагон.

Люди входят и выходят,
Продвигаются вперёд.
Николай сидит скучает,
Бабка рядышком стоит.

Вот вагон остановился
Возле самого катка,
И из этого вагона
Вылезает пионер.

На свободное местечко
Захотелось бабке сесть,
Оглянуться не успела —
Место занято другим.

Пионеру Валентину
Ехать очень хорошо,
Он сидит на лучшем месте,
Возвращается с катка.

Люди входят и выходят,
Продвигаются вперёд.
Валентин сидит скучает,
Бабка рядышком стоит.

Этот случай про старушку
Можно дальше продолжать,
Но давайте скажем в рифму:
— Старость нужно уважать!

СМЕНА

День был весенний,
Солнечный,
Ясный.
Мчались машины
По площади Красной.
Мчались машины
К невидимой цели,
В каждой из них
Пассажиры сидели.
В «ЗИЛе-110», в машине зелёной,
Рядом с водителем — старый учёный.
В «Чайке» — седой генерал-лейтенант,
Рядом с шофёром — его адъютант.
В бежевой «Волге» — шахтёр из Донбасса,
Знатный забойщик высокого класса.
В серой «Победе» — известный скрипач
И в «Москвиче» — врач.

Шины машин
По брусчатке шуршат.
Время не ждёт.
Пассажиры спешат:
Кто в академию
На заседание,
Кто на футбольное состязание,
Кто посмотреть из машины столицу,
Кто на концерт,
Кто на службу в больницу.

Вдруг впереди
Тормоза завизжали —
Это шофёры педали нажали:
Чёрные,
Белые,
Жёлтые,
Синие
Остановились машины у линии.
Остановились.
Стоят.

Не гудят.
А из машин пассажиры глядят.
Ждут пассажиры,
Водители ждут —
Мимо машин ребятишки идут!
По пешеходной
Свободной
Дорожке
Топают,
Топают,
Топают ножки —
Маленьким гражданам
Детского сада
Здесь перейти
Эту улицу надо.

Дети проходят,
А взрослые ждут —
Ждут они пять с половиной минут!
Ждут.
Не шумят.
Никого не ругают —
Это же наши ребята шагают!
Наши защитники дела Советов!
Наши рабочие!
Наши поэты!
Учителя,
Агрономы,
Артисты!
Воины!
Ленинцы!!
Коммунисты!!!
Каждому ясно:
Ну как же не ждать,
Будущей смене дорогу не дать!

Дети прошли.
Постовой обернулся:
— Добрая смена! —
И сам улыбнулся.
— Смена! —
Кивнул постовому шофёр.
— Смена! — промолвил с улыбкой шахтёр.
— Сила народа! —
Учёный сказал.
«Слава!» —
Подумал седой генерал.

ПРИЕЗД ГЕРОЯ

Сегодня в доме весело,
Сегодня пир горой:
Домой, к родным из армии
Приехал сын-герой.

Коней колхозных выслали
На станцию с утра.
И он сошёл с почтового
Под громкое «ура».

И обнял он родителей —
Мамашу и отца.
И сам начальник станции
Слезу смахнул с лица.

И тронулись, поехали
Со станции в колхоз.
Он узнавал окрестности,
Где он мальчишкой рос.

Вот лес, где он с ребятами
В орешнике бродил,
Здесь лыко драл, малину рвал,
А здесь коней поил.

Берёзовая рощица,
За ней — сосновый бор,
А вот налево — пасека,
Бревенчатый забор.

Остановились лошади,
Он вышел из саней,
И все кругом захлопали
Всё громче, всё сильней.

Заслуженному лётчику
В кожанке фронтовой
За подвиги геройские,
За орден боевой.

И он сказал: — Товарищи,
Я вас благодарю!
Я вам своё — армейское
Спасибо говорю!

Для Родины, для партии
Не жаль мне ничего! —
И все опять захлопали,
Приветствуя его.

И, сквозь толпу знакомую
Пройдя с большим трудом,
Вошёл он в дом
родительский —
Простой крестьянский дом.

Вошёл, и в светлой горнице
Вдруг стало днём темно:
Все будущие лётчики
Явились под окно!

БЫЛЬ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Спать легли однажды дети —
Окна все затемнены,
А проснулись на рассвете —
В окнах свет и нет войны!

Можно больше не прощаться,
И на фронт не провожать,
И налётов не бояться,
И ночных тревог не ждать.

Люди празднуют Победу!
Весть летит во все концы:
С фронта едут, едут, едут
Наши братья и отцы!

На груди у всех медали,
А у многих — ордена.
Где они не побывали
И в какие только дали
Не бросала их война!

...Не опишешь в этой были
(Не поможет даже стих!),
Как горды солдаты были,
Что народ встречает их.
Их — защитников своих!

И смешались на платформах
С шумной радостной толпой:

Сыновья в военных формах,
И мужья в военных формах,
И отцы в военных формах,
Что с войны пришли домой.

Здравствуй, воин-победитель,
Мой товарищ, друг и брат,
Мой защитник, мой
спаситель —
Красной Армии солдат!

...Много стран на белом свете!
С незапамятных времён
Населяют страны эти
Много наций и племён.

Много стран на белом свете!
Но Советская страна
На большой земной планете
Среди всех других — одна!

Всем, что Родина имеет,
Сообща народ владеет,
Счёт ведёт полям, лесам,
Нивам, пастбищам и водам,
Шахтам, копям и заводам
И в пример другим народом
Управляет ими сам!

...И у нас стоят у власти
Не помещик, не банкир,
А простой рабочий — мастер
И колхозный бригадир.

Выбираемый народом
Наш советский депутат
Не дворянским знатен родом
И не золотом богат.

Он богат своей свободой
И сознанием того,
Что от имени народа
Он вершит судьбу его!

...Соберутся две Палаты,
Сядут рядом депутаты:
Белорус и армянин,
Украинец, молдаванин,
Осетин, казах, татарин,
И эстонец, и грузин —
Все народы, как один!

Их не мало соберётся,
Сыновей и дочерей:
И солдат, и полководцев,
И других богатырей!..

С нашей Партией любимой
Мы нигде не разделимы.
За народ стоит она,
С нею Родина сильна.

Кто сегодня неизвестен,
Но бесстрашен, смел и честен,
Тот, кто любит свой народ
И за Партией идёт,
Кто хоть что-то делать может,
Тот стране своей поможет
В том краю, где он живёт!

Так поможем нашей власти
В городах и на селе
Добывать народу счастье
На родной своей земле!

17 Зак. 1297

Агния Львовна Барто

(Род. в 1906 г.)

ИГРУШКИ

Рисунок В. Конашевича.

Мишка

Уронили мишку на пол,
Оторвали мишке лапу.
Всё равно его не брошу —
Потому что он хороший.

Бычок

Идёт бычок, качается,
Вздыхает на ходу:
— Ох, доска кончается,
Сейчас я упаду!

Грузовик

Нет, напрасно мы решили
Прокатить кота в машине:
Кот кататься не привык —
Опрокинул грузовик.

Зайка

Зайку бросила хозяйка,—
Под дождём остался зайка.
Со скамейки слезть не мог,
Весь до ниточки промок.

Лошадка

Я люблю свою лошадку,
Причешу ей шёрстку гладко,
Гребешком приглажу хвостик
И верхом поеду в гости.

Мячик

Наша Таня громко плачет:
Уронила в речку мячик.
— Тише, Танечка, не плачь:
Не утонет в речке мяч.

ВОВКА — ДОБРАЯ ДУША

Шла вчера я по Садовой...

Шла вчера я по Садовой,
Так была удивлена —
Паренёк белоголовый
Закричал мне из окна:
— С добрым утром!
С добрым утром!
Я спросила: — Это мне?—
Улыбнулся он в окне,
Закричал ещё кому-то:
— С добрым утром!
С добрым утром!
Малышам и взрослым людям
Паренёк махал рукой,
С ним теперь знакомы будем:
Это Вовка,— есть такой!

Как Вовка стал старшим братом

— У меня есть старший брат,
Очень умный парень! —
Уверяет всех ребят
Таня на бульваре.—

В красном галстуке он ходит,
В пионерской форме,
Сорняки на огороде
Вырывает с корнем!

И толстушка Валечка
Старшим братом хвалится:

— Если кто меня обидит —
Старший брат в окно увидит.
Если я заплакала —
Он проучит всякого.

Он готов меня спасти
И от тигра лютого,
Десять лет ему почти,
Павликом зовут его.

Катя в красном платьице
Как расплачется:

— Я одна ничья сестра,—
Цапнул кот меня вчера.
Что ж, меня кусай, царапай...
Я одна у мамы с папой,
Нету братьев у меня,
Папа с мамой — вся родня.

К ней подходит не спеша
Вовка — добрая душа.

Объявляет он ребятам:
— Буду Кате старшим братом.
С понедельника, с утра,
Будешь ты моя сестра.

СНЕГИРЬ

На Арбате, в магазине,
За окном устроен сад.
Там летает голубь синий,
Снегири в саду свистят.

Я одну такую птицу
За стеклом видал в окне,
Я видал такую птицу,
Что теперь не спится мне.

Ярко-розовая грудка,
Два блестящие крыла...
Я не мог ни на минутку
Оторваться от стекла.

Из-за этой самой птицы
Я ревел четыре дня.
Думал, мама согласится —
Будет птица у меня.

Но у мамы есть привычка
Отвечать всегда не то:
Говорю я ей про птичку,
А она мне про пальто,

Что в карманах по дыре,
Что дерусь я во дворе,
Что поэтому я должен
Позабыть о снегире.

Я ходил за мамой следом,
Поджидал её в дверях,
Я нарочно за обедом
Говорил о снегирях.

Было сухо, но калоши
Я послушно надевал.
До того я был хорошим —
Сам себя не узнавал.

Я почти не спорил с дедом,
Не вертелся за обедом,
Я «спасибо» говорил,
Всех за всё благодарил.

Трудно было жить на свете,
И, по правде говоря,
Я терпел мученья эти
Только ради снегиря.

До чего же я старался!
Я с девчонками не дрался.

Как увижу я девчонку,
Погрожу ей кулаком
И скорей иду в сторонку,
Будто я с ней незнаком.

Мама очень удивилась:
— Что с тобой, скажи на милость?
Может, ты у нас больной —
Ты не дрался в выходной!

И ответил я с тоской:
Я теперь всегда такой.

Добивался я упрямо,
Повозился я не зря.
— Чудеса,— сказала мама
И купила снегиря.

Я принёс его домой.
Наконец теперь он мой!

Я кричал на всю квартиру:
— У меня снегирь живой!

Я им буду любоваться,
Будет петь он на заре...
Значит, снова можно драться
Завтра утром во дворе?

ПЕРВЫЙ УРОК

Я на уроке в первый раз,
Теперь я ученица.
Вошла учительница в класс —
Вставать или садиться?

Как надо парту открывать,
Не знала я сначала.
И я не знала, как вставать,
Чтоб парта не стучала.

Рисунок Т. Ерёминой.

Мне говорят: «Иди к доске».—
Я руку поднимаю.
А как перо держать в руке,
Совсем не понимаю.

Как много школьников у нас!
У нас четыре Аси,
Четыре Васи, пять Марусь
И два Петровых в классе.

Я на уроке в первый раз,
Теперь я ученица.
На парте правильно сижу,
Хотя мне не сидится.

Я РАСТУ

А я не знал, что я расту
Всё время, каждый час.
Я сел на стул —
Но я расту,
Расту, шагая в класс.

Расту,
Когда гляжу в окно,
Расту,
Когда сижу в кино,
Когда светло,
Когда темно,
Расту,
Расту я всё равно.

Идёт борьба
За чистоту,
Я подметаю
И расту.

Сажусь я с книжкой
На тахту,
Читаю книжку
И расту.

Стоим мы с папой
На мосту,

Он не растёт,
А я расту.

Отметку ставят мне
Не ту,
Я чуть не плачу,
Но расту.

Расту и в дождик,
И в мороз,
Уже я маму
Перерос!

ТВОЙ ПРАЗДНИК

1.

Чтоб скорей дождаться
Завтрашнего дня,
Дети спать ложатся
Рано, без огня.

Платьица — на стуле,
Девочки заснули.
Спать легли москвички,
Заплели косички.

Встали утром, на заре,
В комнате светло,
На стене в календаре
Красное число.

А на севере, где снег,
Где морозы люты,
Встали утром раньше всех
Мальчики-якуты.

Сколько снегу намело!
Но флажками расцвело
Зимнее село,
И глядит с календаря
День седьмого ноября
Красное число.

Календарь такой же самый
В тихом домике над Камой,

В новом доме на Днепре
Красный день в календаре.

И на юге, где тепло,
Тоже красное число.

Туфли-босоножки,
Песчаные дорожки,
В море тёплая вода —
Детский сад бежит сюда.

Флаги в гавани висят.
Вслух считает детский сад:
— Посмотрите, сколько
флагов!
Десять! Двадцать!
Пятьдесят!

2.

Об Октябре поёт Москва,
О празднике великом,
И слышны её слова
И русским и таджикам.

И слышат праздничный салют
Мальчики-якуты,
А самый маленький якут
Считает вслух салюты.

Всех пионеров, всех ребят
Октябрь сдружил навеки.
Он у костра собрал отряд,
Он много лет тому назад
Зажёг костёр в Артеке.

И у братьев и сестёр
На значках горит костёр.

Вот, косички по привычке
Поправляя на ходу,
В пары строятся москвички —
Детский сад несёт звезду.

Пляшет девочка-узбечка,
На руке блестит колечко.

У узбечки нет привычки
Две косички заплетать:
У москвички — две косички,
У узбечки — двадцать пять.

В стране Советской всех ребят
Октябрь сдружил навеки,
Он у костра собрал отряд.
Он много лет тому назад
Зажёг костёр в Артеке.

3.

Скоро станут косами
Тонкие косички,
Скоро станут взрослыми
Девочки-москвички.

Будут звать по отчеству
Бывших пионеров:
Агронома, лётчицу,
Новых инженеров.

«Мне б учительницей стать! —
Думает узбечка.—
Буду детям ставить «пять»
За каждое словечко».

Самый маленький якут
Будет агрономом —
Пусть в тайге хлеба растут
Прямо перед домом!

Выйдут в степи чабаны,
В цех войдут бригады —
Для своей родной страны
Все трудиться рады!

Пусть посадит садовод
Новый сад фруктовый.
Новый выстроишь завод,
Дом построишь новый!

Хочешь быть пилотом? Будь!
Хочешь — в море плавай!
Выходи смелее в путь,
Возвратись со славой!

А сегодня праздник твой,
Гром салютов над Москвой!

От знамён везде светло,
Всюду — красное число.

НА ЗАСТАВЕ

1

Лесная застава... Приземистый дом.
Высокие сосны за тёмным окном...
В тот дом ненадолго спускаются сны,
В том доме винтовки стоят у стены.
Здесь рядом граница, чужая земля,
Здесь рядом не наши леса и поля.

2

Горит на заставе
Ночной огонёк.
Начальник не спит,
Ни на час не прилёг.

Тревожно он смотрит
В слепое окно.
Ночь не проходит,
Всё так же темно.

Но кто там стучит?
Кто ломится в дом?
У двери — мальчишка,
Он дышит с трудом.
Он громко кричит:
— Пропусти, часовой!
Мне нужен начальник,
Впустите, я свой!

Без шапки, босой,
Он бежал через лес,
Он полз под кустами,
Овраг перелез;

Бежал он, боясь
Оглянуться назад,
И сосны, казалось,
Ветвями грозят.

— Я видел собаку.
Исчезла в лесу —
Откуда-то издали
Свистнули псу.

При отблеске молний
Я видел вблизи:
Прижатые уши,
Вся морда в грязи.

Ошейник плетёный
На шее надет.
Собака не наша.
Такой у нас нет!

И вот уж начальник
Вскочил на коня.
— Товарищ начальник,
Возьмите меня!

Я метко стреляю,
Без промаха бью,
Мне брат доверяет
Винтовку свою!

Но молча начальник
Пригнулся в седле,
И конь поскакал
По размытой земле.

3

Хлещет всё яростней
Дождь проливной,
Сквозь заросли
Мчится вперёд вороной.

А лес не пускает,
Встречает в штыки,
Колючих кустов
Выставляет полки.

Но к лесу ночному
Начальник привык,
Он знает участок,
Он мчит напрямик.

Хлещет всё яростней
Дождь проливной,
Сквозь заросли
Мчится вперёд вороной.

С ним рядом собака,
По кличке «Пират».
Не раз посылали
Пирата в наряд.

Он след находил
На земле, на снегу,
Он в правую руку
Впивался врагу.

Вздрогнули ноздри —
Волнуется пёс,
Метнулся к оврагу,
Сбежал под откос;

К земле припадая,
Шарахнулся вбок
И вдруг, как струну,
Натянул поводок.

И видит начальник:
Вдали, за сосной,
Чужая собака
С лохматой спиной.

По лужам, по выступам
Скользких корней
Пират, задыхаясь,
Несётся за ней.

Хрипит он и рвётся
Вперёд с поводка,
Но сосны редеют,
Граница близка...

Взбежать на пригорок
Лохматому псу...
Но выстрел короткий
Раздался в лесу.

У самой границы,
На тропке лесной,
Упала собака
С лохматой спиной.

Собака не наша,
Такой у нас нет.
Ошейник плетёный
На шее надет,

Зашита в ошейнике
Пачка бумаг:
Собаку послал
С донесением враг.

4

Тревога, тревога!
И с разных концов
Стекаются к лесу
Отряды бойцов.

Кольцом окружить,
Перерезать пути!
Живым на заставу
Врага привести.

Лес будет прочёсан
И выверен весь,
Но враг не уйдёт,
Он останется здесь.

Он выбрал ненастье,
Дождливую ночь.
Он думал, что дождь
Ему сможет помочь.

Он крался вперёд,
Раздвигая кусты,
Но скрыты за соснами
Наши посты.

И в зарослях частых
Залёг часовой,
Не видно бойца
За высокой травой.

5

Вот начало небо
Светлеть наконец,
С заставы к начальнику
Скачет гонец.

На лошади мальчик
Сидит с верховым.
— Товарищ начальник,
Он пойман живым!

Он там, на заставе,
Скачите за мной!
А где же собака
С лохматой спиной?

— Собака уже
Не послужит врагу,
А я тебя, парень,
Поздравить могу.

Ты завтра в подарок
Получишь щенка,
Ты сам его будешь
Спускать с поводка.

...Лесная застава. Приземистый дом.
Высокие сосны за тёмным окном.

В тот дом ненадолго спускаются сны,
В том доме винтовки стоят у стены.
Здесь рядом граница, чужая земля,
Здесь рядом не наши леса и поля.

М. Ильин, Е. Сегал

О ЧУДЕСНОЙ КЛАДОВОЙ

Есть на свете чудесная кладовая. Положишь в неё весной мешок зерна, а осенью, смотришь, вместо одного мешка в кладовой уже двадцать.

Ведро картошки в чудесной кладовой превращается в двадцать вёдер.

Горсточка семян делается большой кучей огурцов, редисок, помидоров, морковок.

Сказка это или не сказка? Это не сказка. Чудесная кладовая есть на самом деле. Ты уже, должно быть, догадался, как она называется.

Она называется земля.

Весной кладовую отпирают — вспахивают землю острым плугом. Потом в кладовую кладут семена — засевают поле зерном. Потом снова запирают кладовую — засыпают зерно землёй.

В кладовую кладут не одно только зерно, но и картошку, и рассаду, и всякие семена.

А осенью в чудесную кладовую приходит хозяин и берёт то, что она ему припасла: горы зерна, картошки, моркови, огурцов, капусты.

Но чудесная кладовая слушается только хорошего хозяина, а плохого не слушается.

Придёт плохой хозяин в кладовую, а у него там вместо хлеба, моркови, капусты и других овощей — одна только сорная трава.

Откуда взялась сорная трава?

А вот откуда.

Когда надо было сеять хлеб, плохой хозяин не отобрал хорошие семена, а посеял все вместе: и годные семена, и сорные.

Сорная трава и обрадовалась, что её сеют, будто она рожь или пшеница.

Принялась она расти не по дням, а по часам и заглушила хлебные колосья, отняла у них воду, заслонила их от солнышка.

И на огороде тоже сорная трава разрослась. Надо было грядки полоть, сорную траву выдёргивать.

А плохой хозяин, вместо того чтобы полоть огород, лежал себе в холодке под деревом и дремал. Вот и вышло так, что у него на грядках одна сорная трава и выросла.

Не так поступал хороший хозяин.

Он берёг своё добро, не бросал его без присмотра в кладовой.

Он и семена хорошие отобрал, он и землю удобрил, как надо, и вспахал её глубоко, и вовремя весь хлеб убрал, ни зёрнышка не потерял. Хороший хозяин не давал сорной траве расти на поле и в огороде, а воевал с ней, как с самым злым врагом.

Вот почему чудесная кладовая дала хорошему хозяину много, а плохому — мало.

Да к тому же у наших колхозников есть сильные, проворные помощники.

Советское государство устроило в помощь колхозникам ремонтно-тракторные станции.

На этих станциях много сильных, проворных машин.

Одна машина пашет, другая сеет, третья косит, четвёртая молотит — выбивает зерно из колосьев.

А есть и такая машина, которая выбирает из зёрен сорные семена.

Когда надо землю вспахать, со станции приходит в колхоз трактор с большим плугом.

А когда надо урожай убирать, зовут на помощь комбайн. Это самый расторопный работник, он сразу делает много дел: и косит, и молотит, и веет, и зерно в мешки насыпает.

Много новых машин-помощниц построили у нас на заводах рабочие. Всё лучше и дружнее идёт с каждым годом работа на колхозных полях. И в награду за труд чудесная кладовая — земля — даёт всё больше хлеба, яблок, груш, овощей, льна, хлопка.

Валентин Петрович Катаев

(Род. в 1897 г.)

ГРИБЫ

К Жене и Павлику приехала из города погостить двоюродная сестра Инночка.

— Ну, дети,— сказала мама,— нечего вам без дела сидеть. Идите в лес за грибами. Посмотрим, кто из вас лучше грибы собирает.

— Я лучше всех собираю,— сказал Павлик.

— Нет, я лучше,— сказала Женя.

А Инночка промолчала.

Побежали дети в лес и разошлись в разные стороны.

Через час возвращаются.

— Я лучше всех собрал! — кричит Павлик издали.

— У меня больше всех грибов, глядите: полное ведро!

Посмотрела мама и улыбнулась:

— Неудивительно, что у тебя полное ведро: ни одного хорошего гриба, одни только поганки да собачьи грибы, неважно ты собираешь грибы, Павлик.

— Ага! — кричит Женя.— Я же говорила, что я лучше всех собираю: глядите, у меня самые большие и самые красивые грибы — красные в белый горошек. Ни у кого нет таких красивых грибов.

Посмотрела мама и засмеялась:

— Глупенькая, это же мухоморы. Они хоть и красивые, да никуда не годятся. Ими отравиться можно. В общем ты тоже плохо собираешь грибы, Женечка.

— А Инночка стоит в сторонке и помалкивает.

— А ты, Инночка, что же молчишь? Показывай, что насобирала.

— У меня совсем мало,— говорит Инночка.

Заглянула мама в Инночкин кузовок, а там десять превосходных грибов. Две прехорошенькие сыроежки, похожие на розовые цветочки; две оранжевые лисички в китайских шапочках; два двоюродных братца — подосиновик и подберёзовик.

Груздь, рыжик, волнушка. Да большой, крепкий, пузатый боровик в бархатном берете.

А сверх того ещё целое гнездо опят — удалых ребят.

Михаил Михайлович Пришвин

(1873—1954)

РЕБЯТА И УТЯТА

Маленькая дикая уточка чирок-свистунок решилась наконец-то перевести своих утят из леса, в обход деревни, в озеро, на свободу. Весной это озеро далеко разливалось, и прочное место для гнезда можно было найти только версты за три, на кочке в болотистом лесу. А когда вода спала, пришлось все три версты путешествовать к озеру.

В местах, открытых для глаз человека, лисицы и ястреба, мать шла позади, чтобы не выпускать утят ни на минуту из виду. И около кузницы, при переходе через дорогу, она, конечно, пустила их вперёд. Вот тут их увидели ребята и зашвыряли шапками. Всё время, пока они ловили утят, мать бегала за ними с раскрытым клювом или перелётывала в разные стороны на несколько шагов в величайшем волнении.

Ребята только было собрались закидать шапками мать и поймать её, как утят, но тут я подошёл.

— Что вы будете делать с утятами? — строго спросил я ребят.

Они струсили и ответили:

— Пустим.

— Вот то-то «пустим»! — сказал я очень сердито.— Зачем вам надо было их ловить? Где теперь мать?

— А вон сидит! — хором ответили ребята.

И указали мне на близкий холмик парового поля, где уточка действительно сидела с раскрытым от волнения ртом.

— Живо,— приказал я ребятам,— идите и возвратите ей всех утят!

Они как будто даже и обрадовались моему приказанию и побежали с утятами на холм. Мать отлетела немного и, когда ребята ушли, бросилась спасать своих сыновей и дочерей. По-своему она им что-то быстро сказала и побежала к овсяному полю. За ней побежали утята — пять штук. И так по овсяному полю, в обход деревни, семья продолжала своё путешествие к озеру.

Радостно снял я шляпу и, помахав ею, крикнул:

— Счастливый путь, утята!

Ребята надо мной засмеялись.

— Что вы смеётесь, глупыши,— сказал я ребятам.— Думаете, так-то легко попасть утятам в озеро? Снимайте живо все шапки, кричите: «до свиданья!».

И те же самые шапки, запылённые на дороге при ловле утят, поднялись в воздух; все разом закричали:

— До свиданья, утята!

ЛИСИЧКИН ХЛЕБ

Однажды я проходил в лесу целый день и под вечер вернулся домой с богатой добычей. Снял с плеч тяжёлую сумку и стал своё добро выкладывать на стол.

— Это что за птица? — спросила Зиночка.

— Терентий, — ответил я.

И рассказал ей про тетерева: как он живёт в лесу, как бормочет весной, как берёзовые почки клюёт, ягодки осенью в болотах собирает, зимой греется от ветра под снегом. Рассказал ей тоже про рябчика, показал ей, что серенький, с хохолком, и посвистел в дудочку по-рябчиному, и ей дал посвистеть. Ещё я высыпал на стол много белых грибов, и красных, и чёрных. Ещё у меня была в кармане кровавая ягода костяника, и голубая черника, и красная брусника. Ещё я принёс с собой ароматный комочек сосновой смолы, дал понюхать девочке и сказал, что этой смолкой деревья лечатся.

— Кто же их там лечит? — спросила Зиночка.

— Сами лечатся,— ответил я.— Придёт, бывает, охотник, захочется ему отдохнуть, он и воткнёт топор в дерево и на топор сумку повесит, а сам ляжет под деревом. Поспит, отдохнёт. Вынет из дерева топор, сумку наденет, уйдёт. А из ранки от топора из дерева побежит эта ароматная смолка и ранку эту затянет.

Тоже, нарочно для Зиночки, принёс я разных чудесных трав по листику, по корешку, по цветочку: кукушкины слёзки, валерьянка, петров крест, заячья капуста.

И как раз под заячьей капустой лежал у меня кусок чёрного хлеба: со мной это постоянно бывает, что когда не возьму хлеба в лес — голодно, а возьму — забуду съесть и назад принесу.

А Зиночка, когда увидала у меня под заячьей капустой чёрный хлеб, так и обомлела.

— Откуда же это в лесу взялся хлеб?

— Что же тут удивительного? Ведь есть же там капуста!

— Заячья...

— А хлеб — лисичкин. Отведай.

Осторожно попробовала и начала есть.

— Хороший лисичкин хлеб!

И съела весь мой чёрный хлеб дочиста. Так и пошло у нас: Зиночка, копуля такая, часто и белый-то хлеб не берёт, а как я из лесу лисичкин хлеб принесу, съест всегда его весь и похвалит:

— Лисичкин хлеб куда лучше нашего!

ЁЖ

Раз шёл я по берегу нашего ручья и под кустом заметил ежа. Он тоже заметил меня, свернулся и затукал: тук-тук-тук. Очень похоже было, как если бы вдали шёл автомобиль. Я прикоснулся к нему кончиком сапога — он страшно фыркнул и поддал своими иголками в сапог.

— А, ты так со мной! — сказал я и кончиком сапога спихнул его в ручей.

Мгновенно ёж развернулся в воде и поплыл к берегу, как маленькая свинья, только вместо щетины на спине были иголки. Я взял палочку, скатил ею ежа в свою шляпу и понёс домой.

Мышей у меня было много. Я слышал — ёжик их ловит, и решил: пусть он живёт у меня и ловит мышей.

Так положил я этот колючий комок посреди пола и сел писать, а сам уголком глаза всё смотрю на ежа. Недолго он лежал неподвижно: как только я затих у стола, ёжик развернулся, огляделся, туда попробовал идти, сюда, выбрал себе наконец место под кроватью и там совершенно затих.

Когда стемнело, я зажёг лампу, и — здравствуйте! — ёжик выбежал из-под кровати. Он, конечно, подумал на лампу, что это луна взошла в лесу: при луне ежи любят бегать по лесным полянкам. И так он пустился бегать по комнате, представляя, что это лесная полянка.

Я взял трубку, закурил и пустил возле луны облачко. Стало совсем как в лесу: и луна и облако, а ноги мои были как стволы деревьев, и, наверно, очень нравились ёжику: он так и шнырял между ними, понюхивая и почёсывая иголками задник у моих сапог.

Прочитав газету, я уронил её на пол, перешёл на кровать и уснул.

Сплю я всегда очень чутко. Слышу — какой-то шелест у меня в комнате. Чиркнул спичкой, зажёг свечку и только заметил, как ёж мелькнул под кровать. А газета лежала уже не возле стола, а посередине комнаты. Так я и оставил гореть свечу и сам не сплю, раздумывая: «Зачем это ёжику газета понадобилась?» Скоро мой жилец выбежал из-под кровати — и прямо к газете; завертелся возле неё, шумел, шумел и наконец ухитрился: надел себе как-то на колючки уголок газеты и потащил её, огромную, в угол.

Тут я понял его: газета ему была как в лесу сухая листва, он тащил её себе для гнезда. И оказалось, правда: в скором времени ёж весь обернулся газетой и сделал себе из неё настоящее гнездо. Кончив это важное дело, он вышел из своего жилища и остановился против кровати, разглядывая свечу — луну.

Я подпустил облака и спрашиваю:

— Что тебе ещё надо?

Ёжик не испугался.

— Пить хочешь?

Я встал. Ёжик не бежит.

Взял я тарелку, поставил на пол, принёс ведро с водой, и то налью воды в тарелку, то опять вылью в ведро, и так шумлю, будто это ручеёк поплёскивает.

— Ну, иди, иди...— говорю.— Видишь, я для тебя и луну устроил, и облака пустил, и вот тебе вода...

Смотрю: будто двинулся вперёд. А я тоже немного подвинул к нему своё озеро. Он двинется — и я двину, да так и сошлись.

— Пей,— говорю окончательно.

Он и залакал. А я так легонько по колючкам рукой провёл, будто погладил, и всё приговариваю:

— Хороший ты малый, хороший.

Напился ёж, я говорю:

— Давай спать.

Лёг и задул свечу. Вот не знаю, сколько я спал, слышу: опять у меня в комнате работа.

Зажигаю свечу — и что же вы думаете? Ёжик бежит по комнате, и на колючках у него яблоко. Прибежал в гнездо, сложил его там и за другим бежит в угол, а в углу стоял мешок с яблоками и завалился. Вот ёж подбежал, свернулся около яблок, дёрнулся и опять бежит — на колючках другое яблоко тащит в гнездо.

Так вот и устроился у меня жить ёжик. А сейчас я, как чай пить, непременно его к себе на стол и то молока ему налью в блюдечко — выпьет, то булочки дам — съест.

ЗОЛОТОЙ ЛУГ

У нас с братом, когда созревают одуванчики, была с ними постоянная забава. Бывало, идём куда-нибудь на свой промысел — он впереди, а я в пяту.

«Серёжа!» — позову я его деловито. Он оглянется, а я фукну ему одуванчиком прямо в лицо. За это он начинает меня подкарауливать и тоже, как зазеваешься, фукнет. И так мы эти неинтересные цветы срывали только для забавы. Но раз мне удалось сделать открытие.

Мы жили в деревне, перед окном у нас был луг, весь золотой от множества цветущих одуванчиков. Это было очень красиво. Все говорили: «Очень красиво! Луг — золотой». Однажды я рано встал удить рыбу и заметил, что луг был не золотой, а зелёный. Когда же я возвращался около полудня домой, луг был опять весь золотой. Я стал наблюдать. К вечеру луг опять позеленел. Тогда я пошёл, отыскал одуванчик, и оказалось, что он сжал свои лепестки, как всё равно если бы у нас пальцы со стороны ладони были жёлтые, и, сжав в кулак, мы закрыли бы жёлтое. Утром, когда солнце взошло, я видел, как одуванчики раскрывают свои ладони, и от этого луг становится опять золотым.

С тех пор одуванчик стал для нас одним из самых интересных цветов, потому что спать одуванчики ложились вместе с нами, детьми, и вместе с нами вставали.

ЦВЕТУЩИЕ ТРАВЫ

Как рожь на полях, так в лугах тоже зацвели все злаки, и когда злачинку покачивало насекомое, она окутывалась пыльцой, как золотым облаком.

Все травы цветут, и даже подорожники — какая трава подорожник, а тоже весь в белых бусинках.

Раковые шейки, медуницы, всякие колоски, пуговки, шишечки на тонких стебельках приветствуют нас. Сколько их прошло, пока мы столько лет жили, и не узнать, кажется, всё те же шейки, колоски, старые друзья. Здравствуйте, еще раз здравствуйте, милые!

Константин Георгиевич Паустовский

(1892—1968)

ЗАБОТЛИВЫЙ ЦВЕТОК

Есть такое растение — высокое, с красными цветами. Цветы эти собраны в большие стоячие кисти. Называется оно кипрей. Об этом кипрее я и хочу рассказать.

Прошлым летом я жил в маленьком городке на одной из наших полноводных рек. Около этого городка сажали сосновые леса.

...Около дома, где помещалось лесничество, разросся по склону оврага тенистый сад. По дну оврага протекала речушка. Тут же невдалеке она впадала в большую реку.

Речушка была тихая, с ленивым течением и густыми зарослями по берегам. В этих зарослях была протоптана к воде тропинка, а около неё стояла скамейка. В свободные минуты лесничий Михаил Михайлович, Анюта и другие сотрудники лесничества любили немного посидеть на этой скамейке, посмотреть, как толчётся над водой мошкара и как заходящее солнце догорает на облаках, похожих на парусные корабли.

В этот вечер я застал Михаила Михайловича и Анюту на скамейке на берегу реки.

В омуте у наших ног плавала необыкновенно зелёная ряска.

На чистых местах цвёл водокрас — белые и тонкие, как папиросная бумага, цветы с красной сердцевиной. Выше омута на крутом берегу островами разросся кипрей.

— Кипрей — это наш помощник,— заметил Михаил Михайлович.

— И белки тоже неплохие помощники,— добавила Анюта. ...Лучших сборщиков шишек, чем белки, нету на свете. Пойдёмте с нами завтра в лес. Сами увидите.

— Ну что ж,— согласился я,— пойдёмте. А вот кипрей чем вам помогает, я не знаю. До сих пор я только знал, что его листья заваривают вместо чая.

— Потому его и прозвали в народе иван-чаем,— объяснил Михаил Михайлович.— А помогает он нам вот чем...

Михаил Михайлович начал рассказывать.

Кипрей всегда разрастается на лесных пожарищах и порубках. Недавно ещё кипрей считали сорной травой. Он только и годился, что на дешёвый чай.

Лесники безжалостно вырывали весь кипрей, что вырастал рядом с молодыми сосенками. Делали это они потому, что считали, будто кипрей заглушает побеги сосен, отнимает у них свет и влагу.

Но вскоре заметили, что сосенки в тех местах, где уничтожен кипрей, совсем не могут бороться с холодом и от первых же утренних морозов, какие бывают в начале осени, начисто погибают.

Учёные, конечно, начали искать причину этого и наконец нашли.

— Что же оказалось? — спросил Михаил Михайлович и сам себе ответил:— А оказалось, что кипрей — очень тёплый цветок. Когда ударит осенний мороз и иней посеребрит траву, то около кипрея инея нету. Потому что вокруг кипрея стоит тёплый воздух. Этот цветок выделяет из себя теплоту. И в этой теплоте растут себе без страха все соседи кипрея, все слабенькие побеги, пока зима не прикроет их, как ватным одеялом, глубоким снежком. И заметьте, что кипрей всегда разрастается рядом с молодыми соснами. Это их сторож, их защитник, их нянька. Бывает, в сильный мороз у кипрея отмёрзнет вся верхушка, а он всё равно не сдаётся, живёт и дышит теплотой. Самоотверженный цветок!

— Кипрей,— сказала Анюта,— не только воздух обогревает, но и почву. Так что и корешки всех этих побегов не замерзают.

— Вы думаете, один кипрей такой замечательный? — спросил меня Михаил Михайлович.— Почти про каждое растение можно рассказать такие удивительные вещи, что вы просто ахнете. Что ни цветок, то прямо рассказ. Растения спасают нас от болезней, дают крепкий сон, свежие силы, одевают, кормят,— всего не перечтёшь. Нет у нас лучших друзей, чем растения. Да если бы я умел рассказывать сказки, я бы о каждой травинке, о каждом каком-нибудь незаметном маленьком лютике или колоске порас-

сказал бы такое, что все старые добрые сказочники мне бы позавидовали.

— Ещё бы! — сказала Анюта.— Если бы они знали тогда то, что мы знаем сейчас, тогда и сказок не надо бы.

На следующий день я ходил вместе с мальчиком и Анютой в Моховой лес, видел беличьи склады сосновых шишек, видел заросли кипрея на гарях и молодых посадках, и с тех пор я начал относиться и к белкам, и к цветам кипрея, и к молодым сосенкам как к своим верным друзьям.

Перед отъездом я сорвал кисть кипрея. Анюта высушила её мне в сухом песке. От этого цветы не потеряли своей яркой пунцовой окраски.

У себя в Москве я заложил эту сухую кисть кипрея в толстую книгу. Называлась она «Русские народные сказки». И каждый раз, когда я раскрывал эту книгу, я думал о том, что жизнь, окружающая нас, хотя бы жизнь вот этого простенького и скромного цветка, бывает интереснее самых волшебных сказок.

Виталий Валентинович Бианки

(1894—1959)

КАК МУРАВЬИШКА ДОМОЙ СПЕШИЛ

Залез Муравей на берёзу. Долез до вершины, посмотрел вниз, а там, на земле, его родной муравейник чуть виден.

Муравьишка сел на листок и думает:

«Отдохну немножко — и вниз».

У муравьёв ведь строго: только солнышко на закат,— все домой бегут. Сядет солнце,— муравьи все ходы и выходы закроют — и спать. А кто опоздал, тот хоть на улице ночуй.

Солнце уже к лесу спускалось.

Муравей сидит на листке и думает:

«Ничего, поспею: вниз ведь скорей».

А листок был плохой: жёлтый, сухой. Дунул ветер и сорвал его с ветки.

Несётся листок через лес, через реку, через деревню.

Летит Муравьишка на листке, качается — чуть жив от страха. Занёс ветер листок на луг за деревней, да там и бросил. Листок упал на камень, Муравьишка себе ноги отшиб.

Лежит и думает:

«Пропала моя головушка. Не добраться мне теперь до дому.

Место кругом ровное. Был бы здоров — сразу бы добежал, да вот беда: ноги болят. Обидно, хоть землю кусай».

Смотрит Муравей: рядом Гусеница-Землемер лежит. Червяк червяком, только спереди — ножки и сзади — ножки.

Муравьишка говорит Землемеру:

— Землемер, Землемер, снеси меня домой. У меня ножки болят.

— А кусаться не будешь?

— Кусаться не буду.

— Ну садись, подвезу.

Муравьишка вскарабкался на спину к Землемеру. Тот изогнулся дугой, задние ноги к передним приставил, хвост — к голове. Потом вдруг встал во весь рост, да так и лёг на землю палкой. Отмерил на земле, сколько в нём росту, и опять в дугу скрючился. Так и пошёл, так и пошёл землю мерить.

Муравьишка то к земле летит, то к небу, то вниз головой, то вверх.

— Не могу больше! — кричит.— Стой! А то укушу!

Остановился Землемер, вытянулся по земле. Муравьишка слез, еле отдышался.

Огляделся, видит: луг впереди, на лугу трава скошенная лежит. А по лугу Паук-Сенокосец шагает: ноги, как ходули, между ног голова качается.

— Паук, а Паук, снеси меня домой! У меня ножки болят.

— Ну что ж, садись, подвезу.

Пришлось Муравьишке по паучьей ноге вверх лезть до коленки, а с коленки вниз спускаться Пауку на спину: коленки у Сенокосца торчат выше спины.

Начал Паук свои ходули переставлять — одна нога тут, другая там; все восемь ног, будто спицы, в глазах у Муравьишки замелькали. А идёт Паук не быстро, брюхом по земле чиркает. Надоела Муравьишке такая езда. Чуть было не укусил он Паука. Да тут, на счастье, вышли они на гладкую дорожку.

Остановился Паук.

— Слезай,— говорит.— Вон Жужелица бежит, она резвей меня.

Слез Муравьишка.

— Жужелка, Жужелка, снеси меня домой! У меня ножки болят.

— Садись, прокачу.

Только успел Муравьишка вскарабкаться Жужелице на спину, она как пустится бежать! Ноги у неё ровные, как у коня.

Бежит шестиногий конь, бежит, не трясёт, будто по воздуху летит.

Вмиг домчались до картофельного поля.

— А теперь слезай,— говорит Жужелица.— Не с моими ногами по картофельным грядам прыгать. Другого коня бери.

Пришлось слезть.

Картофельная ботва для Муравьишки — лес густой. Тут и со здоровыми ногами — целый день бежать. А солнце уж низко.

Вдруг слышит Муравьишка, пищит кто-то:

— А ну, Муравей, полезай ко мне на спину, поскачем.

Обернулся Муравьишка — стоит рядом Жучок-Блошачок, чуть от земли видно.

— Да ты маленький! Тебе меня не поднять.

— А ты-то большой! Лезь, говорю.

Кое-как уместился Муравей на спине у Блошака. Только-только ножки поставил.

— Влез?

— Ну влез.

— А влез, так держись.

Блошачок подобрал под себя толстые задние ножки,— а они у него, как пружинки складные,— да щёлк! — распрямил их. Глядь, уж он на грядке сидит. Щёлк! — на другой. Щёлк! — на третьей.

Так весь огород и отщёлкал до самого забора.

Муравьишка спрашивает:

— А через забор можешь?

— Через забор не могу: высок очень. Ты Кузнечика попроси: он может.

— Кузнечик, Кузнечик, снеси меня домой! У меня ножки болят.

— Садись на загривок.

Сел Муравьишка Кузнечику на загривок.

Кузнечик сложил свои длинные задние ноги пополам, потом разом выпрямил их и подскочил высоко в воздух, как Блошачок. Но тут с треском развернулись у него за спиной крылья, перенесли Кузнечика через забор и тихонько опустили на землю.

— Стоп! — сказал Кузнечик.— Приехали.

Муравьишка глядит вперёд, а там река: год по ней плыви — не переплывёшь.

А солнце ещё ниже.

Кузнечик говорит:

— Через реку и мне не перескочить. Очень уж широкая. Стой-ка, я Водомерку кликну: будет тебе перевозчик.

Затрещал по-своему, глядь — бежит по воде лодочка на ножках.

Подбежала. Нет, не лодочка, а Водомерка-Клоп.

— Водомер, Водомер, снеси меня домой! У меня ножки болят.

— Ладно, садись, перевезу.

Сел Муравьишка. Водомер подпрыгнул и зашагал по воде, как посуху.

А солнце уж совсем низко.

— Миленький, шибче! — просит Муравьишка.— Меня домой не пустят!

— Можно и пошибче,— говорит Водомер.

Да как припустит! Оттолкнётся, оттолкнётся ножками и катит-скользит по воде, как по льду. Живо на том берегу очутился.

— А по земле не можешь? — спрашивает Муравьишка.

— По земле мне трудно, ноги не скользят. Да и гляди-ка: впереди-то лес. Ищи себе другого коня.

Посмотрел Муравьишка вперёд и видит: стоит над рекой лес высокий, до самого неба. И солнце за ним уже скрылось. Нет, не попасть Муравьишке домой!

— Гляди,— говорит Водомер,— вот тебе и конь ползёт.

Видит Муравьишка: ползёт мимо Майский Хрущ — тяжёлый жук, неуклюжий жук. Разве на таком коне далеко ускачешь? Всё-таки послушался Водомера.

— Хрущ, Хрущ, снеси меня домой. У меня ножки болят.

— А ты где живёшь?

— В муравейнике за лесом.

— Далеконько... Ну, что с тобой делать? Садись, довезу.— Полез Муравьишка по жёсткому жучьему боку.

— Сел, что ли?

— Сел.

— А куда сел?

— На спину.

— Эх, глупый! Полезай на голову.

Влез Муравьишка Жуку на голову. И хорошо, что не остался на спине: разломил Жук спину надвое, два жёстких крыла приподнял. Крылья у Жука точно два перевёрнутых корыта, а из-под них другие крылышки лезут, разворачиваются: тоненькие, прозрачные, шире и длиннее верхних.

Стал Жук пыхтеть, надуваться: «Уф! уф! уф!» Будто мотор заводит.

— Дяденька,— просит Муравьишка,— поскорей! Миленький, поживей!

Не отвечает Жук, только пыхтит:

«Уф! уф! уф!»

Вдруг затрепетали тонкие крылышки, заработали. «Жжж! Тук-тук-тук!..» — поднялся Хрущ на воздух. Как пробку, выкинуло его ветром вверх — выше леса.

Муравьишка сверху видит: солнышко уже краем землю зацепило.

Как помчал Хрущ — у Муравьишки даже дух захватило.

«Жжж! Тук-тук-тук!»— несётся Жук, буравит воздух, как пуля.

Мелькнул под ним лес — и пропал.

А вот и берёза знакомая, и муравейник под ней.

Над самой вершиной берёзы выключил Жук мотор и — шлёп! — сел на сук.

— Дяденька, миленький! — взмолился Муравьишка.— А вниз-то мне как? У меня ведь ножки болят, я себе шею сломаю.

Сложил Жук тонкие крылышки вдоль спины. Сверху жёсткими корытцами прикрыл. Кончики тонких крыльев аккуратно под корытца убрал.

Подумал и говорит:

— А уж как тебе вниз спуститься,— не знаю. Я на муравейник не полечу: уж очень больно вы, муравьи, кусаетесь. Добирайся сам, как знаешь.

Глянул Муравьишка вниз, а там, под самой берёзой, его дом родной.

Глянул на солнышко: солнышко уже по пояс в землю ушло.

Глянул вокруг себя: сучья да листья, листья да сучья.

Не попасть Муравьишке домой, хоть вниз головой бросайся!

Вдруг видит: рядом на листке Гусеница Листовёртка сидит, шёлковую нитку из себя тянет, тянет и на сучок мотает.

— Гусеница, Гусеница, спусти меня домой! Последняя мне минуточка осталась — не пустят меня домой ночевать.

— Отстань! Видишь, дело делаю: пряжу пряду.

— Все меня жалели, никто не гнал, ты первая!

Не удержался Муравьишка, кинулся на неё да как куснёт!

С перепугу Гусеница лапки поджала да кувырк с листа — и полетела вниз.

А муравьишка на ней висит — крепко вцепился. Только недолго они падали: что-то их сверху — дёрг!

И закачались они оба на шёлковой ниточке: ниточка-то на сучок была намотана.

Качается Муравьишка на Листовёртке, как на качелях. А ниточка всё длинней, длинней, длинней делается: выматывается у Листовёртки из брюшка, тянется, не рвётся. Муравьишка с Листовёрткой всё ниже, ниже, ниже опускаются.

А внизу, в муравейнике, муравьи хлопочут, спешат, входы-выходы закрывают.

Все закрыли — один, последний, вход остался. Муравьишка с Гусеницы кувырк — и домой!

Тут и солнышко зашло.

ЧЕЙ НОС ЛУЧШЕ?

Мухолов-Тонконос сидел на ветке и смотрел по сторонам. Как только полетит мимо муха или бабочка, он сейчас же погонится за ней, поймает и проглотит. Потом опять сидит на ветке и опять ждёт, высматривает. Увидал поблизости Дубоноса и стал жаловаться ему на своё горькое житьё.

— Очень уж мне утомительно,— говорит,— пропитание себе добывать. Целый день трудишься, трудишься, ни отдыха, ни покоя не знаешь, а всё впроголодь живёшь. Сам подумай: сколько мошек надо поймать, чтобы сытым быть. А зёрнышки клевать я не могу: нос у меня слишком тонок.

— Да, твой нос никуда не годится,— сказал Дубонос.— То ли дело мой! Я им вишнёвую косточку, как скорлупу, раскусываю. Сидишь на месте и клюёшь ягоды. Вот бы тебе такой нос.

Услыхал его Клёст-Крестонос и говорит:

— У тебя, Дубонос, совсем простой нос, как у Воробья, только потолще. Вот посмотри, какой у меня замысловатый нос! Я им круглый год семечки из шишек вылущиваю. Вот так.

Клёст ловко поддел кривым носом чешуйку еловой шишки и достал семечко.

— Верно,— сказал Мухолов,— твой нос хитрей устроен!

— Ничего вы не понимаете в носах!— прохрипел из болота Бекас-Долгонос.— Хороший нос должен быть прямой и длинный, чтоб им козявок из тины доставать удобно было. Поглядите на мой нос!

Посмотрели птицы вниз, а там из камыша торчит нос длинный, как карандаш, и тонкий, как спичка.

— Ах,— сказал Мухолов,— вот бы мне такой нос!

— Постой!— запищали в один голос два брата-кулика — Шилонос и Кроншнеп-Серпонос.— Ты ещё наших носов не видал!

Поглядел Мухолов и увидал перед собой два замечательных носа: один смотрит вверх, другой — вниз, и оба тонкие, как иголка.

— Мой нос для того вверх смотрит,— сказал Шилонос,— чтоб им в воде всякую мелкую живность поддевать.

— А мой нос для того вниз смотрит,— сказал Кроншнеп-Серпонос,— чтоб им червяков да букашек из травы таскать.

— Ну,— сказал Мухолов,— лучше ваших носов не придумаешь!

— Да ты, видно, настоящих носов и не видал! — крякнул из лужи Широконос.— Смотри, какие настоящие-то носы бывают: во-о!

Все птицы так и прыснули со смеху, прямо Широконосу в нос: «Ну и лопата!»

— Зато им воду щелокчить-то как удобно! — досадливо сказал Широконос и поскорей опять кувырнулся головой в лужу.

— Обратите внимание на мой носик! — прошептал с дерева скромный серенький Козодой-Сетконос.— У меня он крохотный, однако служит мне и сеткой и глоткой. Мошкара, комары, бабочки целыми толпами в сетку-глотку мою попадают, когда я ночью над землёй летаю.

— Это как же так? — удивился Мухолов.

— А вот как! — сказал Козодой-Сетконос да как разинет зев — все птицы так и шарахнулись от него.

— Вот счастливец! — сказал Мухолов.— Я по одной мошке хватаю, а он ловит их сразу стаями!

— Да,— согласились птицы,— с такой пастью не пропадёшь.

— Эй вы, мелюзга! — крикнул им Пеликан-Мешконос с озера.— Поймали мошку — и рады. А того нет, чтобы про запас себе

что-нибудь отложить. Я вот рыбку поймаю — и в мешок себе отложу, опять поймаю — и опять отложу.

Поднял толстый Пеликан свой нос, а под носом у него мешок, набитый рыбой.

— Вот так нос,— воскликнул Мухолов,— целая кладовая! Удобней уж никак не выдумаешь!

— Ты, должно быть, моего носа ещё не видал,— сказал Дятел.— Вот полюбуйся!

— А что ж на него любоваться?— спросил Мухолов.— Самый обыкновенный нос: прямой, не очень длинный, без сетки и без мешка. Таким носом пищу себе на обед доставать долго, а о запасах и не думай.

— Нельзя же всё только об еде думать,— сказал Дятел-Долбонос.— Нам, лесным работникам, надо инструмент при себе иметь для плотничных и столярных работ. Мы им не только корм себе добываем, но и дерево долбим: жилище устраиваем, и для себя и для других птиц. Вот у меня какое долото!

— Чудеса! — сказал Мухолов.— Столько носов видел я нынче, а решить не могу, какой из них лучше. Вот что, братцы: становитесь вы все рядом. Я посмотрю на вас и выберу самый лучший нос.

Выстроились перед Мухоловом-Тонконосом Дубонос, Крестонос, Долгонос, Шилонос, Кроншнеп-Серпонос, Широконос, Сетконос, Мешконос и Долбонос.

Но тут упал сверху серый Ястреб-Крючконос, схватил Мухолова и унёс себе на обед.

А остальные птицы с перепугу разлетелись в разные стороны.

КУПАНИЕ МЕДВЕЖАТ

Наш знакомый охотник шёл берегом лесной реки и вдруг услышал громкий треск сучьев. Он испугался и влез на дерево.

Из чащи вышли на берег большая бурая медведица и с ней два весёлых медвежонка. Медведица схватила одного медвежонка зубами за шиворот и давай окунать в речку.

Медвежонок визжал и барахтался, но мать не выпускала его, пока хорошенько не выполоскала в воде.

Другой медвежонок испугался холодной ванны и пустился удирать в лес.

Мать догнала его, надавала шлепков, а потом — в воду, как первого.

Очутившись снова на земле, оба медвежонка остались очень довольны купанием: день был знойный и им было очень жарко в густых лохматых шубках. Вода хорошо освежила их. После купания медведи опять скрылись в лесу, а охотник слез с дерева и пошёл домой.

Евгений Иванович Чарушин

(1901—1965)

ВОЛЧИШКО

Жил в лесу волчишко с матерью. Вот как-то раз ушла мать на охоту. А волчишку поймал человек, сунул его в мешок и принёс в город. Посреди комнаты мешок положил.

Долго не шевелился мешок. Потом забарахтался в нём волчишко и вылез.

В одну сторону посмотрел — чёрный кот фыркает, пыжится, самого себя вдвое толще, еле стоит. А рядом пёс зубы скалит.

Совсем забоялся волчишко, полез в мешок обратно, да не влезть,— лежит пустой мешок на полу, как тряпка.

А кот пыжился, пыжился, да как зашипит!

Прыгнул на стол, блюдце свалил. Разбилось блюдце.

Пёс залаял.

Человек закричал громко:

— Ха-ха-ха!

Забился волчишко под кресло и там стал жить — дрожать.

Кресло посреди комнаты стоит.

Кот со спинки кресла вниз посматривает.

Пёс вокруг кресла бегает.

Человек в кресле сидит — дымит.

А волчишко еле жив под креслом.

Ночью человек уснул, и пёс уснул, и кот зажмурился.

Коты — они не спят, а только дремлют.

Вылез волчишко осмотреться.

Походил, походил, понюхал, а потом сел и завыл.

Пёс залаял.

Кот на стол прыгнул.

Человек на кровати сел. Замахал руками, закричал. А волчишко опять под кресло залез. Стал тихонечко там жить.

Утром ушёл человек. Молока налил в плошку.

Стали кот с собакой молоко лакать.

Вылез из-под кресла волчишко, пополз к двери, а дверь-то открыта!

Из двери на лестницу, с лестницы на улицу, с улицы по мосту, с моста в огород, из огорода в поле.

А за полем стоит лес.

А в лесу мать — волчиха.

Обнюхались, обрадовались и дальше побежали по лесу.

Рисунок Е. Чарушина.

ПОЧЕМУ ТЮПУ ПРОЗВАЛИ ТЮПОЙ

Когда Тюпа удивится или увидит непонятное и интересное, он двигает губами и тюпает: «тюп-тюп-тюп-тюп...»

Травка шевельнулась от ветра, пичужка пролетела, бабочка вспорхнула — Тюпа ползёт, подкрадывается поближе и тюпает: «Тюп-тюп-тюп-тюп... Схвачу! Словлю! Поймаю! Поиграю!»

Вот почему Тюпу прозвали Тюпой.

Слышит Тюпа, кто-то тоненько посвистывает.

Видит: в крыжовнике, где погуще, кормятся серенькие вертлявые пичужки — пенки, ищут, нет ли где мошки-букашки.

Ползёт Тюпа. Уж так таится, прячется. Даже не тюпает — боится спугнуть. Близко-близко подполз да как прыгнет — прыг! Как схватит... Да не схватил.

Не дорос ещё Тюпа птицу ловить.

Тюпа — ловкач неуклюжий.

БОЛЬШИЕ И МАЛЕНЬКИЕ

Зайчата

Сидите в траве, зайчатки, не шевелитесь! Глазом не моргните, ухом не поведите! Никто вас, сереньких, здесь и не увидит.

А бегать вам пока нельзя. Кто на месте сидит, у того и следу нет. А следу нет — кто вас найдёт?

Медведица и медвежата

А ну-ка, лезь на пенёк, сорви ягодки! Не свались, не ушибись!

Хоть мы, медведи, косолапы, а ловкачи. Мы так бегать умеем — лошадь догоним.

На деревья лазим, в воду ныряем.

Тяжёлые пни выворачиваем, жирных жуков ищем.

Мы мёд и траву едим, корешки и ягоды.

А дичинка попадёт — и ей рады.

Рисунок Е. Чарушина.

КАК МАЛЬЧИК ЖЕНЯ НАУЧИЛСЯ ГОВОРИТЬ БУКВУ «Р»

Мальчик Женя не умел говорить букву «р».

Ему говорят:

— Ну-ка, Женя, скажи: «Пароход».

А он говорит: «Палоход».

— Скажи: «Таракан».

А Женя говорит: «Талакан».

— Скажи: «Рыба».

А он говорит: «Лыба».

Все ребята во дворе над ним смеялись.

Вот однажды играл Женя с ребятами, сказал тоже что-то неправильно и ребята начали его дразнить.

Тогда Женя обиделся и залез на крышу невысокой бани.

Лежит он на крыше и тихонько плачет.

Вдруг на забор прилетела ворона и как каркнет:

— Кррраaa!..

Женя тоже каркнул — только получилось: «Кллааа».

А ворона посмотрела на него, наклонила набок голову, пристёлкнула клювом и давай выговаривать на разные лады:

— Каррр, краа, кррр, ррра, ррра.

У Жени получается: «Клавла, кллл, клклкл».

Полчаса кричал Женя по-вороньи, язык во рту в разные места ставил и дул изо всех сил — всё не выходило.

У него и язык устал, и губы распухли. И вдруг так хорошо получилось:

— Кррррррраааа!

Так хорошо, словно куча камней по камушкам в разные стороны раскатывается: «р-р-р-р».

Обрадовался Женя и полез с крыши.

Торопится, лезет и всё время каркает, чтобы не забыть, как «р» выговаривается.

Лез, лез и свалился с крыши. Да крыша-то невысокая, упал он в куст смородины — не ушибся.

Встал Женя, побежал к ребятам, радуется, кричит:

— Я «рры» научился говорить!

— А ну,— говорят ребята,— скажи нам что-нибудь.

Женя подумал и сказал:

— Паврррyша.

Это Женя хотел сказать «Павлуша», да спутал.

Вот как обрадовался!

Любовь Фёдоровна Воронкова

(1906—1976)

СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЕК

Маленький Соколик

Солнышко сошло с полуденной высоты, но пригревало ещё очень горячо. Так горячо, что видно было, как над землёй дрожит и струится знойный воздух.

Таня с Алёнкой сидели на брёвнышках и слушали, как под навесом щебечут молодые ласточки. Вдруг на задворки прибежала Нюра.

— Вы тут сидите и ничего не знаете,— закричала она,— а на конюшне жеребёнок родился!

Все побежали на конюшню. Конюшня стояла на самом краю деревни, возле пруда. Она была большая, со стеклянными окошками.

Лошадей в конюшне не было — все работали. Только в одном стойле стояла рыжая Зорька. Дед подстилал ей чистую солому. Он увидел ребятишек и заворчал:

— Ну, чего пришли? Не видали вас!

Но девочки всё-таки подошли поближе и увидели, что возле Зорьки стоит маленький жеребёночек.

— Ух ты миленький! — воскликнула Таня.— Ух ты хорошенький! А на лбу звёздочка!.. Дедушка, дай я его поглажу.

— Нет уж, не гладь,— сказал дед.— Видишь, он и так боится.

Жеребёнок поводил ушами, косился на Таню, прижимался к матке. А дед ласково уговаривал его:

— Ну-ну, Соколик, не пугайся! Мы тебя не обидим.

Прихрамывая, шёл мимо конюшни счетовод Иван Сергеевич. Он пришёл с войны раненый, с тех пор с костылём ходит.

— Эй, Мироныч! — крикнул он деду.— Говорят, у тебя прибыль сегодня?

— А то как же! — гордо ответил дед.— Иди полюбуйся.

Счетоводу жеребёнок понравился:

— Ишь ты долгоногий какой! У нас в кавалерии такие были.

Шла на пруд тётка Марья. Поставила вёдра среди дороги и тоже зашла в конюшню.

— Вот и хорошо,— сказала она,— хозяйство наше прибавляется.

Потом пришёл старик сторож. Ему тоже хотелось жеребёнка посмотреть. Но дед увидел, что много народу собралось, замахал рукой:

— Нет уж, идите-ка, пожалуй! Нечего лошадь тревожить.

Все пошли со двора.

— Будь здоров, Мироныч,— сказали деду,— выхаживай коня.

— Да уж выходим,— ответил дед,— не беспокойтесь!

Но девочкам не хотелось уходить. Они ещё постояли у ворот, посмотрели, как жеребёночек ходит возле матки и помахивает хвостом. А хвост у него пушистый, кудрявый и ещё совсем маленький.

СНЕГ ИДЁТ

Новый год пришёл

Учитель не забыл — свечек привёз. А еще привёз бенгальских огней и дал деду немного серебряной канители и золотого дождя.

— А когда свечки зажигать будем? — спросила Таня.

— Вечером,— сказала бабушка.— Как стемнеет на улице, так и зажжём.

Таня и Алёнка не могли дождаться, когда настанет вечер.

Они собрали всех своих кукол, нарядили их в самые лучшие платья и усадили под ёлку. А сами они тоже были нарядные. Алёнка пришла в новой вязаной кофточке, а Таня надела своё самое красивое платье — красное клетчатое с пуговицами на груди.

В сумерки пришёл Дёмушка и привёл своих товарищей — Егорку, Юру Грачёва и Ваню Берёзкина.

— Бабушка, смотри-ка, и все мальчишки к нам пришли! — закричала Таня.

Но бабушка сказала:

— Ну пусть они тоже на ёлке побудут, они ведь маленькие.

Мать пришла с работы пораньше, прибралась в избе, накрыла стол белой скатертью. Таня украдкой взяла шаль и выбежала на задворки посмотреть, не идёт ли Новый год. Но тихо было кругом, неподвижно стояли голые берёзы, и на снежной дороге никого не было.

— Не идёт ещё! — вздохнула Таня и побежала обратно в избу.

Скоро на улице совсем стемнело. Бабушка управилась со скотиной. Пришёл из конюшни дедушка.

— Ну вот, скоро и Новый год пожалует,— сказала мать.— Теперь и зажигать можно!

Мать зажгла на ёлке свечки, и вся изба осветилась. Заблестела на ёлке серебряная канитель, засверкал золотой дождик, красная звезда и все конфетки в пёстрых бумажках засветились и засияли. Тане показалось даже, что и старые куклы, которые сидели под ёлкой, развеселились и заулыбались.

— Давайте мы Новому году песенку споём,— сказала мать.— Девчатки, начинайте, как я вас учила!

Таня и Алёнка стали рядом и запели песню про ёлку.

Дёмушка и мальчики тоже им подтягивали, и получалось хоть и не очень складно, зато очень весело.

Когда спели песенку, мать включила радио, и в избе зазвучала музыка, громкая и весёлая. Такая музыка, что всем плясать захотелось.

А потом дедушка зажёг серную палочку — бенгальский огонь. Ну, уж это было настоящее чудо! Огонёк бежал по этой палочке, трещал, и по всей избе разлетались белые искры и белые звёзды.

Потом палочка сгорела, погасла, и пошёл дымок.

— Дедушка, ещё зажги! — закричала Таня

— Ещё, ещё зажги! — закричала и Алёнка.

И мальчики закричали:

— Ещё! Ещё!

Дедушка зажёг другую палочку, и снова по избе с треском полетели белые искры и белые звёзды. Дёмушка отскакивал от бенгальского огня — боялся, что обожжётся. Он не знал, что бенгальский огонь холодный.

А Таня и Алёнка подставляли ладони, ловили огненные звёздочки и смеялись:

— А мы не боимся! А мы огонь хватаем!

Поздно вечером пришла Алёнкина мать и увела Алёнку и Дёмушку домой. И Дёмушкины товарищи тоже домой ушли. Танина мать всем гостям дала на дорожку по горсти разноцветных конфет. Конфеты были круглые, как крыжовник, и розовые и зелёные.

Таня свои конфеты есть не стала. Она высыпала их в блюдце и поставила куклам под ёлку — кукол ведь тоже угостить нужно.

Свечки на ёлке стали гореть тише. То одна погаснет, то другая. Но серебряная канитель и золотой дождик всё ещё блестели и светились.

— Давайте ёлку гасить,— сказала бабушка,— да за ужин пора.

Но Таня сказала:

— Что ты, бабушка! Новый год придёт, а у нас ёлка не горит. И радио пусть играет!..— А потом спросила: — А когда же он придёт? Уж и свечки стали маленькие, и трескучий огонёк сгорел, а он всё не идёт и не идёт. Может, он сегодня не придёт совсем?

Мать засмеялась. А дедушка сказал:

— Как не придёт? Хоть все ворота запри, он всё равно здесь будет.

Таня опять потихоньку вышла во двор, опять посмотрела на дорогу. Но в деревне стояла тишина, молчали берёзы, и на пустынной дороге никого не было...

После ужина Таня не хотела ложиться спать.

— Я не хочу спать,— сказала она,— а то усну и Новый год не встречу... Я буду его дожидаться.

— Дожидаться и в постели можно,— ответила мать.— Лежи и дожидайся.

Мать повернула рычажок радиоприёмника, и музыка стала тихой и далёкой, как во сне. Таня легла. Она смотрела, как мигают на ёлочке последние свечки, и ждала: вот заскрипят шаги по морозу, вот стукнут в дверь или в окно... Но шаги всё не скрипели, и в окно никто не стучал. Последняя свечка на ёлке погасла, и золотой дождь перестал светиться. И Таня сама не заметила, как заснула.

Тихо было кругом. Все спали — и мать и бабушка. А дед ушёл ночевать на скотный двор.

И тогда вдруг умолкла музыка, и в тишине раздался большой серебряный звон часов. Это били часы в Москве, на Кремлёвской башне.

Они пробили двенадцать раз, и на земле наступил Новый год.

ЗОЛОТЫЕ КЛЮЧИКИ

Медок и Холодок

Алёнка вылезла из лужи и сказала:

— А вода до чего тёплая!

И побежала по улице, по всем лужицам и калужинкам. Таня бросилась за ней.

Они догоняли друг друга, шлёпали босыми ногами по воде, поднимали весёлые брызги и смеялись.

Вдруг Алёнка остановилась.

— Гляди-ка,— сказала она,— пионерский вожатый хворост несёт!

Вожатый пионерского отряда Ваня Дозоров услышал Алёнку.

— Это не хворост,— сказал он,— это маленькие деревца — липки.

Таня подбежала к нему:

— Липки! А где же ты их столько накопал?

— Не накопал. В лесничестве взял. Там их в питомнике из семян вырастили...

— А на что они?

— Как «на что»? Сажать будем.

Посреди деревни около избы-читальни кучкой сидели ребята-школьники: кто на ступеньках, кто на брёвнышках. У всех были заступы, и солнечные огоньки то тут, то там загорались на отточенных лезвиях.

— Ну, идите,— сказал Ваня,— некогда мне с вами! А вон и бригада моя собралась, ждёт меня.

В это время школьники увидели Ваню и побежали ему навстречу:

— Сад в деревню принесли, сад принесли!

Они окружили Ваню Дозорова, разглядывали маленькие деревца, расспрашивали:

— А сколько их тут?

— А где сначала сажать будем?

— Сначала будем сажать вокруг пасеки,— сказал Ваня,— потому что это липка, а пчёлы липовый цвет любят.

— А потом где?

— А потом по всей деревне насажаем. Разных деревьев насажаем. Сирени побольше. Пускай у нас избы как в саду стоят.

— На пасеку, так на пасеку! — закричал Вася Бражкин.— Шагай, ребята.

— На пасеку! — подхватила Ариша Родионова.

Настя вскинула заступ на плечо и первая зашагала по тропочке, ведущей на пасеку.

Таня уцепилась за Ванин рукав:

— И мы с вами пойдём липки сажать!

Ваня засмеялся:

— И вы? Да вы же не сумеете!

— Сумеем! — сказала Таня.

Тут и Алёнка её поддержала:

— Мы сумеем!

Тогда Ваня дал им два деревца:

— Вот сажайте. Только на пасеку не ходите, вам далеко. Посадите их где-нибудь у своих дворов. Но смотрите, если не справитесь, позовите кого-нибудь из старших. А саженцы зря не губите — они трудов стоят.

И ушёл.

Алёнка посмотрела на своё деревцо и сказала:

— Разве это деревцо? Это просто какой-то прутик. Он, наверно, нам нарочно сказал.

Таня засмеялась:

— Эх ты, «прутик»! А у прутиков корни бывают?

Алёнка потрогала пальцами нежный маленький корешок, подумала и больше не стала спорить.

Подружки стали советоваться.

— Ты где сажать будешь? — спросила Алёнка.— У ворот или под окнами?

— Я у ворот.

— Ну, тогда и я у ворот. А ты у чьих ворот? — опять спросила Алёнка.— У наших или у ваших?

— Я у наших.

— Ну, тогда и я у ваших.

Дедушка уже кончил копать в палисаднике и поставил заступ в сараюшку, под навес, а сам стал собираться на конюшню. Ему надо было лошадям приготовить корму. Лошади все в поле, на работе, придут с работы — есть захотят.

Таня нашла под навесом заступ и приволокла его к воротам:

— Давай ямки копать!

Но заступ был очень тяжёлый. Такой заступ и поднять-то не поднимешь, не то что им ямки копать!

Дедушка вышел на улицу и увидел, как Таня и Алёнка мучаются с заступом. Он подошёл к ним:

— Вы что это делаете?

— Мы, дедушка, деревья сажаем,— ответила Таня, липки!

— А ну-ка, дайте сюда заступ, – сказал дедушка.

Он взял заступ и выкопал две ямки.

— Ну вот, теперь и сажайте.

Таня и Алёнка посадили свои деревца, примяли вокруг них землю, полили их тёплой водой из калужины... Светит горячее весеннее солнышко, идут по небу весёлые облака, поют скворцы у скворечен, развёртываются почки на деревьях. И два новых деревца стоят у ворот, расправляют корешки в тёплой земле!

— Мою липку знаешь, как звать? — сказала Таня.— Мою липку звать Медок!

Алёнка удивилась:

— А почему?

— А потому, что когда она вырастет, то на ней будут медовые цветы. И на неё пчёлы будут прилетать за мёдом. Вот потому и Медок!

— А как же мою?..— спросила Алёнка.— Мою тоже Медок?

— Нет, твою пусть как-нибудь ещё!

— А как?

— Знаешь, как? Холодок!

— А почему?

— А потому, что когда она вырастет, то будет густая-прегу-

стая. Кругом будет жара, дышать нечем, а под твоей липкой — холодок! Ну, пусть?

Алёнка улыбнулась и сказала:

— Пусть!

ПОДРУЖКИ ИДУТ В ШКОЛУ

Эти несколько деньков пролетели очень быстро, пролетели, как жёлтые листочки с берёзы, унесённые ветром. Наступило первое сентября.

В этот день Таня проснулась очень рано. Ясное сентябрьское солнце косо заглядывало в окно, и у бабушки в кухне ещё топилась печка.

Таня вскочила с постели и, шлёпая босыми ногами, побежала на кухню.

— Ты что вскочила такую рань? — сказала бабушка.— У меня ещё и завтрак не готов!

— Так и надо, чтобы рань! — ответила Таня.— Ты, бабушка, наверно, всё забыла!

— А что ж такое я забыла?

— Бабушка, да ведь я сегодня в школу иду!

— Ну и что ж ты кричишь? — удивилась бабушка.— В школе тоже уроки не до свету начинаются.

Тут она вытащила из печки большую, шипящую на сковороде лепёшку и сказала:

— Вот я тебе и лепёшку испекла, с собой возьмёшь в школу. Видишь — ничего я не забыла!

К завтраку пришла мать с молотьбы.

— Я сейчас сама дочку в школу соберу,— сказала она.— Ну-ка, иди сюда!

Она дала Тане выглаженное коричневое платье, застегнула на ней чёрный фартук, сунула ей в кармашек носовой платок и сама расчесала Тане волосы. Расчесала и задумалась:

— А что же нам с твоими волосами делать? Так идти в школу не годится, на голове-то у тебя словно овин горит — завитушки торчат во все стороны. Или подстричь их надо, или косичку заплести.

— Косичку заплести! — сказала Таня.

Мать достала из комода синюю ленту и заплела Тане косичку. Косичка вышла маленькая и закручивалась кверху. Но Таня радовалась и гордилась и всё трогала её рукой. Таня ещё никогда в жизни не ходила с косичкой!

Мать оглядела Таню, всё ли на ней хорошо, и сказала:

— Учись, дочка, прилежно, слушай, что учительница будет говорить, набирайся ума-разума!

Таня пила чай и дула в блюдце, потому что она торопилась, а чай был горячий и никак не остывал. В это время в окно заглянула Алёнка. Таня поставила блюдце с чаем на стол.

— Идём?

Алёнка кивнула головой.

— Да куда ж ты? — сказала Тане бабушка.— Ты хоть чай-то допей!

Но Таня уже схватила свою сумку, которую ей приготовили в школу, и выскочила на крыльцо. А в сумке была тёплая лепёшка, бутылка с молоком и холщовые кармашки для азбуки.

Подружки вышли на улицу.

— Ух, как провода на солнце блестят! — сказала Таня.— Может, они серебряные?

— Наверно, серебряные,— согласилась Алёнка.

Таня опасливо посмотрела кругом:

— Снежка не видать? Как бы за нами не увязался!

А Снежок словно только и ждал, чтобы про него вспомнили. Он выбежал из калитки и начал прыгать вокруг Тани.

— Ты не смей с нами ходить! — прикрикнула на него Таня.— Иди домой!

Но Снежок глядел на неё и вилял хвостом, словно хотел сказать: «Ну, а почему мне нельзя с тобой идти? Я пойду!»

Тогда Таня подняла хворостинку и замахнулась на Снежка:

— Кому говорят — домой иди! Вот я тебя!

Снежок обиделся, опустил хвост и отстал. Он стоял и глядел, как Таня и Алёнка всё дальше и дальше уходили по дороге.

В конце улицы уже собрались все колхозные ребятишки-школьники. Кто идёт в четвёртый класс, кто в третий, кто во второй, а кто и вовсе только в первый раз учиться идёт.

Все собрались и вместе пошли в школу. И Таня с Алёнкой тоже пошли.

Светлое поле лежало по сторонам дороги. В поле было уже пусто, хлеб убран, и жёлтая стерня слабо блестела на солнце. А за полем стоял нарядный сентябрьский лес.

С дальних полей возили овёс. Большие косматые возы, покачиваясь, шли по дороге.

— Эй, школьники, садитесь, подвезём! — кричали им с возов.

— Подвезёте в ригу,— отвечали ребята,— а нам надо в школу. Не по пути!

В риге шумела молотилка, рокотали веялки, слышались голоса... Весёлый шум работ далеко разносился над опустевшими полями.

— Слышите? — сказал Юра председателев.— Вот как у нас теперь — все молотилки и веялки на электричестве работают! ГЭС пустили! — И тут же крикнул: — Ребята, сторонись! Машина сзади!

Ребятишки сбежали с дороги. Машина шла, поднимая невысокую пыль. Она была доверху нагружена тяжёлыми мешками — колхоз отправлял хлеб на ссыпной пункт.

С машины тоже покричали:

— Может, подвезти?

— Далеко едете! — отвечали ребята.— Увезёте в район, а наша школа близко.

Дорога спустилась в овражек, заросший ольшаником. А когда поднялась на горку, кусты расступились, и стало видно школу. Вот она стоит на зелёной луговине — новая, с голубыми наличниками — и блестит на солнце своими большими окнами.

Со всех сторон, изо всех деревень собрались в школу ученики. Учителя встретили их и развели по классам.

Таня и Алёнка, держась друг за друга, вошли в первый класс и сели за парту.

— Сядьте прямо, дети,— сказала учительница,— положите руки на парту...— И вдруг посмотрела на дверь: — Кто это царапается за дверью?

Учительница открыла дверь, и в класс вбежал Снежок. Он увидел Таню и сразу завилял хвостом. Все ребятишки засмеялись, учительница тоже засмеялась и сказала:

— Вот так ученик явился! Ну нет, нам таких учеников не надо! Уходи, уходи из класса!

Она прикрикнула на Снежка и прогнала его. Ребята посмеялись, но скоро успокоились и стали слушать, что говорит учительница.

Николай Николаевич Носов

(1908—1976)

ЖИВАЯ ШЛЯПА

Шляпа лежала на комоде, котёнок Васька сидел на полу возле комода, а Вовка и Вадик сидели за столом и раскрашивали картинки. Вдруг позади них что-то плюхнулось — упало на пол. Они обернулись и увидели на полу возле комода шляпу.

Вовка подошёл к комоду, нагнулся, хотел поднять шляпу — и вдруг как закричит:

— Ай-ай-ай! — и бегом в сторону.

— Чего ты? — спрашивает Вадик.

— Она жи-жи-живая!

— Кто живая?

— Шля-шля-шля-па.

— Что ты! Разве шляпы бывают живые?

— По-посмотри сам!

Вадик подошёл поближе и стал смотреть на шляпу. Вдруг шляпа поползла прямо к нему. Он как закричит:

— Ай! — и прыг на диван.

Вовка за ним.

Шляпа вылезла на середину комнаты и остановилась. Ребята смотрят на неё и трясутся от страха. Тут шляпа повернулась и поползла к дивану.

— Ай! Ой! — закричали ребята.

Соскочили с дивана — и бегом из комнаты. Прибежали на кухню и дверь за собой закрыли.

— Я у-у-хо-хо-жу! — говорит Вовка.

— Куда?

— Пойду к себе домой.

— Почему?

— Шляпы бо-боюсь! Я первый раз вижу, чтоб шляпа по комнате ходила.

— А может быть, её кто-нибудь за верёвочку дёргает?

— Ну, пойди посмотри.

— Пойдём вместе. Я возьму кочергу. Если она к нам полезет, я её кочергой тресну.

— Постой, я тоже кочергу возьму.

— Да у нас другой кочерги нет.

— Ну, я возьму лыжную палку.

Они взяли кочергу и лыжную палку, приоткрыли дверь и заглянули в комнату.

— Где же она? — спрашивает Вадик.

— Вон там, возле стола.

— Сейчас я её тресну кочергой! — говорит Вадик.— Пусть только подлезет ближе, бродяга такая!

Но шляпа лежала возле стола и не двигалась.

— Ага, испугалась! — обрадовались ребята.— Боится лезть к нам.

— Сейчас я её спугну,— сказал Вадик.

Он стал стучать по полу кочергой и кричать:

— Эй ты, шляпа!

Но шляпа не двигалась.

— Давай наберём картошки и будем в неё картошкой стрелять,— предложил Вовка.

Они вернулись на кухню, набрали из корзины картошки и стали швырять её в шляпу. Швыряли, швыряли, наконец Вадик попал. Шляпа как подскочит кверху!

— Мяу! — закричало что-то.

Глядь, из-под шляпы высунулся серый хвост, потом лапа, а потом и сам котёнок выскочил.

— Васька! — обрадовались ребята.

— Наверно, он сидел на полу, а шляпа на него с комода упала,— догадался Вовка.

Вадик схватил Ваську и давай его обнимать:

— Васька, миленький, как же ты под шляпу попал?

Но Васька ничего не ответил. Он только фыркал и жмурился от света.

ОГУРЦЫ

Один раз Павлик взял с собой Котьку на реку ловить рыбу. Но в этот день им не повезло: рыба совсем не клевала. Зато когда шли обратно, они забрались в колхозный огород и набрали полные карманы огурцов. Колхозный сторож заметил их и засвистел в свисток. Они от него бежать. По дороге домой Павлик подумал, как бы ему дома не досталось за то, что он лазит по чужим огородам. И он отдал свои огурцы Котьке.

Котька пришёл домой радостный:

— Мама, я тебе огурцов принёс!

Мама посмотрела, а у него полные карманы огурцов, и за пазухой огурцы лежат, и в руках ещё два больших огурца.

— Где ты их взял? — говорит мама.

— На огороде.

— На каком огороде?

— Там, у реки, на колхозном.

— Кто же тебе позволил?

— Никто, я сам нарвал.

— Значит, украл?

— Нет, не украл, а так просто... Павлик брал, а мне нельзя, что ли? Ну, и я взял.

Котька начал вынимать огурцы из карманов.

— Постой, постой! Не выгружай,— говорит мама.

— Почему?

— Сейчас же неси их обратно!

— Куда ж я их понесу? Они на грядке росли, а я сорвал. Всё равно они теперь уже расти не будут.

— Ничего, отнесёшь и положишь на той же грядке, где сорвал.

— Ну, я их выброшу.

— Нет, не выбросишь! Ты их не садил, не растил, не имеешь права и выбрасывать.

Котька стал плакать:

— Там сторож. Он нам свистел, а мы убежали.

— Вот видишь, что делаете! А если б он поймал вас?

— Он не догнал бы. Он уже старенький дедушка.

— Ну как тебе не стыдно! — говорит мама.— Ведь дедушка за эти огурцы отвечает. Узнают, что огурцы пропали, скажут, что дедушка виноват. Хорошо будет?

Мама стала совать огурцы обратно Котьке в карман. Котька плакал и кричал:

— Не пойду я! У дедушки ружьё. Он выстрелит и убьёт меня.

— И пусть убьёт! Пусть лучше у меня совсем не будет сына, чем будет сын вор.

— Ну, пойдём со мной, мамочка! На дворе темно. Я боюсь.

— А брать не боялся?

Мама дала Котьке в руки два огурца, которые не поместились в карманах, и вывела его за дверь:

— Или неси огурцы, или совсем уходи из дому, ты мне не сын!

Котька повернулся и медленно-медленно пошёл по улице.

Уже было совсем темно.

«Брошу их тут, в канаву, а скажу, что отнёс,— решил Котька и стал оглядываться вокруг.— Нет, отнесу: ещё кто-нибудь увидит и дедушке из-за меня попадёт».

Он шёл по улице и плакал. Ему было страшно.

«Павлику хорошо! — думал Котька.— Он мне свои огурцы отдал, а сам дома сидит. Ему небось не страшно».

Вышел Котька из деревни и пошёл полем. Вокруг не было ни души. От страха он не помнил, как добрался до огорода. Остановился возле шалаша, стоит и плачет всё громче и громче. Сторож услышал и подошёл к нему.

— Ты чего плачешь? — спрашивает.

— Дедушка, я принёс огурцы обратно.

— Какие огурцы?

— А которые мы с Павликом нарвали. Мама сказала, чтоб я отнёс обратно.

— Вот оно какое дело! — удивился сторож.— Это, значит, я вам свистел, а вы всё-таки огурцы-то стащили. Нехорошо!

— Павлик брал, и я взял. Он мне и свои огурцы отдал.

— А ты на Павлика не смотри, сам понимать должен. Ну, больше не делай так. Давай огурцы и иди домой.

Котька вытащил огурцы и положил их на грядку.

— Ну, все, что ли? — спросил старик.

— Нет... одного не хватает,— ответил Котька и снова заплакал.

— Почему не хватает, где же он?

— Дедушка, я один огурец съел. Что теперь будет?

— Ну, что ж будет? Ничего не будет. Съел, ну и съел. На здоровье.

— А вам, дедушка, ничего не будет за то, что один огурец пропал?

— Ишь ты какое дело! — усмехнулся дедушка.— Нет, за один огурец ничего не будет. Вот если б ты не принёс остальных, тогда да, а так нет.

Котька побежал домой. Потом вдруг остановился и закричал издали:

— Дедушка, дедушка!

— Ну что ещё?

— А этот вот огурец, что я съел, как будет считаться — украл я его или нет?

— Гм,— сказал дед,— вот ещё какая задача! Ну чего там, пусть не украл.

— А как же?

— Ну, считай, что я тебе подарил его.

— Спасибо, дедушка! Я пойду.

— Иди, иди, сынок.

Котька во весь дух помчался по полю, через овраг, по мостику через ручей и, уже не спеша, пошёл по деревне домой. На душе у него было радостно.

НА ГОРКЕ

Целый день ребята трудились — строили снежную горку во дворе. Сгребали лопатами снег и сваливали его под стенку сарая в кучу. Только к обеду горка была готова. Ребята полили её водой и побежали домой обедать.

— Вот пообедаем,— говорили они,— а горка пока замёрзнет. А после обеда мы придём с санками и будем кататься.

А Котька Чижов из шестой квартиры хитрый какой! Он горку не строил. Сидит дома да смотрит в окно, как другие трудятся. Ему ребята кричат, чтоб шёл горку строить, а он только руками за окном разводит да головой мотает,— как будто нельзя ему. А когда ребята ушли, он быстро оделся, нацепил коньки и выскочил во двор. Чирк коньками по снегу, чирк! И кататься-то как следует не умеет! Подъехал к горке.

— О,— говорит,— хорошая горка получилась! Сейчас скачусь.

Только полез на горку — бух носом!

— Ого! — говорит.— Скользкая!

Поднялся на ноги и снова — бух! Раз десять падал. Никак на горку взобраться не может.

«Что делать?» — думает.

Думал, думал — и придумал:

«Вот сейчас песочком посыплю и заберусь на неё».

Схватил он фанерку и покатил к дворницкой. Там — ящик с песком. Он и стал из ящика песок на горку таскать. Посыпает впереди себя, а сам лезет всё выше и выше. Взобрался на самый верх.

— Вот теперь,— говорит,— скачусь!

Оттолкнулся ногой и снова — бух носом! Коньки-то по песку не едут! Лежит Котька на животе и говорит:

— Как же теперь по песку кататься?

И полез вниз на четвереньках.

Тут прибежали ребята. Видят — горка песком посыпана.

— Это кто здесь напортил? — закричали они.— Кто горку песком посыпал? Ты не видал, Котька?

— Нет,— говорит Котька,— я не видал. Это я сам посыпал, потому что она была скользкая и я не мог на неё взобраться.

— Ах ты, умник! Ишь что придумал! Мы трудились, трудились, а он — песком! Как же теперь кататься?

Котька говорит:

— Может быть, когда-нибудь снег пойдёт, он засыплет песок, вот и можно будет кататься.

— Так снег, может, через неделю пойдёт, а нам сегодня надо кататься.

— Ну, я не знаю,— говорит Котька.

— Не знаешь! Как испортить горку, ты знаешь, а как починить, не знаешь! Бери сейчас же лопату!

Котька отвязал коньки и взял лопату.

— Засыпай песок снегом!

Котька стал посыпать горку снегом, а ребята снова водой полили.

— Вот теперь,— говорят,— замёрзнет, и можно будет кататься.

А Котьке так работать понравилось, что он ещё сбоку лопатой ступеньки проделал.

— Это,— говорит,— чтоб всем было легко взбираться, а то ещё кто-нибудь снова песком посыплет!

Валентина Александровна Осеева

(1902—1969)

ВОЛШЕБНОЕ СЛОВО

Маленький старичок с длинной седой бородой сидел на скамейке и зонтиком чертил что-то на песке.

— Подвиньтесь,— сказал ему Павлик и присел на край.

Старик подвинулся и, взглянув на красное, сердитое лицо мальчика, сказал:

— С тобой что-то случилось?

— Ну и ладно! А вам-то что? — покосился на него Павлик.

— Мне ничего. А вот ты сейчас кричал, плакал, ссорился с кем-то...

— Ещё бы!— сердито буркнул мальчик.— Я скоро совсем убегу из дому.

— Убежишь?

— Убегу! Из-за одной Ленки убегу.— Павлик сжал кулаки.— Я ей сейчас чуть не поддал хорошенько! Ни одной краски не даёт. А у самой сколько!

— Не даёт? Ну, из-за этого убегать не стоит.

— Не только из-за этого. Бабушка за одну морковку из кухни меня прогнала... прямо тряпкой, тряпкой...

Павлик засопел от обиды.

— Пустяки! — сказал старик.— Один поругает, другой пожалеет.

— Никто меня не жалеет! — крикнул Павлик.— Брат на лодке едет кататься, а меня не берёт. Я ему говорю: «Возьми лучше, всё равно я от тебя не отстану, вёсла утащу, сам в лодку залезу!»

Павлик стукнул кулаком по скамейке. И вдруг замолчал.

— Что же, не берёт тебя брат?

— А почему вы всё спрашиваете?

Старик разгладил длинную бороду:

— Я хочу тебе помочь. Есть такое волшебное слово...

Павлик раскрыл рот.

— Я скажу тебе это слово. Но помни: говорить его надо тихим голосом, глядя прямо в глаза тому, с кем говоришь. Помни — тихим голосом, глядя прямо в глаза...

— А какое слово?

Старик наклонился к самому уху мальчика. Мягкая борода его коснулась Павликовой щеки. Он прошептал что-то и громко добавил:

— Это волшебное слово. Но не забудь, как нужно говорить его.

— Я попробую,— усмехнулся Павлик,— я сейчас же попробую.

Он вскочил и побежал домой.

Лена сидела за столом и рисовала. Краски — зелёные, синие, красные — лежали перед ней. Увидев Павлика, она сейчас же сгребла их в кучу и накрыла рукой.

«Обманул старик! — с досадой подумал мальчик.— Разве такая поймёт волшебное слово!..»

Павлик боком подошёл к сестре и потянул её за рукав. Сестра оглянулась. Тогда, глядя ей в глаза, тихим голосом мальчик сказал:

— Лена, дай мне одну краску... пожалуйста...

Лена широко раскрыла глаза. Пальцы её разжались, и, снимая руку со стола, она смущённо пробормотала:

— Ка-кую тебе?

— Мне синюю,— робко сказал Павлик.

Он взял краску, подержал её в руках, походил с нею по комнате и отдал сестре. Ему не нужна была краска. Он думал теперь только о волшебном слове.

«Пойду к бабушке. Она как раз стряпает. Прогонит или нет?»

Павлик отворил дверь в кухню. Старушка снимала с противня горячие пирожки. Внук подбежал к ней, обеими руками по-

вернул к себе красное морщинистое лицо, заглянул в глаза и прошептал:

— Дай мне кусочек пирожка... пожалуйста.

Бабушка выпрямилась.

Волшебное слово так и засияло в каждой морщинке, в глазах, в улыбке...

— Горяченького... горяченького захотел, голубчик мой! — приговаривала она, выбирая самый лучший, румяный пирожок.

Павлик подпрыгнул от радости и расцеловал её в обе щёки.

«Волшебник! волшебник!» — повторял он про себя, вспоминая старика.

За обедом Павлик сидел притихший и прислушивался к каждому слову брата.

Когда брат сказал, что поедет кататься на лодке, Павлик положил руку на его плечо и тихо попросил:

— Возьми меня, пожалуйста.

За столом сразу все замолчали. Брат поднял брови и усмехнулся.

— Возьми его,— вдруг сказала сестра.— Что тебе стоит!

— Ну, отчего же не взять? — улыбнулась бабушка.— Конечно, возьми.

— Пожалуйста,— повторил Павлик.

Брат громко засмеялся, потрепал мальчика по плечу, взъерошил ему волосы.

— Эх ты, путешественник! Ну ладно, собирайся!

«Помогло! Опять помогло!»

Павлик выскочил из-за стола и побежал на улицу. Но в сквере уже не было старика́. Скамейка была пуста, и только на песке остались начерченные зонтиком непонятные знаки.

СЫНОВЬЯ

Две женщины брали воду из колодца. Подошла к ним третья. И старенький старичок на камушке отдохнуть присел.

Вот говорит одна женщина другой:

— Мой сынок ловок да силён, никто с ним не сладит.

— А мой поёт, как соловей. Ни у кого голоса такого нет,— говорит другая.

А третья молчит.

— Что же ты про своего сына не скажешь?— спрашивают её соседки.

— Что ж сказать,— говорит женщина.— Ничего в нём особенного нету.

Вот набрали женщины полные вёдра и пошли. А старичок — за ними. Идут женщины, останавливаются. Болят руки, плещется вода, ломит спину.

Вдруг навстречу три мальчика выбегают.

Один через голову кувыркается, колесом ходит — любуются им женщины.

Другой песню поёт, соловьём заливается — заслушались его женщины.

А третий к матери подбежал, взял у неё вёдра тяжёлые и потащил их.

Спрашивают женщины старичка:

— Ну что? Каковы наши сыновья?

— А где ж они? — отвечает старик.— Я только одного сына вижу!

Иван Сергеевич Соколов-Микитов (1892—1975)

ЛЕСНЫЕ КАРТИНКИ

Весна

Над полями и лесом всё ярче и ярче светит солнышко. Потемнели в полях дороги, посинел на реке лёд. Прилетели белоносые грачи, торопятся поправлять свои старые растрёпанные гнёзда.

Зазвенели по скатам ручьи. Надулись на деревьях смолистые пахучие почки.

Увидели ребята у скворечен первых скворцов. Весело, радостно закричали:

— Скворцы! Скворцы прилетели!

Выбежал на опушку заяц-беляк; присел на пенёк, огляделся. Ушки на макушке у робкого зайца. Смотрит заяц-беляк: вышел на опушку леса огромный лось с бородою. Остановился, слушает лось... А в глухом лесу вывела медведица родившихся в берлоге маленьких медвежат на первую прогулку. Ещё не видели медвежата весны, не знают большого тёмного леса. Не знают, чем пахнет пробудившаяся земля.

На поляне, у лесного разлившегося ручейка, весело играют смешные, неуклюжие медвежата. Со страхом заглядывают в холодную бегучую воду, взбираются на пни и оттаявшие на солнце старые коряги...

Стройными косяками летят, тянутся с юга гуси; показались первые журавли.

— Гуси, гуси! Журавли! — кричат, задрав головы, ребята.

Вот закружились над широкой рекой гуси, спустились отдохнуть на наполненную водой полынью.

Увидели отдыхающих на льду гусей другие пролетавшие гуси, стали подсаживаться к ним. Обрадовались товарищам другие гуси. Далеко над рекой покатился радостный крик...

Всё теплее, шумнее и краше весна.

На пригреве в лесу распустились на веточках ивы шелковистые мягкие пуховки. Побежали по кочкам хлопотливые муравьи. А над полянкой, где раскрылись подснежники, вспорхнула первая бабочка.

КОЛОКОЛЬЧИКИ

Я очень люблю эти простые цветы — весёлые колокольчики. Выйдешь из лесу на нескошенный, заросший высокой травою луг и от радости ахнешь: столько красуется всевозможных цветов, похожих на праздничный хоровод. По всему зелёному лугу белеют ромашки, желтеют одуванчики, цветёт мышиный горошек. А выше всех, всех веселее — лиловые колокольчики. От лёгкого дыхания тёплого летнего ветерка колышутся, кланяются, неслышно звенят колокольчики, радостно приветствуя гостя.

Всё лето цветут, неслышно звенят колокольчики, знакомые и милые цветы наших лугов и лесов.

Георгий Алексеевич Скребицкий

(1903—1964)

НА ЛЕСНОЙ ПОЛЯНКЕ

ЗИМА

Зима. Лесная полянка покрыта белым пушистым снегом. Теперь на ней тихо и пусто, не то, что летом. Кажется — зимой на полянке никто и не живёт. Но это только так кажется.

Возле куста из-под снега торчит старый, трухлявый пень. Это не просто пень, а настоящий терем-теремок. Немало в нём уютных зимних квартир для разных лесных обитателей.

Под корой запрятались от холода мелкие букашки, и тут же устроился зимовать усатый жук-дровосек. А в норе между корнями, свернувшись в тугое колечко, улеглась проворная ящерица.

Все забрались в старый пень, каждый занял в нём крохотную спаленку, да и заснул в ней на всю долгую зиму.

...На самом краю полянки, в канаве, под опавшими листьями, под снегом, будто под толстым одеялом, спят лягушки. Спят и не знают, что тут же неподалёку, под кучей хвороста, свернувшись в клубок, заснул их злейший враг — ёжик.

Тихо и пусто зимой на лесной полянке. Только изредка пролетит над ней стайка щеглов или синиц, или дятел, усевшись на дереве, начнёт выколачивать клювом из шишки вкусные семена.

А иной раз выскочит на полянку белый пушистый заяц. Выскочит, станет столбиком, послушает, всё ли спокойно кругом, посмотрит, да и дальше в лес побежит.

ВЕСНА

Пригрело весеннее солнце. На лесной полянке начал таять снег. А прошёл ещё день, другой — и его уже вовсе не осталось.

С пригорка по ложбинке побежал весёлый ручеёк, наполнил до краёв большую, глубокую лужу, перелился через край и дальше в лес побежал.

Опустели зимние квартиры в старом пне. Выбрались из-под коры жучки и букашки, расправили крылышки и полетели кто куда. Выполз из трухи длиннохвостый тритон. Проснулась ящерица, выбралась из норки на самый пенёк, уселась на солнышко погреться. И лягушки тоже от зимнего сна очнулись, запрыгали к луже — и бултых прямо в воду.

Вдруг под кучей хвороста что-то зашуршало, завозилось, и вылез оттуда ёжик. Вылез сонный, взъерошенный. На иголках— сухая трава, листья. Выбрался ёжик на пригорочек, зевнул, потянулся и начал лапкой с колючек сор очищать. Трудно ему это сделать: лапки у него коротенькие, до спинки никак не достанет. Обчистился немножко, потом уселся поудобнее и принялся языком брюшко вылизывать. Помылся, почистился ёжик, да и побежал по полянке искать себе еду. Теперь ему, жуки, червяки и лягушки, лучше не попадайтесь: теперь ёжик голодный, сразу поймает и съест.

Ожил под тёплым весенним солнцем и огромный лесной дом — муравейник. С рассвета и дотемна хлопочут муравьи, тащат в муравейник то травинку, то сосновую иголку.

Вместо зимних квартир теперь на полянке появились новые — весенние. Прилетели к старому пню две маленькие серые птички. Стали всё кругом оглядывать. Потом одна из них слетела вниз на землю, схватила в клюв сухую травинку и положила в ямочку возле пня. И другая птичка тоже к ней подлетела, и стали они вместе строить гнездо.

Анатолий Георгиевич Алексин

(Род. в 1924 г.)

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало...

Шурик ещё не умел читать, но уже знал эти стихи наизусть. Их читала ему мама. Стихи были грустные. И Шурик очень удивился, когда узнал, что Пушкин, оказывается, любил осень.

Шурик осени не любил. Не любил за то, что облетали листья и «реже солнышко блистало». А больше всего за то, что осенью часто шли дожди и мама не пускала его на улицу.

Но вот наступило такое утро, когда все окна были в извилистых водяных тропинках, дождь бесчисленными молоточками заколачивал что-то в крышу, и всё-таки мама не удерживала Шурика дома. Она даже поторапливала его. И Шурик почувствовал, что теперь он совсем большой: ведь и папа тоже ходит на работу в любую погоду!

Мама вынула из шкафа зонтик и приятно похрустывающий белый плащ, который Шурик тайком надевал вместо халата, когда они с ребятами играли в докторов.

— Ты куда? — удивился Шурик.

— Тебя провожу.

— Меня... провожать? Да ещё с зонтиком? Что ты?!

Мама вздохнула и положила вещи обратно в шкаф.

Шурику очень нравилось бежать в школу под дождём...

Один раз он обернулся — и вдруг на другой стороне улицы увидел маму. На улице было много плащей и зонтиков, но маму он узнал сразу. А она, заметив, что Шурик обернулся, спряталась за углом старого двухэтажного дома.

«Прячется! Как маленькая!..» — сердито подумал Шурик. И побежал ещё быстрей, чтобы мама не вздумала догонять его.

Возле самой школы он обернулся ещё раз, но мамы уже не было. «Вернулась»,— с облегчением подумал Шурик.

Ребята строились по классам. Молодая учительница проворно смахивала с лица мокрые прядки волос и кричала:

— Первый «В»! Первый «В»!

Шурик знал, что первый «В» — это он. Учительница повела ребят на четвёртый этаж.

Ещё дома Шурик решил, что ни за что не сядет за парту с девчонкой. Но учительница как-то очень просто и весело спро-

сила его: «А ты, наверно, хочешь сесть с Черновой, да?» И Шурику показалось, будто он и правда всегда мечтал сидеть рядом с Черновой.

Учительница раскрыла журнал и начала перекличку. Ребята откликались не сразу: они не привыкли, чтобы их называли по фамилии. И смущались, конечно.

— А что вам смущаться? — удивилась учительница.— Это когда один новичок в классе, ему сперва трудно бывает, а вы все в одинаковом положении — все новички. Давайте поскорее знакомиться!

После переклички учительница сказала:

— Орлов, прикрой, пожалуйста, окно.

Шурика уже второй раз в жизни назвали по фамилии. Он сразу вскочил и подошёл к окну. Дотянуться до ручки ему было нелегко. Он приподнялся — и вдруг замер на цыпочках. За окном, на улице, он увидел маму. Она стояла, закрыв зонтик, не обращая внимания на дождь, который струями стекал с плаща, и водила глазами по окнам школы. Мама, наверно, хотела угадать, в каком классе сидит её Шурик.

И тут Шурик не смог рассердиться. Наоборот, ему захотелось высунуться на улицу, помахать маме и громко, чтобы не заглушил дождь, крикнуть ей: «Не волнуйся! Не волнуйся, мамочка... Всё хорошо!» Но крикнуть он не мог, потому что на уроке кричать не полагается.

Сергей Алексеевич Баруздин

(Род. в 1926 г.)

ШАГ ЗА ШАГОМ

Человеку — ровно год,
Он по комнате идёт.

Первый шаг — не пустяк,
Трудно сделать первый шаг.

Что ни половица —
Человек садится.

Плохо получается —
Очень пол качается!

Может, стоит зареветь?
Человек решил терпеть.

Он слезу зажал в кулак,
Сделал шаг и снова шаг.

Не качается пол —
Человек всерьёз пошёл.

Есть в ногах силёнка
У малого ребёнка!

За окном растаял снег,
Подрастает человек.

Он идёт не спеша
Со второго этажа.

Пусть круты ступени —
Не дрожат колени.

Человек шагает сам —
Хорошо, что он упрям!

Человек живёт, растёт,
По своей земле идёт.

Ну, а если это так,
Человеку нужен флаг.

Не любой, а, ясно,
Самый лучший — красный.

...Майским днём, хорошим днём
Человек идёт с флажком.

Сам не больше флажка,
Каждый шаг — полвершка.

А идёт, как знаменосец
С красным знаменем полка.

Рядом с ним ручей журчащий
Ускоряет к речке бег...

Человеком настоящим
Будет этот человек!

ЗА ОБЕДОМ

Как-то во время завтрака в детском саду была разбита тарелка. Никто не видел, как она упала со стола и разбилась на мелкие кусочки.

Зинаида Фёдоровна спросила ребят:

— Кто из вас разбил тарелку?

— Не я! — сказал Виталик.

— Не я! — сказала Лена.

— Не я! Не я! Не я! — сказали другие ребята.

Только Светлана посмотрела на Зинаиду Фёдоровну и тише всех сказала:

— Наверное, она сама как-нибудь разбилась...

— Ну ладно,— говорит Зинаида Фёдоровна,— идите пока играть.

Стали ребята играть и совсем забыли о случившемся. Не заметили, как пролетело время и наступил час обеда.

Все помыли руки и сели за столы.

Нина Марковна принесла большой поднос, а на нём рядами стояли тарелки с супом.

Ребята начали обедать.

— А мне? — спрашивает Виталик.— У меня нет тарелки!

Все посмотрели на Виталика: и правда, нет у него тарелки.

— Тебе, Виталик, придётся подождать,— говорит Зинаида Фёдоровна.— Ведь у нас утром одна тарелка сама разбилась. Правда, ребята?

— Правда! — закричали ребята.

— Вот и неправда,— вдруг тихо сказала Светлана.— Тарелки сами не бьются. Это... это я... её нечаянно разбила. Я больше не буду! — И она пододвинула свою тарелку Виталику: — Ешь!

20 Зак. 1297

Тут все ребята повернулись к Светлане, а она покраснела и ни на кого не смотрит.

«Сейчас Зинаида Фёдоровна накажет Свету»,—решили ребята.

Но Зинаида Фёдоровна подошла к Светлане и сказала:

— Вот и хорошо, что тарелки у нас сами не бьются, а ребята говорят правду.

СТРАНА, ГДЕ МЫ ЖИВЁМ

С чего всё началось

У меня есть хороший друг. По-настоящему его зовут Дмитрием Васильевичем. Ну, а мы зовём его просто Димкой.

Лет Димке не мало ни много — пять. Почти как вам. И, уж конечно, Димка, как и вы, всем на свете интересуется.

Однажды Димка спросил меня:

— А мы с тобой где?

— В квартире,— ответил я своему другу.

— А ещё где?

— В доме.

— А дом где?

— На улице.

— А улица?

— В Москве.

— А Москва?

— В Советском Союзе,— объяснил я.— Так наша страна называется. Знаешь?

— Знаю,— согласился Димка.— А какая она, наша страна?

Долго я думал, как рассказать Димке про нашу страну, и наконец предложил:

— Надо самому посмотреть, тогда поймёшь.

— А как?

— По-всякому можно,— сказал я.— Лучше всего, конечно, пешком по стране пройти или на лошади проехать. Тогда всё увидишь.

Можно на машине, на поезде или на пароходе прокатиться. Тоже неплохо.

Ну, а если побыстрее хочешь, можно на самолёте. Всего, конечно, не увидишь, но кое-что...

— Давай на самолёте! — предложил Димка.— А где самолёт?

— Самолёт в аэропорту,— сказал я.

— Поехали в аэропорт! — предложил мой друг.

Главный город

Вот наш самолёт поднялся в воздух, и у Димки дух захватило. Под нами всё лежал огромный город — площади и улицы, дома и парки, заводы и стадионы. И Кремль под нами проплыл, и Дворец съездов, и Москва-река.

— И это всё Москва? — спрашивал Димка.

— Москва,— говорил я.

Говорил, а сам тоже удивлялся. Уж очень велика Москва и красива и с каждым годом всё больше и красивее становится!

— Москва — главный город нашей страны,— сказал я,— и главный город России.

— Самый главный? — спросил Димка.— На всей земле?

— Пожалуй, и на всей земле,— согласился я.

Машины и зубры

Наш самолёт полетел выше туч, выше облаков. Кроме неба, ничего не стало видно. Внизу облака, а справа солнце.

— Доволен? — спросил я Димку.

— Доволен,— ответил он. А потом подумал и сказал: — Нет, не доволен.

— Это почему же? — удивился я.

— Потому...— сказал Димка.— В самолёте лечу — доволен. А не вижу ничего — не доволен.

— Ну, эта беда поправимая! Ведь самолёт наш необыкновенный.

Мы попросили лётчиков спуститься пониже. Спустились — и вскоре землю увидели. Это была Украина.

— Там что? — спросил Димка, заметив на земле большие жёлтые квадраты.

— Пшеница. Из неё белый хлеб делают. Ел?

Димка только улыбнулся:

— Конечно, ел. А там?

— Клевер.

— А там?

— Сахарная свёкла. Из неё сахар варят.

— А там?..

Проплывали под нами и поля, и сёла, и города, и заводы. И самая главная украинская река Днепр. А на ней стоит главный город Украины — Киев, чудесный большой город-красавец.

Тут Димка посмотрел вниз и увидел плотину.

— А это что?

— Это электростанция, Днепрогэс называется,— объяснил я.— Когда-то она была самой большой в стране. А теперь есть другие — побольше. Кременчугская, например, или Каховская. Возле них целые моря на Днепре родились. А скоро будет ещё и Днепрогэс-2.

Рядом с Днепрогэсом тоже большой город. Улицы прямые, зелёные, заводские трубы подпирают небо.

— А это что?

— Город Запорожье,— сказал я и спросил своего друга: — А какие у нас самые маленькие легковые машины? Знаешь?

— Известно, «Запорожцы»! — ответил Димка.

— Верно,— согласился я.— Их здесь выпускают. А дальше будет Донбасс. В Донбассе уголь добывают, металл в домнах льют. Без угля и металла ни одной машины не сделаешь. А в украинском городе Львове автобусы выпускают: «Львов», «Турист», «Спутник» и «Украина». Видел?

— Красивые! — подтвердил Димка.— Значит, на Украине всё есть?

— Вот мы с тобой над Москвой летели,— сказал я.— В Москве всё есть: и заводы разные, и фабрики, и школы. Так и везде. У нас в стране, куда ни поедешь, всё есть. И всё-таки в каждом крае, в каждой республике есть что-то своё, особое...

Только мы об этом заговорили, внизу появились сады и виноградники. Очень много садов, а виноградников и того больше.

— Это Молдавия,— объяснил я.— Молдаване растят для нас с тобой виноград и яблоки, груши и сливы, ягоды и табак.

— Табак? — удивился Димка.— Это для тебя.

— Пожалуй, верно! — согласился я.— Табак — это больше для меня. Зато компоты здесь для тебя делают.

— А где самые большие автомашины делают? — принялся за своё Димка.

— На Украине «Кразы», а в Белоруссии... Сейчас увидим!

Как раз вскоре мы над Белоруссией полетели. Поля увидели — тоже разных цветов.

— Это лён,— объяснил я Димке.— А это картофель, а это капуста, а это...

Большой город Минск Димка и сам увидел.

— Вот здесь выпускают самые большие грузовики,— объяснил я.— Двадцать пять тонн поднимают, а есть и сорок, и больше...

— «МАЗы» называются! — не дал мне досказать Димка.— А если поставить рядом «Краз», «МАЗ» и «Запорожец», здорово получится, правда?

Хотел я Димку от автомобильного разговора отвлечь. Под нами была Беловежская пуща. Леса и леса. Конца им и края не видно.

— В этих лесах зубры водятся,— сказал я.— Слыхал о таких?

— Слышал,— подтвердил Димка.— И в зоопарке видел. А ещё такие зубры на всех «МАЗах» сидят, на радиаторах. Как медведи на ярославских грузовиках. Я знаю. Верно?

Вот и попробуйте моего друга зубрами удивить!

Страна, где мы живём

Всю страну облетели мы с моим другом и всюду что-нибудь интересное встречали. На Украине и в Молдавии хорошо, и в Белоруссии интересно. О Прибалтике можно много рассказывать, и

о Волге никак не меньше. Чего только не повидали мы на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке, в Средней Азии и на Кавказе!

Но настал конец нашему путешествию — вернулись мы в Москву.

— Как, доволен? — спросил я своего друга.

— Ух! — сказал Димка, и это, видно, означало, что путешествие ему понравилось.

— Так какая же она, наша страна? — спросил я Димку.

— Большая! — сказал Димка.

— А ещё?

— Богатая!

— А ещё?

— Сильная!

— А ещё?

— Дружная!

— А ещё?

— Добрая!

— А ещё?

Тут Димка подумал-подумал и добавил:

— Наша!

— Верно! — согласился я.— Страна — наша! Она и большая, и богатая, и сильная, и дружная, и добрая! А станет наша страна ещё богаче, ещё сильнее, ещё красивее. Потому что советские люди под руководством партии коммунистов хорошо трудятся, строят новую, счастливую жизнь.

А называется эта новая, по-настоящему счастливая жизнь — коммунизм!

ШЁЛ ПО УЛИЦЕ СОЛДАТ

День рождения красного солдата

Шёл по улице солдат. С виду и не солдат совсем. Ни шинели на нём, ни шапки с красной звездой. Рабочая телогрейка, сапоги да кепка. Просто рабочий. Но за спиной у него винтовка со штыком. И рядом с ним шли такие же рабочие с оружием и моряки с крейсера «Аврора».

Шёл солдат по петроградским улицам, по набережной Невы. Шёл к царскому Зимнему дворцу. Там — белые! Враги! Впереди — враги. На соседней улице — враги, за углом каждого дома — враги. На набережной Зимней канавки — враги. Дворец всё ближе и ближе.

Отряд рабочих и моряков подходил к Зимнему дворцу. И не только этот отряд. Со всех сторон окружали дворец красные революционные рабочие, солдаты, матросы.

Но вот прозвучал выстрел. Один, другой, третий. Это пушки революционного крейсера «Аврора».

— Вперёд! — крикнул солдат.

Рисунок Ф. Лемкуля.

Бросились люди на штурм Зимнего дворца. До глубокой ночи шел тяжёлый бой.

И вот — победа! Зимний дворец взят!

А на рассвете следующего дня солдат стоял уже у дверей Смольного — штаба революции.

В Смольном выступал Владимир Ильич Ленин.

Во дворе Смольного горели костры. Стояло холодное октябрьское утро. Отряды революционных бойцов уходили на бой с недобитым врагом.

— Дяденька, а вы кто — белый или красный?

Перед солдатом появились два мальчишки — оба маленькие, в одинаковых картузах и одеты кое-как.

Обиделся солдат:

— Почему же белый? Красногвардеец я. Не видите?

— А как увидишь? — сказал один мальчишка.

— И формы на вас, дяденька, нет. И красного ничего нет! — сказал другой.— Как узнать!

— Будет и форма! Да ещё с красной звездой! И ружьишко получше будет! — пообещал солдат.

Вдруг оба мальчишки попросили:

— Нам бы в Красную гвардию записаться! А-а? Дяденька! Запишите нас!

— Эх, чего захотели! — сказал солдат. Потом смягчился — вспомнил: скоро и у него такой сынишка будет.— Малы ещё! Подрастёте — запишем!

Точно в цель!

Шёл по улице солдат. Совсем молодой солдат, а на груди у него боевой орден.

Откуда орден, когда солдат на войне не был? Да и не мог он быть на войне. Война уже кончилась, а солдат ещё на свет не родился.

И вот сейчас, в мирное время, получил молодой солдат боевой орден. За что?

А было так.

Высоко в небе летел самолёт. Так высоко, что с земли не увидишь, не услышишь. Самолёт не наш — чужой, из далёкой страны. Заокеанский.

Приказали лётчику: незаметно пролететь над Советским Союзом и рассекретить наши военные тайны.

Где какой завод у нас стоит — сфотографировать.

Где какие воинские части — сфотографировать.

Где какие военные аэродромы — сфотографировать.

Не виден был чужой самолёт с земли, да только наши славные зенитчики по приборам его обнаружили. Где летит, на какой высоте, даже марку самолёта определили точно.

— По местам! — раздалась команда.

Заняли ракетчики свои места. Направили ракету на невидимую цель.

Доложили:

— Готово!

Ещё команда. Взрыв!

Пошла ракета высоко в небо, оставляя за собой хвост дыма.

Минута, другая, а ракета уже цель нашла.

Загорелся самолёт.

А лётчик на парашюте выбросился и долго ещё удивлялся потом, как это его на такой высоте обнаружили и сбили.

А зенитчикам нашим, ракетчикам, ордена дали за точное попадание.

И самому молодому солдату тоже.

Когда пройдёт немного времени

Шёл по улице солдат. Знакомый солдат. Где мы его видели? Кажется, он похож на того солдата, что брал Зимний дворец в семнадцатом году. И на того, что с победой пришёл после гражданской войны в году двадцать втором. И на солдата, который в тридцатом году защищал наши границы. А ещё на солдата, защищавшего нашу Родину на Хасане в тридцать восьмом и на Карельском перешейке в тридцать девятом и сороковом. И уж конечно, он похож на героического солдата Великой Отечественной войны. На того, кто победил фашистскую Германию и разгромил фашистскую Японию. На того, кто освободил народы Европы и дальневосточной Азии от фашистского рабства. И на молодых солдат-ракетчиков, солдат-защитников, солдат, которые приходят на помощь своим друзьям, тоже похож.

Да, он похож на твоих дедов, отцов, старших братьев. И всё же...

Шёл по улице солдат. Это — ты.

Пройдёт немного лет. Для кого десять, для кого двенадцать, для кого чуть больше, и ты станешь солдатом. Не для того, чтобы нападать на другие страны, а для того, чтобы защищать свою страну.

Ты станешь солдатом.

Ты станешь солдатом героической Советской Армии!

Ты станешь солдатом Советской страны!

Ты станешь солдатом великого советского народа!

Сергей Петрович Алексеев

(Род. в 1922 г.)

РАССКАЗЫ О СУВОРОВЕ И РУССКИХ СОЛДАТАХ

Всюду известны

Суворов с детства мечтал стать военным. Однако он был слабым и болезненным мальчиком. «Ну где же тебе быть военным! — смеялся над ним отец.— Ты и ружья не подымешь!» Слова отца огорчали Суворова. Он решил закаляться.

Наступят, бывало, зимние холода, все оденутся в тёплые шубы или вовсе не выходят из дому, а маленький Суворов накинет лёгкую куртку и целый день проводит на улице. Наступит весна. Только вскроются реки, ещё никто и не думает купаться, а Суворов — бух в студёную воду. Его не страшили теперь ни жара, ни холод. Мальчик много ходил, хорошо научился ездить верхом. Суворов окреп. Шестнадцати лет он поступил на военную службу.

Семьдесят лет прожил Суворов. Пятьдесят четыре из них он провёл в армии. Начал службу простым солдатом. Кончил её фельдмаршалом и генералиссимусом.

Тридцать пять больших боёв и сражений провёл Суворов. Во всех он был победителем.

Медаль

Молодой, необстрелянный солдат Кузьма Шапкин во время боя у реки Рымник струсил и весь день просидел в кустах.

Не знал Шапкин, что Суворов его приметил.

В честь победы над турками в суворовскую армию были присланы ордена и медали. Построили офицеры свои полки и роты. Прибыл к войскам Суворов, стал раздавать награды.

Стоял Шапкин в строю вместе со всеми и ждал, чтобы скорее всё это кончилось. Совестно было солдату.

И вдруг... Шапкин вздрогнул, решил, что ослышался.

— Гренадер Шапкин, ко мне! — закричал Суворов.

Стоит солдат, словно в землю ногами вкопанный, не шелохнётся.

— Гренадер Шапкин, ко мне! — повторил Суворов.

— Ступай же, ступай,— подтолкнули Кузьму солдаты.

Вышел Шапкин, потупил глаза, покраснел. А Суворов раз — и медаль ему на рубаху.

Вечером солдатам раздали по чарке вина. Расселись солдаты у палаток, стали вспоминать подробности боя, перечислять, за что и кому какие награды. Капелюхе за то, что придумал, как отбить у турок окопы. Жакетке — за турецкий штандарт. Дындину — за то, что один не оробел перед десятком турок и хоть изнемог в ранах, а в плен не дался. Получили медали и Гагин, и Хотин, и Знамов.

— Ну, а тебе за что же медаль? — спрашивают солдаты у Шапкина.

А тому и ответить нечего.

Носит Шапкин медаль, да только покоя себе не находит. Подавлен. Товарищей сторонится. Целыми днями молчит.

— Тебе что же, медаль язык придавила?! — шутят солдаты.

Прошла неделя, и совсем изглодала совесть солдата. Не выдержал Шапкин, пошёл к Суворову. Входит в палатку и возвращает медаль.

— Помилуй бог! — воскликнул Суворов.— Награду назад!

Опустил Шапкин голову низко-низко, к самому полу, и во всём признался Суворову.

«Ну,— думает,— пропадай моя голова».

Рассмеялся Суворов, обнял солдата.

— Молодец! — произнёс.— Знаю, братец, без тебя всё знаю. Хотел испытать. Добрый солдат. Добрый солдат. Памятуй: героем не рождаются, героем становятся. Ступай. А медаль, ладно, пусть полежит у меня. Только, чур, медаль твоя. Тебе заслужить. Тебе и носить.

Не ошибся Суворов.

В следующем бою Шапкин первым ворвался в турецкую крепость, заслужил и медаль и великую славу.

НОВЫЙ УЧИТЕЛЬ

В деревню Малые Кочки приехал новый учитель. Матрос, балтиец, аврооровец. Учитель он, правда, временный: до той поры, пока настоящий прибудет. Старый сбежал, вот и понадобилась срочно замена.

Явился учитель в класс. Притихли ребята, ждут, когда тот начнёт им про буквы и цифры рассказывать.

А матрос — раз им про «Аврору». На следующий день — про штурм и про взятие Зимнего. Потом про партию большевиков, про Советскую власть и про товарища Ленина.

Интересно ребятам. Уставят глаза на матроса, сидят, слушают.

Прошло несколько дней, стал матрос у ребят проверять, что те поняли и что недопоняли. Спросил про «Аврору» и про взятие Зимнего.

— А что такое партия большевиков?

— Это та, что самая лучшая,— торопятся ответить ребята.—

Рисунок В. Трубковича.

Партия большевиков за то, чтобы землю — крестьянам, заводы — рабочим, мир — всем народам.

— Верно,— кивает матрос головой.— Ну, а что такое Советская власть?

— Это когда правят страной не царь, не буржуи, а трудовой народ.

Доволен матрос. Смотри, какие умные стали ребята. Начал матрос объяснять, как буква «а» пишется, как буква «б». Сколько будет один и один, сколько два и два. Дальше матрос не успел. Отозвали матроса.

Вскоре приехал настоящий учитель. Девушка-большевичка Зоя.

— Ну, что вы изучали?

— Про «а» и про «б».

— Про один и один, про два и два.

— Ну, а ещё?

Жмутся ребята.

— Немного вы изучили,— говорит Зоя.— Видать, не очень прилежные?

Обидно слышать такое ребятам. Поднялся Еремей Торопыгин:

— Зато мы про Ленина знаем.

— Верно, верно! — закричали ребята.

— И про Советскую власть.

— И про партию большевиков.

— И про штурм и про взятие Зимнего.

Улыбнулась Зоя.

— Кто же вам рассказал?

— Он, он, балтиец, авроровец!

Задумалась Зоя: «Молодец балтиец, с главного начал». Жалко ей, что не застала она матроса. И ребятам жаль, что матрос уехал. Так ведь матрос не учитель. У матроса свои, другие дела.

Евгений Андреевич Пермяк

(Род. в 1902 г.)

КАК МАША СТАЛА БОЛЬШОЙ

Маленькая Маша очень хотела вырасти. Очень. А как это сделать, она не знала. Всё перепробовала. И в маминых туфлях ходила. И в бабушкином капоте сидела. И причёску, как у тёти Кати, делала. И бусы примеряла. И часы на руку надевала.

Ничего не получалось. Только смеялись над ней да подшучивали.

Один раз как-то Маша вздумала пол подметать. И подмела. Да так хорошо подмела, что даже мама удивилась:

— Машенька! Да неужели ты у нас большая становишься?

А когда Маша чисто-начисто вымыла посуду да сухо-насухо вытерла её, тогда не только мама, но и отец удивился. Удивился и при всех за столом сказал:

— Мы и не заметили, как Мария выросла. Не только пол метёт, но и посуду моет.

Теперь все маленькую Машу называют большой. И она себя взрослой чувствует, хотя и ходит в своих крошечных туфельках и в коротеньком платьице. Без причёски. Без бус. Без часов.

Не они, видно, маленьких большими делают.

СМОРОДИНКА

Танюша много слышала о черенках, а что это такое — не знала.

Однажды отец принёс пучок зелёных прутиков и сказал:

— Это смородиновые черенки. Будем, Танюша, смородину сажать.

Стала Таня разглядывать черенки. Ничего особенного, палочки как палочки — чуть длиннее карандаша. Удивилась Танюша:

— Как же из этих палочек вырастет смородина, когда у них нет ни корешков, ни веточек?

А отец отвечает:

— Зато на них почки есть. Из нижних почек пойдут корешки. А вот из этой, верхней, вырастет смородиновый куст.

Не верилось Танюше, что маленькая почка может стать большим кустом. И решила проверить. Сама решила смородинку вырастить. В палисаднике. Перед избой, под самыми окнами.

А там лопухи с репейниками росли. Да такие цепкие, что и не сразу выполешь их.

Бабушка помогла. Повыдергали они лопухи да репейники, и принялась Танюша землю вскапывать. Нелёгкая это работа. Сперва надо дёрн снять, потом комья разбить. А дёрн у земли толстый да жёсткий. И комья твёрдые.

Много пришлось поработать Тане, пока земля покорилась. Мягкой стала да рыхлой.

Разметила Таня шнурком и колышками вскопанную землю. Всё сделала, как отец велел, и посадила рядками смородиновые черенки. Посадила Таня черенки и принялась ждать.

Пришёл долгожданный день. Проклюнулись из почек ростки, а вскоре появились и листочки.

К осени из ростков поднялись небольшие кустики. А ещё через год они зацвели и дали первые ягоды. По маленькой горсточке с каждого куста.

Довольна Таня, что сама смородину вырастила. И люди радуются, глядя на девочку:

— Вот какая хорошая «смородинка» у Калинниковых растёт. Настойчивая. Работящая. Черноглазая, с белой ленточкой в косе.

ДЛЯ ЧЕГО РУКИ НУЖНЫ

Петя с дедушкой были большими друзьями и любили задавать друг другу разные вопросы.

Спросил как-то дедушка внука:

— А для чего, Петенька, людям руки нужны?

— Чтобы в мячик играть,— ответил Петя.

— А ещё для чего? — спросил дед.

— Чтобы ложку держать.

— А ещё?

— Чтобы кошку гладить.

— А ещё?

— Чтобы камешки в речку бросать...

Весь вечер отвечал Петя дедушке. Правильно отвечал. Только он маленький был и обо всех других людях по своим рукам су-

дил, а не по трудовым, рабочим рукам, которыми вся жизнь, весь белый свет держится.

ПИЧУГИН МОСТ

По пути в школу ребята любили разговаривать о подвигах.

— Хорошо бы,— говорит один,— на пожаре ребёнка спасти!

— Даже самую большую щуку поймать — и то хорошо,— мечтает второй.— Сразу про тебя узнают.

— Лучше всего первым на Луну полететь,— говорит третий мальчик.— Тогда уж во всех странах будут знать.

А Сёма Пичугин ни о чём таком не думал. Он рос мальчиком тихим и молчаливым.

Как и все ребята, Сёма любил ходить в школу короткой дорогой через речку Быстрянку. Эта маленькая речка текла в крутых бережках, и перескакивать через неё было очень трудно.

В прошлом году один школьник не доскочил до того берега и сорвался. В больнице даже лежал. А этой зимой две девочки переходили речку по первому льду и оступились. Повымокли. И тоже крику всякого было много.

Ребятам запретили ходить короткой дорогой. А как длинной пойдёшь, когда короткая есть!

Вот и задумал Сёма Пичугин старую ветлу с этого берега на тот уронить. Топор у него был хороший. Дедушкой точенный. И стал он рубить им ветлу.

Нелёгким оказалось это дело. Уж очень была толста ветла. Вдвоём не обхватишь. Только на второй день рухнуло дерево. Рухнуло и легло через речку.

Теперь нужно было обрубить у ветлы ветви. Они путались под ногами и мешали ходить. Но, когда обрубил их Сёма, ходить стало ещё труднее. Держаться не за что. Того гляди, упадёшь. Особенно, если снег.

Решил Сёма приладить перильца из жердей.

Дед помог.

Хороший мостишко получился. Теперь не только ребята, но и все другие жители стали ходить из села в село короткой дорогой. Чуть кто в обход пойдёт, ему обязательно скажут:

— Да куда ты идёшь за семь вёрст киселя хлебать! Иди прямиком через Пичугин мост.

Так и стали его называть Сёминой фамилией — Пичугин мост. Когда же ветла прогнила и ходить по ней стало опасно, колхоз настоящий мосток перекинул. Из хороших брёвен. А название мосту осталось прежнее — Пичугин.

Вскоре и этот мост заменили. Стали спрямлять шоссейную дорогу. Прошла дорога через реку Быстрянку, по той самой короткой тропинке, по которой ребята бегали в школу.

Большой мост возвели. С чугунными перилами. Такому можно было дать громкое название. Бетонный, скажем... Или ка-

кое-нибудь ещё. А его всё по-старому называют — Пичугин мост. И никому даже в голову не приходит, что этот мост можно назвать как-то по-другому.

Вот оно как в жизни случается.

Владимир Карпович Железников

(Род. в 1925 г.)

РЫЦАРЬ

Саша вышел во двор и огляделся... Двор был пуст, только у гаража, который стоял в глубине, ворота были открыты настежь.

Ну, машины — это была его страсть. Он знал все марки советских автомобилей.

Саша подошёл к гаражу, осторожно заглянул и остановился на пороге. Дальше идти без разрешения он боялся.

Шофёр, совсем молодой на вид парень, возился в моторе «Волги». Он поднял голову и улыбнулся.

— Здравствуйте, дядя,— сказал Саша.

— Здравствуй, малый, если не шутишь,— ответил шофёр.

— Я не шучу.— Саше понравилось, что шофёр назвал его малым.

— А если не шутишь, вот тебе ведро, принеси воды,— сказал шофёр.— Вон там, в глубине гаража, есть водопровод.

Саша взял ведро, дужка его глухо звякнула. И он, Саша, пошёл в глубь гаража.

В гараже было полутемно, но Саша совсем не боялся, он легко и свободно шёл среди машин. Потом набрал полнёхонько ведро воды, еле дотащил, а когда шофёр сказал, что ведро, пожалуй, было для него тяжёлым, он улыбнулся: ерунда, мол, не такие таскали. Хотя в своей жизни не притащил ни одного ведра воды. И сейчас, когда тащил, от собственной неловкости облил себе ноги.

Шофёр залил воду в машину, закрыл капот и протянул Саше руку.

— Заходи, когда будет время,— сказал он.

Саша крепко пожал ему руку и ответил:

— Обязательно зайду, я ведь живу в этом доме.

Прошло несколько дней, и как-то этот шофёр, выезжая из ворот, обругал Сашину бабушку. Она стояла в воротах, разговаривала с женщиной и не видела, что загородила дорогу машине.

— Эй, тётка! — грубо крикнул шофёр.— Нашла где стоять, а то толкану машиной, костей не соберёшь!

И Саша это всё услышал. Это так кричали на его бабушку, на самого хорошего, доброго человека! И кричал не кто-нибудь, а его друг-шофёр. Саша покраснел, потом побелел и вдруг бросился со всех ног за машиной. Он подскочил к шофёру и крикнул ему в лицо:

— Если вы ещё раз когда-нибудь закричите на мою бабушку, я вас... я вас ударю! — Он кричал высоким тонким голоском.

Вот сейчас что-то должно было случиться.

— Ух ты! — сказал шофёр.— Какой рыцарь, прямо благородный рыцарь.— Он оглушительно рассмеялся.

Больше он ничего не мог сказать. Просто не знал, что ему говорить. Может быть, ему было стыдно. До сих пор он часто гремел басом на людей и никогда не задумывался, что обижает их. Он кричал на них и уезжал дальше своей дорогой. А тут впервые ему сказали такие слова. И кто сказал? Маленький мальчик, которого он мог одним щелчком опрокинуть на землю, о котором он даже не помнил, стоило ему уйти с работы. Он даже не знал его имя.

А Саша стоял перед ним, как дикий зверёк,— решительный, отчаянный, готовый до конца отстоять свою бабушку. И только где-то в глубине его глаз шофёр увидел и боль и обиду. Тогда он сказал:

— Ну прости, малый, виноват, кругом сто раз виноват, и вы, бабушка, великодушно простите.

Он тронул машину и помахал Саше рукой.

А бабушка хотела сначала отругать Сашу за то, что он лезет не в своё дело, но потом передумала. Разве можно ругать человека за благородные поступки? Нет, конечно! И бабушка это отлично знала. ...Так у неё было хорошо на сердце, ведь до чего дожила: Саша заступился за неё! Значит, не зря она сидела около него ночами, когда он болел. Жив человечек.

Юрий Иосифович Коваль

(Род. в 1938 г.)

ЧИСТЫЙ ДОР

Чистый Дор

Лесная дорога пошла через поле — стала полевой.

Дошла до деревни — превратилась в деревенскую улицу.

По сторонам стояли высокие и крепкие дома. Их крыши были покрыты сосновой щепой. На одних домах щепа стала от ветра и времени серой, а на других была новой, золотилась под солнцем.

...Вдруг на дороге я увидел старушку. Она тащила длинную берёзовую жердь.

— Давайте пособлю.

Я взял жердь и потащил её следом за старушкой.

...— Давай сюда, батюшка племянник. Вот дом наш.

Когда выстраивается шеренга солдат, то впереди становятся самые рослые и бравые, а в конце всегда бывает маленький солдатик. Так, дом Пантелевны стоял в конце и был самый маленький, в три оконца. Про такие дома говорят, что они пирогом подпёрты, блином покрыты.

Я бросил берёзу на землю и присел на лавочку перед домом.

— Как называется ваша деревня? — спросил я.

— Чистый Дор.

— Чего — Чистый?

— Дор.

Дор... Такого слова я раньше не слыхал.

— А что это такое — Чистый Дор?

— Это, батюшка, наша деревня,— толковала Пантелевна.

— Понятно, понятно. А что такое «дор»?

— А дор — это вот он весь, дор-то. Всё, что вокруг деревни,— это всё и есть дор.

Я глядел и видел поле вокруг деревни, а за полем — лес.

— Какой же это дор? Это поле, а вовсе не дор никакой.

— Это и есть дор. Чистый весь, глянь-ка. Это всё дор, а уж там, где ёлочки,— это всё бор.

Так я и понял, что дор — это поле, но только не простое поле, а среди леса. Здесь тоже раньше был лес, а потом деревья порубили, пеньки повыдёргивали. Дёргали, дёргали — получился дор.

— Ну ладно,— сказал я,— дор так дор, а мне надо дальше идти.

— Куда ты, батюшка племянник? Вот я самовар поставлю.

Ну что ж, я подождал самовара. А потом приблизился вечер, и я остался ночевать.

— Куда ж ты? — говорила Пантелевна и на следующее утро.— Живи-ка тут. Места в избе хватит.

Я подумал-подумал, послал куда надо телеграмму и остался у Пантелевны. Уж не знаю, как получилось, но только прожил я у неё не день, и не месяц, а целый год.

Жил и писал свою книжку. Не эту, а другую.

Эту-то я пишу в Москве. Гляжу в окошко на пасмурную пожарную каланчу и вспоминаю Чистый Дор.

Нюрка

Нюрке дядизуевой было шесть лет.

Долго ей было шесть лет. Целый год.

А как раз в августе стало Нюрке семь лет.

На Нюркин день рождения дядя Зуй напёк калиток — это такие ватрушки с пшённой кашей — и гостей позвал. Меня тоже. Я стал собираться в гости и никак не мог придумать, что Нюрке подарить.

— Купи конфет килограмма два,— говорит Пантелевна.— Подушечек.

— Ну нет, тут надо чего-нибудь посерьёзнее.

Стал я перебирать свои вещи. Встряхнул рюкзак — чувствуется в рюкзаке что-то тяжёлое. Ёлки-палки, да это же бинокль! Хороший бинокль. Всё в нём было цело, и стёкла есть, и окуляры крутятся.

...Повесил я бинокль на грудь, зашёл в магазин, купил два кило подушечек и пошёл к Нюрке.

Самый разный народ собрался. Например, Федюша Миронов пришёл в хромовых сапогах и с мамашей Миронихой. Принёс Нюрке пенал из бересты. Этот пенал дед Мироша сплёл.

Пришла Маня Клеткина в возрасте пяти лет. Принесла Нюрке фартук белый, школьный. На фартуке вышито в уголке маленькими буквами: «Нюри».

Пришли ещё ребята и взрослые, и все дарили Нюрке что-нибудь школьное: букварь, линейку, два химических карандаша, самописку.

Тётка Ксеня принесла специальное коричневое первоклассное школьное платье. Сама шила. А дядя Зуй подарил Нюрке портфель из жёлтого кожзаменителя.

...Я говорю Нюрке:

— Ну вот, Нюрка, поздравляю тебя. Тебе теперь уже семь лет. Поэтому дарю тебе два кило подушечек и вот — бинокль.

Нюрка очень обрадовалась и засмеялась, когда увидела бинокль. Я ей объяснил, как в бинокль глядеть и как на что наводить. Тут же все ребята отбежали шагов на десять и стали на нас в этот бинокль по очереди глядеть.

...Нюрка была весёлая. Она положила букварь, бинокль и прочие подарки в портфель и носилась с ним вокруг стола.

Напившись чаю, ребята пошли во двор в лапту играть.

А мы сели у окна и долго пили чай и глядели в окно, как играют ребята в лапту, как медленно приходит вечер и как летают над сараями и над дорогой ласточки-касатки.

Потом гости стали расходиться.

— Ну спасибо, — говорили они.— Спасибо вам за огурцы и за калитки.

— Вам спасибо,— отвечала Нюрка,— за платье спасибо, за фартук и за бинокль.

Прошла неделя после этого дня, и наступило первое сентября.

Рано утром я вышел на крыльцо и увидел Нюрку.

Она шла по дороге в школьном платье, в белом фартуке с надписью: «Нюри». В руках она держала большой букет осенних золотых шаров, а на шее у неё висел бинокль.

Шагах в десяти за нею шёл дядя Зуй и кричал:

— Смотри-ка, Пантелевна, Нюрка-то моя в школу пошла!

— Ну-ну-ну...— кивала Пантелевна.— Какая молодец.

И все выглядывали и выходили на улицу посмотреть на Нюрку, потому что в этот год она была единственная у нас первоклассница.

Около школы встретил Нюрку учитель Алексей Степаныч. Он взял у неё цветы и сказал:

— Ну вот, Нюра, ты теперь первоклассница. Поздравляю тебя. А что бинокль принесла, так это тоже молодец. Мы потом залезем все на крышу и будем на звёзды смотреть.

Дядя Зуй, Пантелевна, тётка Ксеня, Мирониха и ещё много народу стояли у школы и глядели, как идёт Нюрка по ступенькам крыльца. Потом дверь за ней закрылась.

Так и стала Нюрка первоклассницей. Ещё бы, ведь ей семь лет. И долго ещё будет. Целый год.

Анатолий Васильевич Митяев

(Род. в 1923 г.)

МЕШОК ОВСЯНКИ

В ту осень шли долгие холодные дожди. Земля пропиталась водой, дороги раскисли. На просёлках, увязнув по самые оси в грязи, стояли военные грузовики. С подвозом продовольствия стало очень плохо.

В солдатской кухне повар каждый день варил только суп из сухарей: в горячую воду сыпал сухарные крошки и заправлял солью.

В такие-то голодные дни солдат Лукашук нашёл мешок овсянки. Он не искал ничего, просто привалился плечом к стенке траншеи. Глыба сырого песка обвалилась, и все увидели в ямке край зелёного вещевого мешка.

— Ну и находка! — обрадовались солдаты.— Будет пир горой... Кашу сварим!

Один побежал с ведром за водой, другие стали искать дрова, а третьи уже приготовили ложки.

Но когда удалось раздуть огонь и он уже бился в дно ведра, в траншею спрыгнул незнакомый солдат. Был он худой и рыжий. Брови над голубыми глазами тоже рыжие. Шинель выношенная, короткая, на ногах обмотки и растоптанные башмаки.

— Эй, братва! — крикнул он сиплым, простуженным голосом.— Давай мешок сюда! Не клали — не берите.

Он всех просто огорошил своим появлением, и мешок ему отдали сразу.

Да и как было не отдать? По фронтовому закону надо было отдать. Вещевые мешки прятали в траншеях солдаты, когда шли в атаку. Чтобы легче было. Конечно, оставались мешки и без хозяина: или нельзя было вернуться за ними (это если атака удавалась и надо было гнать фашистов) или погибал солдат. Но раз хозяин пришёл, разговор короткий — отдать.

Солдаты молча наблюдали, как рыжий уносил на плече драгоценный мешок. Только Лукашук не выдержал, съязвил:

— Вон он какой тощий! Это ему дополнительный паёк дали. Пусть лопает. Если не разорвётся, может, потолстеет.

Наступили холода. Выпал снег. Земля смёрзлась, стала твёрдой. Подвоз наладился. Повар варил в кухне на колёсах щи с мясом, гороховый суп с ветчиной. О рыжем солдате и его овсянке все забыли.

Готовилось большое наступление.

По скрытым лесным дорогам, по оврагам шли длинные вереницы пехотных батальонов. Тягачи по ночам тащили к передовой пушки, двигались танки.

Готовился к наступлению и солдат Лукашук с товарищами.

Было ещё темно, когда пушки открыли стрельбу. Посветлело — в небе загудели самолёты. Они бросали бомбы на фашистские блиндажи, стреляли из пулемётов по вражеским траншеям.

Самолёты улетели. Тогда загромыхали пушки. За ними бросились в атаку пехотинцы. Лукашук с товарищами тоже бежал и стрелял из автомата. Он кинул гранату в немецкую траншею, хотел кинуть ещё, но не успел: пуля попала ему в грудь. И он упал.

Лукашук лежал в снегу и не чувствовал, что снег холодный. Прошло какое-то время, и он перестал слышать грохот боя. Потом свет перестал видеть — ему казалось, что наступила тёмная тихая ночь.

Когда Лукашук пришёл в сознание, он увидел санитара. Санитар перевязал рану, положил Лукашука в лодочку — такие фанерные саночки. Саночки заскользили, заколыхались по снегу. От этого тихого колыхания у Лукашука стала кружиться голова. А он не хотел, чтобы голова кружилась,—он хотел вспомнить, где видел этого санитара, рыжего и худого, в выношенной шинели.

— Держись, браток! Не робей — жить будешь!..— слышал он слова санитара.

Чудилось Лукашуку, что он давно знает этот голос. Но где и когда слышал его раньше, вспомнить тоже не мог.

В сознание Лукашук снова пришёл, когда его перекладывали из лодочки на носилки, чтобы отнести в большую палатку под соснами: тут, в лесу, военный доктор вытаскивал у раненых пули и осколки.

Лёжа на носилках, Лукашук увидел саночки-лодку, на которых его везли до госпиталя. К саночкам ремёнными постромками были привязаны три собаки. Они лежали в снегу. На шерсти намёрзли сосульки. Морды обросли инеем, глаза у собак были полузакрыты.

К собакам подошёл санитар. В руках у него была каска, полная овсяной болтушки. От неё валил пар. Санитар воткнул каску в снег постудить — собакам вредно горячее. Санитар был худой и рыжий. И тут Лукашук вспомнил, где видел его. Это же он тогда спрыгнул в траншею и забрал у них мешок овсянки.

Лукашук одними губами улыбнулся санитару и, кашляя и задыхаясь, проговорил:

— А ты, рыжий, так и не потолстел. Один слопал мешок овсянки а всё худой.

Санитар тоже улыбнулся и, ткнув рукой ближнюю собаку, ответил:

— Овсянку-то они съели. Зато довезли тебя в срок. А я тебя сразу узнал. Как увидел в снегу, так и узнал...— И добавил убеждённо: — Жить будешь! Не робей!..

Лидия Алексеевна Обухова

(Род. в 1924 г.)

ЛЮБИМЕЦ ВЕКА (ГАГАРИН)

...12 апреля 1961 года нашей эры от Земли отрывается первый человек, герой и любимец века.

Стоя между небом и землёй, прежде чем войти в ракету, запеленаться в ремни, он только улыбнулся и поднял обе руки кверху.

— До скорой встречи!

А когда раздалась последняя команда «Пуск!» и ракета ринулась вверх, Гагарин лихо, бедово, с чисто русским пренебрежением к тяготам и опасностям бросил своё знаменитое ямщицкое «Поехали!» — подбадривая не себя, а тех, кто остаётся.

Ракета очень медленно, томительно медленно тронулась с места.

«Взгляд мой остановился на часах. Стрелки показывали 9 часов 7 минут по московскому времени. Я услышал свист и всё нарастающий гул, почувствовал, как гигантская ракета задрожала всем своим корпусом и медленно, очень медленно оторвалась от стартового устройства».

В эти мгновения он уже не испытывал ни ошеломления, ни восторга. Всё было точным и размеренным в его сознании. Только одно могло показаться странным: когда росли и росли перегрузки, с Земли голос Королёва ему сообщил, что прошло семьдесят секунд после взлёта. Он ответил бодро: «Самочувствие отличное. Всё хорошо,— а сам подумал: «Неужели только семьдесят? Секунды длинные, как минуты». Но тотчас утешился воспоминанием: «На центрифуге приходилось переносить и не такое».

Одна за другой начали отделяться ступени ракеты. Их топливо выгорело: они сделали своё дело — вынесли корабль на орбиту.

И в то же мгновение тяжесть схлынула, а затем Гагарина словно подняло из кресла; он повис на ремнях. Но провис не вниз, а взлетел кверху Вернее, в том направлении, которое ещё за секунду перед тем считалось верхом. Между его громоздким скафандром и сиденьем кресла образовалась прослойка пустоты.

Раньше, на тренировках, Юрий находился в состоянии невесомости несколько секунд, пока самолёт низвергался вниз. Сейчас это странное, похожее на затянувшийся сон ощущение, когда «и руки, и ноги стали будто совсем не моими», должно продлиться более часа.

Юрий взял бортовой журнал и начал записи.

З е м л я. Как самочувствие?

Г а г а р и н. Самочувствие отличное. Машина работает нормально. В иллюминаторе наблюдаю Землю. Всё нормально. Как поняли меня?

З е м л я. Вас поняли!

Г а г а р и н. Продолжается полёт в тени Земли. В правый иллюминатор сейчас наблюдаю звезду. Она проходит слева направо по иллюминатору. Ушла звёздочка. Уходит, уходит...

Мир необычайно расширился; Гагарин чувствовал себя его первооткрывателем. И это не было преувеличением.

Краски родной планеты по-детски обрадовали его.

— Красота-то какая! — воскликнул он.

Как всё переменилось! Неба не стало. Привычное голубое небо сузилось до тоненького ободка вокруг Земли. Его ракета светилась подобно новой звезде.

Итак, Юрий мчится со скоростью близкой к 28 тысячам километров в час. Под ним поблескивают океаны, в размывах облаков видны континенты.

Подлетая к жёлтой Африке — так удивительно, что она оказалась в самом деле жёлтой, как на школьной карте мира! — Гагарин спохватился, что он ведь уже почти опоясал Землю.

По московскому времени было 10 часов 15 минут. Через десять минут он начал снижаться.

Корабль сошёл с орбиты, и плотные слои воздуха встретили его упруго, как морские волны. Для Гагарина они показались стеной огня: обгорела обшивка. Он невольно с беспокойством взглянул на термометр: нет, яркое пламя не накалило воздух; в кабине двадцать градусов тепла, как и прежде. Пока что всё шло хорошо.

К нему возвращалась тяжесть. Сейчас она должна намного возрасти. А как будет на самом деле? Труднее, чем при взлёте? Юрий напряг мускулы, готовясь встретить перегрузки.

«Восток» приближался к Земле. Все системы сработали отлично; Юрий благополучно опускался. И тут его покинули деловитость и напряжение. На минуту он стал тем, чем и надлежало ему быть сейчас,— Самым Счастливым Человеком На Свете.

«От избытка счастья я громко запел:

Родина слышит,
Родина знает...»

Внизу уже хорошо различалась Волга и знакомый город — Саратов. Очень знакомый: по учёбе в техникуме, по занятиям в аэроклубе. Значит, он возвращается не только на Землю, не только на Родину, но и в обжитые, любимые им места.

...Несколько обгоревший шар приземлился на вспаханную почву.

Юрий, слегка пошатываясь, ступил на сырую комковатую землю.

Было одиннадцать часов утра. Ветрено. Он стоял среди невысоких холмов у подножия песчаного обрыва, словно срезанного лопатой, вблизи зябких кустов лесополосы — бузинных, смородинных, стволов голых акаций и клёна...

Над ним небо с рваными быстрыми облаками.

После стиснутости кабины — весь простор. После комка багрового пламени — голубизна и неподвижность. Земной рай состоял из тишины и света! Только ветер переваливал с холма на холм да кровь шумела в ушах.

Юрий медленно повёл взглядом.

В эти первые полчаса у него было странное лицо: без улыбки, но высветленное, будто каждый солнечный луч дарился ему заново. Словно он не до конца ещё поверил, что стоит на твёрдой земле, вспаханной под зябь, а не внутри крутящегося шара.

...Выпустив пятнистого телёнка потоптаться на вольной землице, Анна Акимовна Тахтарова, жена сторожа лесничества и

бабушка шестилетней Риты, пошла вместе с внучкой в огород вскопать грядки, сколько успеет до обеда.

И когда внучка Рита дёрнула её за рукав, тыча куда-то в поля замаранным кулачком, Анна Акимовна выпрямила натруженную спину — и обомлела.

Недалеко от них, почитай, шагов за сто — кто в полях шаги меряет! — тяжело переваливаясь, двигалась диковинная фигура. Руки, ноги, туловище — всё неуклюже обтянуто в толстую ткань цвета подсолнечника. На плечах словно водолазный шар.

Чужак замахал рукою. Тахтарова, не отпуская внучку, с опаской к нему приближалась.

Юрий тоже ещё издали приметил их торопливые фигурки. Спотыкаясь, они шли по взмокшей, недавно оттаявшей почве с пупырчатыми блюдечками позднего снега по ложбинам. Но шаги становились всё медленнее... Через минуту перед ним стояли пожилая женщина с высоким морщинистым лбом и прищуренными глазами и маленькая девочка, одетая по-зимнему и поэтому похожая на ватную куклу.

— Свой я! Советский! — закричал Гагарин против ветра, захлёбываясь им.

Тахтарова разглядела молодое лицо и взмокшие волосы из-под шлема. Чтобы успокоить её окончательно, он прибавил:

— Я лётчик-космонавт. Вернулся из космоса...

...Неподалёку на соседнем поле работали трактористы. Они уже раньше слышали о запуске ракеты. Сгрудились вокруг радиоприёмника, радостно жали друг другу руки. Сообщение кончалось тем, что Гагарин летит над Африкой. «Ну,— подумали они,— Африка далеко, успеем ещё в поле поработать». Они просто не могли представить себе скорость ракеты!

Юрия Гагарина звук трактора обрадовал, он пошёл ему навстречу. Трактористы сначала встретили его тоже недоверчиво. Но скоро всё разъяснилось. Космонавта обняли, хотели посадить на трактор. «Вы уже сеете? — спросил он.— А у нас на Смоленщине холоднее».

В это время видят: грузовик на пашню с дороги сворачивает. Это спешила поисковая группа. Гагарин сфотографировался с трактористами на прощание. За ним уже прилетел специальный самолёт из Москвы. Пока он летел к столице, с двух сторон его сопровождали семь «истребителей», как самого почётного гостя!

Боковые самолёты шли так близко, что Юрий видел улыбающиеся лица лётчиков и сам улыбался им в ответ. Он даже попросил радиста послать приветствие: «Друзьям-истребителям горячий привет!»

...А потом он увидел сверху толпы людей, переполненные улицы Москвы, Внуковский аэродром в разноцветных шарах — ахнул и заволновался. Самолёт, пробежав по взлётной дорожке, остановился за сто метров перед трибуной. По серому полю шла узкая длинная лента ковра. Она начиналась у лестницы, по

которой сейчас спускался космонавт: «Надо было идти и идти одному. И я пошёл».

Воздушные шары взлетели вверх, оркестр заиграл марш, напряжённые торжественные лица стали наплывать ближе — Гагарин шёл бравым размашистым шагом, хотя у него на одном ботинке развязался шнурок...

«Да, мне было страшно выступать перед тысячами людей, видеть их изумлённые, восторженные лица. Я был готов к испытанию космосом, но не подготовлен к испытанию человеческим морем глаз...»

Гагарин рос таким же, как миллионы других мальчишек на Советской земле. Упорно учился, много работал, не боялся любых испытаний. Он был смелым и великодушным человеком. Таким и останется Первый Космонавт в памяти людей.

Галина Николаевна Демыкина

(Род. в 1923 г.)

ДЕРЕВНЯ ЦАПЕЛЬКИ, ДОМ ОДИН

Под вечер приехал отец. Вошёл в избу:

— Где Алёна?

— Здесь я, пап!

— На́ твои вещи, а вот это гостинец от бабушки.

— А бабушка?

— Не едет она к нам, дочка. «Поживу, говорит, пока что здесь, а после видно будет».

Алёна развернула белую тряпицу, в которую был закручен гостинец.

Пирог. Яблоко. Одно-единственное, большущее, наливное. И в отдельном кулёчке всего понемногу — вишенья, смородины, сливы, крыжовника...

Алёнка вдруг заплакала.

— Чего ты, дочка? — спросил отец. Он подошёл, погладил её по волосам.— Обидел, что ли, кто?

— Нет. Жалко мне.

— Чего жалко?

А Алёна и сама-то не знает. Только знает, что жалко.

— Бабушка без меня скучает.

— А ты ей письмо напиши. Я поеду — передам.

Вечером Алёна попросила у мамы бумагу и цветные карандаши. Села писать бабушке письмо.

Буквы Алёна ещё не знала, только цифры немножко. Но это не беда. Всё равно письмо получилось красивое.

Дорогая бабушка!

И Алёна нарисовала красные и жёлтые яблоки, крепко прижатые к ветке, душистые, чуть запотевшие: проведёшь пальцем — останется след, как по росе. И вишнёвые ягоды на длинных черешках. И ягоды малины.

Мы с Борькой по тебе скучаем.

И она нарисовала Борьку. Он был маленький, кудрявый и держался за её, Алёнину, руку.

Передай от нас привет дедушке Младшему.

И вот уже на странице появился дедушка с бородой.

И как хорошо, что нашлась Цаплина Скаточка и что будет теперь в Цапельках большущий сад.

И пририсовала ещё одно яблоко.

До свиданьица, дорогая бабушка.

И тут у Алёны — она даже сама не знала как — получилась очень красивая белая птица. Она стояла посреди сада на длинных ногах, с отведёнными назад широкими белыми крыльями.

Низко кланяюсь. Твоя любимая внучка Алёна.

Но места уже не хватило, и любимую Алёну пришлось поместить в самом-самом углу странички.

Алёна отдала письмо папе. Папа положил его в конверт, заклеил, а на конверте написал:

ДЕРЕВНЯ ЦАПЕЛЬКИ, ДОМ ОДИН.

Как получит бабушка письмо, сразу догадается, что Алёна скоро опять к ней приедет.

Сергей Анатольевич Иванов

(Род. в 1930 г.)

ХОРОШО ИЛИ ПЛОХО

В городе жить хорошо — весело, шумно. В городе всего много — людей, домов, улиц. В городе толкучка, в городе дышат густым тёмным паром фабричные трубы. Они такие высокие, что выдыхают свой дым прямо на небе!..

«В городе жить хорошо. А в деревне хорошо жить или нет?» — думает Таня. Она стоит посреди пустой деревенской улицы, мнёт валенком густой мартовский снег и думает. Солнышко льёт — оттепель. А может, уже и настоящая весна...

В деревне всего одна улица, фабрик нет — по небу только облака плавают. Людей новых нет, и людей мало. Если б сюда перенести по какому-нибудь щучьему веленью Танин московский дом, вся деревня в нём бы уместилась, все люди! «Вот было бы интересно,— думает Таня,— кругом леса, поля, а посреди стоит девятиэтажный дом и перед входом вывеска: «Деревня Кресты Ручьёвские»...

Зато в деревне много всего живого. Таня это сразу заметила. В городе, хоть он и очень большой, столько живого ни за что не наберётся. Там даже и живое какое-то не очень живое. Собаки слишком скромные, все на ремешках, а деревья обязательно рядками стоят. Таня, пока в городе жила, думала: так и нужно. А сюда приехала — поняла, как должно быть!

Вот бежит по улице собака. Ни забот у неё, ни хлопот. Машин она не боится, никто её не трогает. Подошла к Тане, понюхала край пальто, заглянула в глаза снизу вверх. Таня показала собаке пустые руки: «Нету ничего!» Собака вильнула хвостом и побежала дальше. Вот какими должны быть настоящие живые собаки!..

На краю деревни стоит ферма — длинный-длинный дом, похожий на здоровенный батон. Там живёт целое стадо коров. Туда Таня когда-нибудь обязательно сходит. Но пока ходить туда боязно. Коровы большие, тяжёлые, рогатые. Таня к коровам ещё не привыкла.

А к лошадям она сразу привыкла. Лошадей она нисколько не боится. Лошади живут на другом конце деревни, в старенькой конюшне. Таня туда уже два раза ходила и ещё пойдёт. Лошади смирные, и сразу видно, что добрые.

А ещё за два километра отсюда есть птичья ферма. Там куры... Ещё здесь можно посмотреть овец, коз, гусей, которые ходят красными босыми лапами прямо по мартовскому снегу... Ещё тут есть синички. Их приглашала смотреть Танина новая подружка Алёна. И ещё дед обещал отвезти Таню в поле, показать, как под снегом спит живая пшеница. Её называют озимая, потому что она прямо в поле зимует.

Вот сколько живого есть в деревне. А на самом деле даже ещё больше: и вороны, и сороки, и дятлы. Полный лес зверей и птиц. Зверей Таня пока не видела. Но дед говорит, что в лесу даже медведи есть. А уж о зайцах и говорить нечего! От зайцев даже приходится молодые яблони укрывать — обвязывать еловыми ветками. Зайцы для молодых деревьев хуже волков: всю кору объедят, если не уследишь. А деревья от этого сохнут. Вот и стоит молодняк колхозного сада весь в зелёных валенках...

В городе зайцы только плюшевые или заводные, деревья все выстроились по струнке, а коров вообще нет никаких. В деревне это всё настоящее. Почти каждого живого — если только он не дикий — можно потрогать и погладить, можно о нём заботиться, носить ему еду. У колхозников это главная работа — заботиться обо всём живом. Полеводы заботятся о растениях, а животноводы — о животных. Тане такая работа нравится. Она думает, что тоже, может быть, станет полеводом или животноводом. Но это немного погодя. А сначала — как только она станет взрослой — ей хочется немного побыть полярницей...

Софья Леонидовна Прокофьева

(Род. в 1928 г.)

КОГДА МОЖНО ПЛАКАТЬ?

Утром заплакала Маша.

Заглянул в окно Петушок и говорит:

— Не плачь, Маша! Утром я пою «ку-ка-ре-ку», а ты плачешь, мне петь мешаешь.

Заплакала Маша днём.

Вылез из травы Кузнечик и говорит:

— Не плачь, Маша! У меня голос тонкий, а ты плачешь громко. Никто меня не слышит.

Заплакала Маша вечером.

Прискакали из пруда лягушки.

— Не плачь, Маша! — говорят лягушки.— Мы любим вечером квакать, а ты нам мешаешь.

Заплакала Маша ночью.

Прилетел из сада Соловей и сел на окно.

— Не плачь, Маша! Ночью я пою красивые песни, а ты мне мешаешь.

— А когда же мне плакать? — спросила Маша.

— А ты никогда не плачь,— сказала мама,— ведь ты уже большая девочка.

Станислав Тимофеевич Романовский

(Род. в 1931 г.)

ОТЛУНЬЕ

Ближе к ночи Таня понесла отцу ужин в степь — отец в ночную работал на комбайне, убирал хлеб.

Поднялся туман.

Белым облаком облачил туман все тропинки и дорожки, и девочка заплуталась.

Она крепко прижимала к себе хозяйственную сумку с ковригой тёплого хлеба и бутылкой, в которой бултыхалось молоко, и забрела невесть куда.

Под ногами захлюпало болото, и Таня, мокрая насквозь, не знала, что и делать, только тихо плакала и, ступая наугад, несла над головой хозяйственную сумку, из которой текло молоко.

И всё-таки она выбралась на сухое — на скошенное поле.

По полю колесом катился туман.

— Папа-аа! — громко крикнула девочка в темноту, и голос её погас в тумане, таком густом, что она шла, выставив вперёд руку — на всякий случай, чтобы не наколоть глаза.

Вот рука её упёрлась в свежую солому — длинный соломенный стог, который зовётся омётом. Девочка зарылась в него, положила сумку под голову и, дрожа и согреваясь, не заметила, как крепко заснула.

Она проснулась от холода и от какого-то близкого сокрытого движения и, не шелохнувшись, открыла глаза.

Туман ослаб, и близко от Тани на стерне кормились большие серые птицы и негромко переговаривались между собой.

Это были гуси, только не домашние, а дикие, и все они искали зёрна в стерне, кроме сторожевого гусака, что недалеко от девочки держал голову на долгой шее и прислушивался, что творится ночью в степи, нет ли опасности.

У девочки затекли руки и ноги. Она лежала в самой середине дикой стаи, и ей было жутко и хорошо оттого, что она сама, как вольная птица, прислушивается к птичьему разговору, затерялась в степи, и будь у неё за спиной живые крылья — полетела бы вместе со стаей в неведомые страны.

Руку у Тани свело судорогой, девочка пошевелила пальцами— сторожевой гусь повернул голову к омёту, ничего подозрительного не увидел, подошёл близко-близко и с негромким криком, предупреждающим об опасности, тяжело захлопал крыльями и поднялся в воздух.

Всё поле наполнилось хлопаньем крыльев. Оно катилось волнами, и когда стихло, девочка услышала в низине голос комбайна.

Таня встала и, озябнув, побежала на голос машины.

Она бежала долго, задохнулась, пошла шагом и увидела комбайн, который плыл по грудь в тумане.

— Папа-аа! — закричала она и заплакала: — Ааа...

И железная громадина, которая касалась вершиной своей звёзд на небе, остановилась, постояла посреди поля, а сверху отцовский голос позвал:

— Дочка, полезай ко мне!

А она стояла и плакала, и не было у неё сил взобраться на такую высокую железную гору.

Отец спустился на землю, взял Таню на руки, и она задохнулась от запаха зерна, горячего железа и отцовского тепла — родного, как тепло матери.

Лицом, всей собой она зарылась в это тепло, и обильные слёзы потекли из её глаз. Она всё хотела, да не могла выговорить «папа, папочка», и у неё получалось протяжное, как стон радости:

— Ааа...

По железным ступеням отец поднял её наверх, усадил рядом с собой.

Святослав Владимирович Сахарнов

(Род. в 1923 г.)

КТО В МОРЕ ЖИВЕТ

В ТЕПЛОМ МОРЕ

Дюгонь

Хорошо на подводном лугу. Вода тёплая — солнышко её до самого дна прогревает. Кругом трава — сочные зелёные водоросли. Ползёт по лугу дюгонь. Морду в зелень тычет, чавкает. Из травы усатые рачки-креветки — порск! порск!

— Эй ты, губастый! Поосторожнее. Чуть с травой нас не съел!

Акула

Плывёт акула за кораблём, кухонные отбросы подбирает.

Мешок из-под мяса?.. В пасть.

Бутылка?.. И её туда же.

Кусок сала на крючке?.. Опасно глотать, да уж больно наживка хороша!

Охнуть акула не успела — очутилась на палубе.

— Ну, как сало?

— Горькое!

ДВА РАДИСТА

Служили на Охотском море два радиста. Один — на рыбачьем сейнере «Волна», второй — на грузовом пароходе «Пугачёв».

Рано утром садился радист «Пугачёва» за чёрный металлический ящик с блестящими ручками — радиостанцию, включал её и начинал передачу. Он нажимал пальцами то коротко, то длинно на медный рычажок — радиоключ, и в воздух летели то короткие, то длинные гудочки: пии-пи... пии-пи-пи...

И бывало, что радист «Волны» в это время надевал наушники, слышал сигналы и привычно складывал их в буквы и слова, читал:

Передаю для вас погоду...

Потому что именно так радисты всего мира разговаривают друг с другом.

— Куда идёте?

— На Камчатку.

— А мы на Сахалин.

Рисунок Н. Устинова и В. Трубковича

Вот и весь разговор.

Но однажды случилась беда. Сейнер наскочил в тумане на камни, пробил себе дно и стал тонуть.

Рыбаки бросились к насосам. Напрасно, холодная вода всё равно заполняла судно.

— Не успеваем откачивать воду,— сказал капитан.—Надо звать помощь.

А радист был уже в своей каюте. Стоя по пояс в воде, он отвинчивал от стола радиостанцию.

Вода в каюте поднималась всё выше и выше, а радист всё работал. Он сломал отвёртку, до крови ободрал пальцы, но всё-таки снял станцию и вытащил её на палубу.

— Пии-пи-пи...— полетели в воздух тревожные гудочки. Но

на этот раз они были слабые-слабые: станция отсырела и работала плохо.

Никто не отвечал радисту.

Волны бормотали уже у самой палубы.

— Видно, помощь не вызвать,— сказал капитан.

И вдруг радист услышал в наушниках знакомые сигналы. Это отвечал «Пугачёв». Никто на всём море не смог разобрать слабых сигналов «Волны», а радист «Пугачёва» разобрал.

И тогда он стал повторять их, работая на своей сильной станции:

«Всем! Всем! Всем!»

Теперь по всему морю, на всех кораблях, слышали громкие и ясные, звучавшие, как команда, сигналы:

«На помощь! На помощь!»

Четыре парохода, три катера, два гидросамолёта свернули с пути и направились к «Волне».

«Пугачёв» тоже спешил. Он обогнал другие корабли и первым пришёл к месту аварии.

«Волны» уже не было видно. Над водой торчали только её мачты. За них держались, плавая на спасательных кругах, люди.

Рыбаков вытащили. Когда они, сменив одежду, собрались в каюте парохода, радист «Пугачёва» спросил:

— Ну, где же ваш радист? Наконец-то мы с ним встретились!

— Его нет,— ответили рыбаки.— Он работал в воде, простудился и заболел. Час назад прилетел гидросамолёт и забрал его. Вот это он просил передать вам.

И один из рыбаков протянул радисту сложенный вдвое листок бумаги. Сверху на листке было написано: «Моему лучшему другу».

И никакой фамилии. Потому что у радистов всего мира вместо фамилий короткие позывные сигналы: пии-пи-пи...

Николай Иванович Сладков

(Род. в 1920 г.)

ПТЕНЦЫ-ХИТРЕЦЫ

Жил я в лесу. Совсем один.

Скучно одному. «Вот бы,— думаю,— щеночка себе завести. Весёлого, ласкового. Учил бы его уму-разуму — скуки бы и не было».

Но в лесу щенков нет. Собрался я в деревню. А дорога туда была не близкая.

Вышел я из лесу, пошёл полем. Шёл-шёл — устал. Присел отдохнуть.

Послушный малыш

Смотрю: впереди меня бежит жёлтенький куличок — зуёк, галстучник. За ним катятся четыре зуйчонка величиной с напёрсток, на высоких ножках.

Путь зуйкам пересекла узкая лужица. Зуйчиха на крылья — и перелетела воду. А у зуйчат ещё и крыльев нет: один пух. А всё равно и они не остановились: мах-мах ножками по воде как по песку. Такие лёгкие, что и вода их держит. Я даже вскрикнул от удивления.

Зуйчиха-мама оглянулась на меня с того берега лужи и негромко сказала своим зуйчатам:

— Пи-у!.. Ложись!

Трое зуйчат были уже на том берегу лужи. Услыхав приказ матери, они разом припали к земле и пропали из глаз: их серо-жёлтые спинки слились с жёлтым песком и серой галькой.

А четвёртый зуйчонок не успел перебежать лужу — и плюхнулся прямо в воду. Только головка его была на песке, а всё тельце — в воде: он лёг там, где его застала команда: «Пи-у!.. Ложись!»

Я перешагнул лужу, сел на камень рядом с послушным птенчиком.

«Дай,— думаю себе,— дождусь, что он дальше будет делать».

Птенчик лежал не шевелясь. Было ему плохо: вода холодная, пушок намок, пальчики упирались в камешки на дне лужи, но он не шелохнулся. Даже чёрные бусинки-глазки не моргали. Мама велела лечь — и он послушно лежал.

Я сидел долго, так долго, что у меня нога затекла. Я шаркнул ею около самого носа зуйчонка, но он не шевельнулся.

Комары одолели. Один комар сел зуйчонку на голову, проткнул ему носом кожу и стал толстеть — наливаться кровью. На крошечной головке птенчика он казался чудовищем и всё рос, рос на глазах, наполняя брюхо алой кровью.

Зуйчонок чуть прижмурил от боли глаза, но терпел — и не трогался с места.

А моё терпение лопнуло. Я наклонился и щелчком сшиб комара с бедного птенчика. Потом осторожно взял продрогшего птенчика двумя пальцами поперёк тельца и поднял к своим губам.

— Полно тебе в прятки-то играть! — сказал я ему, осторожно прикасаясь губами к нежному пушку на его голове.— Беги, догоняй маму.

Но зуйчонок и не моргнул. Я положил его на сухое место, подальше от воды. Зуйчонок не шелохнулся.

«Уж не умер ли он»,— с тревогой подумал я. И вскочил с камня.

Это моё движение испугало зуйчиху-маму, скрывавшуюся где-то в камнях дальше по берегу.

— Кру-кру! — крикнула она оттуда.— Вскакивай! Беги!

В один миг вскочили на ножки все четыре зуйчонка и — чик-чик-чик! — стремглав понеслись к зуйчихе.

«Ну-ну! — сказал я себе.— Если бы я так свою маму слушал в детстве, так, верно, вышел бы из меня толк. Куда уж мне учить таких...»

И пошёл домой через большое лесное болото.

ЛАСТОЧКА, ЛАСТОЧКА

— Ласточка, ласточка, что над водой летаешь?
— Комаров кусачих хватаю!
— А что над стадом порхаешь?
— Коров от мух охраняю!
— Ласточка-касаточка, что к облакам взмываешь?
— Ясные деньки высматриваю!
— А что над самой землёй скользишь?
— О дожде-непогоде предупреждаю!

Геннадий Яковлевич Снегирёв

(Род. в 1933 г.)

ЧАЙКА

Я жил с рыбаками на самом берегу океана. За нашей избушкой была тайга, и когда не шумел океан, то слышно было, как дятел долбит деревья.

Однажды рыбаки сказали мне:

— Посмотри, как над водой кружат чайки, они ловят рыбу, завтра утром мы тоже начнём лов.

Утром я проснулся, когда солнце ещё не выплыло из океана. Было тихо, волны зелёными упругими рядами набегали на песок и откатывались назад в океан. У самой воды, быстро перебирая розовыми лапками, ходила чайка, оставляя на мок-

ром песке крестики своих следов. Ходила и громко ахала: «ах, ах, ах». А где-то дальше, за сопками, другая чайка отвечала ей: «ах, ах, ах».

«Что это,— думаю,— они расплакались? Детей своих, что ли, растеряли?»

Я долго смотрел на чайку, а потом вернулся в избушку.

Рыбаки снимали сети с шестов и относили подальше от воды, под дно баркасов подложили брёвна и вкатили баркасы на берег.

Я удивился:

— В такую погоду только за рыбой идти, а вы к шторму готовитесь?

— Нельзя сегодня в море выходить,— сказали мне рыбаки,— шторм будет.

— На небе ни одного облачка, и ветра нет, откуда вы про шторм узнали?

Рыбаки мне на чайку показывают, а чайка всё по песку ходит и ахает.

— Вот, посмотри: чайка бродит по песку, рыбаку сулит тоску!

К обеду подул ветер, он всё усиливался. Мы сидели в избушке. За стеной ревел океан, иногда волна докатывалась до стены и сотрясала весь домик. Рыбаки громко кричали мне в ухо.

Я разобрал только: «Мы бы сейчас в открытом море были. Спасибо чайке: как шторм, она нас всегда предупреждает!»

КТО САЖАЕТ ЛЕС

За рекой росли одни ёлки. Но потом среди ёлок появились дубки. Ещё совсем маленькие, всего три листика торчат из земли.

А дубы отсюда далеко растут. Но не могли же с ветром жёлуди прилететь? Очень они тяжёлые. Значит, кто-то их здесь сажает.

А кто?

Долго не мог я угадать.

Однажды осенью шёл я с охоты, смотрю — мимо меня низко-низко пролетела сойка.

Я спрятался за дерево и стал за ней подглядывать. Сойка что-то спрятала под трухлявый пень и осмотрелась: не увидал ли кто? И потом полетела к реке.

Я подошёл к пню, а между корнями в ямке лежат два жёлудя: сойка спрятала их на зиму.

Так вот откуда молодые дубки появились среди ёлок!

Сойка спрячет жёлудь, а потом забудет, где спрятала, он и прорастёт.

Эдуард Юрьевич Шим

(Род. в 1930 г.)

ЧЕРЁМУХА

Очень я, Черёмуха, на людей обижаюсь...

По весне белого кружева напряду, с головы до ног наряжусь, стою — как невеста... Глядите, стар и мал, любуйтесь. Пусть у вас на душе станет радостно!

А люди — ломать меня.

По стволу карабкаются, сучья гнут, веточки отдирают. И не поймут, что ведь себе хуже! Веточки в комнате долго ли простоят — вот уже и осыпались... А цвела бы я нетронутая, так сколько бы дней глаз веселила!

Поспеют летом чёрные ягоды,— снова люди ко мне. Потихоньку собирали бы ягодки, бережно, я бы смолчала. Но ведь снова гнут меня, снова ломают...

Этакий сорванец на ветке качается, приятелей зовёт:

— Эгей! Сюда!..

Ну, я на хитрость пустилась.

Хоть ягоды мои и сладки, да вязкие они, рот вяжут.

Поел ягод, захотел крикнуть, а рот-то и связало.

Ну, и поделом тебе.

Ступай домой да помалкивай.

ХЛЕБ РАСТЁТ

Кругом деревни поля ещё голые. А одно поле — будто зелёной краской залито. Такое яркое, такое весёлое, такое праздничное!

Мама сказала:

— Это хлеб растёт.

Зелёные ростки, одинаковые, как родные братцы, кустиками, кустиками торчат. Когда же они успели вырасти?

Мама объясняет: это озимый хлеб. Его под зиму сеяли, прошлой осенью.

Зёрна успели до холодов проклюнуться, прорасти и поднять над землёй кустики нежных зелёных листьев.

Потом их снегом закрыло. И уснули они до поры до времени. Над полем вьюги свистели, морозы студили землю.

А хлеб терпел.

Зябко ему было под снегом, темно. И долго-долго зима не кончалась...

Но дотерпел хлеб, дождался весны. И как только она пришла, сразу ожил, сразу начал расти. Не пропустил первое тепло, не замешкался.

Тянется к солнышку, старается!

Идут люди весёлым зелёным полем, глянут по сторонам, улыбнутся:

— До чего хлеб хорош!

Елена Александровна Благинина

(Род. в 1903 г.)

АЛЁНУШКА

1

А у нас есть девочка.
Звать её Алёнушка,
Девочка-припевочка,
Круглая головушка.
Целый день «уа-уа»,
Вот и все её слова.

2

Как у нашей дочки
Розовые щёчки.
Как у нашей птички
Тёмные реснички.
Как у нашей крошки
Тёпленькие ножки.
Как у нашей лапки
Ноготки-царапки.

3

Ой, ладушки-ладушки,
Испечём оладушки,
На окно поставим,
Остывать заставим,
А остынут — поедим
И воробышкам дадим.

Воробышки сели,
Оладушки съели,
Оладушки съели,
Шшу-у-у!..— и улетели!

4

Мы не ляжем рано спать:
Дочку надобно купать.
Тёплую водичку
Льём на нашу птичку.

Ой, с гуся вода,
С Алёнушки худоба!
Дайте-ка пелёнку
Завернуть Алёнку!

5

Баю-баю-баиньки,
Прискакали заиньки:
— Спит ли ваша девочка,
Девочка-припевочка?
— Уходите, заиньки,
Не мешайте баиньки!

Люли-люли-люленьки,
Прилетели гуленьки:

— Спит ли ваша девочка,
Девочка-припевочка?
— Улетайте, гуленьки,
Дайте спать дочуленьке!
Завтра встанет солнышко,
Встанет и Алёнушка.

Будет солнце греть,
Будет дочка петь.
Целый день «уа-уа»...
Полюбуйтесь какова!

ВОТ КАКАЯ МАМА

Мама песню напевала,
Одевала дочку,
Одевала — надевала
Белую сорочку.
Белая сорочка —
Тоненькая строчка.

Мама песенку тянула,
Обувала дочку,
По резинке пристегнула
К каждому чулочку.

Светлые чулочки
На ногах у дочки.

Мама песенку допела,
Мама девочку одела:
Платье красное в горошках,
Туфли новые на ножках...
Вот как мама угодила —
К Маю дочку нарядила.
Вот какая мама —
Золотая прямо!

ПОСИДИМ В ТИШИНЕ

Мама спит, она устала...
Ну, и я играть не стала!
Я волчка не завожу,
А уселась и сижу.

Не шумят мои игрушки,
Тихо в комнате пустой.
А по маминой подушке
Луч крадётся золотой.

И сказала я лучу:
— Я тоже двигаться хочу.

Я бы многого хотела —
Вслух читать и мяч катать,
Я бы песенку пропела,
Я б могла похохотать,
Да мало ль я чего хочу!
Но мама спит и я молчу.

Луч метнулся по стене,
А потом скользнул ко мне.
— Ничего,— шепнул он будто,—
Посидим и в тишине...

ФЛАЖОК

Солнце гладит по щеке...
Нынче праздник Мая!
У меня флажок в руке,
Я теперь большая!

Мой флажок, как огонёк,
Светится, играя.
Здравствуй, радостный денёк!
Здравствуй, праздник Мая!

СЧИТАЛКИ

Наша
Маша
Рано встала,
Кукол
Всех
Пересчитала:

Две Матрешки
На окошке,
Две Аринки
На перинке,
Две Танюшки
На подушке
А Петрушка
В колпачке
На дубовом
Сундучке!

* * *

— Паровоз,
Паровоз,
Что в подарок
Нам привёз?
— Я привёз
Цветные книжки,
Пусть читают
Ребятишки!
Я привёз
Карандаши,
Пусть рисуют
Малыши!

НЕ МЕШАЙТЕ МНЕ ТРУДИТЬСЯ

Не мешайте мне трудиться!
Я водицы притащу
И колодезной водицей
Всех, конечно, угощу.
Пейте,
Пейте,
Не жалейте!
А хотите,
В лейку
Лейте,
Поливайте огород,
Он ведь тоже воду пьёт!

БУДУТ НА ЗИМУ ДРОВА

Точка в точку
По росточку,
В самый,
Самый,
Самый
Раз.
По росточку
Точка в точку
Козлы сделали для нас.

Мы теперь бревно осилим!
Пилим, пилим,
Пилим, пилим...
Раз-два,
Раз-два,
Будут на зиму дрова!

ЧЕРЁМУХА

— Черёмуха, черёмуха,
Ты что стоишь бела?
— Для праздника весеннего,
Для Мая расцвела.

— А ты, трава-муравушка,
Что стелешься мягка?
— Для праздника весеннего,
Для майского денька.

— А вы, берёзы тонкие,
Что нынче зелены?
— Для праздника! Для праздника!
Для Мая! Для весны!

ШИНЕЛЬ

— Почему ты шинель бережёшь? —
Я у папы спросила.—
Почему не порвёшь, не сожжёшь? —
Я у папы спросила.—

Ведь она и грязна и стара,
   Приглядись-ка получше,
На спине вон какая дыра,
   Приглядись-ка получше!

— Потому я её берегу,—
   Отвечает мне папа,—
Потому не порву, не сожгу,—
   Отвечает мне папа,—

Потому мне она дорога,
   Что вот в этой шинели
Мы ходили, дружок, на врага
   И его одолели!

МИРУ — МИР

Бабушка дала мне
Красный лоскуток.
Подарила шёлку
Жёлтенький моток.
Ножницы мы взяли,
Вырезали флаг
И на флаге
Написали так:
   «Миру — мир».

Жёлтыми стежками
Буквы обведу,
На Октябрьский праздник
Я гулять пойду.
Алый флаг взовьётся
У меня в руке,
И прочтут все люди
На моем флажке:
   «Миру — мир».

Зинаида Николаевна Александрова

(Род. в 1907 г.)

МОЙ МИШКА

Я рубашку сшила мишке,
Я сошью ему штанишки.
Надо к ним карман пришить
И платочек положить.

На плите сварилась каша.
Где большая ложка наша?

Я тебе перед едой
Лапы вымою водой.

Повяжу тебе салфетку —
Ешь котлетку, ешь конфетку,
Молоко своё допей
И пойдём гулять скорей.

Это куры, это утки.
Чёрный Шарик возле будки.
Мы его не позовём,
Убежим гулять вдвоём.

Пьёт козлёнок из корыта,
На тебя глядит сердито.
Ты не бойся — это гусь.
Я сама его боюсь!

Мы по узенькой дощечке
Побежим купаться в речке,
Будем плавать, загорать,
Наши трусики стирать.

Мишка топал, баловался —
Лёгкий мостик зашатался,
По воде идут круги...
— Шарик, Шарик, помоги!

Мишка мокрый, будто губка,
Сохни, плюшевая шубка.
Шарик убежал вперёд...
Нам от мамы попадёт!

ВЕТЕР НА РЕЧКЕ

Возле речки детский сад,
На лугу ромашки...
Сорок маленьких ребят
Бегают в пятнашки.

По дорожке побеги, побеги, поймай-ка
Голубые трусики, беленькие майки!

Мы приехали сюда,
Ходим за цветами.
Солнце, воздух и вода
На прогулках с нами.

Одинаковые все, кружат по лужайке
Голубые трусики, беленькие майки.

Мы купаться побежим,
Голышами ляжем,
Ветер, ты посторожи
Трусики на пляже!

Ветер дунул, обманул — и летят, как чайки,
Голубые трусики, беленькие майки.

Кто поймает всех скорей?
Ну-ка, без оглядки!..
Распугали пескарей
Озорные пятки.

Ух, поймали!.. На кусты сели сохнуть стайкой
Голубые трусики, беленькие майки.

СЕРЁЖА МОЕТ КАЛОШИ

На детских калошах
Весенняя грязь.
Серёжа в прихожей
Стоит наклонясь —

Он ищет калоши свои
В темноте.
«Вот эти мои,
А Володины те.

Помою их тоже,
Чтоб Вовке не мыть.
Пусть в чистых калошах
Он будет ходить.

Должны мы друг дружке
Всегда помогать.
Не может Танюшка
До крана достать,

А я вот достану,
Я вырос давно!
Помою под краном
И ей заодно».

Осталась у шкафа
Лишь пара одна.

Наташа могла бы
Их вымыть сама.

«Наташа хорошая...
Так уж и быть,
Ещё две калоши
Нетрудно помыть!»

В ШКОЛУ

Листья жёлтые летят,
День стоит весёлый.
Провожает детский сад
Ребятишек в школу.

Отцвели цветы у нас,
Улетают птицы,
...Вы идёте в первый раз
В первый класс учиться.

Куклы грустные сидят
На пустой террасе.

Наш весёлый детский сад
Вспоминайте в классе.

Вспоминайте огород,
Речку в дальнем поле...
Мы ведь тоже через год
Будем с вами в школе.

Дачный поезд отошёл,
Мимо окон мчится...
— Обещаем хорошо,
Лучше всех учиться!

САРАФАНЧИК

Сшили Тане сарафанчик —
Нет такого у подруг:
Ярко-жёлтый одуванчик,
Колокольчики вокруг.

Чтобы ситец сделать Тане,
Много было всем хлопот.
Далеко в Узбекистане
Хлопок нá поле растёт.

Там жара, как будто в печке,
На песке лежит верблюд,
В поле смуглые узбечки
С ребятишками идут.

Дед в узорной тюбетейке,
Внучка с косами до пят.
Поле это не из лейки —
Из арыка напоят.

Зацветут кусты весною,
Но цветы не надо рвать:
Пусть в коробочках под зноем
Будет хлопок созревать.

Вот коробочки раскрылись,
Хлопок выглянул на свет —
Как барашек белый вылез,
В шубку тёплую одет.

Весь колхоз пришёл с мешками
Спелый хлопок собирать.
Брать его двумя руками
Ребятишек учит мать.

Но машина в поле белом
Всех проворней, всех быстрей
Собирает хлопок спелый —
Не угонишься за ней!

По степям, лесам зелёным
Паровоз летит вперёд.
Хлопка полные вагоны
Машинист в Москву везёт.

Паровоз бежит по ветке,
По фабричному пути...
Много в новой пятилетке
Надо хлопка привезти!

Много надо сделать тканей,
Ярких, как весенний сад,
Для тебя, для нашей Тани
И для всех других ребят.

Скоро хлопок станет ситцем,
Уж работа началась...
Будут хлопок мастерицы
На больших машинах прясть

Чтобы нитки крепче стали
И не путались комком,
Хлопок много раз чесали
Частым длинным гребешком.

Шумом, шелестом и звоном
Вся прядильная полна.
Закружились веретёна,
Будто детская юла.

Вихрем надо им кружиться,
Много пряжи намотать,
Чтоб скорее мастерицы
Сарафанчик стали ткать.

Пряжа смотана мотками,
Быстро бегает челнок.
У ткачихи под руками
Ткань бежит, как ручеёк.

Ручеёк бежит не тихо —
Он летит, как водопад,
Чтоб одеть могла ткачиха
Сразу тысячу ребят.

Славный будет сарафанчик,
Рада Танечка моя.
Только где же одуванчик?
Ткань бела, как простыня.

Много надо повозиться,
Много будет всем хлопот —
И на белом гладком ситце
Колокольчик зацветёт.

Ведь художница немало
Обошла полей и гор
И для ситца срисовала
Яркий, радостный узор.

Там венок из маков красных,
Из ромашек полевых.
Много будет тканей разных,
Пёстрых ситцев набивных!

Напечатали на ткани
Полевой букет цветов.
Посмотри скорее, Таня,
Сарафан почти готов!

Ярко-жёлтый одуванчик,
Колокольчики вокруг...
Сшили Тане сарафанчик,
Сшили платья для подруг.

РОДИНА

Если скажут слово — Родина,
Сразу в памяти встаёт
Старый дом, в саду смородина,
Толстый тополь у ворот.

У реки берёзка-скромница
И ромашковый бугор...
А другим, наверно, вспомнится
Свой родной московский двор.

В лужах первые кораблики,
Над скакалкой топот ног,
И большой соседней фабрики
Громкий радостный гудок.

Или степь от маков красная,
Золотая целина...
Родина бывает разная,
Но у всех она одна!

Яков Лазаревич Аким

(Род. в 1923 г.)

ЦВЕТНЫЕ ОГОНЬКИ

В праздники на улицах
В руках у детворы
Горят, переливаются
Воздушные шары.
Разные-разные,
Голубые,
Красные,
Жёлтые,
Зелёные
Воздушные шары!
Очень любят шарики
Ребята в эти дни,
У каждого за пуговку
Привязаны они.
Разные-разные,
Голубые,
Красные,
Жёлтые,
Зелёные
Воздушные шары!
Вот над демонстрацией
Летят они, легки,
Как будто в небе вспыхнули
Цветные огоньки.
Разные-разные,
Голубые,
Красные,
Жёлтые,
Зелёные
Цветные огоньки!

ПЕРВОЕ МАЯ

Шумливые тёплые ветры
Весну на поля принесли.
Серёжки пушатся на вербе,
Мохнатые, точно шмели.

Речные запруды ломая,
Весенняя хлещет волна...
Да здравствует Первое мая!
Да здравствует Труд и Весна!

Пусть Мир торжествует
на свете
И дружат народы Земли,
И так же на солнышке дети
Пускают весной корабли!

НЕУМЕЙКА

Слыхали?
Сегодня
В подъезде
Восьмом
Ходил почтальон
С необычным
Письмом.
Измятый
Конверт,
А на нём
По линейке
Написано чётко:
ВРУЧИТЬ НЕУМЕЙКЕ.

На первый этаж
Письмоносец
Зашёл.
Увидел, как Вову
Сажали
За стол.

Со сказкою
Вове
Вливали бульон.
— Письмо Неумейке! —
Сказал почтальон.

За ложку
Схватился
Испуганный
Вова,
А мама ответила:
— Нету такого!

В квартире
Над ними
Жил мальчик
Андрюшка.
По комнате всей
Раскидал он
Игрушки.

Услышав про адрес,
Смутился
Андрейка:
— Не думайте, дядя,
Что я — неумейка!

Я, дядя,
Ещё не окончил
Игру,
Вот выстрою
Домик —
И всё уберу.

Направилась
Почта
В квартиру направо,
Где только проснулся
Голубчиков
Слава.

Сестрёнка ему
Надевала
Чулок,
А Слава скучал
И глядел
В потолок.

Сказал почтальон:
— Неплохая семейка!
Не здесь ли живёт
Гражданин
Неумейка?

Но Слава,
Услышав
Обидное слово,
Чулок натянул
И воскликнул:
— Да что вы!
Я сам одеваюсь,
Когда захочу,
А это —
Ну... просто
Сестрёнку учу!

Идёт письмоносец
В другую
Квартиру —
И видит
На кухне
Такую картину:

Тарелки
Помыты
И сложены в груду,
А мама и дочь
Вытирают
Посуду.
Сказал почтальон,
Улыбнувшись:
— Беда!
Простите,
Я снова
Попал не туда.

Спустился
Во двор
Письмоносец
И вскоре
Чуть-чуть не упал
На трёхлетнего

Борю —
Цветы
Поливал он
Из маленькой
Лейки.

И здесь
Не нашёл
Почтальон
Неумейки!

Присел
Почтальон,
Отдохнул
И опять
Отправился в путь
Неумейку искать.

...Письмо
Получателя ищет
По свету.
Но что же в письме?
Рассказать по секрету?

Два слова
В конверте
Письма заказного:

ПОЗОР НЕУМЕЙКЕ! —

Обидных два слова.

И я вас прошу:
Постарайтесь,
Ребята,
Чтоб это письмо
Не нашло
Адресата.

Валентин Дмитриевич Берестов

(Род. в 1928 г.)

О ЧЁМ ПОЮТ ВОРОБУШКИ

О чём поют воробушки
В последний день зимы?
— Мы выжили!
— Мы дожили!
— Мы живы!
— Живы мы!

КАК Я ПЛАВАТЬ НАУЧИЛСЯ

Спасибо тебе,
Крокодил надувной,
За то, что ты лопнул
В воде подо мной!
Но вместо того,
Чтобы крикнуть «тону»,
Я взял
И руками раздвинул волну,
Ударил её,
И ногами забил,
И воду локтями
Толкнуть не забыл.
Теперь крокодил,
Если он надувной,
Не сможет уже
Подшутить надо мной!

ЧИТАЛОЧКА

Как хорошо уметь читать!
Не надо к маме приставать.
Не надо бабушку трясти:
«Прочти, пожалуйста! Прочти!»
Не надо умолять сестрицу:
«Ну, почитай ещё страницу!»
Не надо звать,
Не надо ждать,
А можно взять и почитать!

СЕРЁЖА И ГВОЗДИ

Сотрясается весь дом:
Бьёт Серёжа молотком.
Покраснев от злости,
Забивает гвозди.
Гвозди гнутся,
Гвозди мнутся,
Гвозди извиваются,
Над Серёжею они
Будто издеваются,
В стенку не вбиваются.
Хорошо, что руки целы!
Нет, совсем другое дело —
Гвозди в землю забивать.
Тук! — И шляпки не видать.
Не гнутся,
Не ломаются,
Обратно вынимаются!

Борис Владимирович Заходер

(Род. в 1918 г.)

СТРОИТЕЛИ

Пусть не сердятся родители,
Что измажутся
Строители,
Потому что тот, кто строит,
Тот чего-нибудь да стоит!
И неважно, что пока
Этот домик из песка!

ШОФЁР

Качу,
Лечу
Во весь опор,
Я сам — шофёр,
И сам — мотор.
Нажимаю
На педаль —
И машина
Мчится вдаль!

ПЕРЕПЛЁТЧИЦА

Заболела
Эта книжка:
Изорвал её
Братишка.
Я больную
Пожалею:
Я возьму её
И склею!

Рисунок Л. Токмакова.

САПОЖНИК

Мастер, мастер,
Помоги —
Прохудились
Сапоги.
Забивай покрепче
Гвозди —
Мы пойдём сегодня
В гости!

НИКТО

Завёлся озорник у нас.
Горюет вся семья.
В квартире от его проказ
Буквально нет житья.
Никто с ним, правда, не знаком,
Но знают все зато,
Что виноват всегда во всём
Лишь он один — НИКТО!
Кто, например, залез в буфет,
Конфеты там нашёл
И все бумажки от конфет
Кто побросал под стол?
Кто на обоях рисовал?
Кто разорвал пальто?
Кто в папин стол свой нос совал?
НИКТО, НИКТО, НИКТО!
— НИКТО — ужасный сорванец! —
Сказала строго мать.—
Его должны мы наконец
Примерно наказать!
НИКТО сегодня не пойдёт
Ни в гости, ни в кино!

Смеётесь вы?
А нам с сестрой
Ни капли не смешно!

Юрий Иосифович Коринец

(Род. в 1923 г.)

СЕВЕРНЫЙ КОЛОБОК

Гаснут в небе звёзды-свечки,
Зажигается восток —
И оттуда, как из печки,
Катит Солнце-Колобок.

Поднимается всё выше —
По камням да по траве,
По коньку на острой крыше,
По небесной синеве.

Он запляшет на волне —
Вспыхнут камешки на дне.

Он сквозь чащу продерётся —
Под сосной медведь проснётся,
Колобку подставит бок,
Чтоб погрел его чуток.

Колобок повсюду светит,
Всё на Севере заметит:
Белый парус над волнами,
Самолёт под облаками,
Гусеницу на листке
И медузу на песке.

Вот сверкнула в ярком свете
Чешуя рыбацкой сети.

Вышел на берег помор,
Встал у моря возле гор,

Загляделся на рассвет,
Колобку послал привет.

— Друг,—сказал он Колобку,—
Зиму спал ты на боку,

А теперь у нас в избушке
Посвети моей старушке.

Посвети на печке деду,
Чтобы с внуком вёл беседу.

Посвети моей жене —
Вышивать на полотне.

Освети в тайге дорожку —
Ребятне сбирать морошку.

Мне тихонько посвети —
К зверю в чаще подойти.

Посвети мне ярко в сети —
Вынуть сёмгу на рассвете.

Посильней свети мне ты,
Чтоб по рекам гнать плоты,
Посвети мне что есть мо́чи,
Чтоб светлее были ночи!

— Я,— ответил Колобок,—
Дело знаю назубок!
Зиму я поспать не прочь,
Потому что летом
Я сверкаю день и ночь
Незакатным светом!

НАУЧИ, СТРАНИЦА, ХОРОШО УЧИТЬСЯ

(Стихи для первоклассников)

Твоё хозяйство

Ты не маленький ребёнок —
Ученик и октябрёнок!
Твой послушный подчинённый —
Карандашик очинённый,
И перо стальное,
И всё остальное:
Букварь,
Пенал,
Тетрадки,—
Держи ты их в порядке!
Они — твоё хозяйство.
Владей им без зазнайства!

Букварь

Ты в свой букварь
Впервые вник,
Читая по складам.
Потом прочтёшь ты
Сотни книг
(К сознательным годам).
И ты поймёшь —
Без букваря
Вся жизнь твоя
Прошла бы зря!

Пенал

Расскажу я, чтоб ты знал,
Для чего тебе пенал.
У тебя своя кроватка,
Где ты выспался в тиши,
А в пенале дремлют сладко
Перья и карандаши:
Наработаются лишку —
Залезают спать под крышку.

Цветной карандаш

Карандаши цветные
Умеют рисовать —
Трубу,
Часы стенные,
Корову
И кровать,
Луну,
Ракету,
Дождь,
И дым,
И сад —
Зимой
И летом,
Лишь надо знать,
Когда,
Каким
Писать всё это цветом.

Лиловым и коричневым
Рисуй дома кирпичные,
Распаханные пашни,
А красным — флаг на башне,
А синим — саблю острую,
А всеми,
Вместе взятыми,
Толпу народа пёструю,
С шарами и плакатами,
Космический пейзаж
Иль просто —
Ералаш.
Всё нарисует
Карандаш,

Когда ему
Работу дашь.
Но сам без дела
Не сиди:
Карандашом
Руководи!

Георгий Афанасьевич Ладонщиков

(Род. в 1916 г.)

САМОКАТ

Самокат сломался мой,
Я принёс его домой.
Жалко расставаться —
Не на чем кататься.

Дома папу стал просить
Самокат мой починить.
— Занят я! — он говорит,—
Подожди! Ведь не горит?

И тогда решил я сам
Сделать ось для колеса.
Гвозди взял и ножик.
Кто захочет — сможет!

А теперь мой самокат
Лучше, чем у всех ребят.
Вот он!
Посмотрите!
Ну-ка, догоните!

КАМЕНКА МОЯ

Деревенька Каменка
И тиха и маленька,
Обжила когда-то
Солнечный бугор.

Перед нею быстрая
Речка омутистая,
А за нею поле
И сосновый бор.

Вся в садах, зелёная,
Тыном обнесённая
Каменка в округе
Издали видна.
...Может быть, красивее,
Может быть, счастливее,
Может быть, богаче
Есть края.
Только нет милее,
Только нет роднее
На земле деревни,
Чем Каменка моя!

Эмма Эфраимовна Мошковская

(Род. в 1926 г.)

УРОК ТРУДА

— Урок
труда
любите?
— Да!
— Клеите?
— Клеим!
И вырезаем!
Зайцев-мазайцев
с дедом Мазаем.
Каждый
делает
красный флаг
для демонстрации
и просто так!
— Лепите?
— Лепим!
Из пластилина.
Это такая удобная глина:
помнёшь немножко —
выйдет кошка.
Помнёшь
вот так —
выйдет
танк.
И делаем «МАЗы»!
И делаем вазы!
Лепим,
красим во все цвета...
— Урок
труда
любите?
— Да!

ВЕСЕЛЫЙ МАГАЗИН

Открываем магазин,
Продаём продукты.
Покупает Крокодил
Овощи и фрукты.

— Сколько стоит кабачок?

— Кабачок? Пятачок.

— Дайте два кабачка.

— Дайте два пятачка!

— Пятачок и пятачок...
Нате гри-венничек!

В магазин пришли с работы
Покупатели Еноты
Покупать у продавца
Два солёных огурца.

Говорит продавец:
— Две копейки огурец!
— Дайте нам по огурцу!
— Заплатите продавцу!

— Сосчитаем:
Дважды два...
Дважды два — четыре?

— Да!
Очень точно! Молодцы!
Забирайте огурцы!

— Здравствуй, Козлик. Что тебе?

— Мне-е-е-е.
Пожалуйста, вот э-э-э-э...
И вот это,
И вот это.

— А монета? Где монета?

— Потерял монету где-то!
Можно мне бесплатно?

— Так и быть,
Ладно.

Ирина Петровна Токмакова

(Род. в 1929 г.)

ГДЕ СПИТ РЫБКА

Ночью темень. Ночью тишь.
Рыбка, рыбка, где ты спишь?

Лисий след ведёт к норе.
След собачий к конуре.

Белкин след ведёт к дуплу.
Мышкин — к дырочке в полу.

Жаль, что в речке, на воде,
Нет следов твоих нигде.

Только темень, только тишь.
Рыбка, рыбка, где ты спишь?

ЕЛИ

Ели на опушке —
До небес макушки —
Слушают, молчат,
Смотрят на внучат.

А внучата-ёлочки,
Тонкие иголочки —
У лесных ворот
Водят хоровод.

РАЗГОВОР ВЕТРА И ОСИНОК

— Здравствуй, Ветер!
Ветер, здравствуй,
Ты куда летишь, вихрастый?
Что поднялся до зари?
Погоди, поговори!

— Я спешу, Осинки, в город,
Я несу приветов ворох,
Должен их сегодня сам
Разнести по адресам.

Площадям и переулкам,
Фонарям, тоннелям гулким,
Перекрёсткам и домам
Я приветы передам.

От тропинок и дорожек,
От рябинок-тонконожек,
От калиновых кустов,
От малиновок, дроздов.

Чтобы город стал весенним,
Чтоб пришло туда веселье,
Чтоб запахло там весной,
Светлой радостью лесной!

НА РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

Россы победили. Тишина над лугом.
Воины расселись по смолёным стругам.
С неба ночь спускалась
Утицею серой,
Песня расплескалась
Над рекою Мерой:
— Не летай к нам издалёка, чёрный ворон,
Не топчи земли родимой, злобный ворон,
На тебя у нас мечи да стрелы.
И не быть тебе живым да целым.

Только воин Доброгост победе не радуется,
Он вперёд не глядит, всё назад оглядывается,
Меч булатный сжимает рука.
Чем победа для него горька?
О своей он и не думает ране:
Братья не вернулись с поля брани.

...И сошёл Доброгост к Мере, прямо к самой воде.
Рассказал реке Мере о своей беде:
Ты постой, быстра река,
Не беги, не спеши,
Ты о братьях родимых
Мне, река, расскажи.

И взметнулась вода в реке, точно конь гнедой.
— Жив твой брат Бушуй, да и Ждан живой.
Ты садись-ка в чёлн да греби, я тебе помогу.
И увидишь ты братьев своих на моём берегу.

Чёлн в осоке шуршит,
Доброгост на берег спешит.
А перед ним Ждан и Бушуй, как у орла два крыла.
— Здравствуй, брат! Нам родная земля умереть не дала!
Помогли нам река и трава, и помог нам зверь лесной.
Не тревожься, брат! Снова мы сильны, как дубы весной.—
Уплывает чёлн, и во тьме уже не видать челна,
Только бор шумит, над рекой только песнь слышна:
— Не ярись ты, враг, и на россов ты не ходи войной.
Непокорен росс. Не отдаст тебе он земли родной.
Верен меч в руке, и надёжен щит, и стрела остра.
Духом крепок росс. И земля к нему, словно мать, добра.
Животворны цветы на родном лугу, там, где он родился и рос.
И в родном краю, на родной земле вечно жив и бессмертен росс!

Виталий Титович Коржиков

(Род. в 1931 г.)

МОРСКОЙ СУНДУЧОК

На судно пришёл
Новичок,
Принёс на плече
Сундучок.
Приладил в каюте багаж:
Две книжки,
Блокнот,
Карандаш.
Тельняшку морскую надел.
И вмиг сундучок
Опустел.

А лишь пробудилась заря,
Отправился парень в моря.
Он плыл мимо льдов и пустынь.
Он видел и темень, и синь.

...Он с лодки рыбёшку кормил,
Вздыхал:
«Удивительный мир!
А если нырнуть
В глубину?!
Опасно,
А всё же нырну».

Он с лодки в лагуну нырял,
И срезал звенящий коралл,
И краба принёс на крючке —
Пускай полежит в сундучке!

Из зуба акулы
Крючок,
Из Африки
Странный стручок,
Из дальней страны
Пятачок
Попали к нему в сундучок.

А как-то во льдах он тонул,
Но выплыл,
Доплыл,
Дотянул
И, кашляя, дул до утра
В горячие угли костра.
А днём в сундучок положил
Гачок
От погибшей баржи
И тёплый ещё уголёк
Запрятал в платке
В уголок.

Вот так и полнел
Сундучок,
Вот так и взрослел
Морячок.

А время гостить подошло,
Попал он в родное село.

Присел на родимый порог,
Поклажу поставил у ног.
Мальчишек собрал
Морячок —
И вмиг
Опустел сундучок.

...А чудная ночка плыла,
И пахли укроп и пырей,
И снились мальчишкам села
Созвездья далёких морей...

ДОМОЙ

Мы бродили вдалеке
По морям и по реке,
Где кайман на островке,
Где бананов ящики!
И светились вдалеке
Апельсины в городке,
Грелись крабы на песке,
На деревьях — ящерки!

А теперь наш путь прямой —
К сопкам, к берегу, домой,
Где снежок кружит зимой,
Где леса да просеки!
Я смотрю из-под руки:
Где вы, ро́дные дымки́?
Шевелись, маховики!
Веселей, колёсики!

Эдуард Николаевич Успенский

(Род. в 1937 г.)

ЕСЛИ БЫЛ БЫ Я ДЕВЧОНКОЙ...

Если был бы я девчонкой —
Я бы время не терял!
Я б на улице не прыгал,
Я б рубашки постирал.

Я бы вымыл в кухне пол,
Я бы в комнате подмёл,
Перемыл бы чашки, ложки,
Сам начистил бы картошки,
Все свои игрушки сам
Я б расставил по местам!

Отчего ж я не девчонка?
Я бы маме так помог!
Мама сразу бы сказала:
— Молодчина ты,
Сынок!

КРОКОДИЛ ГЕНА И ЕГО ДРУЗЬЯ

...Теперь Гена, Галя и Чебурашка почти каждый вечер проводили вместе. После работы они собирались у крокодила дома, мирно беседовали, пили кофе и играли в крестики-нолики. И всё-таки Чебурашке не верилось, что у него наконец появились настоящие друзья.

«Интересно,— подумал он однажды,— а если бы я сам пригласил крокодила в гости, пришёл бы он ко мне или нет?

Конечно, пришёл бы,— успокаивал себя Чебурашка.— Ведь мы с ним друзья! А если нет?»

Чтобы долго не раздумывать, Чебурашка снял телефонную трубку и позвонил крокодилу.

— Алло, Гена, привет! — начал он.— Ты чего делаешь?

— Ничего,— ответил крокодил.

— Знаешь что? Приходи ко мне в гости.

— В гости? — удивился Гена.— Зачем?

— Кофе пить,— сказал Чебурашка. Это было первое, что пришло ему в голову.

— Ну что же,— сказал крокодил,— я с удовольствием приду.

«Ура!» — чуть было не закричал Чебурашка. Но потом подумал, что ничего тут особенного нет. Один товарищ приходит в гости к другому. И надо не кричать «ура», а в первую очередь позаботиться о том, как его лучше встретить.

Поэтому он сказал крокодилу:

— Только ты захвати с собой, пожалуйста, чашки, а то у меня нету ну никакой посуды!

— Что ж, захвачу.— И Гена стал собираться.

Но Чебурашка позвонил опять.

— Ты знаешь, оказывается, у меня и кофейника нет. Возьми, пожалуйста, свой. Я у тебя видел на кухне.

— Хорошо. Возьму.

— И ещё одна маленькая просьба. Забеги по дороге в магазин, а то у меня кофе кончился.

Вскоре Чебурашка позвонил ещё раз и попросил, чтобы Гена принёс маленькое ведёрко.

— Маленькое ведёрко? А для чего?

— Понимаешь, ты пойдёшь мимо колонки и наберёшь воды, чтобы мне уже не выходить из дому.

— Ну что ж,— согласился Гена,— я принесу всё, что ты просил.

Вскоре он появился у Чебурашки нагруженный, как носильщик на вокзале.

— Я очень рад, что ты пришёл,— встретил его хозяин.— Только я, оказывается, совсем не умею варить кофе. Просто никогда не пробовал. Может, ты возьмёшься приготовить его?

Гена взялся за работу. Он собрал дрова, развёл маленький костёрчик около будки и поставил кофейник на огонь. Через полчаса кофе вскипел. Чебурашка был очень доволен.

— Как? Хорошо я тебя угостил? — спрашивал он у крокодила, провожая его домой.

— Кофе получился превосходный,— отвечал Гена.— Только я попрошу тебя об одном одолжении. Если ты ещё раз захочешь угостить меня, не стесняйся, приходи ко мне домой. И говори, чем ты меня хочешь угостить: кофе, чаем или просто обедом. У меня дома всё есть. И мне это будет гораздо удобнее. Договорились?

— Договорились,— сказал Чебурашка. Он, конечно, огорчился немного потому, что Гена сделал ему замечание. Но всё равно был очень доволен. Ведь сегодня сам крокодил приходил к нему в гости!

Геннадий Михайлович Цыферов

(1930—1972)

ЖИЛ НА СВЕТЕ СЛОНЁНОК

Жил на свете слонёнок.

Это был очень хороший слонёнок. Только вот беда: не знал он, чем ему заняться, кем быть. Так всё сидел слонёнок у окошка, сопел и думал, думал...

Однажды на улице пошёл дождь.

— У-у! — сказал промокший лисёнок, увидев в окошке слонёнка.— Ушастый какой! Да с такими ушами он вполне может быть зонтиком!

Слонёнок обрадовался и стал большим зонтиком. И лисята, и зайчата, и ежата — все прятались под его большими ушами от дождя.

Но вот дождь кончился, и слонёнок снова загрустил, потому что не знал, кем же ему всё-таки быть. И снова он сел у окошка и стал думать.

Мимо пробегал зайчик.

— О-о! Какой прекрасный длинный нос! — сказал он слонёнку.— Вы вполне могли бы быть лейкой!

Добрый слонёнок обрадовался и стал лейкой. Он полил цветы, траву, деревья.

А когда поливать больше было нечего, он очень опечалился...

Ушло на закат солнце, зажглись звёзды. Наступила ночь.

Все ежата, все лисята, все зайчата улеглись спать.

Только слонёнок не спал: он всё думал и думал, кем же ему быть?

И вдруг он увидел огонь! «Пожар!» — подумал слонёнок. Он вспомнил, как совсем недавно был лейкой, побежал к реке, набрал побольше воды и сразу потушил три уголька и горящий пень.

Звери проснулись, увидели слонёнка, поблагодарили его за то, что он потушил огонь, и сделали его лесным пожарником.

Слонёнок был очень горд. Теперь он ходит в золотой каске и следит за тем, чтобы в лесу не было пожара.

Иногда он разрешает зайчику и лисёнку пускать в каске кораблики.

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СССР

Павло Тычина

(1891—1967)

РОДИНА

Что прекрасней и милее
Этой ласковой земли?
Всюду яблони белеют.
И река течёт вдали...

ИДЕТ ВЕСНА

Посмотри, погляди —
Ручеёчки, как звоночки,
Да и жаворонок тоже
Заливается:
Ой, весна,
Ты красна,
Ты цветами-жемчугами
Разукрашена.

ЛЕСНЫЕ КОЛОКОЛЬЧИКИ

Мы
Колокольчики
Лесные,
Мы
Славим день
Тихим звоном,
Перезвоном:
День!
День.
Здравствуй, солнце,
Синева и солнце!
Здравствуй, тень!
Всюду звоны,
Перезвоны:
Тень!
Тень.

Мчитесь, тучи,
Ой, плывите, тучи,—
Ясный день.
Дождик подарите
И прошелестите:
День!
День.
Пусть на поле,
Золотое поле,
Ляжет тень.
Жито колыхнётся,
Жито усмехнётся:
Тень!
Тень.

Наталья Забила

(Род. в 1903 г.)

ЯСОЧКИН САДИК

За окном сегодня ветер, ветер...
Даже в доме слышно, как гудит.
В детский сад ушли давно все дети,
Только Яся в комнате сидит.

Наша Яся кашляет немножко —
Простудилась на дворе вчера.
Верно, Яся промочила ножки
Там, где баб лепила детвора.

Мамы нет, и на работе папа.
В Ясочкином доме тишина.
Думаете, Яся будет плакать,
В комнате соскучится одна?

Ну уж нет! Зачем же плакать Ясе?
Вон игрушки у неё стоят.
Села к ним, игрою занялася:
Будет у неё свой детский сад.

В детский сад пришёл мохнатый Мишка,
Кукла Ляля и больной конёк,
А ещё весёлый шалунишка —
Длинноухий маленький щенок.

И котёнка записала Яся,
Но шмыгнул котёнок под кровать.
— Непослушный, глупый котик Вася,
Больше не возьму тебя играть!

В уголок уселись ребятишки.
Смирная какая детвора!
Что-то лапы грязные у мишки.
Он, лентяй, их не помыл с утра.

— Дом из книг для вас построю, дети,
Привяжу на башенку флажок,
Дам к обеду по большой конфете,
Испеку с вареньем пирожок.

А потом возьму из шкафа книжку,
Покажу вам буквы «А» и «О».—
Яся знает, что мохнатый Мишка
Хочет буквы выучить давно.

Яся коврик на полу расстелет,
Тихий час устроит для ребят.
— Ну, ложитесь, малыши, в постели!
И у нас в саду ребята спят!

Спать ложатся Ясочкины дети:
И щенок, и кукла, и медведь.
За окошком дует ветер, ветер...
Но тепло им в комнате сидеть.

Вот и мама в двери постучала,
Маленькую дочку обняла:
— Молодчина, дочка, не скучала,
Хорошо денёк свой провела!

ЯБЛОНЬКА

Солнышко весеннее
Ярче с каждым днём.
Мы сажаем яблоньку
В садике своём.

Маленькую яблоньку
Мы водой польём,
Песенку весёлую
Про неё споём:

— Расти, расти, яблонька,
Подрастай!
Цвети, цвети, яблонька,
Расцветай!

Золотое солнышко,
Жарче грей!
Вырастайте, яблоки,
Поскорей!

...Росла, росла яблонька —
Подросла.
Цвела, цвела яблонька —
Отцвела.

Отряхнула яблонька
Свой наряд —
И поспели яблоки
Для ребят.

НАША РОДИНА

Советский край, моя земля,
Родимые просторы!
У нас и реки, и поля,
Моря, леса и горы.

Север

На севере снегá, мороз,
Суровая природа,
На небе хороводы звёзд,
А солнца нет полгода.

На Белом море синий лёд
Сверкает под луною.
Медведь вдоль берега идёт
Дорогой ледяною.

Песцов, тюленей и моржей
На севере немало,
И птиц — бессменных сторожей
На голых, диких скалах.

Проваливаясь в рыхлый снег,
Карабкаясь по льдинам,
Охотники добудут мех,
Отыщут след звериный.

...На север сквозь туман и лёд
Приходят ледоколы.
Везёт на север самолёт
Учебники для школы.

...Там санки пó снегу скрипят.
Пускай мороз морозит,—
Олени северных ребят
На санках в школу возят.

Юг

...Чудесный край, цветущий край,
Весёлый и богатый!
Под солнцем созревает чай —
Мы пьём его, ребята.

Там виноград свисает с лоз
И синий и зелёный,
Растёт герань, и поле роз
Цветёт у горных склонов.

Снега белеют на горе,
Но в солнечных долинах,
В садах колхозных, в декабре
Поспели мандарины.

...Здесь солнце греет круглый
год.
На юге ребятишки
И про морозы и про лёд
Читают только в книжке.

Но север и цветущий юг —
Навеки в дружбе тесной.
Народ народу лучший друг
У нас в стране чудесной.

Платон Воронько

(Род. в 1913 г.)

ЛУЧШЕ НЕТ РОДНОГО КРАЯ

Жура-жура-журавель!
Облетал он сто земель.
Облетал, обходил,
Крылья, ноги натрудил.

Мы спросили журавля:
— Где же лучшая земля? —
Отвечал он, пролетая:
— Лучше нет родного края!

ЛИПКА

Выросла я, липка,
Тоненькой и гибкой,—
Не ломай меня!

Медоносным цветом
Зацвету я летом,—
Береги меня.

В полдень подо мною
Спрячешься от зноя,—
Вырасти меня.

Я тебя листвою
От дождя укрою,—
Поливай меня.

Вместе, друг мой милый,
Наберёмся силы,—
Ты люби меня.

А дождёшься срока,
Выйдешь в мир широкий,—
Не забудь меня!

МАЛЬЧИК ПОМОГАЙ

По земле из края в край
Ходит мальчик Помогай.

Где народ сажает сад,
Там и он сажает ряд.

Зачерпнул ведро воды,
Взял и полил две гряды.

На дубу колхозных пчел
Помогай в лесу нашел.

Он накрыл их и в колхоз
Целый рой в мешке принес.

Землекопы роют пруд,
Он и с ними делит труд:

Возит вырытый песок —
Аж кряхтит его возок.

Всем и каждому помог
Помогай чем только мог:

Столяру и кузнецу,
Брату, матери, отцу.

Что за славный это край,
Где растет наш Помогай!

БЕРЕЗКА

Тонкая берёзка,
Ростом невеличка.
Словно у подростка,
У нее косичка.

Дéревце на славу
За год подросло.
До чего кудряво,
До чего бело!

Прибежали козы
Рано поутру,
Гложут у березы
Белую кору.

Не ходите, козы,
В молодой наш лес.
Вырастут березы,
Будут до небес!

ДВА БРАТА СОЛДАТА

С далекого фронта
В родимую хату
Домой возвращались
Два брата солдата.

Пылилась большая дорога,
Пришли два солдата
К родному порогу.

Мать бравых встречала
У старенькой хаты,
И ей поклонились
Два брата солдата.

Она им сказала:
«Поспите, ребята!»
Но спать не желают
Два брата солдата.

И скинули сумки
Два брата солдата.
И сели на трактор —
Пахать до заката.

И снова воюют,
Чтоб край стал богатым,
На поле родимом
Два брата солдата.

Богдан Чалый

(Род. в 1924 г.)

ВЕСНА

Сияет солнце спозаранку,
Снег тёмным сделался, намок...
И, распеваючи веснянку,
Бежит весёлый ручеёк.

...Навстречу утру золотому
Бегут, торопятся ручьи.
— Цвиринь, цвиринь! Неси из дому
Скорей кораблики свои.

И, щебеча нетерпеливо,
Взмывает к солнцу.
...Даль ясна.
Сползает снег,
Синеет нива.
Пришла весна! Пришла весна!

Янка Купала

(1882—1942)

МАТЕРИ

Ты расти сынка, мамуля,
Весели его, ласкай,
Пой, баюкай: «Люли-люли»,
Пой тихонько: «Баю-бай!»

Песни звонкой белорусской
Ты для сына не жалей,
Чтоб навек её запомнил,
Вечно верен был он ей.

Как начнёт он, подрастая,
Понимать родную речь,
Ты его Отчизну нашу
Научи любить, беречь.

Ты расти сынка, мамуля,
Весели его, ласкай,
Пой, баюкай: «Люли-люли»,
Пой тихонько: «Баю-бай!»

АЛЕСЯ

Кукушечка куковала
Во зелёном лесе,
А матушка напевала
Доченьке Алесе.

Над сосною да над елью
Заря полыхала.
Пела мать над колыбелью,
Пела, колыхала:

— Спи, засни, моя кровинка,
Пташки все заснули.
Спи, засни, моя кровинка,
Люли, люли, люли!

Будешь ты, как зорька, тихой,
Как снег, белолицей,
Будешь, доченька, ткачихой,
Как я, мастерицей.

Ты соткёшь ковёр красивый,
На луга похожий.
Станешь доли ждать счастливой,
От весны погожей.

Кукушечка куковала
Во зелёном лесе,
Только мать не угадала,
Что будет с Алесей.

Стала рослою Алеся,
Расцвела ромашкой,
Полетела в поднебесье
Перелётной пташкой.

Полетела, загудела
Самолётом звонким
Над счастливыми полями,
Над родной сторонкой.

Забирается всё круче,
Всё быстрей несётся
Иль, как сокол, из-за тучи,
С парашютом вьётся.

Не видна Алеся маме:
Ой, летит всё выше!
Самолётными крылами
Облака колышет.

Мать сидит и днём и ночью
Около оконца —
Ждёт, когда вернётся дочка
Домой из-под солнца.

Кукушечка куковала
Во зелёном лесе.
Только мать не угадала,
Что будет с Алесей.

Якуб Колас

(1882—1956)

ЦВЕТОК

Здравствуй, милый мой цветок,
Леса гость весенний!
Как красиво ты расцвёл
Здесь, в уединеньи!

Улыбнётся ветерок
И с тобой играет.
Солнце целый день тебя
Весело ласкает...

ПЕСНЯ О ВЕСНЕ

Уходи, мороз косматый,
Слышишь, старый, или нет?
И над садом,
И над хатой
Голубой весенний свет.

Солнце ласково смеётся,
Светит ярче, горячей,
И с пригорка звонко льётся
Разговорчивый ручей.

Он лучистый, серебристый,
Он сверкает и дрожит,
А другой, такой же чистый,
Рядом весело бежит.

Ты не слышишь, дед сердитый,
Как в заоблачной дали,
Над землёй, дождём умытой,
Закричали журавли.

А зима сдала, осела,—
Хватит ей озорничать!
Выходи, ребята, смело
Песни петь и май встречать!

Эди Огнецвет

(Род. в 1916 г.)

СТРОИТЕЛЬ

Недавно я новую форму надел,
Мне памятен этот денёк!
Ведь каждый, кто шёл мне навстречу, глядел
И думал: «Учись, паренёк!»

Как мною гордится вся наша семья
И как мне завидует брат!
А бабушка старенькая моя
Ворчит:
— Ну чему же ты рад?

Вот стал бы, к примеру, хорошим врачом,
Меня бы лечил иногда...
— Я, бабушка, выстрою солнечный дом,
В нём будешь здорова всегда! —

Как будет светло в этом доме большом,
В нём что ни окно — то заря!
...Быть может, я с виду кажусь малышом,
Но форму мне дали не зря!

КТО НАЧИНАЕТ ДЕНЬ?

Шофёр не любит долго спать,
Чуть свет встаёт шофёр.
К своей машине он спешит,
Чтоб завести мотор.

Везде дела шофёра ждут —
Во все концы земли
Возить готов он кирпичи,
Чтоб города росли.

Едва забрезжила заря —
Поднялся хлебопёк,
Чтоб ты румяным калачом
Полакомиться мог.

Маляр порадовать спешит
Природу и людей,—
Нам пестроту весны дарит
Весёлый чародей.

Спроси у солнца и земли,
Спроси у быстрых рек:
— Кто начинает новый день?
— Рабочий человек!

Евдокия Лось

(Род. в 1929 г.)

СИНИЕ ДНИ

За окном
Синица: «Цвинь!
День-синь,
День-синь!»
Кругом
И вправду
Синий день.
Синеет
От деревьев тень.

И синий воздух,
И снега,
И речки
Синяя дуга.
И даже
Солнце в небесах
Плывёт
На синих парусах!

ВАСИЛЁК

— Василёк, расскажи,
Кто тебя посеял?
Лепестки возле ржи
Кто твои развеял?

— На межу под комок
Бросил меня ветер,
А сорвали на венок
Непоседы дети.

Куддус Мухаммади

(Род. в 1907 г.)

Я ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ СОСТАВИЛ ДЕСЯТЬ ОЧЕНЬ ВАЖНЫХ ПРАВИЛ

Для тебя я, друг, составил
Десять очень важных правил.
Эти правила просты,
Быстро их запомнишь ты.

1

Как проснулся — так вставай:
Лени воли не давай!

2

Лепесток роса умыла,
А тебя умоет мыло!

3

Понукания не жди,
В школу вовремя иди!

4

Прежде чем захлопнуть дверь,
Всё ли взял с собой, проверь!

5

В школе, в классе не сори,
Сор увидишь — подбери!

6

Не таскай в кармане мела,—
Это, милый мой, не дело!

7

Будь в одежде аккуратен,
Избегай и дыр и пятен!

8

Дома близким не груби,
Малышей жалей, люби!

9

Знай: хорошие отметки —
Как плоды в саду на ветке.

10

Чтоб тобой могли гордиться,
Должен много ты трудиться!

Гафур Гулям

(1903—1966)

ОТГАДАЙТЕ, МОИ ДОЧУРКИ!

— Сам он гладок да пузат,
Полосат его халат.
Воробью наверняка
Не проклюнуть толстяка.
Кто он, доченька Кундуз?
— Это? Это же арбуз!

Каждый листик — как ладошка.
Схож он с бусами немножко.
Стал янтарным, красным, белым.
Что же это, Мамлакат?!
— Ну, конечно, виноград!

Золотой пушистый плод!
В плов клади, вари компот.
Из него варенье — мёд!
Открывай, дочурка, рот,
Но... скажи, Мехти, сперва,
Как зовут его?!
— Айва!

Сто рубинов в толстой бочке
Я принёс для младшей дочки.
Пусть попробует разок
Кисло-сладкий сок.
Что же это, Адалат?
— Ох, спасибо за транаг.

Ануарбек Дуйсенбиев

(Род. в 1931 г.)

ЛАДОШКА

Разве это пальчики?
Это ж просто мальчики!

Большой палец

Вот Большой —
Смешной толстяк,
Любит хвастать
Просто так.
— Как дела?—
Спроси его,
Он подпрыгнет,
Крикнет:
— Во!

Указательный

Если ослик мой не спит,
Указательный грозит.
Всем он всё
Указывает,
Всем он всё
Показывает!

Средний

Средний палец —
Злой мальчишка:
Щёлкнет по лбу —
Сразу шишка!

А потом
И сам ревёт:
— Больно! Больно!
Дайте йод!

Безымянный

Безымянный
Дотемна
Выбирает
Имена:
— Юрий Дуров!
Был циркач!
— Лев Иваныч!
Детский врач.
— Мальчик с пальчик!
Фантомас!..—
Всё уж было
Тыщу раз!

...Солнце село.
Спать пора.
— Лучше выберу
С утра!

Мизинец

А мизинец —
Мой любимец.
Поведу его
В зверинец,
Эскимо ему
Куплю:
Очень
Маленьких
Люблю!

Иосиф Гришашвили

(1889—1965)

ОХРАНЯЙ ПТИЦ

Милый, птиц ловить не надо!
Будут птицы на свободе —
вредных гусениц не станет
ни в саду, ни в огороде.

Сделай гнёздышки-домишки
на ветвях для птичек малых
да следи, чтоб коршун хищный
не ломал, не разорял их.

Нет вредителям пощады!
Пусть не губят урожаи!
Мы друзей встречаем дружбой,
а врагов уничтожаем.

Обижать птенцов не надо!
Будут птицы на свободе —
вредных гусениц не станет
ни в саду, ни в огороде...

Маквала Мревлишвили

(Род. в 1909 г.)

КИКЛИ-КИКЛИ

Кикли-кикли, лесенка,
По ступенькам — песенка.
Эта песенка зайчат:
В барабан они стучат
В заячьей каморке
На высокой горке.

А внизу лиса с мешком
Клянчит сладким голоском:
— Вы спустились бы пониже,
Я не трону, не обижу,
Вам моркови принесу...

— Знаем мы тебя, лису!

Николай Чачава

(Род. в 1921 г.)

АЙВА

Ты айва моя, айва,
Я собрал тебя едва!
Всю айву, что есть в мешке,
Отнесу я бабушке.
Бабушка меня увидит —
С чурчхелой навстречу выйдет,
Даст мне самую большую...
Лишь кусочек откушу я,
Что останется — сложу
И мешок перевяжу.

Ты айва моя, айва,
Я несу тебя едва!
Мне с большим таким мешком
Тяжело идти пешком.
Встречу я ребят дорогой —
Угощу их понемногу.
Может, съели бы и вы
Спелой сахарной айвы?
Ешьте, всем достанется,
И бабушке останется!

Наби Хазри

(Род. в 1924 г.)

АГ-ШАНЫ

Ночью прохладной повеет в саду,
Утром росинки в листве заблестят...
Тебя я найду,
К тебе подойду,
Аг-шаны — самый вкусный наш виноград.

Вот подошла я,
Закрыла глаза
И слышу, как мне
Говорит лоза:

«Я аг-шаны,
Я аг-шаны,
Гордость и слава
Бакинских садов.

Я аг-шаны,
Я аг-шаны,
Сахарный сок мой
Для вас готов.

Солнышком
Я наливаюсь с весны.
Я аг-шаны,
Я аг-шаны!»

Ильяс Тапдыг

(Род. в 1934 г.)

ЗНАЕТЕ, А Я ИЗ НЕФТИ!

Обмакнув в чернила ручки,
Рисовали дети тучки.
Рисовали дети тучки
Или просто закорючки...
И сказала Ручка:— Дети!
Знаете, а я из нефти!

Подскочил сердито Мячик,
Хлопнул крышкой Чемоданчик,
Ваза, Хлебница и Лампа,
Пылесос, Совок и Шляпа,
Швабра, Мыльница и Тёрка,
Полка, Скатерть и Клеёнка
Загалдели:
— Знайте, дети,
Что и мы, и мы из нефти!

А потом со всех сторон
Налетели:
Телефон,
Стулья, Стол, и Дождевик,
И Пенал, и Половик,
И Будильник, и Горшок,
Щётка, Счёты, Гребешок,
И запели:
— Знайте, дети,
Все мы сделаны из нефти!

А из шкафа, где игрушки,
Громыхнули Погремушки,
Зарычали Львы и Волки,
Куклы ахнули на полке.
Даже Слон — на что уж Слон!
Но не выдержал и он...
И вздохнул:
— По правде, дети,
Я и сам... из... этой... нефти!
Честно!

ТАХСИН

Говорят, мой сын Тахсин
Всех ребят обманывает...
Вот как маленький Тахсин
Странно разговаривает:

— Там мальчишки на углу,
Мяч они гоняли...
«Кто возьмёт меня в ИГЛУ?»
Я сказать хотел — в ИГЛУ,

А они не взяли...
— Если ты хотел в ИГЛУ,
Правильно, не взяли.
Попросился бы в ИГРУ,
Вместе бы ИГРАЛИ.
— Я поэтому ЛЕВЕЛ,
Было мне обидно...
— Не ЛЕВЕЛ ты, а РЕВЕЛ.
Ну, а плакать — стыдно!
— А я им сказал: «Эй, вы!
Мне не нужен мячик...
Знаете, какие ЛЬВЫ
Есть за нашей дачей?»
— Где за нашей дачей ЛЬВЫ?
Где? Ах ты лгунишка!—
Но упрямой головы
Не склонил сынишка.
— Ты ведь сам сидел у
ЛЬВА.—
Мне Тахсин ответил.
«...Я сидел у ЛЬВА? У ЛЬВА!
Так ведь я сидел у РВА!
Точно! Я сидел у рва».
Вот так штука,
Дети!
Не лгунишка мой Тахсин,
Он вас не обманывает...
Просто маленький Тахсин
«Р» не вы-го-ва-ри-ва-ет.

Эдуардас Межелайтис

(Род. в 1919 г.)

ДНЕВНИК ДАЙНЫ

Я — папа Дайны, маленькой девочки, которая знает уже много слов и даже сочиняет стихи и сказки, но ещё не научилась писать. И я решил стать секретарём Дайны: записывать самое интересное из того, что она говорит и сочиняет, до тех пор, пока она не сможет это делать сама.

Мне кажется, кое-что из «Дневника Дайны» будет интересно и вам. Почему? Потому, что все дети не то чтобы одинаковые, но похожи друг на друга. А это значит, что в «Дневнике Дайны» вы будете, так мне кажется, узнавать самих себя. Разве это не интересно?

Дайна увидела клумбу.

— Какие красивые цветы! — закричала она.

— Только не надо их рвать,— сказал ей папа.

— Ну вот, зачем ты мне это говоришь? — обиделась Дайна.— Я сама это знаю!

Мама жалуется папе:

— У нас завелись мыши. Одна из них забралась в буфет. Надо будет её поймать.

— А что эта мышь натворила?

— Она открыла бонбоньерку, вытащила самую большую конфету и сгрызла её. Вот как!

А Дайна слушает и молчит. Мама принесла бонбоньерку и положила её на стол.

— Не понимаю, как мышка могла съесть эту конфетку,— она была с ликёрной начинкой. Должно быть, мышка опьянела.

— А вот и нет, конфета была без ликёра! — закричала Дайна и испугалась: ведь она себя выдала.

— Ага! – обрадовалась мама.— Вот мы и поймали мышку.

— Не сердись, мама, я не виновата. Я стояла около буфета и вдруг слышу: «Дайна, Дайна, хочешь знать, что я прячу?» — «Конечно, хочу», — говорю я буфету и открываю дверцу. А за ней — бонбоньерка. «Открой и меня»,— говорит. «Ладно». Открываю её и снова слышу: «Дайна, Дайна, тебе не хочется меня попробовать?» — «А кто это?» — спрашиваю. «Это — конфета». — «А ты сладкая?» — «Очень сладкая! Ты такой и не ела ещё никогда!» Вот я её и съела...

— И конечно, самую большую,— говорит мама.

— Ну да! — отвечает Дайна.— Маленькие ведь ещё не умеют разговаривать...

Дайна уговаривает котёнка:

— Котик-белохвостик, пойдём с нами в гости.

Котёнок в ответ мурлычет.

— Папа, котёнок согласен,— я с ним договорилась!

Стихотворение, сочинённое Дайной на приход зимы.

Стоят совсем не голые
зимою наши клёны.
На них, как листья,— голуби,
синицы и вороны.

Стихотворение, сочинённое Дайной на приход весны.

В речку превратилась улица,
в море превратился сад,—
целый день весна балуется,
а шалунью не бранят!

Дайна уже знает все буквы. И даже слова из них складывает. Но на листе бумаги её буквы не стоят друг возле друга, хотя Дайна долго, по-доброму упрашивает их взяться за руки. Но буквы — нет, не хотят! Очень они непослушные.

И вот Дайна пошла в школу и написала свой первый диктант.

Папа заглянул в её тетрадку и увидел, что буквы уже слушаются Дайну. И тогда он сказал:

— Теперь, когда эти буквы стали тебе подчиняться, ты можешь сама вести свой дневник. Вот тебе чистая тетрадка.
Дайна открыла тетрадку, взяла ручку и...

...и помчалась кудрявою стружкой
этих буковок лёгкая вязь,
становясь то зелёной опушкой,
то двором городским становясь,

и уже завиднелись в тетрадке
реки, горы, равнины, леса,
цветники, палисадники, грядки,
а над ними зажглись небеса,

и запела взволнованно птица,
и встревоженно пискнул зверёк,
и пошёл человек по страницам
голубыми тропинками строк...

Костас Кубилинскас

(1923—1962)

МОИ КРАСКИ

Красная

Я солнце красил в красный цвет,
А брат сказал:— Неверно, нет.

Пора бы знать тебе давно —
Совсем не красное оно.

Я пораньше утром встал,
Брата Витаса позвал:

— Поглядеть на солнце выйдем,
Как взойдёт оно, увидим...

На земле — роса и тени,
В небе — жаворонка пенье,

Стал румяным небосвод,
Начинается восход:

Красным шаром на заре
Солнце ходит по горе.

Синяя

Ты видал лён-ленок,
Словно небо синий?
Мой ленок, мой цветок
Всех цветов красивей.

Ты смотрел на него,
Как цветёт на воле?
Ты узнал, для чего
Он посеян в поле?

Из семян
Масло жмут,
Чтобы печь оладьи.
Из стеблей
Мне соткут
Праздничное платье.

САМОЛЁТ

Самолёт мой быстрокрылый,
Ты лети за Неман милый,
От полей моей Литвы
До красавицы Москвы!
Ты лети над Нерис светлой,-
Над лесами, в дальний край!..
Ты в Москве от нас приветы
Октябрятам передай.

Янина Дегутите

(Род. в 1928 г.)

РУКИ ЧЕЛОВЕКА

Склонила тяжёлую голову рожь.
«Спасибо вам, солнце и ласковый дождь!
Спасибо земле,
Что была моим домом,
И сильным рукам,
Моим старым знакомым.

Я помню, как руки трудились упорно,
Чтоб в землю посеять янтарные зёрна,
А ныне они урожай уберут.
Спасибо вам, руки,
За добрый ваш труд!..»

МОЛОТЬБА

Не гром грохочет,
Не пальба —
Гремит-грохочет
Молотьба.
Гора зерна растёт до неба...
Ты видишь, сколько будет хлеба?

Шумят, гудят
Грузовики,
Стучат на мельнице
Валки,
Гора муки растёт до неба...
Ты видишь, сколько будет хлеба?

Мне говорят,
Что спать пора,
Но не усну я до утра:
Мне поглядеть бы хоть немножко,
Как мама будет печь лепёшки.

Григоре Виеру

(Род. в 1935 г.)

НОВЫЙ ДОМ

Приходил к нам каменщик,
Сложил стены дома.
Ах, приходил к нам каменщик,
Да не было нас дома.

И столяр к нам приходил,
Сладил дверь для дома.
Ах, столяр к нам приходил,
Да не было нас дома.

И маляр к нам приходил,
Красил стены дома.
Ах, маляр к нам приходил,
Да не было нас дома.

И монтёр к нам приходил,
Свет провёл для дома.
Ах, монтёр к нам приходил,
Да не было нас дома.

В доме пахнет калачом,
Сок в кувшинах бродит.
Ах, почему ж никто из них
В гости не приходит!

ВОЗЬМИ С СОБОЙ

Возьми меня с собой, шофёр,
Возьми меня с собой, шахтёр,
Возьми меня с собой, рыбак,
Возьми меня с собой, моряк,
Возьми меня с собой, косарь,
Возьми меня с собой, почтарь...

Я всех прошу: возьмёте, да?
А вот лентяя — никогда.
Лентяй с лежанки не встаёт.
Куда же он меня возьмёт!

Спиридон Вангели

(Род. в 1932 г.)

ПОДСНЕЖНИКИ

Однажды Гугуцэ нашёл семь копеек. Не больше и не меньше. Опустил он монетки в самый глубокий карман, три дня туда не залезал: вдруг рядом с прежними новые монетки заведутся? Но в кармане, кроме гвоздя, ничего нового не обнаружилось. Сестрёнка сказала, что в её кармашке деньги сами не заводятся. Насчёт папиного кармана брат с сестрой ничего сказать не могли: его не было дома.

Приближался день, какой бывает раз в году. Когда все мужчины всем женщинам делают подарки. Гугуцэ первым из мужчин своего села явился в магазин. По дороге он надумал купить маме машину. Возить маму на базар будет, конечно, он, Гугуцэ.

Потирая руки, вошёл мальчик в магазин. Но не нашёл он, чего хотел. В машинах, которые там продавались, не помещался даже сам Гугуцэ, не говоря уже о маме.

Видя такое дело, купил Гугуцэ пуговицу. Теперь у него оставалось три копейки. Надо бы к пуговице платье прикупить. И не какое-нибудь, а голубое. Но голубого платья в продаже не было. Может, взять вон те туфли на высоких каблуках? Гугуцэ чуть не попросил их у продавщицы, да не знал, какой размер ему купить.

Пошёл он домой, стал дожидаться вечера, когда мама спать ляжет. А чтобы она быстрее уснула, Гугуцэ стал рассказывать ей сказку про царевну. Мама уснула на середине, и другая половина сказки осталась в голове у Гугуцэ. Что ж, пусть царевна подождёт своего Фэт-Фрумоса до следующего раза. Гугуцэ было не до них. На цыпочках вышел он из спальни и вернулся с ниткою в руках. Приложил он нитку к маминой ноге, и тут у мамы рука шевельнулась. Взял Гугуцэ мамину руку в ладошку, начал её покачивать:

Ночь тиха, постель мягка,
Баю-баюшки, рука.

От этой песенки рука сразу уснула. Смерил Гугуцэ мамины ступни, лёг в постель, а нитку под подушку спрятал.

Утром Гугуцэ первым делом побежал в магазин. Ко всем туфлям нитку приложил, выбрал самые лучшие. Но, узнав, сколько они стоят, почесал за правым ухом, вынул три копейки, пересчитал, почесал за левым ухом, поставил туфли на прилавок и пошёл прочь.

Будь вы в тех краях, вы бы увидели, как вышел Гугуцэ из села, как шагал он по дороге, как скрылась за холмом его остро-

Рисунок И. Кабакова.

конечная шапка и долго не показывалась. А потом вы бы увидели, как он обратно спускался с холма, неся охапку подснежников Ботинки у него разленились, ногам идти мешали, шапка так устала, что качалась на голове. Но Гугуцэ был куда сильнее, чем несчастные ботинки и шапка. Он принёс подснежники прямо в магазин. Самый большой букет подарил продавщице, остальные всем, кто был в магазине.

Люди первый раз в этом году увидели подснежники. Все очень хвалили Гугуцэ, а продавщица даже погладила его шапку, хотя шапка была совершенно ни при чём. Тут Гугуцэ на глазах у продавщицы вынул три копейки, три раза пересчитал их, посмотрел на туфли, вздохнул. Но продавщица ни о чём не догадалась.

Солнце садилось, собирались белые облака, а у Гугуцэ не было подарка для мамы.

«Ничего,— успокаивал он себя.— Утром встану чуть свет, наберу подснежников».

Но под вечер закружились за окном такие большие снежные хлопья, каких Гугуцэ ещё и не видывал. Небо потемнело, холмы побелели, а мальчик уснул. Мама нашла его, спящего у окна. В руке он держал три копейки и пуговицу. Чудесную пуговицу. Как раз такую, какая была маме очень нужна.

Ян Райнис

(1865—1929)

ЗОЛОТОЙ КЛУБОЧЕК

Вот послушайте, ребятки,
Если любите загадки.

Был у моей матушки
Золотой клубочек.
Он с утра ранёшенько
Поднимался в небо.

День-деньской катился
По небесной кровле,
По небесной кровле,
Подле облаков.

А зарёй вечерней
Прямо в море падал —
Заливалось море
Златом-серебром.

— Отгадали, отгадали!
Мы его видали.
Золотой клубочек —
Золотое солнышко!

ДЕДУШКА И ЯБЛОНЬКИ

Дед сажал по осени
Молодые яблоньки.
Спрашивали внуки:
— Скоро ль будут яблоки?

— Подождите, малые,
Девять зим студёных,
Девять вёсен дружных,
Девять зим да вёсен —
До десятой осени.

— Дедушка, а дедушка,
Сам-то доживёшь ли?
— Сам не доживу я,
Доживут другие —
Помянут добром!

Валдис Лукс

(Род. в 1905 г.)

ЧТО ТОГДА БУДЕТ?

— Мам,
если быстро работать начну,
выстрою дом, дом упрётся в луну,—
что тогда будет?
— Дом, моя девочка,
что же ещё!

— Мам,
ну а если начну так расти,
что в нашу дверь не сумею пройти,—
что тогда будет?
— Будешь большою,
что же ещё!

— Мам,
ну а если в клубок закручусь,
ёжиком круглым на кухню вкачусь,—
что тогда будет?

— Если ты веник,
болтушка,
возьмёшь
и потихоньку
работать
начнёшь,—
что тогда будет?..

ВЫБОРЫ

Мать с отцом голосовали,
Старший брат голосовал,
Я один остался дома.
— Ты ещё,— сказали,— мал.—
Это всё-таки обидно:
Все на выборах, я — нет.
Разве скоро соберёшь их —
Восемнадцать полных лет?

Вот уйду я плавать в море,
А когда вернусь назад,
Будут славным капитаном
Все гордиться, даже брат!

И однажды, утром рано,
Скажут мне отец и мать:
— Надевай парадный китель
И пойдём голосовать.

Ояр Вациетис

(Род. в 1933 г.)

ГДЕ ЖИВЁТ ЗИМА ЛЕТОМ?

Летом зима залезает на полки,
Там, где ушанка,
Свитер, фуфайка,
Где рукавицы в шкафу.

Рисунок Я. Пигозниса.

Летом зима квартирует в чулане
Вместе с коньками,
С санками вместе,
С лыжами рядышком спит.

Летом в киоске она проживает,
Где эскимо и пломбир.

Ну, а когда замелькают снежинки,
С полок она, отряхнувшись, слезает,
Лето уходит в чулан.

Может быть, прячется лето в киоске?
Этого нам разузнать не удастся:
Заперт зимою киоск.

ПОСПОРИМ!

Поспорим,
что в каждой руке удержу
огромное дерево!

И докажу!

Пожалуйста!
В правую — жёлудь кладу.

Пожалуйста!
В левую — жёлудь кладу.

А в жёлуде —
целое дерево.
Дуб.

Муса Джангазиев

(Род. в 1917 г.)

КОЛХОЗНЫЙ ПЧЕЛОВОД

Есть в Киргизии гора —
От цветов она пестра,
Будто выткала ковёр
На заре моя сестра.

Там у нас весь день-деньской,
От восхода дотемна,
Пчёл гудит весёлый рой,
Как басовая струна.

Только зимний снег сойдёт,
Вместе с пчельником своим
Едет в горы пчеловод,
Старый дедушка Керим.

В диких маках южный скат,
Плещет горный водопад,
Как дома в моём аиле,
Ульи выстроились в ряд.

Я на пасеку пришёл,
Не боясь сердитых пчёл.
В пиале душистый мёд
Ставит дедушка на стол.

Он показывает мне
Медоносные цветы.
Я на пасеке гощу
От утра
до темноты.

БЕРЕГИТЕ ПТИЦ!

Не трогай ласточку! Она
Издалека летит сюда,
У нас растит своих птенцов.
Не разоряй её гнезда.
Будь другом птиц!

Пусть под окном
Поёт весною соловей
И над просторами земли
Летают стаи голубей!

Шукурбек Бейшеналиев

(Род. в 1928 г.)

РОГАТЫЙ ЯГНЁНОК

Азиз

Азиз — сын чабана. И летом и зимой он живёт высоко в горах на пастбищах — джайлоо. Весь день отец Азиза пасёт крупных овец-валухов, а мать ждёт отца в юрте, готовит еду, чинит одежду, а вечером помогает загонять овец в загон.

Вот загнали последнюю овцу. Отец входит в юрту, берёт на руки маленького Азиза и давай его подкидывать.

Мать волнуется:

— Хватит, ты уронишь его!

— Сын чабана должен быть бесстрашным и крепким,— смеётся отец.— Скоро он подрастёт и будет мчаться верхом на коне, как настоящий чабан.

И вот однажды утром отец сказал:

— Сегодня я возьму Азиза с собой на пастбище.

Азиз становится чабаном

...С тех пор как Азиз впервые побывал на пастбище, больше всего на свете нравилось ему сидеть с отцом в седле и пасти больших овец-валухов.

Когда он жил в юрте, около мамы, он ничего не видел, кроме овец. А теперь...

Теперь, как перепёлка, высунув голову из-под халата отца, сидит Азиз на вельветовом одеяльце — корпочо — на спине огромного коня.

Конь покачивает его, как в люльке. И кажется Азизу, что стал он выше ростом, и даже горы, которые прежде пугали его, теперь, когда Азиз увидел их близко, показались не такими уж страшными и даже красивыми.

Азиз радостно замахал руками, когда впервые в горах потрогал листья на деревьях:

— Дерево, дерево!.. Ээ!

— Это ёлка... Это берёза... Это арча... Это таволожник... А это жимолость...— называл отец деревья и кусты.

— Елка... берёза... арча...— повторял за ним Азиз.

Ему хотелось запомнить всё сразу. Но разве сразу отличишь одно дерево от другого!

...Когда выехали они с отцом за утёс, увидел Азиз водопад, падающий со скалы,— белый от пены, наполненный шумом, грохотом.

— Вода, вода! — закричал Азиз.

Отец остановил коня, ласково потрепал кудрявый чубчик Азиза.

— Это водопад,— сказал он улыбаясь.

Азиз удивлённо посмотрел на отца:

— Водопад?

— Ну конечно,— сказал отец.— Водопад — значит «вода падает». Видишь, вон из-за скалы падает вниз.

— Во-до-пад! Во-до-пад! — кричал Азиз, и голос его тонул в гуле водопада.

Каждый день ездил Азиз с отцом в горы и каждый день узнавал что-нибудь новое.

«Я докажу отцу, что я уже большой»

С утра до вечера Азиз ездит с отцом в седле и помогает ему пасти огромных валухов.

Обедает он у костра, как настоящий чабан, а спит на корпочо под ёлкой, положив голову на седло. Он уже узнал много нового, научился смело продираться сквозь густые травы на горных лугах и собирать на склонах гор ревень, горлец, грибы. Он даже не боялся парящих над ним огромных орлов.

Рогатый ягнёнок

На следующий день отец поехал к другим чабанам, отобрал из каждой отары по нескольку десятков ягнят и начал сгонять их к своей юрте. Потом сказал Азизу:

— Вот, сынок, мы должны вырастить их. В следующем году они будут уже боруками, а через год, через два — валухами. Присмотрись к ним внимательно и возьми несколько себе.

Азиз радостно побежал к ягнятам и стал считать их по пальцам.

Ягнята были маленькие, тихие, робкие. Они окружили Азиза и слабо блеяли: «Ма-ма-ма».

Азизу стало жалко их, и он закричал:

— Скорее погоним ягнят на пастбище! Они хотят есть!

Отец и мать вышли из юрты и вместе с Азизом погнали ягнят на пастбище.

Впереди пошли самые крупные ягнята — те, что родились ещё в начале весны. Они уже умели пастись сами и сразу поняли, куда их гонят.

— Молодец, сынок, хорошо придумал! Остальных ягнят будем пасти мы с мамой, а за маленькими ухаживай ты один. И не только сегодня, а всё время. Согласен?

Азиз радостно кивнул головой:

— Согласен. Будем с тобою соревноваться.

С этого дня Азиз почти не отходил от своих малышей, пас их недалеко от юрты.

День за днём пасутся ягнята в степи, растут, поправляются. Только один малыш отстаёт от других — серый ягнёнок с маленькими крутыми рогами.

Все ягнята без рогов, только серый ягнёнок с рожками. Может, от этого он и худой?..

Не знает Азиз, как помочь серенькому ягнёнку. Решил посоветоваться с отцом.

Отец принёс в юрту мешок.

— В этом мешке,— сказал он,— крупа для слабых и больных ягнят. Накорми своего ягнёнка.

Азиз принёс рогатому полную шапку крупы, но ягнёнок не хотел есть, только сердито мотал головой.

Тогда Азиз схватил его за рога и силой впихнул ему в рот полную горсть крупы.

Едва рогатый распробовал крупу, он сам потянулся к шапке и стал с аппетитом жевать.

Азиз не отошёл от ягнёнка, пока тот не съел всю крупу.

Потом Азиз сходил к роднику, принёс полную шапку воды и протянул её рогатому:

— Ну пей, пей! Привыкай пить и есть из моих рук!

Рогатый послушно потянулся к шапке и стал пить.

Скоро серый ягнёнок совсем перестал есть траву. Только и ел крупу да хлеб.

Азиз доволен, не нарадуется на своего любимца. Целыми днями играет с ним, учит бодаться.

Растёт серый ягнёнок, поправляется, и рожки его растут.

И вот однажды произошёл такой случай. Азиз лежал на тра-

ве, неподалёку от стада, как вдруг услышал сзади какой-то шум. Оказалось, рогатый напал на одного из ягнят.

Это был чёрный безрогий ягнёнок. Конечно, он не смог устоять против рогатого и отступил.

Вот обрадовался Азиз:

— Молодец, рогатый! Ты будешь самым сильным в моём стаде.

Мирсаид Миршакар

(Род. в 1912 г.)

ЛЕТНЯЯ ПЕСНЯ О ВЕТРЕ

Ветер, ветер,
с горных круч
Ты сорвись и стаи туч
Разгони на небосводе,
Чтоб гуляло на свободе
Солнце красное с утра
В небе нашего двора.

Дождь противный зарядил
И стихать не хочет.
В небе пушку зарядил.
И она грохочет.

Ветер, ветер,
Нам скучать
В доме неохота,
Нам охота погулять,
Выйти за ворота.

Ветер, ветер,
с горных круч
Ты сорвись и стаи туч
Разгони, дружище,
Чтобы лить, как из ведра,
Разыгравшийся с утра
Перестал дождище!

Гульчехра Сулейманова

(Род. в 1928 г.)

ТЁТУШКА-ЗОЛОТОШВЕЙКА

Тётушка моя,
Золотошвейка,
Разреши мне
Рядом посидеть —
Молча посмотреть,
Как тюбетейка
Начинает золотом
Гореть!

Как на ней, сверкая
Словно льдинки,
Холодны, прозрачны
И чисты,
Падают со звёздочек
Росинки
На деревья, травы
И цветы.

Тётушка моя,
Золотошвейка,
Я сижу, стараясь
Не дышать...

Научи меня
На тюбетейке
Утренние зори
Вышивать!

Сильва Капутикян

(Род. в 1919 г.)

ВАМ НЕ ДОГАДАТЬСЯ!

Кто материю купил?
Вам не догадаться.
Папа.
Кто сегодня платье
сшил?
Вам не догадаться.
Мама.

Кто пришил карман
с цветком?
Вам не догадаться.
Бабушка.
Платье кто надел
потом?
Вам не догадаться.
Конечно, Сёда!

КТО?

Кто
Яблоко на землю уронил,
Съел его и даже не помыл?
Это не Сёда,
Это — свинка.

Кто
Простоквашей вымазал нос,
Руки, и брови, и кончики кос?
Это не Сёда,
Это — киска.

Кто
Ни свет ни заря голосил,
Добрую бабушку рано будил?
Это не Седа,
Это — ворона.

Кто
Яблок в пыли никогда
не валял,
Нос в простоквашу совсем
не совал,
Утром капризы не разводил,
Старую бабушку не разбудил?
Это Седа!
Это Седа!

МАМИНЫ ПОМОЩНИКИ

Ну, теперь совсем большие
Рач и Каринэ.
Поглядите, вон какие
Рач и Каринэ.

Помогают дома маме
Рач и Каринэ.
Всю посуду моют сами
Рач и Каринэ.

Пол метут и поливают
Розу на окне,
Стол к обеду накрывают
Рач и Каринэ.

Протирают стёкла, рамы,
Полки на стене.
Вот помощники у мамы —
Рач и Каринэ!

Хажак Гюльназарян

(Род. в 1918 г.)

САМ РАССКАЗЫВАЕТ

Я — Арту́рик.

У меня есть кубики, деревянные. Много-много кубиков! Один, два, три... сорок... тысяча штук!

А ещё у меня есть автомашина четырёхколёсная! И подъёмный кран, тоже четырёхколёсный, ещё ружьё... без колёс! И слон был, только Рачик оторвал ему хобот. А давно у меня были альбом для рисования и цветные карандаши. Теперь нету. Даже не знаю, как это случилось. Мама говорит, что я потерял их. Но когда? Я не заметил! А-а-а! Наверное, потерял, когда спал, потому и не заметил.

Я внимательный. Рачик два блюдца разбил, а я — только одно, и то потому, что оно было на краешке стола. Противное блюдце! Стояло бы на серединке, я бы его не разбил.

Я смелый тоже. А Рачик не смелый. Он боялся слона, когда ещё не оторвал ему хобот. А я не боялся. Я и нашего щенка Ко́тота не боюсь, а тётя Ма́ник боится. Как придёт к нам, говорит:

— Артурик, убери щенка.

Я запираю его на балконе, и тётя Маник с Рачиком проходят в дом.

Рачик — мой брат. Только моя мама — не Рачикина мама. Рачикина мама тётя Маник, она сестра моей мамы. Тётя Маник тоже хорошая мама, но моя мама лучше. Мы всегда играем с братом Рачиком, потому я и запираю щенка на балконе. Рачик боится щенка. Трусишка!

Вместе с братом мы из кубиков строим дом, потом стреляем из ружья, машину заводим. Только стулья нам всегда мешают.

Однажды Рачик сказал:

— Давай увезём стулья.

— Куда увезём?

— В кухню.

Увезли мы два стула, устали. Рачик ещё один повёз, а я сел на пол.

Рачик вернулся, а у него в руках груша!

Я тоже быстро повёз стул в кухню. Но мама мне не дала грушу. Я обиделся, ушёл в комнату и разломал дом, который построил Рачик из кубиков. А потом отнял у Рачика половинку

груши — другую половинку он уже съел. Рачик заплакал, а я сказал ему, чтобы не хныкал,— ведь это он оторвал хобот у моего слона. И грушу ему дала моя мама! Я же знаю наши груши.

Тогда Рачик сказал, что я плохой мальчик. Я снова обиделся и заплакал, а он говорит:

— Не хнычь.

Я разозлился и закричал:

— Сам ты хныкалка!

Рачик сказал:

— То-то и видно, кто хныкалка.

Я его толкнул. Он упал, я тоже упал.

Потом пришла мама с тётей Маник и сказала:

— Сейчас обоих поставлю в угол.

И поставила.

Я устал в углу. Рачик тоже устал. Мы сели.

Потом я стал мириться. Рачик тоже стал мириться. А мама и тётя Маник снова ушли в кухню.

Я опять подружился с братом и дал ему покатать свою машину.

Вечером Рачик и тётя Маник ушли домой, а мама сказала:

— Не стыдно тебе, с братом поссорился?

— Это он со мной поссорился.

Вот ведь мама какая: когда я ссорюсь, она видит, а как я снова подружился с Рачиком, не заметила.

Сначала я очень обиделся, а когда ужинал, уже не обижался и сказал маме:

— Этот персик я оставлю Рачику.

Мама обрадовалась:

— Вот молодец, оставь!

Я и правда оставил, но... неожиданно съел. И теперь, когда Рачик придёт к нам, он уже не съест персик...

Я должен идти спать... Жалко, что Рачик не съест персик... Пусть он завтра приходит, я отдам ему кубики!

Каюм Тангрыкулиев

(Род. в 1930 г.)

САМ КОПАЙ, САМ САЖАЙ — СЛАДОК БУДЕТ УРОЖАЙ

Миндаль

Миндаль посадили,
Миндаль посадили!
За деревцем каждым
Мы зорко следили:

Окапывали,
Из ведра поливали,
Ветки ломать
Никому не давали.

И вот наконец
Созревает орех —
Много орехов,
Хватит на всех.

Косточку
Камнем
Я расколю —
Орехи миндальные
Очень люблю!

Урюк

Помнишь,
Ещё в позапрошлом году
Урюк посадили ребята
В саду?

Теперь пролетают
Над ним журавли
И видят:
Деревья в саду
Зацвели.

На деревце
Стройном,
Высоком,
Плоды наливаются
Соком.

Попробуй
Урючины спелые,
На солнышке
Загорелые.

Огурец

Погляди на огурец,
Огурец такой хитрец!
Ловко одевается,
Под листьями скрывается.

Разгребу рукой листву,
Свежий огурец сорву,
Пополам разломлю,
Густо-густо посолю.

Сам я огурцы ращу,
Приходите, угощу!

Виноград

Гроздья виноградные
Спелые,
Нарядные.
Ягоды
Гладкие,
Крупные,
Сладкие.
Наверно, любишь виноград?
Сорви его, он будет рад!

Дыни

Дыни жёлтые сорвём,
Пузатые, как бочки.
То растут они вдвоём,
То поодиночке.

Запах трав они хранят
И цветочной пыли...
Словно маленьких ягнят,
Дыни мы растили.

Защищали их не раз
От жары палящей —
И поэтому для нас
Дыни вдвое слаще!

Нуры Байрамов

(Род. в 1933 г.)

ТУРКМЕНИЯ МОЯ

Светятся под солнцем налитые
Гроздья винограда золотые.
На полях
От края и до края
Шелестит пшеница
Золотая.

Созревает
В солнечном покое
Хлопок — наше золото
Степное.

И резвятся
В солнечных лучах
Золотые рыбки
В ручейках.

Гордые,
Заснеженные горы,
Каракумов
Жаркие просторы,
Золотые, милые края,
Это всё — Туркмения моя!

ДЖЕЙРАНЧИК

— Мы в песках тебя поймали,
На верёвку привязали.
Ну, джейран, давай дружить:
Мы ведь вместе будем жить.
Что же ты, дружок, скучаешь,
Нас, друзей, не замечаешь?
Кормим мы тебя травой —
Ты мотаешь головой.
Принесли тебе напиться —
Не притронулся к водице.
Ты на травку не глядишь,
Не глядишь на воду.
Что же дать тебе, малыш?
— Дайте мне свободу!

Ральф Парве

(Род. в 1919 г.)

ДВА РЫБАКА

Кто эти путники?
Кто там спешит
К берегу нашей реки?
Дедушка с трубкой
И маленький Тийт —
Оба они рыбаки.

Трюх-трюх —
Дед впереди.
Топ-топ —
Внук позади.
Кто там в кустах
Над водою сидит?

Кто там за рыбой
Зорко следит?
Дедушка с трубкой
И маленький Тийт
Ждут,
Когда будет
У рыб аппетит.
Вот поплавок
Наклонился едва.
Удочка гнётся в руке.
Дедушка дёрг —
И рыбка плотва
Бьётся уже на крючке!
Славно рыбачить!
Идёт на крючок
Нынче плотва за плотвой.
Дед говорит:
— Собирайся, сынок,
Ждут нас хозяйки домой!

Кто эти путники?
Кто там спешит,
Кто там шагает с реки?
Дедушка с трубкой
И маленький Тийт —
Оба они рыбаки.

Трюх-трюх —
Дед впереди.
Топ-топ —
Внук позади.

Дед наловил
Для семейства всего
Много плотвы и угрей.
Маленький Тийт
Для кота одного
Только лишь блюдце
Ершей.

ПЕСНЯ О ДРУЖБЕ

С волжских берегов, с далёкой Лены,
с быстрой Ангары и невских вод
нам привет сердечный неизменно
русский дорогой товарищ шлёт.

Там, где пальмы словно великаны,
руки мы друзьям далёким жмём...
В пастухе седом из Казахстана
мы родного брата узнаём.

Северный рыбак в семье единой
с нами, он одной отчизны сын.
Брат наш — землепашец Украины,
верный друг — приветливый грузин.

...Так растёт под солнцем мирной жизни
братская единая семья,
и цветёт советская Отчизна,
Родина счастливая моя!

Эллен Нийт

(Род. в 1928 г.)

ПОРАБОТАЛИ НА СЛАВУ

— Дедуле и бабуле привезли целый воз берёзовых дров,— сказала мама.

— Таави уже большой мальчик, пусть поможет дедушке,— сказал папа.

— Раз Таави большой, то и я не маленькая,— заявила Трийну.— Я даже почти больше, чем он.

— Хорошо,— сказала мама.— Вдвоём веселее работать.

И была права.

Дедуля колол во дворе дрова.

Трийну и Таави относили поленья к сараю.

А соседский мальчик Калле укладывал их в сарае ровными рядами.

Ну а бабуля пекла тем временем в кухне блинчики.

Дедуле — десяток.

— И Калле — десяток.

— И Таави — десяток.

И Трийну — десяток.

И ещё несколько десятков на всякий случай.

Ведь после хорошей работы — ух какой аппетит!

Муса Джалиль

(1906—1944)

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДОЧЕРИ

Элли-бэлли, озорница,
Пусть тебе спокойно спится,
Звёздочка моя, певунья,
Птица счастья, песня-птица!

Час придёт — и эта песня
Полетит над всей страною,
В синем-синем поднебесье
Станет звёздочкой-звездою.

Элли-бэлли, спи, дочурка,
За день очень ты устала,
Дремлет сад, где ты играла.

Спишь ли, звёздочка моя?
Элли-бэлли-бэлли-бэу,
Элли-бэлли-бэлли-бэу...

ВОЛЬНЫЕ ВЕТРЫ

...Вольные ветры,
Вольные ветры,
Всюду вы были,
По свету летая:
Есть ли страна,
Что похожа на нашу,
Есть ли ещё
На планете такая?

Чтобы она была
Так же свободна,
Недра — богаты,
Земля — плодородна,
Лес — полон ягод,
А поле — пшеницы,
И необъятны
Морские границы,
Счастливы взрослые,
Веселы дети —
Есть ли такая
Другая
На свете?

И отвечали
Вольные ветры:
Много мы видели,
Много летали,
Только Отчизны,
Похожей на нашу,
Нет, не видали,
Нет, не видали...

Лев Квитко

(1890—1952)

СКРИПКА

Я разломал коробочку —
Фанерный сундучок.
Совсем похож на скрипочку
Коробочки бочок.

Я к веточке приладил
Четыре волоска —
Никто ещё не видывал
Подобного смычка.

Приклеивал, настраивал,
Работал день-деньской...
Такая вышла скрипочка —
На свете нет такой!

В руках моих послушная,
Играет и поёт...
И курочка задумалась
И зёрен не клюёт.

Играй, играй же, скрипочка!
Трай-ля, трай-ля, трай-ли!
Звучит по саду музыка,
Теряется вдали.

И воробьи чирикают,
Кричат наперебой:
— Какое наслаждение
От музыки такой!

Задрал котёнок голову,
Лошадки мчатся вскачь,
Откуда он? Откуда он,
Невиданный скрипач?

Трай-ля! Замолкла скрипочка...
Четырнадцать цыплят,
Лошадки и воробушки
Меня благодарят.

Рисунок В. Конашевича.

Не сломал, не выпачкал,
Бережно несу,
Маленькую скрипочку
Спрячу я в лесу.

На высоком дереве,
Посреди ветвей,
Тихо дремлет музыка
В скрипочке моей.

АННА-ВАННА БРИГАДИР

— Анна-Ванна, наш отряд
Хочет видеть поросят!
Мы их не обидим:
Поглядим и выйдем!

— Уходите со двора,
Лучше не просите!
Поросят купать пора,
После приходите.

— Анна-Ванна, наш отряд
Хочет видеть поросят!
И потрогать спинки —
Много ли щетинки?

— Уходите со двора,
Лучше не просите!
Поросят кормить пора,
После приходите.

— Анна-Ванна, наш отряд
Хочет видеть поросят.
Рыльца — пятачками?
Хвостики — крючками?

— Уходите со двора,
Лучше не просите!
Поросятам спать пора,
После приходите.

— Анна-Ванна, наш отряд
Хочет видеть поросят!
— Уходите со двора,
Потерпите до утра.
Мы уже фонарь зажгли —
Поросята спать легли.

Расул Гамзатов

(Род. в 1923 г.)

МОЙ ДЕДУШКА

У меня есть дедушка,
Как зима, седой.
У меня есть дедушка
С белой бородой.

В день знакомства нашего —
Это не секрет —
Было мне полмесяца,
А ему сто лет.

Маленькие ласточки,
Песнями звеня,
Будят вместе с дедушкой
На заре меня.

На зарядке солнышко
Рядом видит нас.
Поднимаем руки мы
По команде: «Раз!»

А над нами мокрая
Шелестит листва.
Опускаем руки мы
По команде: «Два!»

И водой холодною,
Прямо из ручья,
Вместе умываемся:
Дедушка и я.

Мы берёмся зá руки
С дедушкой моим,
Вдоль аула нашего
Мы гуляем с ним.

Кто ни повстречается
На дороге нам,
Кланяется дедушке,
Говорит: — Салам!

Я шагаю с дедушкой,
Думая о том,
Что и я, наверное,
Каждому знаком.

И с людьми здороваюсь,
Как большой в пути.
Хорошо мне за руку
С дедушкой идти!

Во дворе и в доме я
Потрудиться рад.
Говорит мой дедушка:
— Покорми цыплят!
— Цып, цып, цып! —
кричу я.
Посреди двора —
Цып, цып, цып!—
кричу я. —
Завтракать пора!

В небе коршун кружится
Третий час подряд,
Но ему, разбойнику,
Не украсть цыплят:

Ведь ружьё с патронами
Есть у нас, друзья.
И стреляет дедушка
Метко из ружья...

...Много знает дедушка
Былей-небылиц:
Про луну и солнышко,
Про зверей и птиц.

Я вопросы разные
Задаю ему:
— Где?
— Зачем?
— А скоро ли?
— Сколько?
— Почему?

Мне на всё мой дедушка
Может дать ответ.
И не стар мой дедушка,
Хоть ему сто лет.

...Дедушка работает,
Словно молодой,
Поливает яблони
Ключевой водой.

Я в сарай за лестницей,
Верьте, не пойду,
Чтоб сорвать созревшее
Яблоко в саду.

Потому что дедушка
Быстро и легко
Может вмиг поднять меня
Очень высоко.

...Блещут звёзды вечером,
Дремлет сад в снегу.
Мы садимся с дедушкой
Ближе к очагу.

Он читает книжки мне —
Ведь читать я сам
Не могу пока ещё
Даже по слогам.

Вот какой мой дедушка!
В майский праздник он
Был на сбор ребятами
В школу приглашён.

Вовремя пришёл он,
Не подвёл ребят.
Встал под знамя красное
Пионеротряд.

И, держа равнение,
Все ребята тут
Пионерский дедушке
Отдали салют.

А когда торжественный
Запылал костёр,
Рассказал мой дедушка,
Старый житель гор,

Как с другими горцами
В давнем феврале
Он в гостях у Ленина
Побывал в Кремле.

Как дарил, волнуясь, он
Бурку Ильичу...

Быть таким, как дедушка,
Очень я хочу.

Приезжайте в гости к нам
По горам крутым —
Сами познакомитесь
С дедушкой моим!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

В нашем крае весна,—
Посмотри, Али.

Сходит с гор седина,—
Посмотри, Али,

Зажурчали вдали
Ручейки, Али,

И фиалки зажгли
Огоньки, Али.

Птицы в гнёзда вернулись,—
Послушай, Али.

Медвежата проснулись,—
Послушай, Али.

Скоро ножками в поле
Пойдёт Али,

Скоро речку в ладошки
Возьмёт Али.

Солнце доброе днём
Над тобой, Али,

И покров голубой
Над тобой, Али!

По ночам тишина
И луна, Али,

И сиянья полна
Вышина, Али!

На дворе скоро май,—
Посмотри, Али!

Баю-бай, засыпай
До зари, Али!

Кайсын Кулиев

(Род. в 1917 г.)

СКАЗКА СОЛНЦА

Над аулом горы большие,
Белый снег лежит на вершине.
Зеленеет трава у подножья,
Кукуруза зелёная тоже.

Солнце к вечеру красным стало,
Точно спелый арбуз раскололся,
С высоты опустилось устало
И за горы уходит солнце —
Дворик, бабушку с Азаматом
Освещает багровым закатом.

— Бабушка, Солнце уходит.
Куда же оно уходит?
— Домой возвращается, к маме.
— А где его дом?
— За горами.
Вот Солнце домой вернётся,
Мама ему улыбнётся,
Спросит:
«Солнце, ты где побывало?»
А Солнце весь мир повидало,
Тепло раздавало всем детям,
Всем цветам, всем птицам на свете.

В лучах его птицы пели,
Подсолнухи наливались,
Арбузы тяжёлые спели,
Маки в степях распускались.
Солнце льды на горах растопило
И долины водой напоило.

Да, всю Землю оно облетело
И тебя, шалуна, разглядело,
Как во двор ты с бабушкой вышел;
Ослика увидало с поклажей,
Наш арык, петуха под крышей...
Обо всех своей маме расскажет.

Всё хорошее видит Солнце,
Всё дурное оно приметит:
То рассердится тучей чёрной,
То весь день, улыбаясь, светит.
Ты об этом помни, мой внучек,
Делай так, Азамат, как лучше,
Чтобы Солнышко за горами
Похвалило тебя своей маме.

Дмитрий Гулиа

(1874—1960)

НОВЫЙ ДОМ

Есть новый дом в деревне. До ворот
К нему дорога ровная ведёт.
Ребятам отдан этот новый дом —
В нём школьники проводят день за днём.

И каждый день в горах издалека
Мы слышим трели школьного звонка.

На школьников глядит столетний Кан
И говорит соседям-старикам:
— Смотрите-ка, соседи, кто идёт!
Вот будущий учитель, садовод,
Вот инженер, моряк, художник, врач.
А это офицер несётся вскачь...

А может быть, когда придёт пора,
Окажутся у нас профессора!

И старики с почтением глядят
На новый дом, на стриженых ребят.

Рашид Рашидов

(Род. в 1928 г.)

ЛУДИЛЬЩИК КИЧИ

В горах прославился не зря
Веселый калайчи́ —
Лудильщик, проще говоря,
По имени Кичи́.

...Берёт из рук односельчан
Дырявый таз и медный чан,
В руке подкинет, словно мяч,—
Ведь наш Кичи такой силач!

Расплавит медь — и станет
медь
Податливой, как тесто.
Хотите сами поглядеть?
Найдётся в сакле место.

...К нему несут и медный таз,
И разговор, и шутку.
Кичи для каждого из нас
Всегда найдёт минутку.

На зорьке постучит сосед,
Огня в очаг попросит.
— Сала́м! — Кичи ему в ответ
И уголёк выносит.

Приходит девочка Хису́:
— Я миску кошкину несу.
Вот, прохудилась миска,
Голодной будет киска!

...Кичи лудит,
Кичи куёт
И снова песенку поёт.
А песенка всегда одна,
На весь аул она слышна:

«Медь я славлю красную,
Что в сакле твоей!
Полуду славлю ясную,
Что в сакле моей!

Легко сойдёмся мы в цене.
Нет денег? Ну и что же,
Ты подари улыбку мне,
Она всего дороже!»

Нуратдин Юсупов

(Род. в 1931 г.)

ЧАБАН РАБАДАН

— Эй, чабан! О-го-го-о!
— Э-ге-ге-ей, я — чабан!
— Как зовут тебя? Имя твоё?
— Ра-ба-да́-ан!

— Эй, чабан Рабадан,
Я до солнца встаю,
А тебя всякий раз
На ногах застаю.
И когда же ты спишь?
— Когда горы уснут.
— А когда они спят?
— Когда я прикорну.

Рабадана
Колхозный спросил
Счетовод:
— Эй, чабан Рабадан,
Овцам знаешь ты счёт?

На отару не глядя,
Ответил чабан:
— Знаю точно,—
Ответил чабан Рабадан,—

Коз, овец и барашков
В отаре моей
Ровно столько голов,
Сколько прожил я дней.

— Ну, а сколько, скажи тогда,
Прожил ты дней?
— Столько, сколько голов
В отаре моей!

* * *

Хочешь знать,
Где кочует
Чабан Рабадан?
Хочешь видеть его?
Приезжай в Дагестан!
Чабана Рабадана
Нетрудно найти,
Ты у горца любого
Спроси по пути:
— Где сейчас проживает
Чабан Рабадан?
— Где трава попышнее, ищите,
Он там.
— Где ж трава попышнее?
— Иди по следам,
Там пышнее трава,
Где чабан Рабадан!

— Эй, чабан, о-го-го-о!
— Э-ге-ге-ей, я — чабан!
— Как зовут тебя? Имя твоё?
— Рабада-ан!

КУДА СПЕШИШЬ, МАЛЬЧИШКА?

— Куда спешишь, мальчишка,
Бежишь быстрей коня?

— Спешу туда, где папа
С обедом ждёт меня!

— А где тебя ждёт папа,
Ты мне секрет открой?

— А там вот, где тропинка
Встречается с горой!

— А где, скажи, мальчишка,
Встречаются они?

— Там, где лежит козлёнок,
Под деревом, в тени!

— А где лежит козлёнок
Ответь-ка мне, сынок?..

— Где две собаки лают
И маленький щенок!

— А где собаки лают,
Скажи скорее мне?..

— Где воют злые волки,
В той самой стороне!

— Но где же эти волки?
Не знаю что-то я...

— Там они, где папа
С обедом ждёт меня!

Юван Шесталов

(Род. в 1937 г.)

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

Что за чудо-чудеса:
Загорелись небеса!

Ой, горит-пылает пламя
Над сверкающими льдами!
Ой, горит большой костёр
Выше леса, выше гор!

Он горит,
А снег не тает,
Он блестит —
Не согревает.
Мёрзнут горы и леса,
Коченеют небеса...

Кто зажёг огонь чудесный,
Золотой костёр небесный?

Не живёт ли
В вышине
Великан могучий?
Не печёт ли
На огне
Хлеб себе за тучей?..
Никого за тучей нет,
Не пекут там хлеба.
Это — свет,
Холодный свет
Северного неба.

ЧТО ПРИСНИЛОСЬ ВИТЕ

Витя скачет и поёт;
Нынче он — с обновой!
Скоро в первый класс пойдёт
Он в рубашке новой!

Вот какой счастливый он,
Всех счастливей Витя!
А какой чудесный сон
Ночью он увидел!

Будто стал учеником —
Пишет и читает,
С каждой буквою знаком,
Имя каждой знает.

По листу строку ведёт
Ловко и умело,
Словно лыжник-скороход
По равнине белой.

Снится: вот уж он какой —
Рослый да могучий!
Встав на цыпочки,— рукой
Достаёт до тучи.

Дали Вите пароход —
Огненную лодку:
— Ты веди её вперёд,
Лодку-самоходку!—

Ой, пошла она, пошла,
Поплыла, как рыбка!
У мансийского села
Загудела шибко.

Удивляется народ:
— Ишь ты, поглядите!
Это кто ж её ведёт?
— Я! — смеётся Витя.

Рисунок Н. Кочергина.

Семён Данилов

(1917—1978)

КАЮРЫ

В Заполярье — стужа, вьюги,
В тундре на сто вёрст в округе —
Ни следа путей-дорог.
Здесь, в краю снегов и мрака,
Лучше друга, чем собака,
Отыскать никто б не мог.

Зверолов под небом хмурым
На упряжке мчится в снег...
Называется каюром
Этот смелый человек.

Ни поводьев, ни хорéя [1],
Крикнет слово вожаку —
Ветра зимнего быстрее
Мчатся нарты по снежку.

Надо встать — «Таай-таай» он скажет,
Заспешит — кричит «Так-так!»,
К нартам сам себя привяжет
И в пургу ведёт собак.

Для каюров не помеха
Ни бураны, ни мороз.
То отправился за мехом,
То он рыбы нам привёз.

Кто каюрами бывает?
Храбрецы да смельчаки.
Их в народе уважают,
Дети любят, старики.

---

[1] Хорéй — длинный шест, которым погоняют собачью упряжку.

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Шарль Перро

(1628—1703)

КРАСНАЯ ШАПОЧКА

Жила-была в одной деревне маленькая девочка, такая хорошенькая, что лучше её и на свете не было. Мать любила её без памяти, а бабушка ещё больше.

Ко дню рождения внучки подарила ей бабушка красную шапочку. С тех пор девочка всюду ходила в своей новой, нарядной красной шапочке.

Соседи так про неё и говорили:

— Вот Красная Шапочка идёт!

Как-то раз испекла мама пирожок и сказала дочке:

— Сходи-ка ты, Красная Шапочка, к бабушке, снеси ей этот пирожок и горшочек масла, да узнай, здорова ли она.

Собралась Красная Шапочка и пошла к бабушке, в другую деревню.

Идёт она лесом, а навстречу ей — серый Волк.

Очень захотелось ему съесть Красную Шапочку, да только он не посмел — где-то близко стучали топорами дровосеки. Облизнулся Волк и спрашивает девочку:

— Куда ты идёшь, Красная Шапочка?

А Красная Шапочка ещё не знала, как это опасно — останавливаться в лесу и разговаривать с волками. Поздоровалась она с Волком и говорит:

— Иду к бабушке и несу ей вот этот пирожок и горшочек масла.

— А далеко ли живёт твоя бабушка? — спрашивает Волк.

— Довольно далеко,— отвечает Красная Шапочка.— Вон в той деревне, за мельницей, в первом домике с краю.

— Ладно,— говорит Волк,— я тоже хочу проведать твою бабушку. Я по этой дороге пойду, а ты ступай по той. Посмотрим, кто из нас раньше придёт.

Сказал это Волк и побежал что было духу по самой короткой дорожке.

А Красная Шапочка пошла по самой длинной дороге. Шла она не торопясь, по пути то и дело останавливалась, рвала цветы и собирала в букеты.

Рисунок Г. Доре.

Не успела она ещё и до мельницы дойти, а Волк уже прискакал к бабушкиному домику и стучится в дверь:

— Тук-тук!

— Кто там? — спрашивает бабушка.

— Это я, внучка ваша, Красная Шапочка,— отвечает Волк тоненьким голоском.— — Я к вам в гости пришла, пирожок принесла и горшочек масла.

А бабушка была в это время больна и лежала в постели. Она подумала, что это и в самом деле Красная Шапочка, и крикнула:

— Дёрни за верёвочку, дитя моё,— дверь и откроется!

Волк дёрнул за верёвочку — дверь и открылась.

Бросился Волк на бабушку и разом проглотил её. Он был очень голоден, потому что три дня ничего не ел.

Потом закрыл дверь, улёгся на бабушкину постель и стал поджидать Красную Шапочку. Скоро она пришла и постучалась:

— Тут-тук!

— Кто там? — спрашивает Волк.

А голос у него грубый, хриплый.

Красная Шапочка испугалась было, но потом подумала, что бабушка охрипла от простуды и оттого у неё такой голос.

— Это я, внучка ваша,— говорит Красная Шапочка.— Принесла вам пирожок и горшочек масла.

Рисунок Г. Доре.

Волк откашлялся и сказал потоньше:

— Дёрни за верёвочку, дитя моё,— дверь и откроется.

Красная Шапочка дёрнула за верёвочку — дверь и открылась. Вошла девочка в домик, а Волк спрятался под одеяло и говорит:

— Положи-ка, внучка, пирожок на стол, горшочек на полку поставь, а сама приляг рядом со мной! Ты, верно, очень устала.

Красная Шапочка прилегла рядом с Волком и спрашивает:

— Бабушка, почему у вас такие большие руки?

— Это чтобы покрепче обнять тебя, дитя моё.

— Бабушка, почему у вас такие большие уши?

— Чтобы лучше слышать, дитя моё.

— Бабушка, почему у вас такие большие глаза?

— Чтобы лучше видеть, дитя моё.

— Бабушка, почему у вас такие большие зубы?

— А это, чтоб скорее съесть тебя, дитя моё!

Не успела Красная Шапочка и охнуть, как злой Волк бросился на неё и проглотил вместе с башмачками и красной шапочкой.

Но, по счастью, в это самое время проходили мимо домика дровосеки с топорами на плечах.

Услышали они шум, вбежали в домик и убили Волка. А потом распороли ему брюхо, и оттуда вышла Красная Шапочка, а за ней и бабушка — обе целые и невредимые.

Братья Гримм
Якоб
(1785—1859)
Вильгельм
(1786—1863)

БРЕМЕНСКИЕ МУЗЫКАНТЫ

Много лет тому назад жил на свете мельник. И был у мельника осёл — хороший осёл, умный и сильный. Долго работал осёл на мельнице, таскал на спине кули с мукой и вот наконец состарился.

Видит хозяин: ослабел осёл, не годится больше для работы,— и выгнал его из дому.

Испугался осёл: «Куда я пойду, куда денусь? Стар я стал и слаб».

А потом подумал: «Пойду-ка я в немецкий город Бремен и стану там уличным музыкантом».

Так и сделал. Пошёл в немецкий город Бремен.

Идёт осёл по дороге и кричит по-ослиному. И вдруг видит: лежит на дороге охотничья собака, язык высунула и тяжело дышит.

— Отчего ты так запыхалась, собака? — спрашивает осёл.— Что с тобой?

— Устала,— говорит собака.— Бежала долго, вот и запыхалась.

— Что ж ты так бежала, собака? — спрашивает осёл.

— Ах, осёл,— говорит собака,— пожалей меня! Жила я у охотника, долго жила. По полям и болотам за дичью бегала. А теперь стара стала, и задумал мой хозяин убить меня. Вот я и убежала от него, а что дальше делать — не знаю.

— Пойдём со мной в город Бремен,— отвечает ей осёл,— сделаемся там уличными музыкантами. Лаешь ты громко, голос у тебя хороший. Ты будешь петь и в барабан бить, а я буду петь и на гитаре играть.

— Что ж,— говорит собака,— пойдём.

Пошли они вместе.

Осёл идёт — кричит по-ослиному, собака идёт — лает по-собачьи.

Шли они, шли и вдруг видят: сидит на дороге кот; печальный сидит, невесёлый.

— Что ты такой печальный? — спрашивает его осёл.

— Что ты такой невесёлый? — спрашивает собака.

— Ах,— говорит кот,— пожалейте вы меня, осёл и собака! Жил я у своей хозяйки, долго жил — ловил крыс и мышей. А теперь стар стал, и зубы у меня притупились. Видит хозяйка, не могу я больше мышей ловить, и задумала меня утопить в речке.

Рисунок Ф. Лемкуля.

Я и убежал из дому. А что дальше делать, как прокормиться,— не знаю.

Осёл ему отвечает:

— Пойдём с нами, кот, в город Бремен, станем там уличными музыкантами. Голос у тебя хороший, ты будешь петь и на скрипке играть, собака — петь и в барабан бить, а я — петь и на гитаре играть.

— Что ж,— говорит кот,— пойдём.

Пошли они вместе.

Осёл идёт — кричит по-ослиному, собака идёт — лает по-собачьи, кот идёт — мяукает по-кошачьи.

Шли они, шли, проходят мимо одного двора и видят — сидит на воротах петух, сидит и кричит во всё горло: «Ку-ка-ре-ку!»

— Ты что, петушок, кричишь? — спрашивает его осёл.

— Что с тобой случилось?— спрашивает его собака.

— Может, тебя кто обидел? — спрашивает кот.

— Ах,— говорит петух,—пожалейте вы меня, осёл, собака и кот! Завтра к моим хозяевам гости приедут.— Вот и собираются хозяева зарезать меня и сварить из меня суп. Что мне делать?

Отвечает ему осёл:

— Пойдём, петушок, с нами в город Бремен и станем там уличными музыкантами. Голос у тебя хороший, ты будешь петь и на балалайке играть, кот будет петь и на скрипке играть, собака — петь и в барабан бить, а я буду петь и на гитаре играть.

— Что ж,— говорит петух,— пойдём.

Пошли они вместе.

Осёл идёт — кричит по-ослиному, собака идёт — лает по-собачьи, кот идёт — мяукает по-кошачьи, петух идёт — кукарекает.

Шли они, шли, и вот настала ночь. Осёл и собака легли под большим дубом, кот сел на ветку, а петух взлетел на самую верхушку дерева и стал оттуда смотреть по сторонам.

Смотрел, смотрел и увидел — светится невдалеке огонёк.

— Огонёк светится! — кричит петух.

Осёл говорит:

— Надо узнать, что это за огонёк. Может быть, поблизости дом стоит.

Собака говорит:

— Может, в этом доме мясо есть. Я бы поела.

Кот говорит:

— Может, в этом доме молоко есть. Я бы попил.

А петух говорит:

— Может, в этом доме пшено есть. Я бы поклевал.

Встали и пошли на огонёк.

Вышли на поляну, а на поляне дом стоит, и окошко в нём светится. Осёл подошёл к дому и заглянул в окошко.

— Что ты там видишь, осёл? — спрашивает его петух.

— Вижу я,— отвечает осёл,— сидят за столом разбойники, едят и пьют.

— Ох, как хочется есть! — сказала собака.
— Ох, как хочется пить! — сказал кот.
— Как бы нам разбойников из дома выгнать? — сказал петух.
Думали они, думали и придумали.
Осёл тихонько поставил передние ноги на подоконник, собака взобралась на спину ослу, кот вскочил на спину собаке, а петух взлетел на голову коту.
И тут они все разом закричали:

осёл — по-ослиному,
собака — по-собачьи,
кот — по-кошачьи,
а петух закукарекал.

Закричали они и ввалились через окно в комнату.
Испугались разбойники и убежали в лес.
А осёл, собака, кот и петух сели вокруг стола и принялись за еду.
Ели-ели, пили-пили — наелись, напились и спать легли.
Осёл растянулся во дворе на сене, собака улеглась перед дверью, кот свернулся клубком на тёплой печи, а петух взлетел на ворота. Потушили они огонь в доме и заснули.
А разбойники сидят в лесу и смотрят из лесной чащи на свой дом.
Видят — огонь в окошке погас, темно стало.
И послали они одного разбойника посмотреть, что в доме делается. Может, зря они так испугались.
Подошёл разбойник к дому, отворил дверь, зашёл на кухню. Глядь: а на печи два огонька горят.
«Наверно, то угли,— подумал разбойник.— Вот я сейчас лучинку разожгу».
Ткнул он в огонёк лучинкой, а это был кошачий глаз.
Рассердился кот, вскочил, зафыркал, да как цапнет разбойника лапой, да как зашипит.
Разбойник — в дверь. А тут его собака за ногу схватила.
Разбойник — во двор. А тут его осёл копытом лягнул.
Разбойник — в ворота. А с ворот петух как закричит:
— Ку-ка-ре-ку!
Кинулся разбойник со всех ног в лес. Прибежал к своим товарищам и говорит:
— Беда! В нашем доме страшные великаны поселились. Один мне своими длинными пальцами в лицо вцепился, другой мне ножом ногу порезал, третий меня по спине дубиной стукнул, а четвёртый закричал мне вслед: «Держи вора!»
— Ох,— сказали разбойники,— надо нам отсюда поскорее уходить!
И ушли разбойники из этого леса навсегда.
А бременские музыканты — осёл, собака, кот и петух — остались жить у них в доме да поживать.

Ханс Кристиан Андерсен

(1805—1875)

ГАДКИЙ УТЁНОК

Хорошо было за городом! Стояло лето. На полях уже золотилась рожь, овёс зеленел, сено было смётано в стога; по зелёному лугу расхаживал длинноногий аист и болтал по-египетски — этому языку он выучился у своей матери. За полями и лугами тянулись большие леса, а в лесах были глубокие озёра. Да, хорошо было за городом!

Прямо на солнышке лежала старая усадьба, окружённая глубокими канавами с водой; от стен дома до самой воды рос лопух, да такой большой, что маленькие ребятишки могли стоять под самыми крупными из его листьев во весь рост. В чаще лопуха было так же глухо и дико, как в самом густом лесу, и вот там-то сидела на яйцах утка. Сидела она уже давно, и ей это порядком надоело. К тому же её редко навещали: другим уткам больше нравилось плавать по канавкам, чем сидеть в лопухах да крякать с нею.

Наконец яичные скорлупки затрещали.

— Пит! Пит! — запищало внутри.

Все яичные желтки ожили и высунули головки.

— Кряк! Кряк! — сказала утка.

Утята кое-как выкарабкались из скорлупы и стали озираться кругом, разглядывая зелёные листья лопуха; мать не мешала им — зелёный цвет полезен для глаз.

— Ах, как велик мир! — сказали утята.

Ещё бы! Теперь им было куда просторнее, чем тогда, когда они лежали в своей скорлупе.

— Уж не думаете ли вы, что тут и весь мир? — сказала мать.— Какое там! Он тянется далеко-далеко, туда, за сад, в поле, но там я отроду не бывала!.. Ну что, все ли вы теперь тут?— И она встала.— Ах нет, не все. Самое большое яйцо целёхонько. Да когда же этому будет конец! Я скоро совсем потеряю терпение.

И она уселась опять.

— Ну, как дела? — спросила старая утка, которая пришла её навестить.

— Да вот с одним яйцом никак не могу справиться,— сказала молодая утка.— Всё не лопается. Зато посмотри-ка на малюток! Просто прелесть! Все как один — вылитый отец.

— А ну-ка покажи мне яйцо, которое не лопается,— сказала старая утка.— Поверь мне, это индюшечье яйцо. Вот точно так же и меня однажды провели. И хлопот же мне было с этими индюшатами! Я никак не могла заманить их в воду. Уж я крякала, крякала — не идут, да и конец! Дай-ка я ещё раз взгляну. Ну, так и есть! Индюшечье! Брось-ка его да ступай учи своих деток плавать!

— Нет, уж я лучше посижу ещё немного,— сказала молодая утка.— Я столько сидела, что можно и ещё посидеть.

— Ну и сиди! — сказала старая утка и ушла.

Наконец лопнуло и большое яйцо.

— Пип! Пип!— пропищал птенец и вывалился из яйца.

Но какой же он был большой и гадкий!

Утка оглядела его.

— Ужасно велик! — сказала она.— И совсем не похож на других! Уж не индюшонок ли это, в самом деле? Ну, да в воде-то он у меня побывает, хоть бы мне пришлось столкнуть его туда силой!

На другой день погода стояла чудесная, зелёный лопух был залит солнцем.

Утка со всей своей семьёй отправилась к канаве. Бултых! — и она очутилась в воде.

— Кряк! Кряк! — позвала она, и утята один за другим тоже бултыхнулись в воду.

Сначала вода покрыла их с головой, но они сейчас же вынырнули и отлично поплыли вперёд. Лапки у них так и работали. Даже гадкий серый утёнок не отставал от других.

— Какой же это индюшонок? — сказала утка.— Вон как славно гребёт лапками! И как прямо держится! Нет, это мой собственный сын. Да он вовсе не дурён, как посмотришь на него хорошенько. Ну, живо, живо, за мной! Я сейчас введу вас в общество — мы отправимся на птичий двор. Только держитесь ко мне поближе, чтобы кто-нибудь не наступил на вас, да берегитесь кошек!

Скоро добрались и до птичьего двора.

Батюшки! Что тут был за шум! Два утиных семейства дрались из-за одной головки угря. И в конце концов эта головка досталась кошке.

— Так-то всегда бывает на белом свете! — сказала утка и облизнула язычком клюв — она и сама была не прочь отведать угриной головки.— Ну, ну, шевелите лапками! — сказала она утятам.— Крякните и поклонитесь вон той старой утке. Она здесь знатнее всех. Она испанской породы и потому такая жирная. Видите, у неё на лапке красный лоскуток. Как красиво! Это высшее отличие, какого только может удостоиться утка. Это значит, что её не хотят потерять,— по этому лоскутку её сразу узнают и люди и животные. Ну, живо! Да не держите лапки вместе! Благовоспитанный утёнок должен выворачивать лапки наружу, как

отец и мать. Вот так! Смотрите. Теперь наклоните головки и скажите: «Кряк!»

Они так и сделали. Но другие утки оглядели их и громко заговорили:

— Ну вот, ещё целая орава! Точно без них нас мало было! А один-то какой безобразный! Его уж мы никак не потерпим.

И сейчас же одна утка подлетела и клюнула его в шею.

— Оставьте его! — сказала утка-мать.— Ведь он вам ничего не сделал!

— Положим, но он такой большой и странный,— прошипела злая утка.— Ему надо задать хорошенько.

— Славные у тебя детки! — сказала старая утка с красным лоскутком на лапке.— Все очень милы, кроме одного... Этот не удался! Хорошо бы его переделать!

— Это никак невозможно, ваша милость! — ответила утка-мать.— Он некрасив, но у него доброе сердце. А плавает он не хуже, смею даже сказать — лучше других. Я думаю, со временем он выровняется и станет поменьше. Он слишком долго пролежал в яйце и потому не совсем удался.— И она почесала ему спинку и разгладила пёрышки.— Кроме того, он селезень, а селезню красота не так уж нужна. Я думаю, он вырастет сильным и пробьёт себе дорогу.

— Остальные утята очень, очень милы! — сказала старая утка.— Ну, будьте же как дома, а если найдёте угриную головку, можете принести её мне.

Вот утята и стали вести себя как дома. Только бедного утёнка, который вылупился позже других и был такой гадкий, задевали решительно все. Его клевали, толкали и дразнили не только утки, но даже и куры.

— Слишком велик! — говорили они.

А индийский петух, который родился со шпорами на ногах и потому воображал себя императором, надулся и, словно корабль на всех парусах, подлетел прямо к утёнку, поглядел на него и сердито залопотал; гребешок у него так и налился кровью.

Бедный утёнок просто не знал, что ему делать, куда деваться. И надо же ему было уродиться таким гадким, что весь птичий двор смеётся над ним!

Так прошёл первый день, а потом стало ещё хуже. Все гнали бедного утёнка, даже братья и сёстры сердито говорили ему: «Хоть бы кошка утащила тебя, несносный урод!» А мать прибавляла: «Глаза бы мои тебя не видали». Утки щипали его, куры клевали, а девушка, которая давала птицам корм, отталкивала его ногою.

Наконец утёнок не выдержал, перебежал двор — и через изгородь! Маленькие птички испуганно вспорхнули из кустов.

«Они испугались меня — такой я безобразный!» — подумал утёнок и пустился с закрытыми глазами дальше.

Он бежал до тех пор, пока не очутился в болоте, где жили

дикие утки. Здесь он пролежал всю ночь. Он устал, и ему было очень грустно.

Утром дикие утки поднялись из гнёзд и увидали нового товарища.

— Это что за птица? — спросили они.

Утёнок вертелся и кланялся во все стороны, как умел.

— Ну и гадкий же ты! — сказали дикие утки.— Впрочем, нам до этого нет дела, только не вздумай, пожалуйста, породниться с нами.

Бедняжка! Где уж ему было и думать об этом! Только бы позволили ему посидеть тут в камышах да попить болотной водицы.

Так просидел он в болоте два дня. На третий день туда прилетели два диких гусака. Они только недавно вылупились из яиц и поэтому очень важничали.

— Слушай, дружище! — сказали они.— Ты такой смешной урод, что, право, нравишься нам! Хочешь бродить с нами и быть вольной птицей? Здесь поблизости есть другое болото, там живут премиленькие дикие гусыни-барышни. Они умеют говорить: «рап, рап!» Ты такой урод, что, чего доброго, будешь иметь у них большой успех.

Пиф! паф! — раздалось вдруг над болотом, и оба гусака упали в камыши мёртвыми; вода покраснела от крови. Пиф! паф!— раздалось опять, и из камышей поднялась целая стая диких гусей. Пошла пальба. Охотники окружили болото со всех сторон; некоторые из них засели даже в нависших над болотом ветвях деревьев. Голубой дым облаками окутывал деревья и стлался над водой.

По болоту бегали охотничьи собаки — шлёп! шлёп! Камыш и осока качались из стороны в сторону.

Бедный утёнок был ни жив ни мёртв от страха. Он хотел было спрятать голову под крылышко, как вдруг прямо перед ним очутилась охотничья собака с высунутым языком и сверкающими злыми глазами. Она посмотрела на утёнка, оскалила острые зубы и — шлёп! шлёп! — побежала дальше.

«Не тронула,— подумал утёнок и перевёл дух.— Видно, я такой безобразный, что даже собаке противно съесть меня».

И он притаился в камышах. Над головою его то и дело свистела дробь, раздавались выстрелы.

Пальба стихла только к вечеру, но утёнок долго ещё боялся пошевельнуться.

Прошло несколько часов. Наконец он осмелился встать, осторожно огляделся и пустился бежать дальше по полям и лугам. Дул такой сильный ветер, что утёнок еле-еле мог двигаться.

К ночи он добежал до бедной избушки. Избушка до того обветшала, что готова была упасть, да не знала, на какой бок, потому и держалась.

Ветер так и подхватывал утёнка — приходилось упираться в землю хвостом.

К счастью, он заметил, что дверь избушки соскочила с одной петли и висит так криво, что можно свободно проскользнуть через эту щель в избушку. Так он и сделал.

В избушке жила старуха со своим котом и курицей. Кота она звала сыночком; он умел выгибать спину, мурлыкать и даже испускать искры, но для этого надо было погладить его против шерсти. У курицы были маленькие, коротенькие ножки, и потому её так и прозвали коротконожкой; она прилежно несла яйца, и старушка любила её, как дочку.

Утром чужого утёнка заметили. Кот начал мурлыкать, а курица клохтать.

— Что там? — спросила старушка.

Она осмотрелась кругом и увидела в углу утёнка, но по слепоте своей приняла его за жирную утку, которая отбилась от дому.

— Вот так находка! — сказала старушка.— Теперь у меня будут утиные яйца, если только это не селезень. Ну, да увидим, испытаем!

И утёнка приняли на испытание. Но прошло недели три, а яиц всё не было.

Настоящим хозяином в доме был кот, а хозяйкой курица, и оба всегда говорили: «Мы и весь свет!» Они считали самих себя половиной всего света, и притом лучшей половиной. Правда, утёнку казалось, что можно на этот счет быть и другого мнения. Но курица этого не допускала.

— Умеешь ты нести яйца? — спросила она утёнка.

— Нет.

— Так и держи язык на привязи!

А кот спросил:

— Умеешь ты выгибать спину, испускать искры и мурлыкать?

— Нет.

— Так и не суйся со своим мнением, когда говорят умные люди!

И утёнок сидел в углу нахохлившись.

Вдруг ему вспомнился свежий воздух, вспомнилось солнышко, и ему страшно захотелось поплавать. Он не выдержал и сказал об этом курице.

— Да что с тобой? — спросила она.— Бездельничаешь, вот тебе в голову и лезет всякая чепуха! Неси-ка яйца или мурлычь, дурь-то и пройдёт!

— Ах, плавать так приятно! — сказал утёнок.— Такое удовольствие нырнуть вниз головой в самую глубь!

— Вот так удовольствие! — сказала курица.— Ты совсем с ума сошёл! Спроси у кота — он умнее всех, кого я знаю,— нравится ли ему плавать и нырять. О себе самой я уж и не говорю! Спроси, наконец, у нашей старушки госпожи, умнее её уж наверно никого нет на свете! Она тебе скажет, любит ли она нырять вниз головой в самую глубь.

— Вы меня не понимаете! — сказал утёнок.

— Если уж мы не понимаем, так кто тебя и поймёт! Что ж, ты хочешь быть умнее кота и нашей госпожи, не говоря уже обо мне? Не дури, а будь благодарен за всё, что для тебя сделали! Тебя приютили, пригрели, ты попал в такое общество, в котором можешь кое-чему научиться. Но ты пустая голова, и разговаривать с тобой не стоит. Уж поверь мне! Я желаю тебе добра, потому и браню тебя. Так всегда узнаются истинные друзья. Старайся же нести яйца или научись мурлыкать да испускать искры!

— Я думаю, мне лучше уйти отсюда куда глаза глядят,— сказал утёнок.

— Ну и ступай себе! — отвечала курица.

И утёнок ушёл. Он плавал и нырял вниз головой, но все вокруг по-прежнему смеялись над ним и называли его гадким и безобразным.

Настала осень. Листья на деревьях пожелтели и побурели; ветер подхватывал и кружил их по воздуху. Стало очень холодно. Тяжёлые тучи сыпали на землю то град, то снег, а на изгороди сидел ворон и каркал от холода во всё горло. Брр! Замёрзнешь при одной мысли о таком холоде! Плохо приходилось бедному утёнку.

Раз под вечер, когда солнышко ещё сияло на небе, из-за леса поднялась целая стая чудных, больших птиц. Таких красивых птиц утёнок никогда ещё не видал — все они были белые, как снег, с длинными, гибкими шеями. Это были лебеди. Испуская какие-то странные крики, они взмахнули великолепными большими крыльями и полетели с холодных лугов в тёплые края, за синее море.

Они поднялись высоко-высоко, а бедного утёнка охватила непонятная тревога. Он завертелся в воде, как волчок, вытянул шею и тоже закричал, да так громко и странно, что сам испугался. Ах, он не мог оторвать глаз от этих прекрасных, счастливых птиц, а когда они совсем скрылись из виду, он нырнул на самое дно, выплыл опять и долго не мог опомниться. Утёнок не знал, как зовут этих птиц, не знал, куда они летят, но полюбил их, как не любил до сих пор никого на свете. Красоте их он не завидовал; ему и в голову не приходило, что он может быть таким же красивым, как они.

Он был бы рад-радёхонек, если б хоть утки не отталкивали его от себя. Бедный гадкий утёнок!

Зима настала холодная-прехолодная. Утёнок должен был плавать по воде без отдыха, чтобы не дать ей замёрзнуть совсем, но с каждой ночью полынья, в которой он плавал, становилась всё меньше и меньше. Морозило так, что даже лёд потрескивал. Утёнок без устали работал лапками. Под конец он совсем выбился из сил, растянулся и примёрз ко льду.

Рано утром мимо проходил крестьянин. Он увидел примёрзшего ко льду утёнка, разбил лёд своим деревянным башмаком и отнёс полумёртвую птицу домой к жене. Утёнка отогрели.

Дети вздумали поиграть с ним, но ему показалось, что они хотят обидеть его.

Он шарахнулся от страха и попал прямо в подойник с молоком. Молоко расплескалось. Хозяйка вскрикнула и замахала руками, а утёнок заметался по комнате, влетел в кадку с маслом, а оттуда — в бочонок с мукой.

Батюшки, на что он стал похож!

Женщина гонялась за ним с угольными щипцами, дети бегали, сшибая друг друга с ног, хохотали и визжали. Хорошо, что дверь была открыта,— утёнок выскочил, кинулся в кусты, прямо на свежевыпавший снег, и долго-долго лежал там почти без чувств.

Было бы слишком печально рассказывать про все беды и несчастья утёнка в эту суровую зиму.

Когда же солнышко опять пригрело землю своими тёплыми лучами, он лежал в болоте, в камышах. Запели жаворонки. Вернулась весна!

Утёнок взмахнул крыльями и полетел. Крылья его теперь были куда крепче прежнего, они зашумели и быстро понесли его вперёд. Не успел он опомниться, как очутился в большом саду. Яблони стояли все в цвету; душистая сирень склоняла свои длинные зелёные ветви над извилистым каналом. Ах, как тут было хорошо, как пахло весною!

И вдруг из чащи тростника выплыли три чудных белых лебедя. Они плыли так легко и плавно, точно скользили по воде. Утёнок узнал этих прекрасных птиц, и его охватила какая-то непонятная грусть.

— Полечу к ним, к этим величавым птицам. Они, наверное, заклюют меня насмерть за то, что я, такой гадкий, осмелился приблизиться к ним. Но пусть! Лучше погибнуть от их ударов, чем сносить щипки уток и кур, пинки птичницы да терпеть холод и голод зимою!

И он опустился на воду и поплыл навстречу прекрасным лебедям, которые, завидя его, замахали крыльями и тоже поплыли к нему.

— Убейте меня! — сказал бедный утёнок и низко опустил голову.

И вдруг в чистой, как зеркало, воде он увидел своё собственное отражение. Но теперь он был уже не гадким тёмно-серым утёнком, а белым лебедем.

Теперь утёнок был даже рад, что перенёс столько горя и бед. Он много вытерпел и поэтому мог лучше оценить своё счастье и всё то великолепие, которое окружало его. А большие лебеди плавали вокруг и гладили его своими клювами.

В это время в сад прибежали маленькие дети. Они стали бросать лебедям хлебные крошки и зёрна, а самый младший из них закричал:

— Новый прилетел! Новый прилетел!

И все остальные подхватили:

— Новый, новый!

Дети хлопали в ладоши и плясали от радости. Потом они побежали за отцом и матерью и опять стали бросать в воду крошки хлеба и пирожного. И дети и взрослые говорили:

— Новый лебедь лучше всех! Он такой красивый и молодой!

И старые лебеди склонили перед ним головы.

А он совсем смутился и спрятал голову под крыло, сам не зная зачем. Он вспомнил то время, когда все смеялись над ним и гнали его. А теперь все говорят, что он самый прекрасный среди прекрасных лебедей! Сирень наклоняла к нему в воду свои душистые ветви, а солнышко светило так тепло, так ярко... И вот крылья его зашумели, стройная шея выпрямилась, а из груди вырвался ликующий крик:

— Нет, о таком счастье я и не мечтал, когда был ещё гадким утёнком!

Джоэль Чендлер Харрис

(1848—1908)

БРАТЕЦ ЛИС И БРАТЕЦ КРОЛИК

Как-то вечером мама долго искала своего сынишку. Джоэля не было ни в доме, ни во дворе. Она услышала голоса в старой хижине дядюшки Римуса, заглянула в окно и увидела, что мальчик сидит рядом со стариком.

Мальчик прислонил голову к плечу дядюшки Римуса, во все глаза глядя в морщинистое ласковое лицо.

И вот что услышала мама.

— Гонялся, гонялся Братец Лис за Братцем Кроликом и так и этак ловчился, чтобы его поймать. А Кролик и так и этак ловчился, чтобы Лис его не поймал.

— Ну его совсем,— сказал Братец Лис.

И только вылетели эти слова у него изо рта, глядь, вот он скачет по дороге — гладкий, толстый и жирный Кролик!

— Эй, там, погоди, Братец Кролик! — сказал Лис.

— Некогда мне, Братец Лис.

— Мне с тобой поболтать охота, Братец Кролик.

— Ладно, Братец Лис. Только ты оттуда кричи, где стоишь, не подходи ко мне близко: блох у меня сегодня, блох!

Так сказал Братец Кролик.

— Я видел вчера Братца Медведя,— сказал Лис.— Он такую мне трёпку задал за то, что мы с тобой всё не ладим. Вы, говорит, соседи, должны жить дружно. Я обещал ему, что потолкую с тобой.

Тут Кролик поскрёб задней ногой за ухом, вроде как от радости, встал и говорит:

— Отлично, Братец Лис. Приходи ко мне завтра, пообедаем вместе. Ничего такого нет у нас дома, да жёнушка с ребятками пошарят, уж чего-нибудь да найдут, чем тебя угостить.

— Я с удовольствием,— сказал Лис.

— Ну, я буду ждать,— сказал Кролик.

Домой пришел Братец Кролик грустный-грустный.

— Что с тобой, муженёк? — спрашивает Матушка Крольчиха.

— Завтра в гости обещался прийти Братец Лис,— говорит Кролик.— Нужно нам держать ухо востро, чтобы он не застал нас врасплох.

На другой день Братец Кролик и Матушка Крольчиха встали ранёхонько, до света, и пошли в огород; набрали капусты, морковки и спаржи, состряпали знатный обед.

Вдруг один из Крольчат, которые играли во дворе, бежит и кричит:

— Ой, мама! Ма! Братец Лис идёт!

Тогда Кролик живо — детишек за уши и усадил их, а сам с Матушкой Крольчихой — у дверей, ждут Братца Лиса.

Ждут они, ждут — не идёт Лис.

Вот, немного погодя, выглянул Братец Кролик за дверь, потихонечку. Смотрит — из-за угла торчит самый кончик хвоста Братца Лиса. Тогда закрыл Кролик дверь, сел, лапки положил за уши и запел:

Если миску уронить —
Разобьётся миска.
Если близко лисий хвост,
Значит, близко Лиска.

Вот пообедали Братец Кролик, и Матушка Крольчиха, и все ребятки, и никто им не мешал. А потом приходит Братец Ёж и говорит:

— Братец Лис просит прощенья: он захворал, никак не мог прийти. Он просит, чтобы Братец Кролик пришёл к нему на обед.

Солнышко поднялось совсем высоко; тогда Кролик вскочил и побежал к дому Лиса. Прибегает, слышит — стонет кто-то. В дверь заглянул и видит: сидит Лис в кресле, весь закутанный в байковое одеяло, а вид у него слабый-слабый.

Глянул Кролик по сторонам — нигде не видно обеда. Миска стоит на столе, а рядом острый ножик.

— Никак на обед у тебя курочка, Братец Лис? — говорит Кролик.

— Да, Братец Кролик, а какая молоденькая да свеженькая! — говорит Лис.

Тут Кролик разгладил усы и сказал:

— Ты никак сготовил без укропа, Братец Лис? Что-то мне в горло не лезет курятина без укропа.

Выскочил Кролик из дверей и стрельнул в кусты; присел и ждёт Лиса.

Долго ждать не пришлось, потому что Лис сразу скинул байковое одеяло и за ним вдогонку. А Кролик кричит ему:

— Эй, Братец Лис! Вот я тут положил на пенёк укроп. Бери скорей, пока не увял!

Так он крикнул и поскакал дальше. И Братец Лис его не поймал.

Эрнест Сетон-Томпсон

(1860—1946)

РВАНОЕ УШКО

Сочная трава наклонилась и скрыла уютное гнездышко, в котором мать Рваного Ушка спрятала его. Она слегка прикрыла его подстилкой и, как всегда, велела ему «лежать смирно и ничего не говорить, что бы ни случилось». Однако, кролик, хотя и уложенный матерью в уютную постель, всё же не хотел спать, и его блестящие глазки зорко всматривались в маленькую частицу зелёного мира, расстилавшегося как раз над ним. Сойка и красная белка, два известных вора, громко бранились, обвиняя друг друга в воровстве, и куст, под которым находился домик Рваного Ушка, на миг стал местом битвы этих двух сварливых созданий. Потом малиновка поймала голубую бабочку перед самым носом кролика, а красная с чёрными крапинками божья коровка, спокойно пошевеливая своими узловатыми усиками, совершила длинную прогулку вверх по одному листочку травы и спустилась вниз по другому. Дальше путь её шёл прямо по морде Рваного Ушка. Но он не только не двинулся при этом, но даже не моргнул.

Немного погодя он услыхал какой-то странный шелест листьев в ближайшей чаще. Это был удивительный, непрерывный шорох. Хотя шорох как будто продвигался всё ближе и ближе, но никакого звука шагов не было слышно. Рваное Ушко прожил всю свою жизнь на болоте (ему исполнилось только три недели), но он ещё никогда не слыхивал ничего подобного. Конечно, его любопытство было сильно возбуждено. Его мать наказывала ему, чтобы он лежал как можно тише, но это было нужно лишь

на случай опасности. В странном шорохе, который не сопровождался звуком шагов, едва ли заключалось что-нибудь угрожающее, чего надо было бояться.

Шорох послышался совсем близко от него, затем повернул вправо, потом назад и как будто стал удаляться. Маленький кролик знал уже, что ему надо было делать. Он медленно приподнял своё кругленькое, как мячик, тельце на коротеньких пушистых лапках, высунул свою маленькую круглую головку из своего гнезда и заглянул в лес. При первом же движении, сделанном им, шорох тотчас же прекратился. Он ничего не увидел и потому шагнул вперёд. И тотчас же очутился лицом к лицу с огромной чёрной змеёй.

— Мама!.. — в смертельном испуге крикнул бедный маленький кролик, когда чудовище бросилось на него.

Он напряг все силы своих крошечных ножек, чтобы убежать, но змея с быстротой молнии схватила его за ухо и обвилась кольцами вокруг тельца беспомощного, маленького создания, пойманного ею на обед.

— Мама!.. Мама!..— пищал бедный маленький кролик, в то время как жестокое чудовище медленно душило его своими кольцами.

Конечно, крик маленького создания очень скоро должен был бы замолкнуть навсегда, но тут из глубины леса, как стрела, примчалась его мать. Это уже не была прежняя, робкая и беспомощная Молли Пушистый Хвост, готовая бежать даже от собственной тени. Материнская любовь придала ей силу. Крик её малютки вдохнул в неё мужество, и... гоп! — она перескочила через ужасное пресмыкающееся и так ловко хватила змею острыми когтями своих задних лап, что от этого удара змея вздрогнула и злобно зашипела.

— Мама!.. — слабо пискнул маленький кролик.

И мать его снова прыгнула и ещё сильнее и яростнее ударила когтями отвратительное чудовище, пока, наконец, оно не выпустило из пасти ухо своей жертвы, пытаясь укусить крольчиху-мать. Но змее достались лишь клочки Моллиной шерсти, между тем как в чешуйчатой кольчуге чёрной змеи уже стали выступать длинные кровавые полосы от яростных ударов когтей Молли.

Плохо приходилось змее. И вот она ослабила сжимавшие маленького кролика кольца. Рваное Ушко тотчас же выполз на свободу и проскользнул под кусты, задыхаясь, страшно испуганный. Он был невредим, только его левое ухо оказалось сильно изодранным зубами ужасной змеи.

Молли теперь достигла своей цели. Она вовсе не хотела сражаться ради славы или мщения. Она опрометью умчалась в чащу, и её малютка побежал за нею, следуя за её белоснежным блестящим хвостиком, служившим для него путеводной звездой, пока она не привела его, наконец, в безопасный уголок болота.

Редьярд Киплинг

(1865—1936)

ОТКУДА У КИТА ТАКАЯ ГЛОТКА

Это было давно, мой милый мальчик. Жил-был Кит. Он плавал по морю и ел рыбу. Он ел и лещей, и ершей, и белугу, и севрюгу, и селёдку, и селёдкину тётку, и плотичку, и её сестричку, и шустрого, быстрого вьюна-вертуна угря. Какая рыба попадётся, ту и съест. Откроет рот, ам — и готово!

Так что в конце концов во всём море уцелела одна только Рыбка, да и та Малютка-Колюшка. Это была хитрая Рыбка. Она плавала рядом с Китом, у самого его правого уха, чуть-чуть позади, чтобы он не мог её глотнуть. Только тем и спасалась. Но вот он встал на свой хвост и сказал:

— Есть хочу!

И маленькая хитренькая Рыбка сказала ему маленьким хитреньким голосом:

— Не пробовало ли ты Человека, благородное и великодушное Млекопитающее?

— Нет,— ответил Кит.— А каков он на вкус?

— Очень вкусный,— сказала Рыбка.— Вкусный, но немного колючий.

— Ну, так принеси мне их сюда с полдесятка,— сказал Кит и так ударил хвостом по воде, что всё море покрылось пеной.

— Хватит тебе и одного!— сказала Малютка-Колюшка.— Плыви к сороковому градусу северной широты и к пятидесятому градусу западной долготы (эти слова волшебные), и ты увидишь среди моря плот. На плоту сидит Моряк. Его корабль пошёл ко дну. Только и одёжи на нём, что синие холщовые штаны да подтяжки (не забудь про эти подтяжки, мой мальчик!), да охотничий нож. Но я должна сказать тебе по совести, что этот человек очень находчивый, умный и храбрый.

Кит помчался что есть силы. Плыл, плыл и доплыл куда сказано: до пятидесятого градуса западной долготы и сорокового градуса северной широты. Видит, и правда: посреди моря — плот, на плоту — Моряк и больше никого. На Моряке синие холщовые штаны да подтяжки (смотри же, мой милый, не забудь про подтяжки!), да сбоку у пояса охотничий нож и больше ничего. Сидит Моряк на плоту, а ноги свесил в воду. (Его Мама позволила ему болтать голыми ногами в воде, иначе он не стал бы болтать, потому что был очень умный и храбрый).

Рот у Кита открывался всё шире, и шире, и шире и открылся чуть не до самого хвоста. Кит проглотил и Моряка, и его плот, и

его синие холщовые штаны, и подтяжки (пожалуйста, не забудь про подтяжки, мой милый!), и даже охотничий нож.

Всё провалилось в тот тёплый и тёмный чулан, который называется желудком Кита. Кит облизнулся — вот так! — и три раза повернулся на хвосте.

Но как только Моряк, очень умный и храбрый, очутился в тёмном и тёплом чулане, который называется желудком Кита, он давай кувыркаться, брыкаться, кусаться, лягаться, колотить, молотить, хлопать, топать, стучать, бренчать и в таком неподходящем месте заплясал трепака, что Кит почувствовал себя совсем нехорошо. (Надеюсь, ты не забыл про подтяжки?)

И сказал он Малютке-Колюшке:

— Не понутру мне человек, не по вкусу. У меня от него икота. Что делать?

— Ну, так скажи ему, чтобы выпрыгнул вон,— посоветовала Малютка-Колюшка.

Кит крикнул в свой собственный рот:

— Эй, ты, выходи! И смотри веди себя как следует. У меня из-за тебя икота.

— Ну нет,— сказал Моряк,— мне и тут хорошо! Вот если ты отвезёшь меня к моим родным берегам, к белым утёсам Англии, тогда я, пожалуй, подумаю, выходить мне или оставаться.

И он ещё сильнее затопал ногами.

— Нечего делать, вези его домой,— сказала хитрая Рыбка Киту.— Ведь я говорила тебе, что он очень умный и храбрый.

Кит послушался и пустился в путь. Он плыл, и плыл, и плыл, работая всю дорогу хвостом и двумя плавниками, хотя ему сильно мешала икота.

Наконец вдали показались белые утёсы Англии. Кит подплыл к самому берегу и стал раскрывать свою пасть — всё шире, и шире, и шире, и шире — и сказал Человеку:

— Пора выходить. Пересадка. Ближайшие станции: Винчестер, Ашуэлот, Нашуа, Кини и Фичборо.

Чуть он сказал: «Фич!» — изо рта у него выпрыгнул Моряк. Этот Моряк и вправду был очень умный и храбрый. Сидя в животе у Кита, он не терял времени даром: ножиком расколол свой плот на тонкие лучинки, сложил их крест-накрест и крепко связал подтяжками (теперь ты понимаешь, почему тебе не следовало забывать про подтяжки!), и у него получилась решётка, которой он и загородил Киту горло. При этом он сказал волшебные слова. Ты этих слов не слышал, и я с удовольствием скажу их тебе. Он сказал.

Поставил я решётку,
Киту заткнул я глотку.

С этими словами он прыгнул на берег, на мелкие камешки и зашагал к своей Маме, которая позволяла ему ходить по воде босиком. Потом он женился и стал жить-поживать, и был очень

счастлив. Кит тоже женился и тоже был очень счастлив. Но с этого дня и во веки веков у него в горле стояла решётка, которую он не мог ни проглотить, ни выплюнуть. Из-за этой решётки к нему в горло попадала только мелкая рыбёшка. Вот почему в наше время Киты уже не глотают людей. Они не глотают даже маленьких мальчиков и маленьких девочек.

А хитрая Рыбка уплыла и спряталась в тине, под самым порогом Экватора. Она думала, что Кит рассердился, и боялась показаться ему на глаза.

Моряк захватил с собою свой охотничий нож. Синие холщовые штаны всё ещё были на нём, когда он шагал по камешкам у самого моря. Но подтяжек на нём уже не было. Они остались в горле у Ките. Ими были связаны лучинки, из которых Моряк сделал решётку.

Вот и всё. Этой сказке конец.

Аллан Милн

(1882—1956)

У ТИМОФЕЯ-ТИМА

У Тимофея-Тима
На ножках десять пальцев.
Чулки на десять пальцев
Натягивает Тим,
Наденет и сапожки,
И новые галошки —
И весь десяток пальцев
Гулять уходит с ним.

У Тимофея-Тима
Два синих-синих глаза.
Они всегда смеются,
Когда смеётся Тим.
А если мальчик болен
Иль чем-то недоволен,
То сразу
Оба глаза
Заплачут вместе с ним.

У Тима-Тимофея
На ручках десять пальцев,
И делают все пальцы,
Что им прикажет Тим.
Он сунет их в перчатки
На меховой подкладке,—
И десять пальцев в прятки
Зимой играют с ним.

У Тима-Тимофея
На ручках десять пальцев,
На ножках десять пальцев,
А голова одна.
Когда, зевая сладко,
Ложится он в кроватку,—
На мягкую подушку
Ложится и она.

Дональд Биссет

(Род. в 1910 г.)

ПРО ТИГРЁНКА БИНКИ, У КОТОРОГО ИСЧЕЗЛИ ПОЛОСКИ

Однажды тигрица-мама задумала испечь сладкий пирог. Она так усердно раскатывала тесто, что мука и сахарная пудра летали по всей кухне.

Как раз в это время родился тигрёнок Бинки. Тигрица-мама поглядела на него и удивилась:

— Где же твои полоски? Ну ничего, мы всё равно будем любить тебя и без полосок.

Но Бинки знал, что тиграм полагается быть полосатыми. И он, не теряя времени, побежал искать себе полоски.

Первым ему повстречался сержант. На рукаве у сержанта было целых три полоски.

— Дай мне, пожалуйста, одну полоску,— попросил у него Бинки.

— Стоять смирно, когда обращаешься к военному! — прикрикнул на тигрёнка сержант.— Нет у меня лишних полосок.

Бинки побежал дальше и увидел чугунную ограду. Какой-то человек красил её. Бинки подождал, пока он кончит, а когда человек ушёл, Бинки прислонился к ограде сначала одним боком, потом другим. Краска пристала к шерсти, и он стал полосатым.

Бинки бросился бегом домой, чтобы показать маме свои полоски. Но было очень жарко, сильно припекало солнце, и краска начала таять и капать на землю, так что скоро у Бинки опять не осталось ни одной полоски.

И тут он встретил зебру. Бинки замер от удивления: сколько полосок на одной-единственной спине!

Это же несправедливо!

Он сел и горько заплакал.

— О чём ты, малыш?— спросила его зебра.

— По...по...почему я не полосатый?

— Бедняжка,— сказала зебра и ласково лизнула тигрёнка.— А на вкус ты ничего, приятный.— И она лизнула его ещё раз. — Вроде сладкого пирога.

Она лизнула его ещё и ещё, и вдруг на спине у Бинки одна за другой появились чёрные полоски.

Он прибежал домой к маме и закричал:

— Мама! Ура, я полосатый!

— Правда! — обрадовалась тигрица-мама.— Ну кто бы мог подумать? Наверное, это сахарная пудра и мука засыпали твои полоски, когда я готовила сладкий пирог.

Тигрица-мама была очень довольна и пригласила зебру на чашку чая.

К чаю зебра получила охапку сена, а Бинки — кусочек сладкого пирога.

Федерико Гарсиа Лорка

(1886—1959)

ПЕЙЗАЖ

Вечер ошибся немножко –
холодом веет.

Дети взглянули в окошко:
уже темнеет.
А дерево затрепетало,
всё в жёлтых птицах.

И вечер спешит устало
к реке склониться.
Румяные яблочки — крыши
в лучах заката.

А ветер — всё выше и выше
летит куда-то.

ГЛУПАЯ ПЕСЕНКА

— Мама!
Я хочу, чтобы весь я серебряный был.
— Что ты, детка,
Тебе очень холодно будет.
— Мама!
Ну тогда я хочу быть водичкой!
— Детка,
Ведь тебе очень холодно будет.
— Мама,
Ну вышей меня на подушке!
— Что ж это можно,
Сейчас.

ПОЛУЛУНИЕ

Луна поплыла по речке.
Какое чистое небо!
Луна осторожно режет
нежные хлопья пены,
а веточка в зеркале лунном
видит своё отраженье.

Джон Чиарди

(Род. в 1916 г.)

О ТОМ, У КОГО ТРИ ГЛАЗА

У этого
Милого существа
Три глаза
И только одна голова.
Зато
Голова эта очень умна —
Всё время
Подмигивает она;
Красный,
Зелёный
И жёлтый глаз
Поочерёдно
Смотрят на вас.
Один из них
Говорит: И Д И!
Второй умоляет:
Чуть-чуть П О Д О Ж Д И!
А третий командует:
С М И Р Н О С Т О Й!
Закрыта дорога
Перед тобой.
Но если ты лошадь
Или трамвай,
Тогда, пожалуйста,—
Проезжай.

Один глаз
Погас,
Другой глаз
Погас,
И вот загорается
Т Р Е Т И Й Г Л А З.

При виде
Зелёного огонька
Мчат машины
Во весь опор.

И глядит,
Глядит на них свысока
УЛИЧНЫЙ...
светофор.

Морис Карем

(1899—1978)

МОЙ ЗМЕЙ

Унеси меня, мой змей,
Прямо в небо поскорей!

В небе я хочу кружиться,
В небе я хочу носиться,
И хочу я, словно птица,
Улететь за сто морей.

Унеси меня, мой змей,
Прямо в небо поскорей!

Я весь мир хочу увидеть,
Всех детей хочу увидеть,
Чтобы за руки нам взяться,
Чтобы вместе нам смеяться.

Унеси меня, мой змей,
Прямо в небо поскорей!

Я НАУЧИЛСЯ ПИСАТЬ

Когда написал я: *барашек,*
То стали курчавыми вдруг
Деревья, дома и заборы
И всё, что я видел вокруг.

Когда написал я в тетрадке
Короткое слово: *река,*
Взлетели весёлые брызги
И вырос дворец из песка.

Когда написал я: *поляна,*
Уселась пчела на цветок,
Две бабочки стали кружиться
И тут же попали в сачок.

Но если пишу я: *мой папа,*
Мне хочется прыгать и петь,
Я самый высокий и сильный,
И всех я могу одолеть.

МИРНАЯ СЧИТАЛКА

Раз-два-три-четыре-пять!
Всех чудес не сосчитать.
Красный, белый, жёлтый, синий,
Медь, железо, алюминий,
Солнце, воздух и вода,
Горы, реки, города,
Труд, веселье, сладкий сон.
А война пусть выйдет вон!

Робер Деснос

(1900—1944)

МУРАВЕЙ

Муравей восьмиметровый
Обзавёлся шапкой новой...
— Не бывает так! Не бывает так!—
Муравей в телеге длинной
Возит уток и пингвинов...
— Не бывает так! Не бывает так! —
Говорит он по-французски,
По-латыни, по-зулусски...
— Не бывает так! Не бывает так! —
Ну, а если так?

ЩУКА

Щука утром рано
Строила планы.
«Доплыву я до Нила,—
Она говорила,—
Доплыву я до Ганга...
И вообще я свободна
И могу путешествовать,
Куда мне угодно».

— Ну, а на Луну
Ты могла бы попасть?
Отвечай нам, щука,
Хвастливая щука,
Щука-путешественница,
Зубастая пасть!

Алэн Боске

(Род. в 1919 г.)

ТЫ ГРУСТИШЬ

Ты грустишь —
И на клумбе цветы почернели.
Ты грустишь —
И висят неподвижно качели.
Ты грустишь —
И трава стала злой и колючей...
Мой малыш,
В небе ясном не видно ни тучи.
Но грустишь ты —
И небо весеннее хмуро,
И деревья
Из сада уходят понуро,
Вслед за ними
Кусты исчезают из сада...
Как вернуть их?
Малыш, улыбнуться им надо!
И тогда все цветы оживут,

Станет мягкой трава,
Возвратятся деревья назад,
И кусты возвратятся,
И будут качели качаться
И к синему небу взлетят!

Джанни Родари

(Род. в 1920 г.)

ЧЕМ ПАХНУТ РЕМЕСЛА?

У каждого дела
Запах особый:
В булочной пахнет
Тестом и сдобой.

Мимо столярной
Идёшь мастерской —
Стружкою пахнет
И свежей доской.

Пахнет маляр
Скипидаром и краской.
Пахнет стекольщик
Оконной замазкой.

Куртка шофёра
Пахнет бензином.
Блуза рабочего —
Маслом машинным.

Пахнет кондитер
Орехом мускатным.
Доктор в халате —
Лекарством приятным.

Рисунок И. Кабакова.

Рыхлой землёю,
Полем и лугом
Пахнет крестьянин,
Идущий за плугом.

Рыбой и морем
Пахнет рыбак.
Только безделье
Не пахнет никак.

Сколько ни душится
Лодырь богатый,—
Очень неважно
Он пахнет, ребята!

КАКОГО ЦВЕТА РЕМЁСЛА?

Цвет свой особый
У каждого дела.
Вот перед вами
Булочник белый.

Белые волосы,
Брови, ресницы.
Утром встаёт он
Раньше, чем птицы.

Чёрный у топки
Стоит кочегар.
Всеми цветами
Сверкает маляр.

В синей спецовке —
Под цвет небосвода —
Ходит рабочий
Под сводом завода.

Руки рабочих —
В масле и в саже.
Руки богатых
Белее и глаже.

Нежные пальцы,
Светлые ногти.
Нет на них копоти,
Масла и дёгтя.

Знаешь: пускай у них
кожа бела,
Очень черны у богатых дела!

Йенс Сигсгорд

(Род. в 1910 г.)

ПАЛЛЕ ОДИН НА СВЕТЕ

Утро.

Палле проснулся в своей кроватке.

Наверное, ещё очень рано, потому что в доме совсем тихо. Но в окно ярко светит солнце, и спать больше не хочется.

Палле встаёт и на цыпочках идёт по коридору. Вот комната, где спят его папа и мама.

Он приоткрывает дверь и заглядывает в спальню. Никого не видно.

Палле подходит к маминой кровати, но кровать пуста.

Тогда он подходит к папиной кровати, но она тоже пуста.

Рисунок А. Унгермана.

Где же мама и папа?

Палле возвращается в свою комнату.

Но снова ложиться в постель не хочется. Лучше он оденется и пойдёт играть во двор.

Одеваться Палле умеет сам — ведь он уже совсем большой мальчик.

Но вот мыться он не очень любит и поэтому намыливает только самый кончик носа.

Потом Палле идёт в столовую, из столовой — в кухню, но папы и мамы нигде нет.

Вот интересно — Палле один во всей квартире!

Палле спускается по лестнице и выходит на улицу.

Вообще-то ему не разрешают выходить на улицу без спросу, но ведь папы и мамы нет дома. Палле пойдёт их искать.

На улице, прямо против подъезда, стоит трамвай.

Палле заглядывает в трамвайный вагон, но в вагоне никого нет. Нет даже кондуктора и вагоновожатого.

Куда же делись люди?

Палле заходит в молочную. Он хорошо знает продавщицу молочной. Но продавщицы за прилавком нет, и покупателей в магазине тоже нет.

На улице пусто и очень тихо. Машины не едут. Трамваи стоят. Прохожих нигде не видно.

Палле один на всём белом свете...

Палле заходит во все магазины подряд, но нигде никого нет — все люди куда-то исчезли.

В кондитерской Палле набивает себе рот шоколадом.

Он знает, конечно, что этого делать нельзя, но, раз он остался один на свете, кто ж его будет ругать?

Палле очень доволен, что остался один на свете.

Он заходит во фруктовый магазин и уплетает за обе щёки яблоки. Но ведь всего не съешь, и Палле запихивает в карманы два апельсина.

Однако куда же всё-таки делись люди?

За углом стоит ещё один трамвай. Это трамвай номер два.

Палле входит в вагон и садится на место вожатого.

Палле крутит руль, как будто он вагоновожатый.

Дзинь! Трамвай вдруг рванулся с места. Палле очень испугался. Но это ничего. Зато теперь он настоящий вагоновожатый, и его трамвай летит вперёд.

Палле надевает фуражку вожатого. Она ему так велика, что козырёк съезжает на самый кончик носа.

Палле никак не может дотянуться ногой до звонка, поэтому он сам выкрикивает:

«Дзинь-дзинь!»

Впрочем, этого и не нужно — ведь на улицах никого нет.

Палле очень рад, что остался один на свете. Теперь он может делать всё, что ему вздумается.

Трамвай несётся к центральной площади. Но вот Палле видит, что впереди на рельсах стоит другой трамвайный вагон, — дальше ехать нельзя.

Остановить трамвай — но как? Палле этого не знает и на полном ходу врезается в стоящий впереди вагон.

Трах!

Палле кубарем слетел с сиденья прямо на мостовую.

Он не ушибся, но зато трамвай разбит вдребезги. На нём теперь далеко не уедешь. Впрочем, если Палле захочет опять покататься, он может сесть в любой другой трамвай: трамваев на улице много.

...Палле заходит в парк, где он часто играл с другими ребятами.

Он шагает прямо по газону. Палле прекрасно видит дощечку с надписью:

По траве
не ходить!

Рисунок А. Унгермана.

Но не всё ли ему равно, раз он остался один на свете?

На детской площадке стоят качели. Палле с удовольствием покачался бы на качелях, но это не так-то просто: кто же сядет на другой конец доски?

Вот если бы здесь были Герда или Нильс!

Палле идёт дальше и видит большой красивый кинотеатр, где всегда показывают интересные картины. Палле входит в кинотеатр.

У Палле никто не спрашивает билета, но в зале совсем темно и картин не показывают.

Кто же будет их показывать, если на свете никого не осталось, кроме Палле?

...Оказывается, вовсе не так уж приятно быть одному на всём белом свете.

Палле соскучился по своим товарищам, по папе и по маме.

Особенно по маме.

Палле садится в красивый автомобиль и едет по городу: а вдруг где-нибудь всё-таки остались люди?

Наконец Палле подъехал к аэродрому.

Там стоял большой сверкающий самолёт.

Палле забрался в кабину самолёта и полетел высоко-высоко.

Самолёт поднялся до самых звёзд. Вдруг он обо что-то ударился. Это, конечно, был месяц.

Бедный Палле полетел вниз головой...

Палле закричал во всё горло — и проснулся. Он лежал в своей кроватке.

Оказывается, всё это ему только приснилось!

Тут вошла его мама:

— Палле, что с тобой? Почему ты плачешь?

— Ой, мама, мне приснилось, что я остался совсем один на свете! Я мог делать всё, что хотел, но мне стало так скучно одному... Как хорошо, что мне это только приснилось!

Палле вскочил с постели, оделся. И вот он уже в парке, на площадке со своими товарищами.

Как весело играть всем вместе!

Сайдзё Ясо

ДВЕ ПЕСНИ О КАРАНДАШЕ

I

Карандаш мой, карандаш,
Я точу тебя, точу,
Чтобы тоньше ты писал,
Рисовал красиво.

Я конец твой заострил,
Как рожок у месяца.
Тонко, тонко заострил,
Что крыло у ласточки.

Станешь тонким, как травинка,
Первая, весенняя.
Словно струйка дождевая
С утреннего облачка.

Станешь, тоньше, тоньше,
тоньше
Усика у бабочки.

Карандаш мой, карандаш,
Я точу тебя, точу.

II

Ворон, ворон на сосне,
Горный ворон на сосне,
Не видал ли ты случайно
Мой любимый карандаш?

Он красивый, он нарядный,
С золотою головой.
Платье синее, как небо,
Ярко-красный поясок.

Ворон, ворон на сосне,
Горный ворон на сосне,
Не видал ли ты случайно
Мой любимый карандаш?

Виджайкумар Джайн

ОБЕЗЬЯНКА

Я поймал тебя, обезьянка,
Будешь у меня жить!
Буду я спозаранку
Вкусно тебя кормить.

Что ж ты грустишь, обезьянка?
Ничего не ешь и не пьёшь.
Ты ведь не иностранка,
Ты ведь меня поймёшь...

Мне ясно всё, обезьянка:
Ты оттого грустишь,
Что у лесной полянки
Ждёт тебя твой малыш.

Что ж, убегай, обезьянка,
К сыну беги и не плачь...
Я сам доем это манго
И один поиграю в мяч.

Винодкумар Сута

ЕДЕТ ПОЕЗД

Где-то там
едет поезд,
Едет поезд,
едет.
Если встретит он муравьишку,
Он его
объедет.
Где-то там
едет поезд,
А машинист
правит,
Где-то там
едет поезд
И никого
не давит.

Ему не нужны ни вода,
Ему не нужны ни вода, ни уголь,
Ни стрелки,
ни рельсы,
ни шпалы,
Ему для езды только
сахар нужен,
И то совсем
мало.
Где-то там
едет поезд,
Эх, без пути и дороги.
Носят его босые колёса...
Простите,
босые ноги!

Бертольт Брехт

(1898—1956)

ЗИМНИЙ РАЗГОВОР ЧЕРЕЗ ФОРТОЧКУ

1

— Я — маленький воробей.
Я гибну, дети, спасите...
Я летом всегда подавал сигнал,
Чтоб сторож ворóн с огорода гнал.
Пожалуйста, помогите!
— Сюда, воробей, сюда!
Вот тебе, друг, еда.
Благодарим за работу!

2

— Я — дятел, пёстрый такой.
Я гибну, дети, спасите...
Всё лето я клювом стволы долбил,
Тьму вредных букашек поистребил.

Пожалуйста, помогите!
— Сюда, наш дятел, сюда!
Вот тебе, друг, еда.
Благодарим за работу!

3

— Я — иволга. Иволга я.
Я гибну, дети, спасите...
Ведь это я в прошедшем году —
Чуть сумерки — пела в ближнем саду.
Пожалуйста, помогите!
— Сюда, певунья, сюда!
Вот и тебе еда.
Благодарим за работу!

Джеймс Крюсс

(Род. в 1926 г.)

СНЕГОВИК НА МАСКАРАДЕ

Снеговика на Новый год
Привлек цветной плакат.
И вот он вечером идёт
На шумный маскарад.

Носатого Снеговика
Узнали все тотчас,
Ему кричат издалека:
— Вот это высший класс!

— Вот это маска, посмотри! —
Все мнения сошлись,
И вот Снеговику жюри
Вручает первый приз.

Аплодисментами смущён,
Сказал он: — Господа!
Простите, я таким рождён,
Я был таким всегда!

Я настоящий Снеговик!
— Не верим! — говорят.
— А ну-ка,— говорят ему,—
Снимите свой наряд!

Как вдруг — поверите ли вы? —
Кап-кап! Кап-кап! Кап-кап!
Он начал таять с головы,
Он вдруг совсем ослаб...

Хватают под руки его,
Он тает на глазах.
Уж он не видит ничего,
Уж силы нет в ногах.

— Я болен... Можно мне присесть? —
Чуть слышно он сказал.
— Там где-то холодильник есть!
— Скорей его в тот зал!

— Туда его! Туда его!
— На лёд без лишних слов! —
Он просидел там полчаса
И вышел жив-здоров.

— Ура-а!
— Спасибо, очень рад,—
Благодарит он всех
И, покидая маскарад,
Шагает прямо в снег.

Ганс Фаллада

(1893—1947)

СКАЗКА ПРО МАМИНУ СКАЗКУ

Жил-был маленький мальчик. Это был очень непослушный малыш — он ни за что не хотел есть кашу. Вот мама взяла и выставила его за дверь, а сама стала рассказывать послушным детям сказку.

Когда непослушный мальчик заметил, что мама в комнате рассказывает сказку, он сразу притих — ему ведь тоже очень хотелось послушать мамину сказку. Тут мама спросила его:

— Будешь теперь слушаться — будешь кашу есть? Тогда я и тебе расскажу свою сказку.

Но, как только малыш услыхал, что мама зовёт его, он сразу заупрямился, как козлик, и давай плакать. На его плач из норки выскочила мышка и спросила:

— Ты что это тут раскричался, малыш? Мои мышата подавятся салом — так ты их испугал.

Но малыш не растерялся, а сказал мышке:

— Это меня мама за дверь выставила, не разрешает мне слушать сказку. А если ты хочешь, чтоб твои детки не давились салом, ты прошмыгни под полом в столовую, а потом расскажешь мне сказку, которую мама сейчас рассказывает сестрёнке и братику.

Мышка так и сделала: пробралась под полом в столовую и стала слушать.

А мама мальчика, услыхав, что он больше не плачет, спросила его:

— Будешь слушаться — будешь кашу есть?

Но малыш подумал: «А зачем мне слушаться? Сейчас мышка вернётся и всё мне расскажет». И заревел ещё громче. Плакал-плакал он, а мышка всё не возвращалась, и малыш подумал: «Что-то мышка моя не идёт? Должно быть, мама очень интересную сказку рассказывает. Мышь совсем забыла про меня. Дай-ка я попрошу слетать в комнату вон ту муху, что сидит на окне. Пусть посмотрит, куда мышка девалась!»

Малыш позвал муху и сказал ей:

— Дорогая мушка-златобрюшка! Я послал в столовую мышку, чтобы она послушала мамину сказку. Но мышка до сих пор не вернулась. Будь добра, пролезь сквозь вон ту замочную скважину и посмотри, куда мышь девалась. А я за это отдам тебе завтра утром весь свой сахар. Ладно?

Муха согласилась, пролезла сквозь замочную скважину и исчезла. А мама малыша, услышав, что он опять замолчал, крикнула ему:

— Будешь теперь кашу есть — будешь слушаться?

Малыш подумал: «Ведь сейчас придут мышь и муха и расскажут мне мамину сказку. Зачем же мне тогда слушаться?» И как заревёт в ответ:

— Не хочу-у-у-у каши! Не бу-у-у-ду есть!

Но, поплакав так некоторое время, очень удивился, что ни мышь, ни муха не возвращаются. Тогда он решил: «Должно быть, это какая-нибудь особенная сказка. Мышь даже детишек своих забыла, а мушка-златобрюшка сахару не хочет. Ну, попробую в последний раз! И если опять ничего не узнаю, то придётся мне съесть кашу. Уж очень хочется послушать мамину сказку!»

И малыш крикнул муравью, как раз пробегавшему по половице:

— Молодой человек, а молодой человек! Вы такой стройный, такой тонюсенький, что вам совсем нетрудно проползти под дверью. Очень прошу вас: пожалуйста, поглядите, что делают в столовой мышь и муха. Я их послал послушать сказку, ту, что мама рассказывает моему братику и сестрёнке. Но только возвращайтесь поскорее, а то мне прямо не терпится — так хочется узнать!

Муравей ответил малышу:

— Так и быть, сделаю это для вас,— заполз под дверь и исчез.

А мама, услыхав, что малыш не плачет больше, крикнула из комнаты:

— Иди скорее к нам! Все хорошие дети получат теперь что-то очень вкусное.

А малыш подумал: «Муравей пришлёт сейчас ко мне мышь и муху — я и услышу мамину сказку»,— и как заорёт:

— Ничего не хочу! Даже самого вкусного не хочу-у-у-у!

Затопал ножками и заплакал пуще прежнего.

Но, поревев так немного, он всё же стал плакать тише потому, что у него уже горлышко заболело, да и потому, что он подумал:

«Это какая-то необыкновенная сказка! Ведь все трое — мышь, муха и муравей — совсем заслушались. Придётся мне съесть кашу».

И малыш совсем перестал плакать.

А мама теперь уже не звала непослушного малыша — она рассердилась на него. Вот малыш и подумал: «Наверное, мамочка сердится. Дай-ка я поскребусь в дверь. Может быть, она спросит, не хочу ли я стать послушным. Я, конечно, скажу, что хочу. Она и впустит меня».

И малыш тихонько поскрёбся в дверь.

Мама хорошо слышала, как он скребётся, но она не хотела разговаривать с непослушным малышом и не звала его больше.

Асен Босев

(Род. в 1913 г.)

ВОЛШЕБНАЯ КОРЗИНА

Дочке мать дала корзину:
— Набери в неё сатину,
Миткаля и ситца —
Всё нам пригодится.
Положи в неё платки,
Полотенца и носки,
Простыни, накидки,
И тесьму, и нитки,
Расписные
Покрывала,
Кружевные
Одеяла,
Блузки,
Кофточки,
Пижамы...
— Где же взять
Всё это, мама?
Я бегу,
Скажи скорее!
— В поле —
Там, где хлопок зреет...

ПРЕГРАДЫ

В класс Марийка опоздала.
Кто же в этом виноват?
— Ну, во-первых, одеяло
Встать с кровати не пускало!
Вот одна из трёх преград!
Ну и зеркало немного
Задержало на пути —
Надо ж было на дорогу
Мне косички заплести!
В-третьих, кружку молока
Ведь не выпьешь в два глотка?
А часы тебя не ждут —
Всё идут, идут, идут...

Калина Малина

(Род. в 1898 г.)

ПИСЬМО ДЕДУШКЕ

Здравствуй, милый дедушка!
Как ты без меня?
Кто тебе для трубки
Принесёт огня?
Кто поставит палку,
Кто откроет дверь?
Кто-то позаботится
О тебе теперь?
Кто тебе поможет
Грядки поливать?
Кот опять повадился
Брынзу воровать?!
Кто поймёт,
Как много у тебя тревог?
Как бы наш телёнок
Вдруг не занемог...
Как там поживает
Мой петух-драчун?
Без меня скучает
Старый пёс-ворчун?
А когда вернёшься
В избу со двора,
То кому ты скажешь:
«Внучек, спать пора!»?
И кому расскажешь,
Как ты в старину
Уходил из дома
С шашкой на войну?
Скоро я приеду,
Дедушка, домой.
Остаюсь с поклоном
Внук любимый твой.

Дора Габе

(1889—1965)

МОЯ СЕМЬЯ

Мама

Самое лучшее слово на свете — «мама».
Самая хорошая на свете мама — моя.
Я не могу обойтись без мамы, а она не может обойтись без

меня... Поэтому она не отпускает меня далеко, а когда идём в детский сад, держит за руку.

...Сегодня выходной, мама на работу не пошла. Мы в парке. Всё вокруг зелёное, и цветов много. Детей тоже много.

Мама сидит на скамейке и говорит с другой мамой, а мы куличики лепим. Всамделишные, из песка.

Мама смотрит на меня и смеётся. И цветы смеются. Мама очень добрая, когда улыбается.

И я улыбаюсь ей.

Работа

Сегодня воскресенье, но папа с мамой работают с самого утра. Мама убирает квартиру, папа чинит окно.

— Ты почему бездельничаешь? — спрашивает папа.

Мне обидно до слез.

— Мам, дай сумочку, я в магазин пойду.

— Держи,— говорит мама и даёт мне сумку.

Я всё купила правильно: и хлеб и простоквашу. Только вот сдачу куда-то задевала.

— Ничего,— говорит папа,— переживём. В следующий раз будешь аккуратнее, а пока вот тебе лейка. Поливай цветы.

Я стала поливать цветы; все полила, только немножко на пол протекло.

— Ничего,— говорит мама,— это не страшно. Лужу я сейчас вытру, а пока вот тебе веник и совок. Подметай.

Я стала подметать, споткнулась и ударилась коленкой.

— Не страшно,— говорит папа,— коленка заживёт. Главное, что ты сегодня работала.

Витезслав Незвал

(1900—1958)

Я НА ВСЕХ ОБИЖУСЬ

Я на всех обижусь. В Африку уеду.
Конь мой деревянный
Отвезёт меня.
Будут апельсины в Африке к обеду.
Я совсем не буду
Ни о ком скучать.
Конь заржёт тихонько.

Плакать мы не станем,
Если и взгрустнётся
Нам когда-нибудь.
Радужные бабочки
Пролетят над нами
И расскажут сказки,
Тихие, как сны.

Франтишек Грубин

(1910—1966)

КАЧЕЛИ

Боженке купили на праздник качели.
Качается, жадина, больше недели,
С утра и до вечера дни напролёт,
А нам покачаться она не даёт.
Зато в зоопарк посмотреть на слона
Я с другом ходил, а Боженка — одна.

ЛИСТОПАД

Жёлтый, красный листопад —
Листья по ветру летят.
Что случится с нашим садом,
Если листья облетят?

Мягким лёгким покрывалом
Белый снег застелет сад,

...Только солнце будет алым.

СЛЁЗЫ

Пусть плачет, если
хочет, кто-то.
Я не плачу. Неохота,

И мне за плачущих обидно,
Сквозь слёзы солнышка
не видно.

РОМАШКИ

Белые ромашки-сестрички,
У ромашек белые реснички.
Пляшут ромашки среди луга.
До чего похожи друг на друга!

Мальчик-ветер в дудочку дует,
Он с ромашками польку танцует.
Потанцует, улетит ветер:
Мало ли ромашек на свете.

Юлиан Тувим

(1894—1953)

ПИСЬМО КО ВСЕМ ДЕТЯМ ПО ОДНОМУ ОЧЕНЬ ВАЖНОМУ ДЕЛУ

Дорогие мои дети!
Я пишу вам письмецо:
Я прошу вас мойте чаще
Ваши руки и лицо.

Всё равно какой водою:
Кипячёной, ключевой,
Из реки, иль из колодца,
Или просто дождевой!

Нужно мыться непременно
Утром, вечером и днём —
Перед каждою едою,
После сна и перед сном!

Тритесь губкой и мочалкой!
Потерпите — не беда!
И чернила и варенье
Смоют мыло и вода.

Дорогие мои дети!
Очень, очень вас прошу:
Мойтесь чище, мойтесь чаще —
Я грязнуль не выношу.

Не подам руки грязнулям,
Не поеду в гости к ним!
Сам я моюсь очень часто.
До свиданья! Ваш Тувим.

ЯНЕК

Жил на свете Янек,
Был он неумён.
Если знать хотите —
Вот что делал он:

Ситом черпал воду,
Птиц учил летать,
Кузнеца просил он
Кошку подковать.

Комара увидев,
Брался за топор,
В лес дрова носил он,
А в квартиру — сор.

Он зимою строил
Домик ледяной:
— То-то будет дача
У меня весной!

В летний, знойный полдень
Он на солнце дул.
Лошади уставшей
Выносил он стул.

Как-то он целковый
Продал за пятак.
Проще объяснить вам:
Янек был чудак!

ВСЁ ДЛЯ ВСЕХ

Каменщик строит жилища,
Платье — работа портного.
Но ведь портному работать
Негде без тёплого крова!

Каменщик был бы раздетым,
Если б умелые руки
Вовремя не смастерили
Фартук, и куртку, и брюки,

Пекарь сапожнику к сроку
Сшить сапоги поручает.
Ну, а сапожник без хлеба
Много ль нашьёт, натачает?

Стало быть, так и выходит:
Всё, что мы делаем,— нужно.
Значит, давайте трудиться
Честно, усердно и дружно.

Ян Бжехва
(1900—1966)

ВОЛШЕБНИК КОВАЛЬСКИЙ

...В Варшаве, на стройке,
В соседнем квартале
Мне встретился каменщик.
Все его звали
Всегда по фамилии —
Просто Ковальский.

...В опрятной спецовке,
Он строил дома
Для обычных людей —
А был он волшебник.
Да-да!
Чародей!

Смотрите:
Он камня коснулся руками —
И камень
Послушно ложится на камень...
Вот выросли стены.
Вот здание встало.
Дома за домами,
Квартал за кварталом
Встают из развалин.
В бетоне и стали —
Проспекты, и площади,
И магистрали.
Шумят на бульварах
варшавских
Каштаны,
Ребята играют
И плещут фонтаны...
И встал, словно в сказке,
Наш город — Варшава
Свободной столицей
Свободной державы!

А что же Ковальский,
Чудесный строитель?
Он тот же —
Варшавы обычнейший житель.
Да, он всё такой же:
Весёлый и ловкий,
В поношенной кепке,
В опрятной спецовке,
Вы можете встретить его
На Сувальской.
Да здравствует
Славный волшебник
Ковальский!

Йован Йованович-Змай
(1833—1904)

ЧАСЫ

На столе часы лежат,
Подошёл мой младший брат.
Увидал — часы лежат.
Интересно!

Взял часы мой младший брат.
А часы в руке лежат
И тихонько говорят:
«Тик-так, тик-так!»

И решил мой младший брат:
— Молока они хотят,
Потому и говорят:
«Тик-так, тик-так!»

Взял он чашку молока,
Окунул часы слегка.
И теперь они молчат.
Сыты. Больше не хотят!

Драган Лукич

(Род. в 1929 г.)

ЧТО ТУТ БЫЛО!

Что тут было!
Что тут было!
Всполошился
Весь Белград.
Старший лев
Удрал недавно
Из зверинца
Говорят.

Все машины
И трамваи,
Все телеги
И такси
Точно зайцы
Врассыпную!
Тут пощады не проси —
Живо ноги уноси!

Люди лезут
В окна,
В двери!
Поскорей!
Поскорей!
Кто там ме́длит?
Эй, тетери!
Появился
Царь зверей!

Лезут в дом,
Кричат,
Галдят,
А потом
В окно глядят.
Тут и там
Пошла молва:
Надо нам
Задобрить льва!

Вот выносят пекаря́
Для звериного царя
Горы булок,
Кренделей:
Кушай, кушай,
Царь зверей,
А людей
Пожалей!

Вот кондитеры выносят
Горы шоколада,
Горы мармелада:
Кушай, лёва,
Шоколад,
Кушай, лёва,
Мармелад,
А людей —
Не надо!

Только лев
Не пил, не ел,
Смирно он
В кино сидел.
Фильм про Африку родную,
Чуть не плача,
Он смотрел.

КАКИЕ ОБЯЗАННОСТИ У БАБУШКИ

Конечно, бабушки должны
Вязать носки и рукавицы.
Но из-за порванных штанов
Должны ли бабушки сердиться?
Конечно, бабушки должны
Держать домашнюю аптечку.
Но за внучатами они
Должны ли следовать на речку?
Конечно, бабушки должны
Печь булки, плюшки и оладьи.
Но у внучат своих они
Должны ли проверять тетради?
Конечно, бабушки должны
Всегда иметь с собой конфеты.
Но нужно ль, чтоб тебе и мне
Давали бабушки советы?

Тудор Аргези

(1880—1967)

ГОРЕСТНЫЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ

Каждый день приносит Баруцу новые разочарования. Всё в жизни происходит не так, как ему хочется. Его поражает, до чего неустойчивы предметы, которые стоят на ножках или на колёсиках. Мальчик совершенно растерян: что бы он ни делал, всё у него выходит шиворот-навыворот.

Баруцу взбирается на спинку стула, чтобы достать со шкафа скрипку, а вместо этого грохается на пол. И случается это как раз тогда, когда Баруцу уже дотронулся кончиками пальцев до грифа скрипки. Словно кто-то нарочно его толкнул, чтобы он упал. Баруцу хватает в руки палку, чтобы поколотить стул, но ударяет сам себя по голове. А вздумает мальчик кому-нибудь пожаловаться на то, что у него нос поцарапан и губа вспухла, его же за это и бранят. Все будто сговорились обижать его.

Но самое обидное то, что ему же потом задают всякие вопросы: «Почему ты встал на стул?», «Почему ты полез за скрипкой?» «Почему» да «Почему»!..

Сидя за обеденным столом Баруцу пытается разрезать куриное крылышко ножом и вилкой, которые ему подарил дедушка,

как вдруг тарелка слетает на пол, забрызгав всю стену соусом и заляпав её гарниром из нашинкованной моркови. Вся семья бросается на выручку, пытаясь спасти что можно. А выходит ещё хуже. Стакан с газированной водой проливается в перечницу. Мама, как бельё, выжимает шёлковую юбку, которую надела впервые, а папа стряхивает морковь и лапшу с галстука, размазывая их по жилетке. Мама кричит: «Негодник! Что мне с тобой делать?!» А папа, вытаскивая лапшинки из усов, говорит умиротворяюще: «Ничего не поделаешь, случается».

Как-то раз Баруцу раздобыл молоток и гвоздь и без всякого злого умысла попытался вбить гвоздь в зеркало. Гвоздь, конечно, внутрь не вошёл... а зеркало почему-то лопнуло, словно рассечённое молнией, и покрылось трещинами.

Такую проделку никак не скроешь. Баруцу тайком раздобыл на кухне пробку и верёвочку, чтобы починить зеркало, но у мальчика ничего не вышло. Наверное, потому, что он ещё слишком маленький. Да и инструментов у него всего — молоток да гвоздь. Нет ни станка, ни рубанка, ни пилы, ни жести. Баруцу пытался склеить зеркало слюной, но оно не склеилось. Теперь из зеркала на Баруцу смотрит какой-то мальчик с двумя носами и четырьмя губами.

...Тут его нашли.

Чем это кончилось, лучше не вспоминать. Оставим мальчика пока в углу, куда его поставила мама, обозвав самыми обидными словами: «горе моё», «негодник», «разбойник».

Октав Панку-Яшь

(1929—1975)

МУЖЧИНА В ДОМЕ

«Добрый вечер, уважаемые телезрители! Завтра ожидается прекрасная погода. Оставьте дома зонтики, галоши и болоньи, можете смело идти на улицу без пиджаков. Солнце будет припекать весь день, будет не меньше миллиона градусов. Так что не раздумывайте, отправляйтесь на пляж, в лес, куда хотите,— обидно сидеть дома в такую погоду. До свиданья, уважаемые телезрители, до завтра! Завтра мы увидимся в это же время, и я вам скажу, что было и что будет».

Когда на другой день мама и папа собрались уходить, мама взяла с собой зонтик, папа надел болонью, и оба они велели сыну сидеть дома, потому что со стороны Клужа надвигаются тучи и будет дождь. Ой-ой, какой страшный будет дождь!

Рисунок В. Васильева.

Дождь и вправду пошёл, но не сразу. Когда он полил, всё уже было нормально. Я хочу сказать, что у мальчика уже не было никаких забот. Он смотрел в окно на дождь и нисколечко не тревожился, пусть его льёт вовсю!

Но что делалось перед дождём! Кругом вдруг потемнело, стало так темно, как в кладовке или под кроватью; не совсем черно, как ночью или как в туннеле, кое-что всё же было видно. Засверкали молнии, загремел гром. Ой, мама, какие молнии, какой гром! Бабушка напугалась, ой, мама, как напугалась ба-

бушка. И Тузик испугался, залез под книжный шкаф и даже хвостиком не шевелил.

...Так вот, великое дело, когда в доме есть мужчина!

Пускай на улице темным-темно, пусть гремит гром и сверкает молния хоть тысячу лет! Если в доме есть настоящий мужчина, тогда тебе всё нипочём.

Если, скажем, ты бабушка и не знаешь, куда деваться от страха, мечешься по комнатам и приговариваешь: «Ой, господи, вот беда-то!» — приходит мужчина и говорит тебе: «Успокойся, бабуля! Ничего страшного нет. Не бойся молнии, у нас на крыше есть громоотвод. Я сам его видел, когда лазил туда с дядей Фане ставить антенну. Молния ударяется о громоотвод и разбивается, как яйцо, а потом тихонечко утекает в землю. Одно удовольствие смотреть! Ну, а гром — это просто шум и больше ничего. Что-то такое, чего вообще как будто и нет, правда-правда! Зачем расстраиваться и ходить по комнатам? Смотри, ты вон туфлю потеряла! Тебе подарил её папа в день рождения. Подарил-то он две, не одну, у тебя тогда очень болели мозоли, помнишь? И никакой беды нет, честное слово. Я тебе дам журнал, замечательный журнал, ты посмотри картинки. Там миллион картинок, на них нарисованы всякие автомашины. Ты со смеху пропадёшь, как увидишь, до чего прежде были чудные машины. Гудок у них не внутри, а снаружи, колёса со спицами, как у велосипеда. Обхохочешься!

Если, скажем, ты — Тузик, самый тощий и лохматый щенок на нашей улице, и если ты спрятался от грома и молний под шкаф, приходит мужчина, берёт тебя на руки, дует тебе в испуганные твои глаза и чешет тебе за ухом...

И вот уже молнии сверкают всё реже, гром грохочет всё дальше и дальше, и начинается дождь. Тогда звонит телефон, мальчик снимает трубку и слышит мамин голос. Мама спрашивает его, как там дома, не испугался ли он дождя. «Дома всё нормально,— отвечает мальчик.— Кто и почему испугается дождя? Бабушка смотрит журнал, умирает со смеху, такие там на картинках смешные автомашины: гудок у них снаружи, а колёса со спицами, как у велосипеда. И Тузик ведёт себя хорошо. Он уснул, и ему, наверное, снится, что нашёлся зелёный мячик, с которым он любил играть. На самом деле мячик-то не нашёлся и не найдётся, его кто-то украл, только пусть Тузик об этом не знает».— «Хорошо,— говорит мама.— Великое дело, когда в доме есть мужчина!»

А дождь всё льёт и льёт. Мальчик включает телевизор, и опять появляется тот товарищ с палочкой в руке. Он здоровается и говорит, что идёт дождь, как будто другие не видят и, главное, как будто это не он вчера говорил, что дождя не будет. Ну надо же!

Ева Яниковская

(Род. в 1926 г.)

А ТЫ ЗНАЕШЬ?

Вы, наверное, видели на углу большого перекрёстка стеклянную будку, похожую на перевёрнутый стакан? В будке сидит человек, он время от времени нажимает кнопку. Это и есть мой папа. Он милиционер. Ему на перекрёстке подчиняются все:

и люди,
 и трамваи,
  и троллейбусы,
   и машины,
    и даже собаки (если они не бродячие).

Папа нажимает кнопку — на светофоре вспыхивает красный свет: значит, все, кто движется в эту сторону, должны остановиться:

и люди,
 и трамваи,
  и троллейбусы,
   и машины,
    и собаки (все до одной).

Папа нажимает другую кнопку — вспыхивает жёлтый свет, он говорит: «Внимание, внимание! Приготовьтесь, не двигайтесь с места!»

Папа нажимает третью кнопку... и на зелёный свет

идут люди,
 едут трамваи,
  троллейбусы
   и бегут собаки.

Бывает, что светофор портится. Тогда папа вылезает из будки, берёт в руки полосатую милицейскую палку и становится в центре перекрёстка. Взмах — машины едут направо. Другой — все движутся налево. Палка поднята вверх. Это значит «жёлтый свет». Все останавливаются.

Представляете, что было бы, если бы папа стоял на посту не в милицейской форме, а в обычном сером костюме? Его просто задавили бы. Бросились бы все гурьбой, и никто бы его не слушал. Что бы тогда делали все дяди и тёти, которые так спешат? Кто бы командовал троллейбусами и мотоциклами?

Нет. Я непременно стану милиционером. Буду стоять на посту:

летом, когда жара,
зимой в метель,
дождливой осенью
и ясной весной.

Николас Гильен

(Род. в 1902 г.)

ПЕСЕНКА ДЛЯ ДЕТЕЙ АНТИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ

По Карибскому синему морю
мчится бумажный кораблик мой,
мчится и мчится без рулевого,
мчится стрелой.

Вот Портобело, а вот Гавана,
вот Тринидад, а вот Барбадос.
Мчится кораблик без капитана
и без колёс.

А на корме сидит негритянка,
а на носу испанец стоит.
Прямо, всё прямо летит кораблик
и не дымит.

Он проезжает за островом остров,
всё острова, острова, острова...
Мчится и мчится, а пассажиров —
глянь! — только два.

Выстрел из сахарной, сахарной пушки
грянул над морем кораблику вслед,
и шоколадная ладная пушка
бьёт ей в ответ.

Что за чудесный бумажный кораблик,
что за чудесный кораблик морской!
Весь из газеты, чёрный и белый,
мчится стрелой!

Едет и едет на нём негритянка,
рядом испанец с нею стоит.
Мчится кораблик без рулевого
и не дымит!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ, ЧТОБЫ РАЗБУДИТЬ МАЛЕНЬКОГО НЕГРА

Воркует голубь,
присев на крыше:
— Вставай, чернуша,
солнце всё выше.
Уже никто не спит
и дома не сидит:
ни крокодилы,
ни обезьяны,
ни мотыльки,
ни пеликаны.
Солома, кружка,
паук, оконце...
Вставай, чернушка,
навстречу солнцу!

Мирта Агирре

(Род. в 1912 г.)

НЕДЕЛЯ

(Считалка)

Раз-два, раз-два, раз-два-три,
вслед за мною говори:

В понедельник, вторник, среду
в гости к бабушке поеду,
а в четверг и пятницу —
дрожки к дому катятся,
за субботой — воскресенье,
в этот день пекут печенье!

Раз-два, раз-два, раз-два-три,
всю считалку повтори.

ПЕСНЯ

Моряк с горизонта,
из дали морской,
скажи, ты откуда,
из сказки какой?
О чём ты поёшь, моряк,
вёсла держа в руках?
— Когда одиноко мне,
о море пою,
о волне,
и ещё — о родной
стороне...

Жамбын Дашдонг

(Род. в 1941 г.)

КАКИМИ БУДУТ СОСЕДСКИЕ РЕБЯТИШКИ

Ребятишки, ребятишки
Будут старыми людьми:
Старичками все мальчишки,
Девочки — старушками...

А соседский сын Батор —
Будет дедушка батыр!
Утром будет он вставать,
Сразу будет воевать
И Энхé — свою сестричку —
Будет дёргать за косичку!

Будет девочка Энхе
Старой бабушкой — кхе-кхе!

И когда она поскачет
И споткнётся и заплачет...
Скажут ей:
— Энхе-гуай [1]
На конфетку
И вставай!

Фам Хо

(Род. в 1926 г.)

БЛАГОДАРНЫЙ ЩЕНОК

Считая, что у всех на свете
Любимое лакомство — мясо,
Чёрный щенок своему брату
Сказал, как папа, басом:

---

[1] Гуáй — уважительное обращение.

— Знаешь, телёнок — самый добрый,
Он мясо всегда оставляет нам,
А сам жуёт, даже страшно подумать,
Траву, бродя по лугам,—
Зелёную и невкусную...
Как я ему сочувствую!

ГЛУПЫЕ ЖЕРЕБЯТА

Новыми подковами
папа-конь
Из дороги каменной
высекал огонь.
Вдруг он слышит крики
жеребят:
— Папа! Папа, ноги
у тебя горят!

СОДЕРЖАНИЕ

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Русское устное народное творчество

Песенки, пестушки, потешки

Считалки

Песенки и сказки народов СССР

30 Зак. 1297

Песенки и сказки народов зарубежных стран

Песенки

Сказки

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX И НАЧАЛА XX В.

Поэзия

А. С. Пушкин

В. А. Жуковский

Н. А. Некрасов

Ф. И. Тютчев

А. К. Толстой

СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ ЛЕНИНЕ

С. П. Алексеев

С. В. Михалков

В. В. Маяковский

С. Я. Маршак

К. И. Чуковский

А. П. Гайдар

Л. А. Кассиль

Б. С. Житков

С. В. Михалков

А. Л. Барто

М. Ильин, Е. Сегал

В. П. Катаев

М. М. Пришвин

К. Г. Паустовский

В. В. Бианки

Е. И. Чарушин

Л. Ф. Воронкова

Н. Н. Носов

Составители:

Мария Константиновна Боголюбская
Анна Львовна Табенкина

ХРЕСТОМАТИЯ ПО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Редактор **Т. Б. Слизкова**

Оформление **А. Яковлева**

Художественный редактор **Л. Ф. Малышева**

Технические редакторы **В. Ф. Коскина, В. В. Новоселова**

Корректор **Л. А. Козлова**

ИБ № 3562

Сдано в набор 31.10.78. Подписано в печать 16.10.79. А 03894. $60\times90^1/_{16}$. Бум. офсетная № 2. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,0+1,0 вкл. цв.+0,25 форзац. Уч.-изд. л. 25,34+0,89 вкл. цв.+0,21 форзац. Тираж 300 000 (150 001–300 000) экз. Зак. 619. Цена 1 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

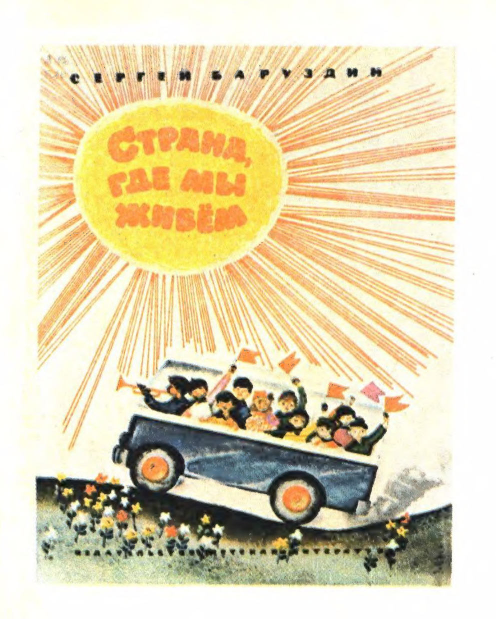
Ордена Трудового Красного Знамени типография издательства ЦК КП Белоруссии. Минск, Ленинский проспект, 79.

Ш. ПЕРРО
КРАСНАЯ
ШАПОЧКА

РУССКИЕ
СКАЗКИ

НАШИ СКАЗКИ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

ЛАДУШКИ

СЕРГЕЙ БАРУЗДИН
Страна, где мы живём

Николай НОСОВ
Фантазёры
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

Юван Шесталов
Мы живём на Севере
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

МОРИС КАРЕМ
Радость
Издательство Детская литература

1 р.